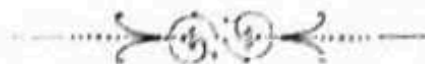

СТАРИННЫЕ МОНАСТЫРИ

Мѣдскаго Края.

-
- I. Мужескій Богородице-Алексѣевекій монастырь.
 - II. Женскій Христорожественскій въ г. Томскѣ.
 - III. Мужескій Христорожественскій въ г. Кузнецкѣ.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1898.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

Редакторъ, Ректоръ Университета, *Проф. А. Судаковъ.*

Предисловіе.

Предлежащій трудъ написанъ почти исключительно по даннымъ, почерпнутымъ изъ архива Томскаго Алексѣевскаго монастыря и только частію изъ архива Томской Дух. Консисторіи.

Во многихъ случаяхъ старыя бумаги монастырскаго архива полунстлѣли и уже по одному этому пользованіе ими сопряжено съ большими трудностями.

Трудности увеличиваются еще отъ того, что монастырскіе архивные документы, никогда и никѣмъ не описанные, завязаны въ связки безъ системы ни по отношенію къ хронологіи, ни къ ихъ предметному содержанію. Случалось, что одно и тоже дѣло своими отдѣльными частями было раскидано по разнымъ связкамъ.

Естественно, что при неудобствахъ пользованія матеріаломъ, въ нашей работѣ найдутся гдѣ нибудь недосмотры, а иногда, можетъ быть, болѣе или менѣе важныя ошибки.

Необходимо принять во вниманіе еще другое, очень существенное обстоятельство. Множества документовъ, составлявшихъ въ прежнее время несомнѣнное достояніе Томскаго монастырскаго архива, въ настоящую пору въ немъ нѣтъ. Куда документы дѣвались, этотъ вопросъ насъ не касается. Но отсутствіе ихъ не могло не отразиться очень ощутительными пробѣлами въ нашемъ описаніи. Архивныхъ показаній о жизни Томскихъ монастырей за XVII и начало XVIII в. мы лишены почти совсѣмъ. Да и въ позднѣйшемъ обзорѣни, за недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній, намъ нерѣдко доводится прибѣгать къ догадкамъ.

Врема и усилія, потраченныя нами на то, чтобы и ^идобавить архивный матеріаль о монастыряхъ, и затѣмъ посильно его разработать, надѣемся, искупаются интересомъ предмета, на которомъ мы остановили свое вниманіе.

ТОМСКІЙ БОГОРОДИЦЕ-АЛЕКСѢВСКІЙ МУЖСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Извѣстно, что законъ объ отобраніи церковныхъ и монастырскихъ имѣній (26 февраля 1764 г.) въ матеріальномъ положеніи большинства русскихъ православныхъ обитателей произвелъ огромное измѣненіе. Въ судьбѣ же Томскаго Алексѣвскаго монастыря онъ сказался рѣшительнымъ переворотомъ. Сообразно съ тѣмъ, свое историческое обозрѣніе о послѣднемъ мы дѣлимъ на двѣ части, полагая рубежомъ между ними время изданія именно этого законодательнаго акта.

1.

Первый въ Томскѣ монастырь—Успенскій.—Его кратковременное существованіе.—Время возникновенія Томскаго Богородице-Алексѣвскаго монастыря.—Отсутствіе свѣдѣній объ его основателѣ.—Его первоначальное мѣстоположеніе за городомъ.—Каалмыцкія и киргизскія вторженія въ Томскій уѣздъ и къ самому Томску.—Перенесеніе монастыря на новое мѣсто около Томской крѣпости и ближайшіе къ тому поводы.

У сибирскаго исторіографа Миллера мы встрѣчаемъ любопытное сообщеніе, что первый мужскій монастырь былъ устроенъ въ Томскѣ по благословенію перваго сибирскаго архіерея Кипріана Старорусенкова въ 1621 или 1622 г. Онъ былъ воздвигнутъ въ честь Успенія Божіей Матери и потому назывался Успенскимъ*). Извѣстіе Миллера повторено въ «Сибирской исторіи» Фишера**) и затѣмъ въ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей сибирской церковной старины, начиная съ Н. Абрамова***). По Миллеру, слѣдующій за Кипріаномъ архіепископъ Макарій (Кучинъ), замѣтивъ въ Успенскомъ монастырѣ какіе-то безпорядки, смѣнилъ игумена Евстрата и на его мѣсто назначилъ Θεодосія. При этомъ Θεодосію было наказано, чтобы хотя онъ и не покидалъ заботъ объ умноженіи братіи и вкладчиковъ, тѣмъ не менѣе принималъ новыхъ лицъ въ монастырь съ бѣльшею, чѣмъ при его пред-

*) Müllers Sibirische Geschichte 8 B., s. 24. 1779.

**) Фишеръ. Сибир. исторія, стр. 304.

***) Н. Абрамовъ. Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщ. Сибири. Отд. оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г. „Тобольская епархія“. 1892. Омскъ. „Тобольскіе архіепископы“. Тоб. Епарх. Вѣд. 1887 г.—Буцинскій. „Открытіе Тобольской епархія“. 1890.

шественникѣ, осторожностію. Распоряженіемъ архіепископа братія осталась недовольна; она разошлась и монастырь опустѣлъ.

Въ какомъ мѣстѣ около Томска или въ самомъ Томскѣ находился этотъ первый въ Томскомъ краѣ Успенскій монастырь—о томъ не сохранилось никакихъ воспоминаній. Но имѣется вполне достоверное извѣстіе, что въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія близъ Томскаго города существовала обитель съ инымъ наименованіемъ, именно мужская обитель Богородице-Алексѣевская. Въ 142 (1634) году она успѣла уже приобрести крѣпость на отданный въ ея вѣчное пользованіе, по теченію рѣчки Большой Киргизки, земельный участокъ съ боровымъ лѣсомъ. Алексѣевскій монастырь въ то время и самъ былъ расположенъ при устьѣ Киргизки, съ ея правой стороны въ 8 верстахъ отъ Томска и потому нерѣдко именовался *Усть-Киргизскимъ Алексѣевскимъ* монастыремъ.

Очень возможно, что Усть-Киргизскій монастырь возникъ изъ опустѣвшаго Успенскаго. Но если онъ устроился самостоятельно, то въ вопросѣ объ его основателѣ мы, за полнымъ отсутствіемъ документальныхъ свѣдѣній, остаемся безъ всякаго отвѣта. Правда, въ Томскѣ доселѣ еще держится мѣвнѣе, по которому основателемъ Алексѣевской обители признаютъ старца Ефрема. Мы однако не можемъ придать ему особенно вѣскаго значенія. Среди наиболѣе древнихъ монастырскихъ документовъ имя указаннаго старца встрѣчается въ двухъ челобитныхъ отъ 1657 и 1662 г. Въ первой строитель старецъ Ефремъ съ казначеемъ и келаремъ просилъ у царя Алексѣя Михайловича о выдачѣ крѣпости на купленные монастырскими деньгами угодья у Иштанской протоки, во второй говорится о царской милости Ефрему, оказанной денежнымъ пособіемъ на строеніе сгорѣвшей монастырской церкви. Если предположить, что занимающая насъ обитель была построена въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ XVII в., то годы 1657 и 1662 нельзя не признать довольно поздними для одного и того же настоятеля. Что же касается названія Ефрема *строителемъ*, то извѣстно, что „строитель“, какъ титулъ для настоятелей малозначительныхъ монастырей, не всегда можетъ совпадать съ значеніемъ основателя. Скорѣе всего нужно думать, что старецъ Ефремъ былъ однимъ изъ первыхъ настоятелей Алексѣевскаго монастыря, но сомнительно, чтобы первымъ*). Вскорѣ мы увидимъ заявленіе его дѣятельности по перестройкѣ монастыря на другомъ томско-городскомъ мѣстѣ*).

*) Въ разныхъ печатныхъ извѣстіяхъ о Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ время его основанія показано различно. „Въ краткомъ показаніи о бывшихъ какъ въ Tobольскѣ, такъ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ воеводахъ“... говорится, что построилъ Алексѣевскій Томскій монастырь по грамотѣ царя Алексѣя Михайловича старцемъ Ефремомъ въ 1663 г. при воеводахъ Иванѣ Васильевичѣ Бутурлинѣ и Прокопѣ Прокопѣвичѣ Новодовѣ. Часть I, стр. 67. Tobольскъ. 1792 г.

Слѣдуя несомнѣнно этому источнику, тотъ же годъ для постройки монастыря отмѣтилъ и А. П. Соловцовъ. Онъ писалъ: «въ 1663 г. по грамотѣ государевой построенъ мужской

Устроенный на крутой возвышенности, омываемой съ южной стороны рч. Киргизкою, съ западной Томью, съ прочихъ сторонъ окруженной великолѣпнымъ сосновымъ боромъ, Усть-Киргизскій монастырь занималъ хотя дикое, но чрезвычайно красивое мѣстоположеніе, открывавшее великолѣпныя виды на луга и лѣса по томской зарѣчной сторонѣ. Но это прелестное мѣстечко, которымъ нельзя не залюбоваться и нынѣ, оказалось крайне не безопаснымъ въ виду постоянно грозившей возможности непріятельскихъ вторженій и нападений.

Въ ту отдаленную отъ насъ пору незавершившагося еще завоеванія Сибири, Томскъ, какъ и прочіе города, расположенные въ самыхъ гѣдрахъ вновь занятой русскими страны, окруженъ былъ врагами изъ разнообразныхъ сибирскихъ инородцевъ. Въ Томскѣ долгое время послѣ его основанія нельзя было вполне положиться на вѣрность Чатскихъ татаръ, занимавшихъ пространство между Обью и Томью (въблизи устьевъ послѣдней) и на всецѣлую преданность князя Таяна съ его Юштинскими татарами, жившими какъ разъ противъ вновь заложеннаго русскаго города на лѣвомъ берегу Томи (гдѣ остатки Юштинскихъ татаръ обитаютъ и доселѣ). Но особенно страшны были для Томска, Кузнецка и Красноярска киргизы, кочевавшіе по рр. обоихъ Юзовъ и Абакану и калмыки, бродившіе въ южныхъ и юго-западныхъ пространствахъ Томско-Кузнецкаго края. Нападенія со стороны тѣхъ и другихъ, иногда производимыя совмѣстно, держали русскиихъ служилыхъ людей почти въ безпрерывномъ напряженіи.

Алексѣевскій монастырь. Нужда въ заведеніи благочестивою настояла отъ того, что въ умахъ обитателей православныхъ, которые были перемѣшаны съ переселенцами, поселщиками, старообрядцами, бухарцами, татарами замѣчено равнодушіе къ обязанностямъ христіанскимъ». Соловьевъ. Историч. Обзорѣніе Сибири, стр. 320—321. Спб. 1886 г.

Оба приведенныя сообщенія можно признать правильными съ тѣмъ ограниченіемъ, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть не время перваго заложенія монастыря, а годъ его перенесенія и перестройки на новомъ мѣстѣ въ самомъ Томскѣ.

Князь *Костровъ* и Томскій архим. *Викторъ* (Лебедевъ) въ своихъ коротенькихъ описаніяхъ Алексѣевскаго монастыря утверждаютъ, что монастырь былъ основанъ немедленно послѣ постройки Томскаго города, что, какъ извѣстно, произошло въ 1604 г. Ничѣмъ не подтверждаемое указаніе этихъ авторовъ мы должны отнести въ область догадокъ произвольнаго характера. *Костровъ*. Богород.-Алекс. мон. стр. 1. Архим. *Викторъ*. Опис. Томск. Алек. мон. 1888. стр. 2.

Въ статьѣ «Тобольскіе архипастыри», помѣщенной въ Тобольскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ за 1887 г., и въ описаніи Тобольской Епархіи (часть II, отд. I 1892. Омскъ) приведено замѣчаніе, что «по благословенію архіепис. Герасима Томскій Успенскій монастырь, основанный еще при первомъ архіепископѣ Кивріанѣ, но при его преемникѣ заустѣвшій, возобновленъ въ 1642 г. на устьѣ рѣчки Киргизки, по имя Каланской Божіей Матери». — Но какимъ образомъ связать съ этимъ показаніемъ то обстоятельство, что въ 1634 г. Киргизскій монастырь приобрѣлъ крѣпость на данную ему по Киргизскѣ землѣ?

Не разъ по разнымъ поводамъ вопросъ о началѣ Томскаго монастыря возникалъ и въ самомъ монастырѣ и въ отвѣтахъ оныя не встрѣчаемъ единообразія. Въ 1740 профессоръ Миллеръ проемеріей, посланной Томскому архим. Лаврентію, просилъ доставить ему свѣдѣнія: когда учреждены въ Томскѣ какъ мужской, такъ и женскій монастыри? Объ Алексѣевскомъ монастырѣ архимандритъ отписалъ, что «построенъ въ прошломъ 151 (1643) г. по благословенной грамотѣ великаго господина преосвященнѣйшаго Корнилія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, и тое грамоту въ прошломъ 704 г. покрали изъ церкви пещерныя вори изъ казенной коробки, въ которой были всякія монастырскія крѣпости, а строили тотъ монастырь

Въ 1700 г. томскіе служилые люди: сынъ боярскій Степанъ Круглякъ, конныхъ казаковъ пятидесятникъ Якимъ Кутьинъ, десятникъ Аонасій Баташковъ, конные казаки Алексѣй Ножинъ и др., прибывъ въ Москву, говорили въ Сибирскомъ Приказѣ: „къ Томску прилегли немирныя земли Арантана контайши люди, киргизы, телеуты, черныя калмыки и Томскаго уѣзду подь слободы и деревни приходятъ многолюдствомъ, воровски, чело-вѣкъ тысячи по три и больши и меньши, съ ружьемъ, съ пищалями, съ копій и съ сайдаки и съ сабли, въ пансыряхъ и куякахъ и иныхъ военныххъ досѣхкахъ и чинятъ всякое разореніе: деревни жгутъ, скоть отгоняютъ и на пашняхъ людей побиваютъ и не на какіе промыслы ходить не даютъ и на промыслахъ вверхъ по Томи рѣкѣ промышленныхъ и ясашныхъ людей разоряютъ и побиваютъ... А приходятъ они, воровскіе люди, излуча время въ сѣнокосъ и въ страдную пору и въ осень, когда бываетъ соболиный промыселъ“^{*)}).

Въ этомъ характерномъ заявленіи о положеніи Томскаго уѣзда въ отношеніи къ внѣшнимъ врагамъ обрисованы не только годы предъ самымъ началомъ XVIII стол., но вообще все время отъ самаго возникновенія Томскаго города. Поперемѣнно то киргизы, то калмыки являлись на Томскія земли и подь самый Томскъ въ 1614, 1624, 1630, 1654, 1674, 1680, 1682 и слѣдующихъ годахъ^{**)}. Разумѣется, чтобы утратить кочевниковъ, предупредить набѣги и принудить ихъ къ мирному состоянію, много разъ ходили походомъ въ киргизскую землю и русскіе служилые люди. Мы ограничимся указаніемъ только нѣкоторыхъ изъ такихъ походовъ. Въ 1639 г. отправился на киргизъ присланный изъ Москвы Яковъ Тухачевскій и съ нимъ пошло ратныхъ

братскими трудами на заемныя у томскихъ градскихъ людей деньги“... (Чт. въ Импер. Общ. истор. и древн. Россіи. 1867 кн. 2, стр. 314—315). Въ этой отпискѣ допущена важная хронологическая ошибка, которую, конечно, не могъ не усмотрѣть знаменитый историографъ. Митрополитъ Корнелій прибылъ на сибирскую кафедру въ 1664 г. и состоялъ на ней до 1668 г., слѣд. благословенной грамоты на строеніе Томской обители въ 1643 г. дать не могъ.

По требованію изъ Св. Синода Тобольская Консисторія, указомъ отъ 15 мая 1781 года предислала Томскому игумену Иннокентію сообщить ей немедленно: когда построенъ Томскій Богородице-Алексѣевскій монастырь, чьямъ иждивеніемъ и почему въ немъ учреждено архимандритское, игуменское или строителское начальство? Въ донесеніи, посланномъ въ Консисторію, игум. Иннокентій не далъ точнаго обозначенія года, когда основался монастырь, но за то обстоятельно разсказалъ о первыхъ порахъ его существованія. Изъ всѣхъ показаній о начальныхъ годахъ жизни Алексѣевской обители, свидѣнія, данныя игум. Иннокентіемъ, имѣютъ для насъ особенную цѣну. См. приложение № I.

Въ 1835 г. Томскій архим. Іоанникій (Агншевъ) въ отвѣтъ на запросъ о его монастырѣ со стороны томскаго Статистическаго Комитета написалъ: „Начало существованія Томскаго Алексѣевскаго монастыря послѣдовало въ 1663 г. по грамотѣ царя Алексія Михайловича, тицаніемъ старца Ефрема, что замѣчено изъ заглавія монастырской описи за 1814 г. Но на лицо той грамоты и другихъ для заведенія того монастыря (документовъ) не оказалось“. — Отношеніе архим. Іоанникія отъ 29 октября 1835 г. въ Томскій Статистическій Комитетъ. Монастыр. архивъ. Связка 17.

*) Памятвкы Сибирской исторіи XVIII в. Книга I, стр. 1, 2. Сиб. 1882.

**) См. старинныя Синодальныя Томскаго Алексѣевскаго монастыря, Томскаго Благовѣщ. Собора и Томской Христорождественской церкви.

людей изъ тобольскихъ, тюменскихъ, тарскихъ дѣтей боярскихъ, изъ Томскихъ, Красноярскихъ и Кузнецкихъ служилыхъ людей, изъ литвы и татаръ всего 870 человекъ. Въ 1642 г. Тухачевскій отписалъ Государю, что „измѣнниковъ киргизъ побили, многихъ переранили, и женъ ихъ и дѣтей въ полонъ взяли“ *). Послѣ внезапнаго вторженія киргизъ къ Томску въ 1680 году, когда кочевники дѣйствовали подъ предводительствомъ князцовъ Шандычка и Шичка, былъ посланъ „на воровъ“ томскій сынъ боярскій Романъ Старковъ съ отрядомъ изъ 417 чел. Ему поручено было наказать киргизъ за то, что „въ Томскомъ уѣздѣ села, слободы и деревни воевали и всякихъ чиновъ людей на нашияхъ и въ деревняхъ побили до смерти, и хлѣбъ жгли и скоть отогнали“. Старковъ успѣлъ настичь непріятелей отъ Томска „въ трехъ днищахъ“ и „чинилъ бой“. „Милостію Божіею и великаго Государя счастіемъ вора и измѣнника князца Шандычку въ томъ бою убили и голову его на конѣ привезли въ Томской и иныхъ воровскихъ киргизскихъ многихъ людей побили-жь, а иныхъ переранили“ **). Старковъ заставилъ побѣжденныхъ дать на вѣрность русскимъ присягу и выслать заложниковъ въ Томскъ. Но они, измѣнники „договоръ учинили и шеровали неправдою, аманатовъ дали плохихъ и въ томъ же походѣ русскихъ ратныхъ людей обманомъ побили“ ***). Въ слѣдующемъ 1681 г. вышелъ на киргизъ изъ Томска только лишь явившійся изъ Москвы Иванъ Суворовъ. Противъ него выступилъ князецъ Еренячко съ такимъ множествомъ своего войска, что русскимъ стало биться съ киргизами „не въ мочь“ и они ушли отъ нихъ „въ Томской отходомъ“, потерявъ изъ строя убитыми 61 и ранеными 62 чел. †). Къ началу XVIII в. непріятельскіе набѣги дѣлаются особенно часты. Киргизъ сильно раздражало то обстоятельство, что русскіе поставили на ихъ киргизской землѣ Каштатскій острогъ и не хотѣли снять острога (не далеко отъ одного изъ Юзовъ), не смотря на все настоянія князцовъ. Въ отищеніе киргизы нѣсколько разъ врываются во владѣнія ясашныхъ по р. Чулыму, били и грабили ихъ, унося въ добычу десятками и сотнями соболей, лисицъ, росомахъ, горностаевъ и бѣлокъ. Особенно свирѣпо поступали они, когда попадались имъ здѣсь русскіе. Одного изъ плѣнныхъ расхолодившійся кочевникъ привязали къ дереву ногами вверхъ, распороли грудь и вообще „ругались всячески“ †*).

А въ 1700 году князецъ Корчинко послѣ грабежей по Чулыму-же и подъ Верхотомскимъ острогомъ направился разными дорогами къ Томску съ войскомъ изъ 1300 чел. На встрѣчу непріятелямъ изъ Томска высту-

*) Памятиси Сибир. истор. т. I, стр. 12.

**) Тамъ-же, стр. 12.

***) Тамъ-же, стр. 13.

†) Тамъ-же.

†*) Тамъ-же I стр. 9, 70, 71, 102 и др.

или сынъ-боярскій Степанъ Тупянскій съ товарищами въ числѣ 600 ч. и казачій голова Осипъ Качановъ съ 300 служилыхъ людей. Первый пошелъ вверхъ по Томи, а второй по направленію къ р. Яи, чтобы на киргизскомъ пути въ тѣсныхъ мѣстахъ и на переправахъ заваливать дороги лѣсомъ и вообще чинить надъ измѣнниками „всякій промыселъ“. Отрядъ Тупянского столкнулся съ непріателемъ подъ деревней Пачинской и „былъ бой“. «Милостію Божію и твоею, Государь, молитвою, писалъ царю Петру Алексѣевичу томскій воевода Григорій Петрово-Солового, ратные твои люди въ томъ бою стояли крѣико и мужественно, многихъ киргизскихъ людей побили и переранили, а твоихъ конныхъ казаковъ ранено только два человѣка». Киргизы кинулись на «утекъ». Русскіе гнались за ними 3 дня и догнать не могли, потому что «воры» бѣжали «врознь, лѣсами и нужными мѣстами. А побитыхъ своихъ людей, бѣгучи, жгли въ сѣнныхъ стогахъ, а съ собою увезли изъ убитыхъ, перекинувъ ихъ чрезъ сѣдла, только двухъ знатныхъ человѣкъ». — „А какъ, Государь, они, киргизы, пришли войною въ Томскій уѣздъ, прежа бою выжгли въ деревнѣ Верхотомской пашенныхъ крестьянъ 6 дворовъ, да перекололи коши бабъ и дѣвокъ пять человѣкъ, да мужскаго полу трое ребятъ, а лошадей и рогатой скотины взяли малое число, и тое скотину, бѣгучи, кололи и метали по дорогѣ*).

Послѣ неудачи подъ Пачинской, киргизы, разсыпавшіеся по отдѣльнымъ отрядамъ, начали постепенно стекаться подъ Кузнецкомъ. Сюда пришли и черные калмыки. Всего набралось непріятелей до 1500 ч. Они пограбили и пожгли все, что нашли въ ближайшихъ окрестностяхъ Кузнецка, людей, найденныхъ на поляхъ, брали въ полонъ или били. Побили и полонили также многихъ изъ подгородныхъ ясаиныхъ, а конскіе ихъ табуны и рогатый скотъ взяли себѣ „безъ остатку“ и, расположившись около города станомъ, обложили его осадой. Они ждали къ себѣ еще Матура тайшу да Кокона-батыря и крѣико надѣялись, что съ приходомъ послѣднихъ овладѣютъ не только Кузнецкомъ, но разграбятъ и разгромятъ весь Кузнецкій уѣздъ. Частыя и опустошительныя вылазки со стороны храбрыхъ кузнецкихъ служилыхъ людей, слухъ о высланной Кузнецку помощи изъ Томска, наконецъ долгое и напрасное ожиданіе Матура и Кокона заставили враговъ снять осаду. Для ихъ преслѣдованія кузнецкій воевода Синявинъ отрядилъ казачьяго атамана Ѳедора Сорокина съ 250 воиновъ. Сорокинъ выполнилъ порученіе съ тѣмъ успѣхомъ, что отбилъ у кочевниковъ часть полону и часть пограбленнаго скота**). Это происходило въ концѣ сентября 1700 г. А въ октябрѣ еще разъ идуть киргизскія опустошенія по рр. Чулыму и Яи и въ русскихъ подъ Томскомъ дерев-

*) Памат. Сиб. истор., стр. 5—6, 19.

**) Тамъ-же, стр. 85—97, 102, 130—131.

няхъ — Бурнашевой, Долговой, Бедриной и Спасской. И тамъ и здѣсь „вороги“ убили до смерти мужчинъ и женщинъ до 45 чел., а „инымъ носы и уши рѣзали“ *). Замѣчательно, что въ томъ же году и той-же осенью кочевники намѣрены были идти и подъ Красноярскъ, грозя, что будутъ красноярцамъ „въ день вороны, а почью волки“. Отчасти они успѣли исполнить угрозу, опустошивъ Красноярскія деревни Лодейскую и Березовскую **).

Въ концѣ XVII и самые первые годы XVIII в. русскіе, для устрашенія и утѣшенія враговъ въ самыхъ ихъ улусахъ, ходили изъ Томска подъ начальствомъ сына боярскаго Юрія Роецкаго и пятидесятника Алексея Свиридова, томскихъ же дѣтей боярскихъ Семена Лаврова, Алексея Кругликова и Ивана Великосельскаго ***). Заводили томскіе служилые люди съ непріятелями и мирные переговоры чрезъ свои къ нимъ посольства (посылка къ киргизамъ и калмыкамъ сына—боярскаго Кожевникова †). Но все это не приводило ни къ чему. Послѣ мирныхъ переговоровъ киргизы считали своимъ долгомъ русскихъ обмануть, а малыя войны ихъ только раздражали, заставляя замышлять такіе походы, какіе въ 1700 г. были предприняты подъ Томскъ и Кузнецкъ. Наконецъ, царь Петръ I грамотой, данной воеводамъ красноярскому, томскому и кузнецкому повелѣлъ выступить противъ киргизъ сообща и одновременно каждому изъ своего мѣста, причемъ предварительные о походѣ переговоры воеводы должны были держать въ самомъ строгомъ секретѣ †*). Задуманъ былъ настоящій погромъ киргизской земли. А пока онъ не состоялся, Государь предписалъ, чтобы русскіе около Томска, Кузнецка и Красноярска „жили съ великимъ береженіемъ и осторожностію“. Города и остроги велѣно было укрѣпить лучше и надежнѣе. Сами крестьяне должны были быть поставлены на совершенно военную ногу. Каждому изъ нихъ вмѣнено было въ обязанность имѣть при себѣ ружье, «а буде у кого ружья нѣтъ, покунали-бъ и на хлѣбъ вымѣнивали. А когда у нихъ, крестьянъ, зимою дѣла нѣтъ,—устроя у ста человекъ по капитану или поручику, ихъ братію, мужиковъ, воинскому дѣлу учить безъ отговорки. Въ которой слободѣ сколько сотенъ съ ружьемъ есть, о томъ имать сказки. А около слободъ и деревень покопали-бы рвы и около рвовъ учинили бы надолбы и великія крѣпости и ставили бы караулы. А во время пашни, жатвы и сѣнокосу выходили-бы на поля съ ружьемъ готовымъ, чтобы всегда, какъ непріятель найдетъ, могли бы съ нимъ биться и себя оборонять и ставили-бы въ то работное время, гдѣ служилыхъ людей нѣтъ, изъ своей братіи, крестьянъ, караульщиковъ, перемѣнясь... А безоружнымъ людямъ и за оп-

*) Памят. Сиб. ист., стр. 90—130.

**) Тамъ-же, стр. 76—77

***) Тамъ-же, 36—37, 136, 140—142.

†) Тамъ-же, стр. 69—70.

†*) Тамъ-же, стр. 29—31.

лошку карауловъ чинить наказаніе“ и вообще „лѣнивыхъ и ослушниковъ, смотри по винѣ, смирать“ *).

Вкраткѣ изложенный эпизодъ изъ боевой жизни прежняго Томска для насъ является не маловажнымъ во многихъ отношеніяхъ и прежде всего представляетъ интересъ потому, что та была боевая эпоха наша очень выразительный отголосокъ въ памятникахъ томской церковной старины.— Въ томскихъ ризницахъ Мужского монастыря, Благовѣщенскаго собора и Христорождественской церкви **) во всей цѣлости сберегаются древніе синодики, гдѣ тщательно записаны почти всѣ случаи вражескихъ киргизскихъ и калмыцкихъ нападений на Томскій уѣздъ и подъ самый Томскъ для вѣковѣчной молитвы за русскихъ ратоборцевъ и вообще всѣхъ русскихъ людей, въ тѣхъ браняхъ убитыхъ. Полагая, что въ этихъ записяхъ мы встрѣчаемъ сообщеніе немалой исторической цѣнности, приводимъ ихъ съ полною точностію только безъ перечисленія именъ.

Въ (7)122 году іюля 8 день побили подъ Томскомъ служилыхъ людей киргизскіе люди и тѣмъ побитымъ имена. Помини Господи рабъ своихъ (40 мужскихъ именъ).

Въ 132 году іюля въ 14 день приходили подъ Томской киргизскіе люди, томскихъ служилыхъ людей побили и тѣмъ убитымъ имена: (41 мужское имя).

Въ 138 году ноябрю въ 15 день приходили подъ Томской калмыцкіе люди и побили Томскихъ служилыхъ людей и тѣмъ служилымъ людямъ имена (19 муж. именъ).

Въ 142 г. побили въ киргизской землицѣ служилыхъ людей и тѣмъ побитымъ имена (22 муж. имени).

Въ 162 году іюня въ 20 день прибѣжали калмыки вверхъ по Томъ рѣкѣ на Лебежьей рѣчкѣ и побили Томскихъ служилыхъ людей и тѣмъ побитымъ имена (4 муж. имени) ***).

Въ 182 г. іюня въ 23 день приходили калмыки подъ Томской и разорили улусъ калмыка вѣзжаго Балыка и въ то время побили служилыхъ людей и тѣмъ побитымъ имена (4 муж. имени).

188 года сентября въ 7 день приходили воровки подъ Томскіе уѣзды вверхъ по Томъ рѣкѣ киргизскіе люди—князецъ Шанда съ товарищами и побили служилыхъ людей и деревенскихъ жителей и тѣмъ побитымъ имена (66 именъ, изъ нихъ два принадлежать младенцамъ муж. пола, два младенцамъ жен. пола, пять дѣвцамъ и восемь женщинамъ).

*) Тамъ-же, 132—136. Мы остановились на очеркѣ вражескихъ нападений къ Томску только настолько, насколько это нужно для нашихъ цѣлей.

**) Томская Христорождественская церковь принадлежала давно упраздненному Томскому женскому Христорождественскому монастырю.

***) Въ Синодикѣ Томской Христорожд. церкви записи убитыхъ въ 162 и 182 г. и др.

190 года побиты на бояхъ въ киргизской землицѣ отъ киргизскихъ людей томскіе и тобольскіе, тарскіе и кузнецкіе и тѣмъ побитымъ имена (59 мужскихъ именъ) *).

Теперь понятно, почему положеніе Усть-Киргизскаго монастыря внѣ города и въ нѣкоторой отъ него дали было для него не безопасно. Становится даже нѣсколько страннымъ, какъ могъ завестись монастырь въ уединенномъ мѣстѣ и какъ могъ уцѣлѣть отъ разореній со стороны постоянно около Томска сповавшей орды. По крайней мѣрѣ нужно предположить, что онъ и самъ владѣль какими нибудь оборонительными средствами, которыми въ случаѣ нужды могли бы воспользоваться и его собственные насельники, и его радѣтели изъ томскихъ служилыхъ людей. Предположеніе получаетъ тѣмъ большую силу, что на монастырской Киргизской заимкѣ, гдѣ прежде существовала сама обитель, и доселѣ указываютъ слѣды насыпей и ровъ съ ясно выраженнымъ былымъ стратегическимъ значеніемъ. Вблизи нихъ въ почвѣ, а затѣмъ въ разномъ монастырскомъ старѣ еще недавно находили принадлежности древняго вооруженія **).

Постоянныя опасенія за цѣлость и благополучіе монастыря въ виду частыхъ непріятельскихъ вторженій и двукратное несчастіе съ его храмовымъ зданіемъ побудили настоятеля и братію позаботиться о переносѣ обители на другое мѣсто въ самой близи къ Томской крѣпости, тогда расположенной на высокой Воскресенской горѣ. Новое мѣсто также избрано было на возвышенности, издавна носившей названіе Юрточной горы. Монастырь выстроился не въ далекомъ разстояніи отъ крутого подъема на эту гору со стороны лѣваго берега рѣчки Ушайки. Юрточная гора была въ то время почти совершенно свободна отъ построекъ и потому на ея громадной площади монастырскіе могли взять столько мѣста, сколько хотѣли. Въ настоящее время монастырь занимаетъ подъ своей оградой 3 десятины 134 кв. сажень, да внѣ ограды онъ считаетъ своею собственностію 15 десятинъ 125 саж.***) Но несомнѣнно, что въ сравненіи съ прошлымъ размѣры его городскихъ владѣній въ значительной мѣрѣ еще урѣзаны. Постройки частныхъ владѣльцевъ появились во множествѣ около Алексѣевской обители еще въ прошломъ вѣкѣ. Въ настоящее время рядомъ и вблизи нея тянутся длинныя улицы по всѣмъ направленіямъ. Поставленная нѣкогда на окраинѣ Томскаго города, она наконецъ очутилась почти въ самомъ центрѣ его.

Ближайшій поводъ и обстоятельства перенесенія Усть-Киргизскаго монастыря на новое томское мѣсто изложены въ царской грамотѣ, данной въ

*) По Синодику Христорождественской церкви 57 муж. именъ и въ частности имена Томскихъ служилыхъ людей 25 им — Старинный синодикъ Том. Алексѣевскаго монастыря. Св. синодныи Томскаго собора и Томск. Христорожд. церква.

**) Описаніе Том. Алексѣевскаго монаст. *Архим. Виктор.* 1888, стр. 3—4.

***) Тамъ-же, стр. 1.

166 году Томскимъ воеводамъ Ивану Васильевичу Вутурлину да Проконію Проконіевичу Поводову. Она была отвѣтомъ на челобитіе строителя старца Исаіи о царскомъ денежномъ и хлѣбномъ монастырю жалованія. Въ грамотѣ воеводамъ разсказано, что «въ прошлыхъ годѣхъ» монастырь стоялъ близъ Томи рѣки, гдѣ вмѣстѣ съ подмытымъ берегомъ унесло безъ остатку всю монастырскую церковь. Монастырскіе собирали въ мірѣ Христовымъ именемъ и соорудили новый храмъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери, преподобнаго Алексія Человѣка Божія и св. муч. Флора и Лавра, но и эта церковь сгорѣла со всѣмъ ея имуществомъ. Послѣ новаго несчастія настоятель и братія «на занятія въ мірѣ съ великими росты деньги» рѣшили и начали строить церковь и обитель за Ушайкою рѣкою, но достроить оказалось нечѣмъ. Вообще монастырскіе впали въ большую скудость, почему ихъ черные поны стали брести прознь, такъ что „пожелавшихъ ангельскаго чину престарѣлыхъ служилыхъ людей“ постригать становилось некому. Въ помощь монастырской скудости царь, по просьбѣ старца Ефрема, велѣлъ выдать „на Москвѣ“ 50 руб. Но потомъ подалъ челобитную старецъ Исаія и просилъ, чтобы Государь пожаловалъ монастырь деньгами и ежегодною ругою «противъ Тобольскаго Знаменскаго монастыря». И Государь пожаловалъ, повелѣлъ ежегодно выдавать томскому монастырскому попу 8 рублей, діакону 5, дячку 4 рубля, пономарю и просвирицѣ по 3 руб. да строителю съ братією и церковными людьми хлѣба 20 четвертей, овса 20 четвертей и десять пудовъ соли *). Такимъ образомъ на новомъ описанномъ мѣстѣ монастырь началъ существованіе, будучи ознаменованъ актомъ царскаго благоволенія. Изъ содержанія грамоты можно видѣть, что хлопоты о перенесеніи обители завелъ старецъ Ефремъ, а строителю старцу Исаіи принадлежитъ завершеніе этого дѣла, начавшагося въ 1656 году **) и окончившагося въ 1662-мъ. Въ память о монастырѣ когда-то бывшемъ на Усть-Киркизкѣ старецъ Исаія изготовилъ большой деревянный крестъ, сохраняющійся въ монастырской церкви и доселѣ. Крестъ имѣетъ въ высоту 3 арш. 14 верш. и въ ширину 1 арш. 13 верш. Внизу на оборотной его сторонѣ надпись гласитъ: «Лѣта 7170 мѣсяца сентября въ 1 день устроень бысть си животворящій крестъ Господень при державѣ благовѣрнаго и благочестиваго Государя и Великаго князя Алексія Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца по вѣрѣ и по обѣщанію Томскаго города—монастыря Алексія человѣка Божія на Киргизку, на старое мѣсто церкви Святыя Богородицы Казанскія. Строитель Исаія, иже о Христѣ съ братією. Писанъ въ Кузнецкомъ острогѣ» ***).

*) Копію съ этой грамоты см. приложение № II.

***) Такъ указываемъ начало монастырскихъ заботъ о перенесеніи обители на другое мѣсто потому, что въ челобитной о приобрѣтеніи крѣпости на Иштанскія владѣнія было сказано, что Усть-Киргизская церковь сгорѣла въ 1656 году. См. прилож. № I.

****) Этотъ см. крестъ поставленъ въ монастырскомъ храмѣ близъ дѣлаго предѣла. Онъ и надпись на немъ возобновлены недавно архим. Викторомъ Лебедевымъ.

Приобрѣтенія томскаго Муж. монастыря въ земельныхъ владѣнiяхъ и рыбныхъ ловляхъ.— Монастырскiе крестьяне и ихъ постепенное умноженiе.— Заботы монастырскихъ властей о цѣлости и неврикосновенности своихъ имѣвий.

Въ жалованной царской грамотѣ, которою мы пользовались только лишь, между прочимъ встрѣчаемъ указанiе челобитчика старца Исаи, что доселѣ, т. е. до 1661 года Томскiй монастырь земель подъ пашни и рыбныхъ ловель отъ Великаго Государя не получалъ. Но это не значитъ, чтобы у него не было тогда вовсе никакихъ угодiй. Онъ началъ приобретать ихъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей жизни еще на устьѣ Киргизки. Мы видѣли, что въ 1634 году ему уже удалось исклопотать крѣпость на землю по Киргизкѣ, прилегавшую къ самому монастырю. Этой земли съ пашней и боревымъ лѣсомъ было дано отъ устья Киргизки вверхъ по этой рѣчкѣ на двѣ версты и отъ того-же устья внизъ по теченiю р. Томи на одну версту *). Почему и кѣмъ отведенъ былъ этотъ участокъ—намъ неизвѣстно. Въ послѣдующее время монастырь получалъ земли и угодья отъ частныхъ лицъ, жертвовавшихъ ихъ вкладами по усердiю «къ дому Пресвятой Богородицы», приобреталъ ихъ путемъ покупокъ и разныхъ другихъ хозяйственныхъ сдѣлокъ, наконецъ ему жаловало ихъ само правительство. Въ 1653 г. путемъ вклада онъ приобрѣлъ въ неотъемлемую собственность Иштанскую деревню по Иштанской протоцкѣ р. Томи. Жертвователемъ былъ томскiй служилый человекъ Ѳедоръ Пуцинъ.

„Се язъ Ѳедоръ Ивановъ сынъ Пуцинъ, писалъ онъ во вкладной, положилъ деревню свою, купленную въ домъ Пресвятыя Богородицы. А та моя деревня внизъ Томи рѣки въ Штапѣ протоцкѣ на низъ плывучи на лѣвой сторонѣ. А куплена была та деревня у Горбуновыхъ юртъ татарина Тюзума съ товарищи со всеми рыбными ловлями и съ курьею верхнею и съ лугомъ, что на острову, а островъ купленъ Тюгильдѣевыхъ юртъ у татаръ Ишпердея съ товарищи. И впредь мнѣ до той деревни дѣла нѣтъ и роду моему и племени. И впредь кто будетъ въ монастырѣ—тою деревнею владѣть со всеми угодiи.. А вкладную писалъ я, Ѳедоръ, своею рукою 161 г. Апрелья въ 1 день“ *).

Но очевидно даромъ Пуцина монастырь не захотѣлъ удовольствоваться. Въ томъ же 161 (1653) году строитель старецъ Ефремъ у „Иштана“ прикупилъ еще земель и угодiй на 30 рублей изъ монастырской казны **). А

*) См. копию съ переписной книги 1703 г., въ Дѣлахъ: „объ отводѣ монастырю новыхъ угодiй“ 1821 г. Архивъ Томск. Губ. Правл., связ. 141—и о запрещенiи томскимъ мѣщанамъ Никитѣ Левашову съ товарищами производить поставку сѣна на принадлежащихъ монастырю луговыхъ мѣстахъ. 1809 г. Въ монастыр. архивѣ.

**) Монастыр. свитоцъ, № 1.

***) Донесенiе о начальныхъ годахъ монастыря. Прилож. № 1.

въ 1701 г. прикупка тутъ-же была произведена еще разъ. И послѣ того у монастыря всего стало здѣсь пашенной земли длиннику полторы версты и поперекъ одна верста, дубровъ въ длину три версты и поперекъ двѣ версты и сѣнныхъ покосовъ на Иштанскомъ островѣ въ длину три версты и поперекъ одна верста *).

Киргизское и Иштанское владѣнія были еще довольно скромными сравнительно съ тѣмъ, что приобрѣлъ монастырь вверхъ (отъ Томска) по Томи рѣкѣ въ Верхотомскомъ стану. Въ 1656 году онъ получилъ здѣсь въ собственность огромный надѣлъ, границы котораго въ переписныхъ книгахъ 1702 года были обозначены такъ:

Надѣлъ шелъ «вверхъ по Томи рѣкѣ въ межахъ отъ усть рѣчки Писаной. А тою рѣчкою Писаною вверхъ двѣ версты, а отъ рѣчки Писаной до вершины рѣчки Еловки и отъ вершины р. Еловки чрезъ Высокую гору, что подлѣ Сосновскихъ надуновъ до вершины рѣчки Тайменьки шестнадцать верстъ. Тайменькою рѣчкою внизъ до Томи рѣки три версты. Чрезъ Томъ рѣку на Сухой лугъ до Калмыцкой дороги шесть верстъ. Калмыцкою дорогою до Стрѣльной рѣчки пятнадцать верстъ, а съ Калмыцкой дороги на рѣчку Колбику и Колбиною рѣчкою внизъ до Томи рѣки семь верстъ» ***).

Къ этому очень большому участку съ 1689 года былъ присоединенъ другой съ нимъ смежный, тянувшійся отъ рѣчки Колбики вверхъ по Томи до Безъязыковой заимки въ длину на восемь верстъ и въ ширину на шесть верстъ ***).

Въ источникѣ, изъ котораго мы заимствовали свѣдѣнія о Верхотомскихъ монастырскихъ земляхъ, глухо говорится, что монастырь приобрѣлъ ихъ «по даннымъ». Впослѣдствіи монастырскія власти утверждали, что первый самый большой участокъ былъ пожалованъ обителю Великимъ Государемъ †) и въ обоихъ они насчитывали полей, лѣсу и сѣнныхъ покосовъ по обѣ стороны р. Томи двадцать верстъ вдоль и поперекъ †*).

Въ сосѣднемъ съ Верхотомскимъ Сосновекомъ стану по крѣпостямъ 1670 и 1671 г. перешелъ къ монастырю Искитимскій надѣлъ, шедшій отъ

*) Дѣло о запрещеніи томск. мѣщ. Левашеву съ товарищи производить поставку сѣна на монастырскихъ лугахъ.

**) Тамъ-же.

***) Тамъ-же.

†) Такъ показалъ въ 1721 году томскому коменданту Василію Елизаровичу Козлову монастырскій казначей іеромон. Діонисій. — «Въ прошломъ 164 г. писалъ онъ коменданту. — Великаго Государя жалованіе дано (монастырю) изъ порожжихъ земель по Томѣ рѣкѣ пашенныя земли и сѣнные покосы». — Мон. архивъ, связка 11.

†*) Описъ монастыря, представленная митрополиту Антонію въ 1721 г. Мон. арх. свѣд. 11. Сп. Дѣло о запрещеніи томск. мѣщ. Левашеву съ товарищи производить поставку сѣна на монастырскихъ лугахъ.

устья Малаго Искитима вверхъ по Томи до устья Большого Искитима, по монастырскимъ показаніямъ на три версты въ длину и ширину.

Поступился въ пользу Алексѣевской обители однимъ изъ своихъ полей въ 200 десятинъ томскій казачій голова Зиновій Литосовъ. Принявъ дарственную землю, обитель сумѣла расширить ее въ урочищахъ по Лебяжьей рѣкѣ (впадающей въ Томь съ лѣвой стороны почти противъ Сосновскаго острога) до размѣровъ четырехъ верстъ длиною и шириною и закрѣпила за собою «по вкладнымъ» отъ 1673 года *).

Съ 1697—1698 г. мы находимъ у монастыря еще новое земельное владѣніе въ Николаевскомъ (на Оби) приходѣ по р. Шегаркѣ на протяженіи семи верстъ въ обоихъ направленіяхъ **).

Среди перечисленныхъ владѣній монастырское приобрѣтеніе въ видѣ сѣнаго покоса на 2000 копенъ противъ устья Киргизки на лѣвой сторонѣ Томи нужно признать очень незначительнымъ. Покосъ купилъ монастырь у татаръ въ 1657 г. ***), а впоследствии расширилъ и его до размѣровъ 326 дес., включивъ сюда и сѣнокосный участокъ на 230 копенъ, отданный въ даръ обители томскимъ жителемъ Борисомъ Лаврентьевымъ †).

Кромѣ владѣній въ пашенныхъ земляхъ, лѣсахъ и сѣнныхъ покосахъ монастырскіе начальники съ братією не переставали усилленно заботиться и о прикрѣпленіи къ себѣ угодій для рыбныхъ ловель. Рыбная ловля на «Штанѣ протока» была уже въ даръ Пущина, но среди другихъ приобрѣтеній въ этомъ видѣ она впоследствии почему-то не числилась.

Въ 1658 г. подгородный подводный татаринъ Евагина городка Урузакъ занялъ у ифкога Федота Алферьева одинъ рубль «московскихъ ходячихъ денегъ» и за эту взятую въ долгъ сумму заложилъ свою долю въ рыбной ловлѣ, которой на Оби рѣкѣ владѣли татары указанного городка. Заемъ совершился на условіи, что если Урузакъ не уплатитъ долга къ дню Симеона Лѣтопроводца т. е. къ 1 сентября, съ котораго начинался новый 1659 г., то его рыболовный пай долженъ былъ перейти къ займодавцу Федоту, и послѣдній получалъ право распорядиться имъ по своему усмотрѣнію. Очевидно долгъ не былъ уплаченъ, пай перешелъ въ собственность Федота Алферьева, а имъ затѣмъ былъ переданъ Алексѣевскому монастырю. Къ одно-

*) Самъ Литосовъ выпросилъ это пожертвованное поле у томскихъ воеводъ въ 1661 г. См. его челобитную въ мон. арх. свитокъ № 5. Прилож. № III.

**) Дѣло о запродачѣ том. мѣщанамъ Никитѣ Левашеву съ товарищи производить поставку сѣна на принадлежащихъ монастырю луговыхъ мѣстахъ. 1809 г. См. описаніе монастыря, въ 1721 г. представленное митроп. Антонію. Мон. архивъ, связка II.—Борисъ Лаврентьевъ унаслѣдовалъ пожертвованный участокъ отъ Бориса Гаврилова Кузнецова, а этотъ послѣдній прибрѣлъ его покупкою у татарина Евагиановыхъ юртъ Корзака за пять рублей. См. монастыр. свитокъ № 3. Прилож. IV. ✓

***) Тамъ-же.

†) Закладная Урузака въ монаст. свитѣ № 2. Прилож. № IV.

му наю Урузака монастырь постарался прикупить еще нѣсколько павей у тѣхъ же татаръ Евагина городка.

Съ 1667 года стала монастырскою собственностію неводная тоня татаръ Горбуновыхъ юртъ Кечура Шакулина съ товарищи *). Сначала татары заложили ее монастырю, и потомъ продали окончательно за двадцать рублей. Эта тоня находилась на „Оби рѣкѣ по выше Чатской протоки до верхняго конца Краснаго Яру“. Переходить затѣялъ въ монастырское владѣніе рыбныя ловли и по самой Чатской протокѣ. Нѣчто здѣсь было куплено монастыремъ, но главнымъ образомъ получено благодаря щедрому вкладу въ обитель вдовы сына-боарскаго Юрія Егловскаго Евдокии Аванасьевой Егловской. Въ поступной записи 1683 года Егловская писала, что своей рыбной ловлей по Чатской протокѣ отъ устья Томи внизъ по р. Оби до бору поступилась она «Божіею ради милости... въ монастырь въ домъ Пресвятыя Богородицы, св. праведному Алексѣю челоуѣку Божію и св. мученикамъ Флору и Лавру такъ, чтобы на той рыбной ловлѣ монастырскимъ стоять своимъ неводомъ, а дѣтямъ ея Андрею, Константину, Кирилу и Игнатію Егловскимъ—своимъ. «А иному никому здѣсь съ неводами не стоять и рыбу не ловить и иному никому до той рыбной ловли дѣла нѣтъ». Въ свою очередь и дѣти Егловской обязались, что будутъ съ монастырскими ловить рыбу потонно, т. е. одну тоню «будутъ метать они», другую монастырь. «А по вся годы, когда Егловскіе своимъ неводомъ на рыбной ловлѣ стоять не будутъ», ею долженъ пользоваться монастырь безраздѣльно и безирепитственно со стороны чуждаго вмѣшательства отъ русскихъ или отъ татаръ. Кроме того они, Андрей съ братьями, дали слово, что свою рыбную ловлю не отдадутъ и не продадутъ никому за исключеніемъ однихъ «монастырцевъ». Въ случаѣ нарушенія хотя одного изъ прописанныхъ въ поступной условій монастырь имѣлъ право требовать съ Егловскихъ денежную сумму въ 50 рублей. Владѣніехъ пополамъ Егловскіе очевидно не подорожили, такъ какъ впоследствии рыбныя ловли по Чатской протокѣ принадлежали монастырю исключительно **).

Вообще къ началу XVIII вѣка Томскій Алексѣевскій монастырь насчитывалъ за собою четыре круныхъ рыбныхъ тони. Всѣ онѣ съ точнымъ обозначеніемъ ихъ мѣстоположенія были перенесены въ томскихъ писцовыхъ книгахъ за 1703 года. Именно здѣсь было записано, что «по сказкѣ Алексѣевскаго монастыря іеродіакона Моисея, (первал) ихъ монастырская тоня на р. Оби ниже Томскаго устья на островѣ Каралихѣ. И на той ихъ тони ходитъ монастырскій неводъ въ 200 саж.—Да у нихъ же другая ихъ мо-

*) Приобрѣтеніе отъ татарина Кечура Шакулина открывается изъ монастырской челобитной, см. прилож. № V

***) Монастырскій свитоокъ № 5.

настырская рыбная топя на рѣкѣ Оби на Усть-Чатскія протоки вверхъ по р. Оби до Краснаго Яру.. и на той другой ихъ рыбной топи ходитъ другой ихъ монастырскій неводъ въ 150 саж... Да у нихъ же третья рыбная топя по рѣкѣ же Оби противъ Томскаго устья на Зарѣчинской сторонѣ съ нижняго конца острова (?) внизъ Обью рѣкою до истока Терскули. И на той топи они, монастырцы, не ловятъ; лежитъ впускъ. Да у нихъ же четвертая топя на рѣкѣ же Оби противъ Томскаго устья на острову Новокрещеновъ. И на той четвертой топи рыбы они не ловятъ же; лежитъ впускъ“ *).

Есть неясное указаніе, что въ 1707 году въ монастырскихъ рыбныхъ ловляхъ произошло еще какое-то прибавленіе**). Но въ 1725 году прибавленіе послѣдовало въ очень замѣтномъ видѣ. Для вѣчнаго поминовенія умершаго томскаго дворянина Осипа Родіоновича Качанова (того самаго, который вышелъ противъ киргизъ при ихъ набѣгѣ на Томскъ въ 1700 году) его братъ монахъ Θεодосій, бывшій въ то время намѣстникомъ въ Тобольскомъ Софійскомъ (Архіерейскомъ) домѣ, приложилъ «въ Томску въ Алексѣевскій монастырь рыбную топя на Оби рѣкѣ на Салтанаковомъ песку». Правда, монастырь долженъ былъ владѣть имъ не одинъ, а совмѣстно съ полковникомъ Борисомъ Ивановичемъ Середининымъ и коннымъ казакомъ Петромъ Середининымъ же, но, несмотря на ограниченіе, Салтанаковъ песокъ, по изобилію на немъ рыбной добычи, былъ признанъ въ монастырѣ очень выгоднымъ вкладомъ.

Складывая въ общемъ все монастырскія имѣнія съ ихъ землями и угодьями, находимъ, что нашъ Томскій монастырь сумѣлъ широко воспользоваться огромнымъ сибирскимъ просторомъ. Нужно было не мало рабочихъ рукъ для того, чтобы можно было извлекать подлежащія выгоды изъ обширныхъ владѣній. Собираніе крестьянъ на пріобрѣтенныя земли было для монастыря такимъ-же важнымъ хозяйственнымъ дѣломъ, какъ и собираніе самихъ имѣній. Извѣстно, что по завоеваніи Сибири на ея свободныя земли изъ добровольныхъ переселенцевъ шли главнымъ образомъ бездомовные, гулящіе люди, рассчитывавшіе въ широкомъ привольѣ новой страны найти то довольство, котораго по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ, не могли найти въ своихъ родныхъ мѣстахъ †). Когда основаны были Томскъ, а за

*) Дѣло объ отводѣ Томскому монастырю новыхъ угодій. 1821 г.

**) Описаніе монастыр. предств. митрополиту Антонію. Монастыр. архивъ. Связка 11.

***) Монастыр. архивъ. Связка 15. Сп. Матеріалы для исторіи Сибири „Том Губ. Вѣд.“ 1866 г. № 24.

†) Большой приливъ въ только лишь завоеванную Сибирь крестьянъ изъ Россіи отмѣченъ во многихъ истор. показаніяхъ, а также у Миллера (*Sibirische Geschichte*. 8 B. s. 34). По словамъ профессора, особенно много шло переселенцевъ изъ шифшахъ Архангельской и Вологодской губерній.

Пришельцевъ называли на свои земли не только сибирскіе архіерей и монастыри, но даже причты приходскихъ церквей. Въ трудѣ проф. Буцинскаго: „Открытіе Тобольской епархіи и первый Тобольскій архіерейскій Кліриатъ“ между прочимъ, процитованъ отрывокъ изъ

нимъ и Кузнецкъ, «гуляціе» начинаютъ стекаться въ уѣзды и этихъ городовъ или прямо изъ Россіи, или подвигаясь изъ болѣе западныхъ и ранѣе завоеванныхъ сибирскихъ областей и уѣздовъ. Къ такимъ-то пришельцамъ монастыри Томскаго края обыкновенно и относились съ своими призывами селиться на ихъ монастырскихъ земляхъ. Бобыль, прибывшій на новое мѣсто ни съ чѣмъ, иногда съ радостію откликался на такой призывъ и вступалъ съ монастырскими въ договоръ, при которомъ послѣдніе, не обходя своихъ выгодъ, принимали на себя обязательство обезпечить работника на первыхъ порахъ всѣмъ необходимымъ въ хозяйственномъ обзаведеніи. Вотъ сюда относящійся любопытный документъ, хранящійся въ архивѣ описываемой нами обители.

„Великому Государю, Царю и Великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія, малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу и Государю благовѣрному царевичу и великому князю Алексѣю Алексѣевичу и Государю благовѣрному царевичу и великому князю Θεодору Алексѣевичу били челомъ въ Томскомъ въ Приказной Избѣ воеводамъ Ивану Васильевичу Бутурлину да Проконію Проконіевичу Поводову, — подали челобитную пріѣзжіе люди съ Исети Далматовой пустыни бывшіе крестьяне Тимошка Степановъ, да Мартышко да Андронко Степановы-жь, да Ерофейко да Юрко Петровы, да Ефстифейко... Радіоновы и проч. А въ челобитной ихъ написано: въ прошломъ де 171 году развоевали ихъ башкирцы и съ погрому они остались съ женами и дѣтьми наги и босы, — пришли въ Томскъ и, бродя межъ дворовъ, скитаются Христовымъ именемъ. И чтобы великій государь и государи благовѣрные царевичи пожаловали и велѣли имъ въ Томскомъ быть въ Алексѣевскимъ монастырѣ съ женами и дѣтьми во крестьянѣхъ.. И воеводы Ив. В. Бутурлинъ да Проконій Прокон. Поводовъ велѣли тѣмъ проходящимъ людямъ Тимошкѣ Степанову съ товарищи съ женами и дѣтьми быть въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ во крестьянѣхъ вѣчно, и велѣли дать (о нихъ) память за Государевою печатью Алексѣевского монастыря строителю Исаи съ братією“ (лѣта 7172 сентября 13-го *).

такой челобитной: „Царю... Михаилу Θεодоровичу бьютъ челомъ нищии твои богомольци изъ Сибири верх. у. Тагила Преображенія Спасова — пошь Иванце, дьячекъ Тренка, пономарь Антипка. Пожаловани ми, нищии богомольцы, на кормлю вмѣсто денежныя и хлѣбныя руги, даю намъ земли и сѣвныя покосовъ, а пахати намъ тое землю не кѣмъ: которыхъ, государь, гулящихъ людей приржаемъ себѣ въ полонье и даемъ имъ сѣмляной хлѣбъ, скотъ, лошади, коровы и тѣхъ нашихъ половничешковъ твои государевы воеводы и приказные люди, изгоняючи насъ отъ твоего богомолья, у насъ тѣхъ нашихъ половничешковъ отымають въ твою государеву пашню въ крестьяне безъ твоего государева указа, мимо вольныхъ людей, и тѣ наши пашнишки заустѣли; а призвать и подрадить въ половничешка.. невозможно: бжудя такіа самосильственныя изгови, никто въ полонье не радится. И намъ твоимъ государевымъ богомольцамъ кормиться нечѣмъ, — помираемъ голодною смертію“... Проф. Будивскій добавляетъ, что челобитныя въ этомъ родѣ попадаются въ архивѣ М. Ю. Сибирскаго Приказа очень часто. Жур. „Вѣра и Разумъ“ 1890 г. т. I. ч. II, отдѣлъ церков., стр. 650.

*) Монастырскій свитокъ № 6.

Эти прихожіе люди, бѣглецы съ Песты, отъ Далматовой пустыни, согласились дать свои записи въ крестьяне за Алексѣевскимъ монастыремъ на слѣдующихъ условіяхъ:

„порядились мы жить за тѣмъ монастыремъ вѣчно съ женами и дѣтьми и взяли мы изъ монастырской казны по лошади на человѣка, да по коровѣ, да по овцѣ, да по топору, да по косѣ, да по серпу, да по хомуту, да по оральникамъ. А въ первыхъ намъ годѣхъ три хлѣба ржаныхъ и три хлѣба яровыхъ съ поля снать и измолотя, съ гумна сѣмена (отдать) въ монастырскую казну, а что за сѣменами останется и тотъ хлѣбъ дѣлить пополамъ: половина въ монастырскую казну, половина намъ, Ерофею съ братьями и съ товарищи. А послѣ тѣхъ трехъ годовъ сѣмена имать изъ монастырской же казны и возвращать ихъ туда же, „а всякаго хлѣба, что Богъ пошлетъ за сѣменами останется, пятая мѣра въ монастырскую казну, а четыре мѣры намъ, Ерофею съ товарищи. А на первые три года имать намъ на подмогу, на хлѣбную пахоту, монастырскихъ казенныхъ лошадей. А жить намъ вверхъ по Томи рѣкѣ на монастырской землѣ, на Пачѣ. Да намъ же Ерофею съ братьями съ товарищи на всякій годъ съ человѣка ставить въ монастырскую казну по сажени дровъ полѣвныхъ, и тѣ дрова поставить на монастырь, да по полуосминѣ дѣлать крушъ изъ монастырскаго хлѣба въ монастырскую казну, да по безмѣну масла съ нашего скота. А буде волею Божіею тѣ наши данныя монастырскія лошади изгинуть или воинскія люди отгонять (въ первые три года?) и тѣхъ вмѣсто лошадей имать намъ монастырскія лошади» *).

Судя по количеству крестьянъ, жившихъ за Алексѣевскимъ монастыремъ въ концѣ XVII вѣка, нужно предположить, что такія записи были очень нерѣдки. Предположеніе подтверждается показаніемъ монастырскаго казначея Діонисія въ 1721 г. «По указу Великаго Государя въ прошлыхъ годѣхъ, говорилъ казначей томскому коменданту, гулящія люди давали на себя записи (монастырю) во крестьянство, и давана была имъ изъ монастыря ссуда скотомъ и хлѣбомъ и всякими крестьянскими заводами» **).

Но не всегда крестьяне соглашались жить за монастыремъ вѣчно. Иногда они договаривались состоять за нимъ только на извѣстный срокъ. Крестьяне братья Давыдовы «съ племянники и товарищи» порядились со старцемъ Псаіею жить за монастыремъ только 10 лѣтъ и при этомъ выговорили себѣ, на первые годы, ту же самую подмогу, какую монастырь далъ и пришельцамъ изъ Далматова. „А жить намъ, писали Давыдовы, на Оби рѣкѣ (т. е. по

*) „Списокъ съ крѣпости“, написанный съ подлинной въ 1695 г. Монаст. свитокъ, № 6.

**) Вѣдѣніе о монастырскихъ вотчинахъ, поданное казначею іером. Діонисіемъ томскому коменданту Василію Елизаровичу Козлову въ 1721 г.—Монаст. архивъ; связка 11.

Шегаркѣ?), гдѣ монастырская пашня, туть и пятину“, т. е. пятый снопъ „съ урожая имать съ насъ“... „А десять годовъ отойдутъ“, имъ, Давыдовымъ, записъ выдать обратно *).

Крестьяне Давыдовы нанялись монастырю выгоднѣе, чѣмъ бывшіе крестьяне Далматовой пустыни. Съ другой стороны случалось, что нужда толкала крестьянина на обязательство кабальной монастырю работы, причемъ монастырь, какъ истовый расчетливый хозяинъ, старался прикрѣпить къ себѣ кабальнаго, какъ можно тверже и надежнѣе. Въ 1700 году занялъ въ монастырѣ 50 рублей гулящій человекъ Матвѣй Ивановъ. „И за тѣ заемныя деньги“, говорилъ Матвѣй въ кабальной записи, данной архим. Іонѣ и казначею іеромонаху Іосифу съ братією, „мнѣ съ женою своею Софьей Васильевой и съ сыномъ Борисомъ и дочерьми своими у него, архимандрита съ братією жить въ вѣчной служилой работѣ и всякія монастырскія и деревенскія работы работать безъ всякаго ослушанія, что они, архимандритъ съ братією не заставятъ и, живучи, не пить и не бражничать, зернью и въ карты не играть, съ воровскими людьми не водиться и, монастырскаго чего покравъ, никуда не бѣжать. А пить и ѣсть мнѣ, Матвѣю, съ женою и дѣтьми, платье и обувь носить монастырскія. А буде я, Матвѣй, съ женою и дѣтьми за монастыремъ жить вѣчно не похочу, самовольно куда сойду или стану пить и бражничать, зернью и въ карты играть, и ему, архимандриту Іонѣ съ братією, мени, Матвѣя, съ женою и дѣтьми, отъ всякаго дурна унимать и, смотря по винѣ, смирять, или, что ихъ монастырское покрадучи, куда бѣгу или въ чемъ противъ сей жилой записи не устою и ему, архимандриту Іонѣ, за неустойку взять съ меня сто рублей“ **). Примѣръ кабальной зависимости Матвѣя съ семьєю не былъ въ монастырѣ единственнымъ. Въ послѣдствіи встрѣчаемъ у него еще кабальнаго—крестьянина Рыжторова ***).

По переписнымъ книгамъ 1682 г., за Томскимъ Алексѣевскимъ монастыремъ числилось крестьянъ всего 31 дворъ †). Но за время царствованія Петра В. эта цифра возросла чуть не до двойного количества. Въ то время, когда происходила ломка и перестройка государства, правительство вынуждено было постоянно налегать на платежныя силы своихъ подданныхъ. При огромной тягости податей и всякихъ сборовъ, при неослабно строгихъ мѣрахъ ихъ

*) Монастырскій свитокъ, № 4.

***) Монастыр. архивъ. Связка бумагъ времени Петра В.; см. „Матеріалы для исторіи Сибири“, Том. Губ. Вѣд. 1865. № 38.

***) „Въ книгѣ приходной“ за 1709—1712 г. между прочимъ значится: „взато по кабалѣ у Аонасія Рыжторова рубль“. Мона. арх., связка бумагъ, хранящаяся въ архивѣ особо. Св. Матер. для истор. Сибири. Том. Губ. Вѣд. 1865. № 38.

†) Ссылка на переписныя книги 1682 г. приведена въ отвѣтахъ архиманд. Порфирія, представленныхъ въ 1723 г. прапорщику Кошкарову по дѣлу о податяхъ съ монастырскихъ крестьянъ. Монаст. арх.; св. 11.

взысканія*). крестьяне записывались за владѣльцами иногда очень охотно. Какой-нибудь „гулящій“ находилъ для себя гораздо выгоднѣе вѣдаться податями съ лицомъ или учрежденіемъ, на земляхъ котораго онъ селился и устраивался, нежели съ казенными сборщиками непосредственно. Владѣлецъ долженъ былъ отвѣчать за его подати предъ казною аккуратно, бездоимочно, между тѣмъ какъ самому владѣльцу крестьянинъ могъ въ отданныхъ за него деньгахъ задолжать, могъ улачивать ихъ съ разсрочкою или даже отбыть долгъ какъ-нибудь „натурою“. Способъ взиманія податей, при посредствѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, былъ удобенъ и для самаго завѣдывавшаго сборами начальства, и потому перѣдко оно было готово приписывать къ владѣльцамъ крестьянскіе дворы съ большою щедростію. Въ 1710 г. посланы были изъ Томска въ его уѣздъ для переписи мужскаго и женскаго пола людей томскіе дѣти боярскіе, и, производи переписи, они не поскупились причислить къ монастырю 7 дворовъ изъ гулящихъ людей и казачьихъ дѣтей**). На основаніи сохранившихся отрывковъ изъ монастырскихъ расходныхъ записей 1702 и 1713 г.г. можно усмотрѣть, какъ часто монастырь выдавалъ хлѣбныя ссуды крестьянамъ, несомнѣнно, только лишь освѣвшимъ на его владѣніяхъ. Среди уцѣлѣвшихъ въ монастырекомъ архивѣ бумагъ Петровскаго времени имѣется очень много указовъ, посланныхъ изъ тобольской губернской и томской воеводской канцелярій архим. Василиду о неукоснительной уплатѣ разныхъ денежныхъ сборовъ съ монастырскихъ крестьянъ. Изъ этого однообразнаго матеріала открывается, что свѣтская власть въ 1713 году насчитывала за монастыремъ крестьянъ 51 дворъ, а около 1720 г.—57 дворовъ***). Впрочемъ, послѣднюю цифру архим. Василидъ часто оспаривалъ, указывая на убыли въ крестьянахъ главнымъ образомъ влѣдствіе побѣговъ.

*) Въ 1721 г. архим. Василидъ получилъ требованія о сборѣ съ монастыр. крестьянъ: на генеральный провіантъ 1 руб. съ двора; на морской провіантъ по 13 алтынъ и 5 денегъ съ двора; задратамъ и прочимъ по 5 алтынъ; за провіантъ въ Смоленской магазей по 12 алт. и 2 деньги; на винтеръ—квартиры по 5 алт. 5 денегъ; на дѣло канала по 6 алт. 4 деньги; на городовую работу по 10 алтынъ и полчетверти денегъ; положенныхъ окладныхъ съ двора по 2 руб. 22 алт. и 16 денегъ.—Въ другомъ случаѣ монастырь долженъ былъ внести за крестьянъ драгунскихъ денегъ по 16 алт. и 4 деньги съ двора; на покупку конскихъ кормовъ по 2 алт.; ямскихъ по 2 алтына; на кормъ драгунскихъ лошадей, на подъемъ каменщиковъ и шлицковъ (при постройкѣ Петербурга) по 3 алт. и 2 деньги; на дачу драгунамъ по 11 алт. 4 деньги; поворотныхъ по 8 алт. и 2 деньги; сѣдельныхъ и узданныхъ по полтреди деньги; рекрутскихъ по два алтына; на починку кораблей по 4 алт. и 1 деньги; подводныхъ по 3 алт. и по 2 деньги; на городское строеніе по 9 алт. и по полчетверти деньги; на мѣсячныя деньги полкамъ по 2 алт.; флотскихъ по 2 алт. и по полпятаи деньги ландратскихъ по 3 алт. и по 2 деньги; по опредѣленію сиб. губернатора кн. Гагарина на строеніе судовъ въ Тобольскѣ по 3 алт. и 2 деньги и, кромѣ того, обычныя окладныя подати.—Мон. арх. Связка бумагъ времени Петра В. Си. Матеріалы для исторіи Сибири. Том. Губ. Вѣд. 1865 г. № 44—45.

***) Изъ отвѣтовъ архим. Порфирія Кошкарору.

***) Связка бумагъ времени Петра В.

Случаи крестьянскихъ побѣговъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, повторялись дѣйствительно не разъ, но общее количество крестьянъ у монастыря не переставало возрастать путемъ новыхъ причисленій и послѣ Петра, В. Въ 1732 г. явился въ Тобольскъ къ митрополиту Антонію за разными монастырскими нуждами томскій монахъ по имени также Антоній. Между прочимъ онъ говорилъ митрополиту: „записаны за нашимъ монастыремъ многія души государственныхъ крестьянъ, которые работали въ монастырѣ временно, по найму, а за нихъ требуютъ съ монастыря подушныя подати“. Преосвященный, указомъ на имя томскаго архимандрита Порфирія, отвѣтилъ: если съ монастыря берутъ подати за излишнихъ крестьянъ, то эти крестьяне и должны принадлежать монастырю въ томъ, впрочемъ, случаѣ, если они свободны, не помѣщичьи, и что дѣло ихъ прикрѣпленія „въ благопотребную пользу обители святой“ можетъ „безъ особой волокиты“ устроить томскій воевода Яковъ Матвѣевичъ“ (Некрасовъ *). Для воеводы всего важнѣе было, конечно, своевременный и исправный сборъ податей; поэтому съ излишними крестьянами, навѣрное, устроивалось такъ, какъ полагалъ преосвященный митрополитъ.

Между другими попадали въ число монастырскихъ крестьянъ и «совершенно необученные» грамотѣ священно-церковно-служительскія дѣти. На этотъ счетъ бывали особыя распоряженія правительства, нѣсколько разъ повторенныя тобольскимъ свѣтскимъ и епархіальнымъ начальствомъ. Такъ, по распоряженію изъ Тобольска, томская воеводская канцелярія въ 1731 году записала въ подушный окладъ 8 человекъ изъ необученныхъ „урослыхъ“ священно-церковно-служительскихъ дѣтей и всѣхъ ихъ причислила къ составу крестьянъ Томскаго Алексѣевского монастыря**). Иногда необученные, но урослые священно-служительскія и церковническія дѣти, зная свое безысходное положеніе, сами просили записать ихъ въ монастырскіе крестьяне. Въ 1740 г. поновскій сынъ Иванъ Яковлевъ Муксуновъ подалъ такое заявленіе монастырской власти: «увѣдомился я, низкайшій, что по указу Ея Величества велѣно въ Томскій Алексѣевскій монастырь вмѣсто умершихъ выбылыхъ душъ верстать поновскихъ дѣтей. А въ подушныхъ переписныхъ книгахъ нигдѣ я не написанъ и никогда подушныхъ не плачивалъ, а по сему прошу записать меня въ монастырскіе крестьяне вмѣсто умершаго дячскаго сына Михаила Иванова Евсѣева»***). Такое-же заявленіе и въ томъ-же году поступило еще отъ дячскаго сына Меркурьева †). Нѣсколько спустя, записанный въ монастырскіе же крестья-

*) Указъ митрон. Антонія I архим. Порфирію отъ 1 авг. 1732 г.; со. 15.

***) Распоряженіе по сему дѣлу Том. воевод. канц. Мон. архивъ; связка 15.

****) Тамъ-же. Связка 16. Дѣла за 1740 г.

†) Тамъ-же.

во поновскій смышъ (изъ села Спасскаго, близъ Томска) просился у монастыря въ отпускъ на „кунецкую“ работу (въ извозъ?) до Иркутска*). После разбора въ духовенствѣ, бывшаго въ 1754—1755 г., къ Томскому монастырю было приписано еще 5 душъ изъ причетническихъ необученныхъ дѣтей**).

При совершеніи переписи, во время второй ревизіи (1744 г.), за нашимъ монастыремъ нашлось 435 податныхъ душъ, а въ 1761 г. ихъ числилось 449 д.***). Незначительный приростъ въ продолженіи 17 лѣтъ, несомнѣнно нужно объяснить случаями частыхъ побѣговъ.

Постепенно набирая крестьянъ, монастырь разсылалъ ихъ для заселенія своихъ земельныхъ надѣловъ въ Верхотомскомъ стану, около Иштанской протоки и на р. Шегаркѣ. Въ Верхотомскомъ стану онъ прежде всего основалъ деревню *Пачинскую* (на рѣкѣ Томи и рѣчкѣ Пачѣ), а затѣмъ, въ недалекомъ отъ нея разстояніи, образовались и другія монастырскія деревни: *Писаная*, *Юрьева*, *Тайменька*, *Хорошоборская*, *Убіенная*, *Калбинская*. Къ концу XVIII вѣка Пачинская стала уже селомъ съ построенной въ немъ монастырскимъ кочтомъ церковію во имя Св. Предтечи Іоанна †). На Иштанской протокѣ монастырь завелъ деревню *Иштанскую*, а на р. Шегаркѣ (въ концѣ XVII в.)—*Шегарскую*. Заселеніемъ пустыхъ земель монастырь оказалъ Томскому краю колонизаторскую заслугу, тѣмъ болѣе не маловажную, что въ Верхотомскомъ стану онъ положилъ начало колонизаціи пространствъ, чрезъ которыя очень нерѣдко, пробираясь къ Томску, проходили враждебные русскимъ киргизы и калмыки. Мы уже знаемъ, какъ часто подвергался опустошеніямъ Верхотомскій острогъ, знаемъ и то, что мѣсто около Пачинской было ознаменовано большой кровавой схваткой томскихъ служилыхъ людей съ кочевниками, схваткой, въ которой русскимъ бойцамъ изъ Томска, несомнѣнно, соратовали и пачинскіе монастырскіе крестьяне. Недаромъ, кромѣ того, въ монастырскихъ владѣніяхъ упоминается «калмыцкая дорога», недаромъ монастырскіе крестьяне опасались „воинскихъ людей“, которые могли угнать ихъ, крестьянскій, рабочій скотъ †*).

Въ 1762 и 1763 г. въ селѣ Пачинскомъ жило монастырскихъ крестьянъ 155 муж. ревизскихъ душъ, въ деревнѣ Писаной—13, Юрьевой—41, Тайменькѣ—17, Убіенной—44, Калбинской—50, Иштанской—55. Показаній о коли-

*) Тамъ-же

**) Владѣніе о крестьянахъ, писанное въ 1761 г. архив. Θεодосіемъ. Мон. арх., связ. 5

***) Тамъ-же. Сп. Указъ Тоб. Конс. Θεодосію 1761 г. Авг. 79. Мон. арх., св. 1.

†) Въ описаніи монастыря для преосвящ. Антонія между прочимъ значится «въ Верхотомскомъ стану поселено с. Пачинское. Въ немъ построена церковь деревянная во имя св. Іоанна Предтечи. Попъ Семенъ Ивановъ». Мон. арх.; св. 11.

†*) Мы слышали, что Пачинскіе крестьяне еще доселѣ указываютъ мѣсто, гдѣ когда-то существовала Пачинская крѣпость въ защиту отъ набѣговъ со стороны кочевниковъ. Въ томъ же селѣ живеть и воспоминаніе о побѣдѣ надъ кочевниками, одержанной, вѣроятно, въ 1700 году.

чествѣ душъ въ деревняхъ Хорошоборской и Шегарской мы не нашли, но, вмѣсто исчисленія по душамъ, намъ встрѣтилось здѣсь исчисленіе по тягламъ. Въ первой было 21 тягло, во второй 18 тяголъ *)).

По количеству приписныхъ крестьянъ Томскій Алексѣевскій монастырь между другими монастырями Tobольской епархіи занималъ мѣсто нѣсколько ниже среднего **).

О царской милости, выраженной, по челобитью Исаи, дарованіемъ монастырю ежегоднаго денежнаго и хлѣбнаго жалованія, мы уже говорили, когда цитовали самую жалованную грамоту. Но съ 1699 года выдача жалованія почему-то была прекращена, что подало поводъ къ неоднократнымъ монастырскимъ сътованіямъ. Въ 1717 году взялся хлопотать о ея восстановленіи архимандр. Василидъ и добился того, что, по приказанію сибирскаго губернатора кн. Гагарина, велѣно было выдавать въ монастырь на церковныя потребности вино и ладонь. „А для чего, писалъ кн. Гагаринъ, Великаго Государя жалованіе удержано, о томъ выисавъ съ указовъ, тое выиску прислать въ Tobольскъ векорости.“ Что послѣдовало послѣ доставленія выисокъ, намъ неизвѣстно. Въ приходныхъ записяхъ двадцатыхъ, тридцатыхъ и тѣмъ болѣе позднѣйшихъ годовъ прошлаго столѣтія пособія монастырю жалованіемъ нигдѣ не значится. Судя по этому, можно думать, что хлопоты Василица по сему дѣлу не были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ ***).

Въ заключеніе обзорѣнія всѣхъ основныхъ источниковъ для матеріальнаго благосостоянія Томскаго мужскаго монастыря нельзя не упомянуть и о той заботливости, съ которою монастырскія власти берегли какъ права на пріобрѣтенныя владѣнія, такъ цѣлость и неприкосновенность самыхъ владѣній. Утрата въ 1656 г. сгорѣвшей вмѣстѣ съ церковью «крѣности» на Иштанскія угодья, очевидно, произвела въ монастырѣ большое безпокойство, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока крѣность не была возобновлена по челобитью старца Ефрема. При томъ или иномъ вкладѣ изъ земель и угодій монастырь старался обезпечить за собою прилагаемое не только разными «вкладными» и «поступными», написанными въ его пользу, но собиралъ

*) Такое количество душъ и тяголъ показано во многихъ черновыхъ и бѣловыхъ бумагахъ, относящихся къ перепискѣ архим. Феодосія съ разными учрежденіями за то время, когда происходило отобраніе церковныхъ и монастыр. имуществъ. См., наприм., ведомость о доходности съ потчинъ 1762 г. Мон. арх.; св. 5.

***) Tobольскій Знаменскій монастырь при второй ревизіи имѣлъ крестьянъ 2140 д., Даматовъ Успенскій 2152 д., Троицкій Тюменскій 516 д., Николаевскій Верхотурскій 543, Ковдинскій Троицкій 766, Невьянскій Боговладенскій 657, Троицкій Рафайловъ 524, Спасскій Енисейскій 398, Красноярскій Введенскій 196, Кушнецкій Христорождественскій 76, Енисейскій Рождественскій—дѣвичій 249, Мон. архивъ; свѣзка 5. Указ. Конс. 1760 г. марта 15.

****) Мон. архивъ; свѣзка бумагъ времени Импер. Петра I. Впрочемъ здѣсь, можетъ быть, нужно разумѣть не то жалованіе, которое назначено было царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ а то, которое слѣдовало-бы выдавать изъ Монастырскаго Приказа. Замѣчательно, что никакихъ лентыхъ указаній на отношеніе нашего монастыря къ Монастырскому Приказу (24 время царствованія Петра В.) въ своемъ матеріалѣ мы не встрѣтили.

и тѣ документы, по которымъ жертвователи сами доселѣ владѣли жертвуемымъ. Это мы видимъ по отношенію къ вкладамъ со стороны Литосова, Елеферьева, Бориса Лаврентьева. Въ 1695 году архимандр. Варлаамъ да келарь іеремон. Мартиніанъ въ челобитной великимъ государямъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ писали: „Въ прошлыхъ, Государи, годѣхъ томскіе жители всякихъ разныхъ чиновъ люди и иноземцы давали... въ Ваше царское богомолье— Томскую обитель намъ, богомольцемъ вашимъ, постушныя, данныя и закладныя и купчія и для поминовенія душъ своихъ вкладныя на пашенныя земли, сѣнные покосы и на рыбныя ловли и на всякія угодыя, и тѣ, государи, всякія наши крѣпости за скудостію нашею, богомольцевъ вашихъ, и за старостію меня, богомольца вашего, архимандрита, въ Томскомъ въ Приказной Палатѣ не записаны, а какіе указы отъ Васъ, великихъ государей, грамоты и статьи въ тѣ годы въ городѣ Томскѣ въ Приказную Палату были присылаемы... мы богомольцы не вѣдали и знающихъ къ такимъ дѣламъ (у насъ) не было и Вашихъ, великихъ государей, указовъ и грамотъ и статей слушать было не кому, и крѣпостей на всякія монастырскія угодыя и на крестьянъ въ Приказной Палатѣ изъ монастыря записывать и затѣмъ ходить было некому-жь... Великіе Государи пожалуйте насъ, богомольцевъ своихъ, велите тѣ наши всякія крѣпости на всякія угодыя и на крестьянъ въ Приказной Палатѣ записать, чтобы Вашему царскому богомолью, святѣй обители, не быть впусѣвъ и намъ, богомольцамъ вашимъ, отъ Васъ, великихъ государей, въ пени не быть и по тѣмъ всякимъ крѣпостямъ отъ всякихъ нашихъ монастырскихъ угодій намъ.. не отстать и, всякое обѣщаніе оставивъ, по мірскимъ домамъ не скитаться». Результатъ челобитной помѣченъ на ней же самой: «въ Приказной Палатѣ у стольника и воеводы Василія Андреевича Ржевскаго все крѣпости справлены и пошлины взяты»^{*)}).

Монастырское челобитье въ подобномъ же родѣ мы встрѣчаемъ еще разъ, нѣсколько позднѣе. 1703 г. августа 9 числа били челомъ великому государю и великому князю Петру Алексѣевичу, «а въ Томску въ Приказной Избѣ (эту) челобитную подали стольникамъ и воеводамъ Григорію Михайловичу да Лаврентію Григорьевичу Петровымъ—Солового Алексѣевского монастыря строитель монахъ Павелъ съ братією. Челобитчики просили: „по указу Великаго Государя и по наказу изъ Сибирскаго Приказу стольникъ и воевода Лаврентій Григорьевичъ Петровъ—Солового написалъ за нами въ Алексѣевскій монастырь въ переписную книгу Великаго Государя жалованье—купленныя и вкладныя пашенныя займки, сѣнные покосы и рыб-

*) Въ монастыр. свиткѣ № 6.

ныя ловли и всякія угоды... и чтобы Великій Государь пожаловалъ насъ — велѣлъ на тѣ вышенисанныя наши вотчины, на нашенныя заимки и на сѣнные покосы и на рыбныя ловли и на всякія угоды дать намъ съ переписныхъ книгъ выпись, почему намъ тѣми вышенисанными монастырскими вотчинами впрядь владѣть». Стольники и воеводы Петровы — Солового, выслушавъ челобитье, выписи дать велѣли. Она была дана и хранилась въ монастырѣ въ качествѣ одного изъ самыхъ важныхъ его документовъ до 1764 г., когда потребовалось выслать ее въ Тобольскую Консисторію *).

Тщательно охраняя юридическія права на свою собственность, монастырь стойко отражалъ и всякое стороннее фактическое на нее пооползновеніе. Въ 1695 году на той изъ монастырскихъ рыбныхъ ловель, которая была пріобрѣтена отъ татаръ Горбуновыхъ юртъ, «сталъ насильствомъ своимъ» коный казакъ Еремѣй Парфеновъ Степановъ и, производя здѣсь добычу въ свою пользу, работниковъ, явившихся съ монастырскимъ неводомъ, съ тои прогналъ. Примѣръ оказался соблазнительнымъ. Вскорѣ такое же насиліе проявлено было со стороны бывшихъ хозяевъ этой тои — Горбуновыхъ татаръ, очевидно, пожалѣвшихъ объ утратѣ своего исконнаго владѣнія. Монастырь пресѣкъ своевольство съ обѣихъ сторонъ сильной жалобой, поданной въ томскую Приказную Палату **). Объ энергіи, съ которою монастырь отстаивалъ свои выгоды въ кипучее время петровской реформы, намъ доведется упомянуть въ слѣдующей главѣ. При совершеніи второй ревизіи, управлявшій въ то время Алексѣевскимъ монастыремъ іеромонахъ Авксентій, для строгаго наблюденія за правильностію и точностію переписи монастырскихъ крестьянъ, отправилъ въ вотчины довѣреннаго своего въ лицѣ расофорнаго монаха Ивана Бардакова ***).

3.

Монастырскіе настоятели. — Братія. — Общiе братія въ монастырѣ за время XVII в. — Документъ, относящійся къ вопросу о родоприсхожденіи членовъ братіи. — Запретительные о постриженіяхъ указы. — Оскуднѣіе въ количествѣ братіи. — Посылки въ монастырь идомыхъ священно-церковно-служителей. — Отставные изъ военныхъ въ монастырѣ. — Подначальные.

О первомъ дѣйствительномъ строителѣ Томскаго мужскаго Алексѣевскаго монастыря, какъ замѣчено выше, намъ ничего неизвѣстно. Все, что извѣстно о слѣдующихъ настоятеляхъ-старцахъ *Ефремъ* и *Исаія*, мы уже привели въ предшествующемъ изложеніи. Остается упомянуть, что Исаія скончался въ 1668 году. На его мѣсто былъ избранъ старецъ *Варлаамъ*

*) Копія съ этой челобитной приведена въ дѣлѣ о заиреженіи мѣщанину Левашеву ставить сѣно на монаст. лугахъ.

***) Изъ бумагъ, особо хранившихся въ мон. архивѣ.

***) Распоряженіе намѣстника Авксентія, 1744 г. Мон. арх.: св. 2.

по фамилии *Митрофановъ**). По избрании, онъ произведенъ былъ въ игумена, а къ 80-мъ годамъ XVII в. значеніе томской обители возрасло уже настолько, что тобольская власть нашла благовременнымъ возвести въ игумена Варлаама въ достоинство и санъ архимандрита**). Въ челобитной 1695 г. о заниси въ томской Приказной Палатѣ монастырскихъ крѣпостныхъ документовъ архим. Варлаамъ, какъ мы видѣли, ссылаясь на свои глубокіе старческіе годы. Но изъ одного дѣла, относящагося къ срединѣ XVIII в., открывается, что онъ продолжалъ настоятельствовать и въ первой половинѣ 1699 г.***). Слѣдовательно, Варлаамъ управлялъ монастыремъ болѣе 30 лѣтъ. Большая часть монастырскихъ имѣній была собрана при немъ. Преемникомъ его былъ архимандритъ *Іона*. Кромѣ разныхъ архивныхъ бумагъ, гдѣ упоминается его имя, въ монастырской ризницѣ весьма долгое время хранилась сдѣланная для него архимандричья шапка. Надпись, существовавшая на шапкѣ, сообщала, что «построена (была) въ Томскій городъ, въ Томскій монастырь 1700 г. іюля мѣсяца архимандриту Іонѣ на монастырскія казенныя деньги». Къ сожалѣнію, въ 1856 г. эта старинная архимандричья шапка была передѣлана заново и, разумѣется, уже въ другомъ, современномъ стилѣ†). Въ монастырскомъ Синодикѣ архимандритъ Іона названъ «грекомъ» †*). Въ одной изъ напечатанныхъ замѣтокъ о томскомъ монастырѣ мы встрѣтили изумленіе: какимъ образомъ въ ту пору грекъ могъ понасть въ отдаленный сибирскій край? †**). Но по разнымъ изданнымъ историческимъ памятникамъ Сибири видно, что къ концу XVII в. греки для торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ заходили во вновь занятую русскими страну верѣдко и нѣкоторые изъ нихъ оставались здѣсь, навѣрное, навсегда †***). Не говоримъ уже объ извѣстномъ Спафаріѣ, стоявшемъ во главѣ посольства, отправленнаго въ Китай при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Іона управлялъ монастыремъ не болѣе 4 лѣтъ. Послѣ его смерти настоятельство въ монастырѣ почему-то на время передано

*) Монастыр. Синодиаль, листъ 68.

***) Въ Монастырскомъ Синодикѣ Варлаамъ названъ „первоначальнымъ“ архимандритомъ. Синодикъ, л. 39.

****) Черновое дѣло о возмущеніи крестьянъ 1756, 1757 г. Мон. арх.; связка 16.

†) Надпись эта приведена въ черновой монастырской отвѣтной бумагѣ на запросъ консисторіи (1781 г.) о началѣ Том. муж. монастыря. На томъ же черновикѣ сдѣлана новой рукой пометка о передѣлкѣ шапки „съ указаго дозволенія чрезъ 155 лѣтъ“. Мон. архивъ; связка 18.

†*) Монастыр. Синодикъ, л. 69.

†**) Ки. Костровъ. „Томскій Алексѣев. монастырь“. 1873 г.; стр. 5.

†***) Въ 1700 г. „пріѣхали въ Томскъ изъ киргизской землицы... посланецъ черный калмыкъ именемъ Коута съ товарищемъ Коучею, всего 7 человекъ, и подавъ листъ да грамотки отъ грековъ Пвашки Андреева да отъ Пашки Иванова, да отъ русскихъ торговыхъ людей отъ Пвашки Турки... и пр., которые, торговые люди, въ прошлыхъ годѣхъ изъ Томска вошли въ Китай, а нынѣ живутъ у Контайши въ Ургѣ. А тѣ грамотки писаны къ томскимъ дѣтямъ боярскимъ къ Ивану Середивину, къ Андрею Молокову съ товарищи о торгахъ“. Вотъ изрѣчительное свидѣтельство на тотъ счетъ, что греки въ концѣ XVII в. заходили не только въ Сибирь вообще, но и въ Томскъ. Памятники сиб. исторіи. Т. I, стр. 73—74.

было простому монаху *Павлу* съ наименованіемъ его прежнимъ титуломъ „строителя“, а затѣмъ оно снова перешло къ архимандритамъ: сначала *Мартиніану* (ум. въ 1706 г.) и потомъ *Савватію* (ум. въ 1711 г.).

11 августа 1711 г. монастырская братія во главѣ съ казначеемъ іером. Іосифомъ отравила Тобольскому митр. Іоанну Максимовичу челобитье о благословеніи на освященіе вновь созданной монастырской церкви. Благословеніе было дано съ тѣмъ, чтобы освященіе соборнѣ совершилъ посланный изъ Тобольска въ Томскъ вновь назначенный настоятель Томскаго монастыря архимандритъ *Василидъ**). Доселѣ монастырскіе настоятели заботились главнымъ образомъ о приумноженіи монастырскихъ недвижимыхъ имуществъ и формальномъ прикрѣпленіи ихъ къ обители въ качествѣ ея неотъемлемой собственности. На долю архимандрита Василида досталась преимущественная роль защитника монастырскихъ интересовъ въ трудное царствованіе Петра В. Въ самый разгаръ реформы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военной дѣятельности царя-преобразователя къ Василиду отъ разныхъ властей и канцелярій шли распоряженія за распоряженіями о сборахъ съ монастырскихъ крестьянъ и съ разныхъ монастырскихъ угодій то на тотъ, то на другой вновь открывшійся государственный расходъ. Архимандритъ, стараясь аккуратно исполнять законныя требованія, ревниво отражалъ всякія излишнія притязанія и опротестовывалъ всякія невѣрности въ счетахъ. Для образца приведемъ челобитную отъ 26 марта 1718 г.

„Державнѣйшій Царь, Государь милостивѣйшій! Въ прошломъ 1717 г. по указу Вашего Величества посланъ былъ сынъ боярскій Михайло Лавровъ для описи гулящихъ людей и написалъ въ оброкъ монастырскаго служку Бориса Матвѣева сына Тарскаго, а онъ, Матвѣй, съ сыномъ Борисомъ въ 1710 г. написанъ былъ монастырскимъ крестьяниномъ и по челобитью нашему въ 1713 г., по указу Вашего Величества за подписаніемъ руки Сибири губернатора князи Матвѣя Петровича Гагарина, братъ съ него, Матвѣя, подати не велѣно. Да въ прошломъ 1708 году монастырская крестьянская вдова Марія Филипова жена Маховикова купила у коннаго казака Александра Неупокоева калмыка Михаила Сергѣева». А Лавровъ и его записалъ въ оброкъ, да еще записалъ Петра Леонтьева — «вкладчика нашего, а онъ, Петръ, желаетъ постричься» — «Да повелить Державство Ваше съ монастырскаго служки Бориса и купленнаго калмыка Михайла оброку не имать, а Петра Леонтьева постричь» **).

*) См. Благословенную грамоту митропол. Іоанна Максимовича на освященіе монастырской церкви. Монастырскій свитокъ. Приложение № VI. Къ большому для себя сожалѣнію, мы нигдѣ изъ обзорѣнныхъ историческихъ источниковъ не могли найти свѣдѣній о происхожденіи Василида, — этого крупнаго дѣятеля въ томскихъ духовныхъ дѣлахъ начала XVIII вѣка.

***) Мюн. архивъ. Бумаги времени Импер. Петра I. Сп. Томск. Губ. Вѣд. 1867 г. № 38 (Матеріалы для исторіи Сибири).

Въ другомъ случаѣ Василидъ протестовалъ, что съ монастыря берутъ излишнія подати между прочимъ и за убогихъ крестьянъ*), въ третьемъ— усиленно ходатайствовалъ о сложеніи съ монастырскихъ рыбныхъ ловель и съ мельницъ оброчныхъ денегъ**). Ки. Матвій Петровичъ смилословился, деньги въ 1716 г. сложилъ, но съ 1720 г. томскіе «конторные служители» заставляли оброкъ платить слова и, въ виду этого утѣшенія, изъ монастыря пошла челобитная еще разъ***). Мы оставляемъ безъ перечисленія болѣе мелкія просьбы и жалобы Василида. Въ своемъ мѣстѣ мы уже имѣли поводъ упомянуть, что тотъ же настоятель, не смотря на переживаемую крайне напряженную и въ той-же мѣрѣ хлопотливую въ государствѣ пору, поднялъ вопросъ о восстановленіи казеннаго для монастыря жалованія и провелъ это дѣло не совсѣмъ безрезультатно.

Состоя въ положеніи монастырскаго начальника, Василидъ, какъ почти всѣ послѣдующіе за нимъ настоятели, несъ нелегкія обязанности заказчика въ томскомъ Заказномъ духовномъ Правленіи. При путешествіи въ Енисейскъ (1718 и 1719 г.), великій сибирскій миссіонеръ, митрополитъ Филофей (въ схимѣ Ѳеодоръ) Лецинскій, между прочимъ занялся просвѣщеніемъ томскихъ инородцевъ, жившихъ по р. Чулыму. Трудно допустить, чтобы ревностный митрополитъ не привлекъ къ участию въ этомъ дѣлѣ и томскаго заказчика въ лицѣ дѣятельнаго архим. Василида. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что Василидъ не мало потрудился въ борьбѣ съ проникшимъ въ Томскъ расколомъ, неослабно побуждая гражданъ, склонныхъ къ расколу, къ исполненію таинствъ исповѣди и св. причастія въ православныхъ храмахъ †).

Архимандритъ, о коемъ говоримъ, былъ большимъ ревнителемъ монастырскаго блага и оставилъ о себѣ память, какъ объ одномъ изъ самыхъ видныхъ представителей томскаго Алексѣевскаго монастыря за все время его существованія. Послѣ непродолжительной болѣзни, онъ скончался 11 сентября 1722 года, 57 лѣтъ отъ роду. Часть оставшагося послѣ него

*) Объ этомъ протестѣ мы узнаемъ изъ слѣдственнаго дѣла, поднятаго въ 1723 г. при архим. Порфиріѣ полковникомъ княземъ Солнцевымъ-Засѣкинскимъ, о неаккуратномъ будто-бы платежѣ монастыремъ госуд. податей за монастыр. крестьянъ. Архим. Порфирій доказывалъ несправедливость указанного объявленія. Мон. арх.; связ. 11.

***) Мон. арх.; связка 11.

***) Мон. арх.; связка бумагъ ир. Петра I.

†) Въ іюль 1722 г. въ Томскѣ былъ полученъ указъ о перенискѣ людей, «которые не ходятъ въ церковь и не исповѣдаются и не причащаются Божественныхъ Христовыхъ Таинъ»... «И архим. Василидъ во градѣ Томску всѣмъ священникамъ заповѣдалъ, чтобы такихъ людей поучати и отвращати отъ соблазна ихъ. Священники вскорѣ донесли, что небывшіе у исповѣди и св. причастія исполнили свой долгъ... «И Томскаго Алексѣевскаго монастыря убогий архим. Василидъ, слышавъ отъ священниковъ о послѣднихъ людѣхъ, обратившихся отъ сомнѣнія своего, зѣло пораздовался. И ради сего радости архіерейскую печать къ сему приложилъ». Мон. арх.; связка бумагъ времени Петра В.

имущества брать его, томскій же монахъ Іосія, захотѣлъ передать въ монастырскую казну*).

Интересно, что въ избраніи преемника Василиду, кромѣ монастырской братіи, участвовали воевода и томскіе дѣти боярскіе. Былъ избранъ изъ среды мѣстнаго монашества іеромонахъ *Порфирій*. Избраніе, на благоусмотрѣніе и утвержденіе преосвященнаго Антонія I Стаховскаго, долженъ былъ представить казначей іеромон. Діонисій. Преосвященный указомъ, посланномъ на имя Діонисія, отвѣтилъ: „писано къ намъ, что архимандр. Василидъ волею Божіею представился и, по смерти де его, города Томска воевода Павелъ Ѳеодоровичъ Загрязскій и дѣти боярскіе и вы братія и вси монастырскіе служители написали къ нашему архіерейству челобитную о іеромонахѣ Порфиріѣ, котораго бы мы поставили въ архимандриты, и для того пустили въ Тобольскъ. И какъ съ братіею сей указъ получишь, и вамъ оному іеромонаху отцу Порфирію сказать нашъ указъ, и ему для поставленія въ архимандриты въ Тобольскъ безъ замедленія быть“ (**).

Архимандритъ Порфирій является для насъ первымъ настоятелемъ, о которомъ мы имѣемъ кое-какіе біографическія свѣдѣнія. Онъ родился въ 1653 г. и былъ сыномъ томскаго казака Самойла Боровскаго. Постриженіе принялъ въ Тюмени отъ рукъ преосвященнаго, схимника Ѳеодора (***)), съ которымъ, вѣроятно, и заѣхалъ въ Томскъ, при его миссіонерскомъ путешествіи въ Енисейскую провинцію. Сотрудничество Порфирія преосвящ. Ѳеодору въ дѣлѣ обращенія томскихъ инородцевъ открывается изъ его особой близости къ сему славному подвижнику миссіонерства и удостовѣрено біографомъ святителя протоіер. Сулоцкимъ †). Въ нашемъ матеріалѣ также имѣется нѣсколько указовъ, данныхъ архим. Порфирію съ митрополичьими предписаніями о самомъ внимательномъ наблюденіи за новокрещенными для поддержанія среди нихъ св. вѣры и благочестія. По должности томскаго настоятеля и званію заказчика во всемъ томскомъ краѣ, Порфирій поставилъ себя очень вліятельно и величаво. Иногда къ нему относились съ жалобами даже свѣтскія лица по дѣламъ, казалось-бы, совершенно ему неподвѣдомымъ †*).

*) Въ старинномъ монастырскомъ Синодикѣ послѣ записи рода представившагося Томскаго Алексѣевскаго монастыря архим. Василида прибавлено: «А прикладу по немъ: четыре книги Миссеи-четы, весь годъ, печатиня. Пятая книга Соборникъ, печатная-жь. И келейное строеніе. И посуда мѣдная и оловянная и прочее, яке братія святая обители сея вѣдаютъ вси». Далѣе собственноручная подпись: «братъ его іеромонахъ Іосія подписался». Синодикъ, л. 38 на оборотѣ.

**) Собственноручно подписанный указъ тобольскаго митрополита Антонія Стаховскаго томскаго Алексѣевскаго монастыря іеромонаху Діонисію съ братіею отъ 5 янв. 1723 г. Мон. арх.; связка 11.

***) Мон. арх.; связка 17. Вѣдомость о монашествующихъ за 1732 г.

†) Протоіер. Сулоцкій. „Филовей Лещинскій, митроп. Сибирскій“. Стр. 40.

†*) Февраля 19 дня 1725 г. «въ Томску во Алексѣевскій монастырь синодальной команды управителю всечестивѣйшему отцу архим. Порфирію» поданъ такое «доношеніе» томскій слу-

Но за то и съ духовными онъ велъ себя чрезчуръ горделиво и самоуважно. По крайней мѣрѣ, это указывали двое челобитчиковъ на него изъ томскихъ священниковъ. Они писали преосвященному Антонію, что Порфирій, опираясь на свою власть и надѣясь на поддержку богатыхъ людей, „Вашего, т. е. митрополичьяго, благословенія ни въ чемъ не опасается и представляетъ себе здѣсь (т. е. въ Томскѣ), якобы и Ваше архіерейство“ *). Кроме того, жаловались они, при общемъ горделивомъ отношеніи къ духовенству, архимандритъ очень часто жертвовалъ справедливостію въ интересахъ родственниковъ, наперсниковъ и своихъ личныхъ. Указанія челобитчиковъ обратили вниманіе преосвященнаго, который и самъ былъ недоволенъ Порфиріемъ за преувеличенныя показанія въ количествѣ говѣвшихъ и причастившихся въ самомъ Томскѣ и томскомъ уѣздѣ. Выразительно, что и какъ по этому дѣлу писалъ митрополитъ Антоній I Стаховскій „пречестному“ архимандриту Алексѣевской обители:

„А присланная отъ тебе вѣдомость о исповѣдовавшихся и причастившихся (за 1731 годъ) явилась быть подозрна или, наче рещи, несправедлива. Понеже неудобно есть, чтобы въ томскомъ множествѣ народа вси сподобились быти у св. причастія. Изъ присылаемыхъ отъ прочихъ записчиковъ вѣдомостей видно, что и не въ великихъ селахъ многіе по случаямъ или за отлученіемъ отъ домовъ своихъ не бывають у св. причастія, а не такъ, какъ ты показалъ, безсовѣстно, томское множество народа причастившимися всѣхъ. Но, что ясно доводитъ (твою) неправду,—предлагаемъ: здѣ по градѣ Тобольскѣ при лицѣ нашего архіерейства многіе не бывають у св. причащенія—ови по правильнымъ винамъ, а другіе по разнымъ случаямъ, да еще въ такомъ градѣ, гдѣ суевѣріе раскольническое жестоко искореняется.... Что ты на сіе—якій отвѣтъ принесешь въ свое оправданіе? Гдѣ множество народа или, наче рещи, самое дно раскольничества содержится, а ты таковыхъ показалъ подъ коварнымъ охраненіемъ православными“ **).

Жилой человекъ конный казакъ Андрей Михайловъ Вубиновъ: „носиланъ былъ я за Его Императорскаго Величества казною въ Тобольскъ пріемщикомъ. А жалованіемъ Его Императорскаго Величества изъ казны въ Томску въ прошломъ 1723 г. не пожалованъ. А въ 1723 г. при бытности въ Томску въ канцелярїи подьячаго Андрея Поломошнова и счетчиковъ Як. Турунова и Ив. Неупокоева мой окладъ записанъ и кто вмѣсто меня въ книгахъ росписался, о томъ не вѣдаю,—никого не просилъ“.

Въ 1724 г. жалованія „я ни бировалъ“, — былъ въ отлученъ на службѣ съ полковникомъ Антономъ Черкасскимъ, а мой окладъ въ книги записанъ, и кому Туруновъ и Неупокоевъ окладъ выдали—неизвѣстно... „Всепокорѣйше прошу вашего превосходительства сіе мое доношеніе въ управленіе Синодальной Команды принять и въ книги записать, чтобы было вѣдомо у вашего превосходительства въ Алексѣевскомъ монастырѣ“. Февр. 19, 1725 г.—Монаст. архивъ; связка 15.

*) Челобитчиками были священники: томской соборной церкви Андрей Завадовскій и томской же Воскресенской церкви Никита Буршевъ. Ихъ челобитныя въ мой арх.; связка 15.

***) Указъ митрополита Антонія, подписанный собственноручно отъ 1 августа 1732 г. Мой архивъ; связка 15. См. Матеріалы для исторіи Сибири. Том. Губ. Вид. 1866 № 23.

Надъ Порфиріемъ назначено было слѣдствіе, порученное кузнецкому игумену Панкратію. Слѣдствіе кончилось вызовомъ архимандрита въ Тобольскъ, гдѣ онъ успѣлъ оправдаться и, несомнѣнно, получилъ для управленія какой-нибудь другой изъ многочисленныхъ монастырей тобольской епархіи *).

Въ ноябрѣ 1733 г. на мѣсто Порфирія митрополитъ назначилъ изъ своего архіерейскаго дома іеромонаха *Рафаила*, но послалъ его въ Томскъ почему-то безъ возведенія въ архимандричій санъ, а только въ званіи монастырскаго намѣстника**). По важному и секретному дѣлу, какія въ то мрачное время возникали во множествѣ, Рафаила взяли изъ Томска въ Тобольскъ для допроса въ губернской канцеляріи. Допросъ обнаружилъ его неприкосновенность къ дѣлу, почему ему было дозволено снова ѣхать въ Томскъ, но уже не для начальствованія въ монастырѣ, а только для прожитія въ немъ въ числѣ рядовой братіи***).

Съ 1738 г. настоятельское мѣсто въ Томской обители занялъ переведенный изъ Туруханскаго монастыря архим. *Лаврентій*. Въ Томскѣ жилъ онъ до октября 1743 г. Въ этомъ году отъ казначеевъ монастырей Туруханскаго—Троицкаго и Енисейскаго—Спасскаго къ митрополиту поступило доношеніе, что оба монастыря находятся безъ начальниковъ. Преосвященный опредѣлилъ: „томскаго архимандрита Лаврентія, не отрѣшая до указа отъ Томскаго монастыря, перевести въ Туруханскій монастырь попрежнему и вмѣстѣ съ тѣмъ отдать въ его управленіе Енисейскій монастырь съ приписанными къ нему двумя меньшими обителями. Для непосредственнаго же завѣдыванія Алексѣевскимъ монастыремъ послать изъ Тобольска крестоваго іеромонаха *Аксентія* †). Последнему придано было тоже званіе, какимъ пользовался прежде Рафаиль, т. е. званіе намѣстника. Въ то время къ томскому монастырю былъ причисленъ и Христорождественскій Кузнецкій. Такимъ образомъ, подъ властію Лаврентія состояло всего 6 монастырей. Исно, что въ глазахъ епархіальной власти онъ пользовался огромнымъ довѣріемъ и соответствующимъ уваженіемъ. Между прочимъ, Лаврентію довелось войти въ сношеніе съ извѣстнымъ исторіографомъ прошлаго вѣка—академикомъ Миллеромъ и подать ему письменныя извѣстія о томскихъ мужскомъ и женскомъ

*) Въ 1735 г. настоятелемъ Далматовскаго монастыря былъ архимандритъ Порфирій. Думаемъ, что это именно былъ о. Порфирій, переведенный изъ Томска. Указатель статей Пермск. Епарх. Вѣд. съ 1867 по 1885 г. Екатеринбургъ. 1895 г.

***) Указъ, собственноручно подписанный митроп. Антоніемъ I, намѣстнику іеромонаху Рафану отъ 23 ноября 1733 г. Мон. арх.; св. 15.

***) Указъ Сибир. губер. канцеляріи въ Томскъ управляющему за воеводу Анисенкову, 21 іюля 1738 г. Мон. арх.; св. 16.

†) Указъ, собственноручно подписанный митр. Антоніемъ II Нарожниевымъ, Декабря 31 д. 1743. Мон. арх.; св. 17.

монастыряхъ *)). Въ періодъ управленія того-же архимандрита и его на-
мѣстника Авксентія въ жизни томскаго монастыря произошло очень важное
событіе, хотя не столько для самихъ монастырскихъ, сколько для блага
духовенства всего томскаго края. При монастырѣ открыта была первая въ
Томскѣ духовная школа подъ названіемъ „русской школы“. Изъ нея священно-
церковно-служительскія дѣти для дальнѣйшаго образованія должны были
поступать въ Тобольскую семинарію. Въ 1746 г. 30 января Авксентія, по
его обязанностямъ намѣстника, смѣнили іеромонахъ *Герасимъ* **) , коего том-
скій воевода не разъ упрекалъ „въ великой простотѣ“. А въ 1750 г. въ ка-
чествѣ настоятеля томскаго мужск. монастыря изъ Тобольска прибылъ архи-
мандритъ *Исаія* Русановичъ ***).

Исаія родился въ Кіевѣ въ 1719 г., слѣдовательно, при назначеніи въ
Томскъ, имѣлъ только 31 годъ. Вмѣстѣ съ своимъ роднымъ братомъ, про-
тоіереемъ Русановичемъ, бывшимъ долгое время очень вліятельнымъ членомъ
Тобольской консисторіи, Исаія пріѣхалъ въ Сибирь въ свитѣ митрополита-
малоросса Антонія II Нарожницкаго, вѣроятно, для преподаванія въ Тоболь-
ской семинаріи. Молодой архимандритъ оказался очень строгимъ и въ об-
хожденіи съ духовенствомъ, надъ которымъ начальствовалъ, какъ заказ-
чикъ, и тѣмъ болѣе съ братією, среди которой принялся настойчиво возста-
новлять нарушенную дисциплину. Не въ мѣру крутыми дѣйствіями по отношенію
къ монастырскимъ крестьянамъ онъ вызвалъ настоящее съ ихъ стороны
противъ себя и монастыря возстаніе. Безпокойства и смуты въ монастырѣ
и въ особенности въ монастырскихъ деревняхъ побудили епархіальную власть
вывести Исаію изъ Томска. Его мѣсто здѣсь было предоставлено еще болѣе
молодому, 29-лѣтнему, учителю семинаріи іеромонаху *Теодосію* съ немедлен-
нымъ повышеніемъ въ санъ архимандрита.

Въ указѣ о назначеніи Теодосія читаемъ небезынтересное извѣстіе, какъ въ
то время монастырь долженъ былъ встрѣчать вновь назначаемыхъ къ нему насто-
ятелей. Монастырская братія должна была встрѣчать ихъ съ торжественнымъ
колокольнымъ звономъ и съ выносомъ св. креста за монастырскія ворота †).

Теодосію довелось потрудиться въ Томскѣ для своей обители очень не-
мало. Требовала заботъ о себѣ монастырская русская школа, въ 1762 г.
преобразованная въ школу латинскую. За ея жизнью Тобольская власть слѣ-
дила очень внимательно и для ея осмотра присылала, при Теодосіѣ, особаго

*) Чтенія въ Импер. Обществѣ истор. и древн. Россіи. 1867 г. Кн. 2; стр. 314—317.

**) Указъ, собственноручно подписанный митроп. Антоніемъ II крестовому іером. Гера-
симу отъ 30 января 1746 г. № 125. Мон. архивъ; св. 16.

***) Время назначенія архим. Исаія въ Томскъ видно изъ его краткихъ біогр. свѣдѣній.
Монас. арх. св. 11.

†) Указъ Тобольской консист. отъ 15 февр. 1760 г. Мон. арх.; св. 5.

ревизора. Но гораздо больше архимандритъ положилъ, непріятной въ этомъ случаѣ, дѣятельности въ вознѣ съ крестьянами, взволнованнымися еще при его предшественникѣ. Не успѣвъ онъ уладиться съ крестьянами, какъ начались новыя хлопотливыя дѣла. Они вызваны были необходимостію многочисленныхъ отисокъ и перенисокъ на запросы свѣтскаго и духовнаго начальства, при отобраніи монастырскихъ земель съ ихъ населенниками въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи. Вручивъ гражданскому учрежденію монастырскія земли и угодья и все монастырское вотчинное хозяйство, Оеодосій имѣлъ горечь оплакать крайне незавидное положеніе своей обители, лишенной, а исключеніемъ скуднаго казеннаго жалованія, почти всякихъ стороннихъ средствъ для существованія. Въ 1769 г. Оеодосій получилъ строжайшій приказъ немедленно явиться въ Tobольскъ для отвѣта по дѣлу объ обидѣ съ увѣщаньемъ, будто-бы нанесенной имъ крестьянину Гаркунову^{*)}. Видно однако, что это тяжелое дѣло несколько не повредило доброму имени архимандрита. Въ томъ же 1769 году онъ получилъ настоятельство въ значительно лучшемъ, чѣмъ былъ томскій, — монастырѣ Верхотурскомъ^{**}).

Въ XVII и самомъ началѣ XVIII в. въ количествѣ братіи нашего монастыря никогда не было недостатка. Служилые люди, усталые въ походахъ и бояхъ и вообще въ разныхъ порученіяхъ чрезвычайно трудной тогда сибирской царской службы, подъ старость шли въ монастырь съ большимъ усердіемъ. Въ тихомъ пристанищѣ скромной обители, послѣ многмятежныхъ скитаній по сибирской землѣ, искали спасенія душъ и заѣзжіе въ далекую сторону промышленные люди. Въ старинномъ монастырскомъ Синодикѣ записано болѣе 200 монаховъ, умершихъ въ періодъ отъ первыхъ лѣтъ существованія монастыря до первыхъ же лѣтъ царствованія государей Іоанна и Петра Алексѣевичей^{***}). По сохранившемуся списку братіи 1721 года всего монашествующихъ съ архимандритомъ по главѣ было въ тотъ годъ 20 человекъ и сверхъ того 5 чел. вкладчиковъ, жившихъ въ монастырѣ безъ постриженія†). Но это уже было время, когда касательно постриженной начали ма-¹⁰

*) Указъ коневторіи имену Пафанаву 1769 г. Мон. архивъ; связка 12.

***) Указъ Конс. отъ 13 ноября 1769 г., № 1659. Монастыр. архивъ; связка тамъ же.

***) Самый старинный очеркъ въ Синодикѣ оканчивается въ именъ почившихъ государей записью имени царя Оеодора Алексѣевича.

†) Братію Алексѣевского монастыря въ 1721 г. составляли слѣдующія лица: — Архимандритъ Василдъ, 56 лѣтъ.

Иеромонахи: Іосифъ (братъ Василда) 67 лѣтъ, казначей Діонисій 67 л., Порфирій 62 л., іеродиаконъ Моисей 52 л. Монахи: Іоаннъ 63 л., Алексій 45 л., Боголюбъ 88 л., Николай 70 л., Никита 72 л., Іоанъ 48 л., Арсеній 60 л., Іоанъ (второй) 50 л. — Проживали въ больницѣ: іеромонахъ Іаковъ 86 л., схимонахъ Привархъ 88 л., схимонахъ Маркъ 85 л., схимонахъ Андрей 75 л. Монахи: Амвросій 80 л., Иларій 72 л., Оеофилактъ 60 л. — Проживали въ келарской вкладникъ Григорій Никоновъ 78 л., вкладникъ Андрей Семеновъ 77 л., хлѣбникъ Михайло Ивановъ 25 л., Максимъ Ильинъ 59 л., вкладникъ Пётръ Ивановъ 68 л. и вкладникъ Архипъ Елпидифоровъ. — Опис. монастыря, представленное митр. Антонію I. Мон. арх.; связка 11.

по малу входить въ силу правительственныя ограниченія. По указу 1725 года, присланному на имя архиман. Порфирія, велѣно было братію Кузнецкаго монастыря, за ея малолѣтствомъ, перевести въ Томскій монастырь. Но сколько именно тогда ее перешло сюда, да и перешло-ли—указаній нами не найдено *).

Вопросъ о родоприсхожденіи монашествующихъ стариннаго монастыря въ Томскѣ, кромѣ царской грамоты 1661 г., гдѣ упоминаются желавшіе постриженія *престарѣлыя служилые люди*, прекрасно освѣщается на основаніи одного, сравнительно поздняго, документа отъ 1732 года. Почерпнутыя изъ него біографическія свѣдѣнія объ архим. Порфиріѣ мы уже приводили. Изъ подвѣдомыхъ Порфирію монашествующихъ іеромонахи:

Моисей принадлежалъ къ роду углическихъ дворянъ Булатовыхъ, и былъ постриженъ въ Томскѣ архимандритомъ Варлаамомъ въ 1695 году.

Симеонъ—сынъ священника изъ города Сургута;—постриженъ былъ въ Томскѣ въ 1730 году.

Іеродіаконъ *Димитрій* былъ сыномъ томскаго священника Меркурьева.

Монахи: *Арсеній* родился въ 1664 году въ Москвѣ отъ бывшаго государева конюха Θεодора Киселева. Постригся въ Томскѣ въ 1699 году, при архимандритѣ Іонѣ.

Антонинъ—изъ томскихъ казаковъ. Постриженіе принялъ при переѣздѣ изъ Тобольска въ Томскъ въ Самаровскомъ Яму (вблизи устья р. Иртыша).

Іоаннъ—изъ посадскихъ дѣтей города Устюга. Постриженъ былъ въ 1719 г. въ Уртаемскомъ (на р. Оби) острогѣ отъ „мимошедшаго чрезъ Уртаемскій острогъ игумена Герасима, который шелъ изъ Томска въ Умвревинскій острогъ для служенія“.

Іона—родился въ Москвѣ въ 1665 г. отъ московскаго сахарныхъ дѣлъ мастера Андрея Мяковского. До постриженія состоялъ въ томской казачьей службѣ.

Феофилактъ Дунаевъ, сынъ солдата, родился въ Москвѣ. Постриженъ былъ въ 1704 г. томскимъ архимандритомъ Мартиніаномъ.

Іовъ—сынъ устюжскаго бобыля; родился въ Устюгѣ въ 1665 г. Постриженіе принялъ отъ томскаго архимандрита Василида въ 1720 году.

Макарій—сынъ томскаго казака, родился въ 1683 г. Постриженъ былъ въ 1726 г. архимандритомъ Порфиріемъ **).

Изложенный перечень представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразительное свидѣтельство на счетъ постепеннаго сокращенія въ общемъ составѣ монашеской братіи нашей обители. Въ послѣдующіе годы убыли въ братію выступаютъ еще замѣтнѣе. Въ этомъ обстоятельствѣ мы прежде всего должны усматривать вліяніе запретительныхъ, относительно постриженій, указовъ,

*) Матеріалы для исторіи Сибири. Том. Губ. Вѣд. 1865 г., № 10—11.

**) Вѣдомость о монастыр. братіи за 1732 г. Мон. арх.: связка 17.

изданныхъ въ послѣдніе годы царствованія Петра В. и за время его ближайшихъ преемниковъ.

Въ именномъ указѣ 1723 г. 28 января было предписано: „отнынѣ вѣрѣ никого не постригать, а на убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ“ *). 5 февраля слѣдующаго года этотъ указъ былъ дополненъ дозволеніемъ постриженія исключительно для священно-церковно-служителей, опредѣляемыхъ въ монастыри за вдовствомъ**). Въ 1729 г. такое дозволеніе было распространено еще на солдатъ, которые „со смотровъ (за престарѣlostію) для пропитанія отсылаются въ монастыри“, еслибы кто изъ нихъ пожелалъ быть въ монашескомъ чинѣ***).

Въ царствованіе Анны Ивановны запрещенія о постриженіяхъ являлись съ особенно строгимъ характеромъ. Въ 1733 году вышло распоряженіе изслѣдовать съ прилежнѣйшимъ разсмотрѣніемъ безъ утайки и безъ всякой лжи: не найдутся ли гдѣ въ монастыряхъ новыя постриженные изъ людей другихъ состояній, кромѣ вдовцовъ духовнаго чина и отставнаго солдатства и если-бы нашлись, то дознать—къмъ и когда пострижены †)?

Въ Именномъ Указѣ отъ 10 іюня 1734 года было настрожайше подтверждено еще разъ, чтобы, кромѣ вдовыхъ священниковъ, діаконовъ и отставныхъ солдатъ, не постригать никого, а въ женскихъ монастыряхъ рѣшительно никого. Въ случаѣ нарушенія этого повелѣнія, указъ грозилъ, что допустившій постриженіе архіерей будетъ штрафованъ 500 руб. изъ его „персональныхъ иждивеній“ за каждого постриженнаго, а „монастырскія власти, по лишеніи чиновъ своихъ и монашества, посланы будутъ“ на вѣчную тягчайшей работы „въ ссылку въ тѣ мѣста, куда тяжко—винныхъ указами ссылать повелѣно, и движимое ихъ персональное имѣніе все безъ остатку взято будетъ въ казну; съ постриженнаго монашескій чинъ будетъ сниманъ“ и ему самому „учинится жестокое наказаніе“ †*).

Изъ опасенія, чтобы не смотря на всю строгость изданнаго распоряженія, гдѣ-нибудь все-таки не произошло недозволеннаго постриженія, вскорѣ послѣдовало повелѣніе, чтобы всякое постриженіе происходило при свидѣтеляхъ по крайней мѣрѣ, при собраніи всей монастырской братіи, и чтобы чинъ его былъ совершаемъ непременно самимъ настоятелемъ, а никѣмъ-либо изъ подчиненныхъ ему іеромонаховъ †**).

*) Пол. Собр. Закон. т. 7, № 4151.

***) Указъ въ мон. архивѣ. Слѣака 15.

***) П. С. Закон. Имен. указъ 2 іюля 1729 г. т. 8, № 5435.

†) Мон. арх.; св. 17. Синодскій указъ преосв. Антонію I.

†*) Пол. Собр. Законовъ т. 9, № 6585.

†**) Указъ отъ 31 янв. 1735 г. П. С. Зак. т. 9, № 6683. Въ 1733 году Кабинетъ Министровъ потребовалъ, что еслибы епископы за убылью въ монахахъ стали ходатайствовать о постриженіи кого-либо, то ходатайство должны представлять въ Кабинетъ, проищемъ подробно состояніе лица, изъявившаго согласіе на постриженіе. П. Собр. зак. т. X, № 7671.

Какъ отразились нечисленныя и имъ подобныя распоряженія на обителяхъ св. Руси ярко выражено въ докладѣ св. Синода, представленномъ на Высочайшее разсмотрѣніе въ правленіе принцессы Анны Брауншвейской:

„Нынѣ въ монастыряхъ и пустыняхъ, писаль св. Синодъ, какъ изъ присланныхъ вѣдомостей видно, іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ весьма недостаточно, а въ нѣкоторыхъ и никого нѣтъ“. Въ числѣ же имѣющихся „многіе престарѣлы и увѣчны“ для священно-служенія и прочихъ монастырскихъ послушаній „совершенно не способны“. И вообще „такое въ ономъ монашескомъ чинѣ нынѣ состоитъ умаленіе, что въ разныхъ монастыряхъ церкви святыя, за неимѣніемъ кого опредѣлить къ служенію, стоятъ безъ Божественнаго священнослуженія“, и некого уже стало опредѣлять въ монастырскіе настоятели, „яко въ архимандриты, игумены и служители“. „Изъ отставныхъ солдатъ желающихъ постриженія почти никого не является. Изъ вдовыхъ же поповъ и діаконовъ, хотя бы кто чина монашескаго и пожелалъ, но и (въ приходскихъ) священно-служителяхъ при многихъ церквяхъ обстоятъ не малая нужда, и удовольствовать всѣхъ праздныхъ церквей священнослужителями за совершенно-крайнимъ церковныхъ причетниковъ недостаткомъ, не изъ кого“. — Таковъ же, по докладу Синода, былъ недостатокъ монахинь по всѣмъ дѣвичьимъ монастырямъ*).

Въ предупрежденіе окончательнаго „опустѣнія“ монастырей святѣйшій Синодъ просилъ дать больше свободы для постриженій, чѣмъ было удѣлено ее доселѣ.

Съ удаленіемъ Бирона отношеніе свѣтской правительственной власти къ церкви и ея учрежденіямъ начинаютъ складываться иначе. Изложенный докладъ Синода увѣнчался слѣдующей резолюціей: „для снабденія монастырей монахами и школъ учителями постригать въ монашество изъ нижеписанныхъ чиновъ, кои пожелаютъ: 1) изъ священнаго чина, 2) изъ церковниковъ служащихъ, 3) изъ разночинцевъ, которые отъ командъ своихъ вольные паспорта имѣютъ и никакими дѣлами не обязаны, 4) изъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ съ свободными отпускными за помѣщичьей рукою, въ которыхъ бы именно написано было, что они отпущены для постриженія и 5) изъ семинаристовъ, окончившихъ свое ученіе, желающихъ (постриженія) и въ тому достойныхъ“... „О постриженіи каждаго чловѣка требовать позволенія монастырямъ, въ епархіяхъ, отъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ, въ Синодальной области, — отъ Синода. Однакожь смотрѣть при томъ, чтобы постригали столько, сколько число потребно, безъ всякаго излишества“.

*) Пол. С. Закон. т. XI., 22 декабря 1740 г. № 8303. Такую же жалобу св. Синода на оскуднѣніе въ монашествѣ см. тамъ-же — синодскій указъ отъ 26 мая 1741 г., № 8382. Огромное оскуднѣніе въ составѣ блага приходскаго духовенства въ царствованіе Анны Ивановны произошло отъ усиленной сдачи священно-церковно-служительскихъ дѣтей и причетниковъ въ военную службу, особенно по извѣстному дѣлу о присягахъ.

Во избѣжаніе излишества вѣлѣно было присылать ежегодные рапорты съ точнымъ имянымъ росписаніемъ, сколько въ году и изъ какихъ чиновъ прибыло новыхъ постриженниковъ*).

Не замедлило затѣмъ послѣдовать разрѣшеніе постриженій и для женскихъ монастырей **).

Итакъ, монастыри могли порадоваться, и тѣмъ больше еще, что указомъ отъ 22 января 1741 года Синодомъ было объявлено дозволеніе, по которому всѣ постриженные за запретительнымъ указами, и поэтому въ силу распоряженія отъ 1735 г. подвергшіеся растрижению, могли снова являться въ монастыри и быть въ монашескомъ чинѣ, еслибы того они пожелали, нашли добраго поведенія и не были наказаны публично ***).

Свободное постриженіе для лицъ, пожелавшихъ посвятить себя иночеству и не связанныхъ никакими особенными обязательствами по отношенію къ государственной службѣ, или къ правамъ помѣщиковъ, продолжалось до 1749 г. Въ этомъ году именнымъ указомъ постриженія были снова пріостановлены — на этотъ разъ, главнымъ образомъ, изъ опасенія постриженія людей несвободныхъ, мужей отъ живыхъ женъ и женъ отъ живыхъ мужей также „младолѣтнихъ“, по принужденіямъ со стороны родителей и родственниковъ.

Запрещеніе было снято 25 сентября 1761 г. ****) и, хотя императоръ Пётръ III снова его возобновилъ †), но только на самое короткое время своего царствованія.

Такимъ образомъ, отъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра В. до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II достиженіе монашескаго чина людьми, не принадлежавшими къ составу вдового духовенства или въ отставному солдатству, если и было возможно, то только въ промежутки между запретительными указами. Въ монастыряхъ центральной Россіи промежутки не проходили безслѣдно для умноженія падавшей численности ихъ обитателей. Иное дѣло въ монастыряхъ сибирскихъ и въ частности томскихъ. Для нихъ все болѣе и болѣе пріобрѣтало силу новое неблагоприятное обстоятельство. Разумѣемъ очень чувствительное измѣненіе въ настроеніи сибирскаго христіанскаго населенія. Изъ множества часто мелочныхъ, но характерныхъ признаковъ, можно вывести слѣдующее малоутѣшительное заключеніе †*). Чѣмъ дальше жизнь русскихъ людей въ Сибири ото-

*) Полное Собр. Заков. т. 11, № 8303.

***) Тамъ-же. Именной указъ св. Синоду отъ 2 января 1741 г., № 8309.

****) Это Синодальное повелѣніе извлекаемъ изъ указа митропол. Антонія архим. Лаврентію отъ 6 июля 1743 г. Мов. архивъ; славян. 17.

†) Полн. Соб. Заков. т. 15, № 11332.

†) И. Соб. Зак. т. 15, № 11441.

†*) Выясненіе признаковъ, которые имѣемъ здѣсь въ виду, оставляемъ до другой работы по Томской церковной старинѣ.

двигалась отъ первыхъ временъ завоеванія этой страны, тѣмъ менѣе ея русскіе насельники обнаруживали ревности въ своей православной вѣрѣ и усердія къ учрежденіямъ церкви. Добрыя и благопріятныя вѣрѣ традиціи, вынесенныя отцами и дѣдами изъ Россіи, начинали забываться уже въ дѣтяхъ, въ говори о внукахъ. Слишкомъ мало для тѣхъ традицій было поддержки въ отдаленной, только лишь колонизируемой странѣ, гдѣ вся жизненная энергія уходила въ борьбу за существованіе или въ погоню за быстрымъ обогащеніемъ. Кромѣ того, въ обширныя и глухія пространства необъятной окраины огромными толпами шли жестоко преслѣдуемые въ Россіи раскольники. Приставая къ селамъ и деревнямъ, или селясь въ пустынныхъ мѣстахъ, они постепенно насыщали сибирскую атмосферу суевѣріями своихъ разнородныхъ сектъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что, помимо вліянія запретительныхъ о постриженіи указовъ, сибирскіе монастыри должны были оскудѣвать монашествующими, влѣдствіе падавшей въ сибирскомъ населеніи расположенности къ обѣтамъ иноческой жизни, особенно въ православномъ монастырѣ, а не какомъ-нибудь таежномъ скиту.

Къ 1733 году оскудѣніе въ братіи Томскаго Алексѣевского монастыря дошло уже до того, что вновь назначенный его настоятель намѣстникъ Рафаиль нашелъ въ немъ іеромонаховъ только „малое число“, да и тѣ за старостію богослуженіе могли исправлять „не безъ нужды“. Чтобы помочь „нуждѣ“, Рафаиль просилъ опредѣлить къ нему Далматовскаго іеромонаха Климента, который предъ тѣмъ, за побѣгъ изъ своего монастыря, былъ наказанъ плетью и содержался въ тобольскомъ архіерейскомъ домѣ „въ хлѣбныхъ трудѣхъ“ (хлѣбопекариѣ). Клименту дозволено было ѣхать въ Томскъ съ правомъ священнослуженія, впрочемъ при оговоркѣ: если бы сталъ вести себя добропорядочно^{*)}.

Спустя семь лѣтъ, архимандритъ Лаврентій описалъ епархіальному начальству братію Алексѣевского монастыря въ слѣдующемъ видѣ: въ монастырѣ состояло на лицо кромѣ него, архимандрита Лаврентія, іеромонаховъ трое. — „въ томъ числѣ одинъ старъ и дряхль и весьма ножною болѣзнію скорбенъ и викауда изъ больницы не ходитъ и другой старъ и глухъ и ничего не слышитъ; іеродіаконъ одинъ старъ и дряхль и правая рука скорчена, — не владѣеть; монаховъ трое, изъ нихъ двое стары и дряхлы“. При монастырѣ проживало бѣльцовъ: пощъ вдовый — старъ и дряхль, дьячковъ вдовыхъ же двое, и одинъ изъ нихъ старъ и дряхль, пономарь одинъ и вкладчиковъ четыре человека — „все стары и дряхлы“^{**)}. Взвѣсивъ на эту почти общую старость и дряхлость, мы уже не можемъ изумляться заявленію намѣстника Авксентія,

^{*)} Указъ преосвящ. митрополита Автоія намѣстнику іеромонаху Рафану отъ 23 ноября 1733 г. № 565. Мов. архивъ; связ. 15.

^{**)} Матеріалы для истор. Сибири. Чтен. общ. истор. и древ. Рос. 1867 г. Кн. 2, стр. 295—296.

которое прописалъ онъ въ жалобѣ преосвященному, что кромѣ него, Авсентія, въ монастырѣ божественныхъ литургій служить было некому.*)

При недостаткѣ или, лучше, полномъ отсутствіи мірскихъ людей, которые могли бы или желали поступить въ нашъ монастырь, епархіальная власть вынуждена была комплектовать составъ его братіи исключительно посылками сюда вдовыхъ священнослужителей. Извѣстенъ старинный строгій взглядъ русской церкви на священниковъ, впадшихъ въ самое тяжелое для нихъ несчастіе потери жены. Заподозривалась ихъ нравственная состоятельность при предполагаемой трудности обречь ее во вдовствѣ, среди мірскихъ соблазновъ. Во охраненіе чистоты вдовствующей жизни, вдовцовъ заставляли уходить за обительскія стѣны для постриженія тамъ. Такъ было во всей Россіи, такъ и въ Сибири. Въ 1712 году Тобольскій митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ указомъ „за собственноручнымъ подписаніемъ“ томскому архимандриту и заказчику Василиду повелѣлъ: „города Томска вдоваго священника Дмитрія Родіонова постричь въ Томску въ Алексѣевскомъ монастырѣ въ монашество, и быть ему, по постриженіи, въ подначальствѣ и во всякомъ монастырскомъ послушаніи, по твоему разсмотрѣнію“. Родіоновъ долженъ былъ „служити божественную службу и жити въ монастырѣ безысходно, до кончины живота своего. А города Кузнецка вдовому священнику Іоанну Ѳедотову, на прошеніе Кузнецкихъ градскихъ людей, указали мы для малыхъ его дѣтей быть при церкви и служить попрежнему, буде начнетъ жить благочинно“.**)

11 января 1723 г. св. Синодъ имѣлъ разсужденіе о вдовствующихъ понахъ и діаконихъ, „каковыми прежде сего принужденіе было лишатися мѣсть и неволю въ монашество постригати безо всякой къ тому, кромѣ овдовѣнія, вины“. Послѣ разсужденій, въ Синодѣ приговорили: „отселѣ вдовыхъ протопоповъ, поповъ, протодіаконовъ и діаконовъ, показавшихъ во овдовѣніи, житіе доброе, благочинное, неподозрительное и во всѣхъ священному чину должностяхъ исправное, мѣсть не лишать и епитрахильны грамоты (для продолженія священнослуженія въ приходахъ) давать имъ отъ (мѣстныхъ) архіереевъ“. Въ указѣ, изданномъ и разосланномъ по смыслу этого опредѣленія, было предписано, чтобы вдовы на полученіе епитрахильных грамотъ брали свидѣтельства о своемъ добромъ поведеніи отъ прихожанъ, возобновляя тѣ свидѣтельства каждый годъ и, сверхъ того, пред-

*) Архивъ Томскаго дух. Правленія (въ Томской консист.). Указъ томск. заказчикъ сваяц. Богомышенской церкви Михаилу Григорьеву, 30 окт. 1744.

**) Указъ „отъ великаго господина“ преосвященнаго Іоанна (Максимовича) въ Томскій Алексѣевскій монастырь духовнымъ дѣль заказчику архим. Василиду, хранящейся въ архивѣ среди святковъ.

ставляли епархіальной власти завѣренія о чистотѣ жизни отъ крестоваго іеромонаха, также послѣ ежегодно повторяемой у него исповѣди *).

Все таки положеніе вдовыхъ должно было послѣ того измѣниться къ лучшей участи. Но, кажется, что къ сибирскимъ и, въ частности, къ томскимъ вдовцамъ только лишь процитованный указъ примѣнялся въ снисходительномъ смыслѣ далеко не всегда. Вдовыхъ не переставали понуждать здѣсь въ монастыри съ единственной для нихъ уступкой, касающейся постриженія. Последнее было предоставлено на ихъ волю: они могли его принимать, но могли оставаться въ монастыряхъ на положеніи бѣльцовъ. Вдовы священники и діаконы шли въ обители, но иногда оказывали сопротивление, выражаемое чаще всего глухо:—путемъ молчаливаго непослушанія.

Намѣстникъ іеромон. Авксентій, представившій начальству, что въ монастырѣ служить литургій, кромѣ него самого, стало некому, просилъ дозволенія заставлять вдовыхъ священниковъ Томскаго заказа, чтобы отираждали богослуженіе въ монастырѣ поочереді. Отвѣтъ послѣдовалъ иной. Велѣно было вдовыхъ священниковъ: томской Благовѣщенской церкви—Бекшева, села Зеледѣва Феодота Кирьякова, Сосновскаго острога Бориса Коцѣва, Верхотомскаго острога Ивана Дулѣнова, Курчиковой волости Никифора Попова собрать и «забрать» въ обитель навсегда и доставлять имъ здѣсь іеромонашеское содержаніе, а у кого изъ нихъ нашлись бы малолѣтніе дѣти, взять въ монастырь и ихъ, чтобы учились грамотѣ у своихъ отцовъ **).

Строгое повелѣніе утѣшило монастырскаго настоятеля очень мало. Въ февралѣ 1745 г. онъ донесъ преосвященному, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ священниковъ уже неспособны къ монастырскому служенію. Такъ, Бекшевъ оказался „старъ и дряхль“, Кирьяковъ—„наготово слѣпъ, такъ что не только богослуженіе совершать, но и псалмы читать не могъ“. Священникъ Верхотомскаго острога Иванъ Дулѣновъ, хотя и могъ бы служить, но за нуждою своею, въ прошломъ 1744 году, отпросился изъ монастыря въ отпускъ, и съ тѣхъ поръ въ обитель не возвращался. О причинѣ долговременнаго отсутствія былъ спрошенъ родной его братъ, служившій священникомъ въ г. Томскѣ; братъ отвѣтилъ, что «о. Иванъ въ монастырь не хочетъ». Кромѣ того, пояснялъ намѣстникъ, онъ, Дулѣновъ, женилъ своего малолѣтняго сына безъ вѣчной памяти, а слѣдовательно и безъ уплаты законенныхъ вѣчныхъ пошлинь, а таковыхъ держать въ монастырѣ «не безсумнительно».

Въ заключеніи своего донесенія Авксентій ходатайствовалъ объ опредѣленіи въ монастырь другихъ кандидатовъ на него: только-лишь овдовѣв-

*) Синодскій указъ преосв. Антонію отъ 11 янв. 1723 г. Монастыр. архивъ. Связка 11.

***) Смотри выше указъ свяц. Михаилу Григорьеву отъ 30 окт. 1744 г.

шихъ священниковъ Томскаго заказа: Николаевской волости Θεодора Панкратова, с. Ирменскаго Якова Хобарова и с. Кривощекова Степана Кошлова *).

Можно однако думать, что и эти священники какъ-нибудь отдѣлались отъ обители, потому что въ 1746 г. Авксентій писалъ еще разъ о крайнѣйшей монастырской нуждѣ въ іеромонахахъ и священнослужителяхъ**).

Новое донесеніе вызвало новое строжайшее приказаніе: забрать всѣхъ вдовыхъ поповъ томскаго вѣдомства въ духовное правленіе и, «допросивъ, почему при мірскихъ церквахъ служатъ, грамоты и указы отъ нихъ взять и самихъ поселить въ монастырѣ, не взирая ни на какія отговорки». Изъ монастыря, предписывалось въ указѣ, бродить имъ не попускать и содержать ихъ здѣсь противъ прочихъ іеромонаховъ. Ихъ дѣтей муж. пола обучать въ монастырѣ «въ надежду священства», а дѣвицъ, если не могутъ себя пропитывать, отдать въ дѣвичій монастырь въ приличное, за прощаніе, послушаніе до выхода замужъ. Если-бы, гласилъ указъ далѣе, забравные въ монастырь священники захотѣли въ немъ постричься, ихъ постригать, но о своемъ согласіи на постриженіе они непременно должны давать собственноручныя подписки.

Въ предупрежденіе уклоненій священниковъ отъ монастыря и на этотъ разъ, а равно возможнаго заступничества за нихъ со стороны прихожанъ, преосвященный поставилъ на видъ такое обстоятельство. По представленію архим. Лаврентія, подлежали опредѣленію въ Енисейскій монастырь вдовы священники изъ Енисейска, Красноярска и Туруханска. Но они прибѣгли къ заступничеству своихъ свѣтскихъ духовныхъ дѣтей и, «чванясь» заступленіемъ, въ монастырь идти не похотѣли. За вину ослушанія противники заслужили наказаніе отрѣшеніемъ отъ мѣсть, и если это наказаніе ихъ не постигло, то единственно изъ „снисходительной“ къ нимъ милости. Отселѣ же, въ случаѣ вдовы священники, при отговоркахъ отъ монастыря, будутъ опираться на свѣтское заступничество, ихъ постигнетъ неминуемое запрещеніе (въ священнослуженіи), а заступниковъ изъ свѣтскихъ «за пренятіе къ употребленію архіерейской власти—наше архіерейское неблагословеніе»***).

Изложенное приказаніе было выражено чрезвычайно настойчиво, однакожь и его исполненіе не прошло безъ многихъ противностей и проволочекъ. Преемнику Авксентія намѣстнику Герасиму въ томъ-же 1746 году довелось извѣстить, что вдовыхъ священниковъ онъ собиралъ и для того, чтобы

*) „Доношеніе“ намѣстника Авксентія Тоб. митрополиту отъ февраля (число не обозначено) 1745. Мон. арх.; связка 16.

**) Въ отвѣтъ на это донесеніе послѣдовало то строгое повелѣніе о вдовцахъ, о которомъ говоримъ ниже.

***) Архіерейскій указъ Том. Алекс. мон. намѣстнику Герасиму отъ 4 февр. 1746 г. Мон. арх.; связка 16.

жили въ монастырѣ, грамоты у нихъ отобралъ, тѣмъ не менѣе оставаться въ монастырѣ они не хотять,—подъ разными предлогами уходить изъ него въ свои прежнія, но близкія къ Томску, селенія, и оттуда назадъ уже не возвращаются *).

Началась новая возня съ дѣломъ ихъ новаго собранія и обратнаго водворенія за обительской оградой, причемъ нѣкоторымъ все-таки удалось отойти отъ тяжкаго обязательства.—Кромѣ вдовыхъ священнослужителей томскаго заказа иногда, поодиночкѣ, присылались въ нашъ монастырь вдовцы изъ другихъ вѣдомствъ Тобольской епархіи:—Исетскаго, Туринскаго, Сургутскаго.

Понужденіемъ вдовыхъ въ монастыри численность братіи Алексѣевской обители начинаетъ нѣсколько возстановляться. Въ 1750 г. братія состояла изъ только-лишь назначеннаго архимандрита Исаія, іеромонаховъ *Герасима, Симеона, Принарха, Богольни, Моисей, Исифа*, іеродіакона *Исхиріона*, монаховъ *Феодосія, Варлаама*. Всѣ іеромонахи были изъ вдовыхъ священниковъ, іеродіаконъ изъ вдовыхъ діаконѣвъ, монахи изъ вдовыхъ причетниковъ**). То обстоятельство, что вдовцы являются всѣ постриженными, даетъ намъ право на предположеніе о большомъ усердіи, съ которымъ монастырская власть старалась внушать невольнымъ пришельцамъ въ обитель, что за ея порогомъ самая приличная жизнь есть жизнь въ монашескомъ постригѣ.

Но прекращались начальственные послышки вдовствующихъ въ нашъ монастырь и во все продолженіе 50 годовъ XVIII в.; въ результатъ послѣдовало нѣсколько новыхъ, на убыль мѣста, постриженій. Между другими были пострижены двое томскихъ городскихъ священниковъ: Михаилъ Шиховъ и Феодоръ Рудаковъ. Остановимся немного на судьбѣ послѣдняго, принявшаго монашество съ именемъ *Феофилакта*, въ 1755 году.

Въ бѣльцахъ о. Рудаковъ состоялъ священникомъ при Томской Сосѣтвѣевской церкви. Жилъ онъ хорошо, привольно, владея собственнымъ домомъ и добрымъ при немъ хозяйствомъ. По постриженіи, Феофилактъ своимъ поведеніемъ возбудилъ неудовольствіе архиман. Исаія, который не замедлилъ отправить на него жалобу митрополиту Сильвестру. Содержаніе жалобы раскрываетъ намъ, какъ тяжела была для этого священника монашеская мантия, принятая безъ внутренняго влеченія къ иноческой жизни. Архимандритъ писалъ, что отъ Феофилакта происходитъ „постоянное роптаніе, якобы онъ постриженъ сильно, и отъ того имѣется въ народѣ молва и соблазны“. Кромѣ

*) Настоящее донесеніе іером. Герасима мы нашли завалившимся въ пачку дѣлъ Том. духов. Правленія за 1811 годъ. Архивъ Том. д. Права. въ Томской консисторіи.

**) См. вѣдомость о братіи Том. муж. монастыря за 1750 г. Она была представлена на запросъ Тобольск. митрополита Сильвестра: сколько поступило въ монастырь вдовыхъ ищовъ и діаконѣвъ,—когда постригались и съ какимъ именемъ?—Мон. архивъ; св. 11.

того онъ, Теофилактъ, частовременно уходитъ изъ монастыря въ свой домъ для исправленія въ немъ разныхъ домашнихъ и хозяйственныхъ нуждъ и потребностей. Въ отлучкахъ нерѣдко навѣщаетъ своихъ родныхъ и прежнихъ друзей изъ бывшихъ прихожанъ, и послѣ того возвращается въ монастырскую келью не всегда въ трезвомъ видѣ. А когда выходитъ изъ монастыря ему воспрещается, его родные и знакомые выговариваютъ настоятелю: „какъ де можно не пускать Теофилакта въ его собственный домъ“, покинутый безъ хозяйскаго глаза. Далѣе, писалъ Исаія, постоянно сѣдующій на невольное постриженіе Теофилактъ „противится“: не желаетъ отдавать въ монастырь своей собственности. Близъ монастыря ему принадлежалъ сѣнной покосъ и когда, по настоятельскому приказанію, покосъ выкосили монастырскіе работники, іеромонахъ обидѣлся. Обидѣвшись, онъ поспѣшилъ передать вѣрность на покосъ родственнику. Вообще „прикладовъ и обигель изъ своего имущества онъ не чинить, но болѣе болѣзнуетъ о домѣ своемъ и о розданныхъ въ торги постороннимъ людямъ своихъ богатствъ“. Изложивъ жалобу, Исаія, въ избѣжаніе частыхъ столкновеній съ Теофилактомъ и въ пресѣченіе молвы о немъ по городу, просилъ перевести его въ какой-либо другой монастырь. Устроилось такъ, какъ желалъ, очевидно, далеко несклонный къ мягкосердію молодой о. архимандритъ. „За беспокойство и непокореніе“ Теофилакта вѣрно было препроводить подальше отъ его дома въ Красноярскъ, — въ число братства тамошняго Введенскаго монастыря^{*)}.

При Исаѣ и въ первые годы настоятельства Θεодосія бывали случаи присылки въ Томскій монастырь монаховъ изъ другихъ западныхъ монастырей Тобольской епархіи. Но эти присылки почти всегда имѣли значеніе ссылки. Такъ, въ 1753 году изъ Далматова монастыря препроводили въ Томскій — іеромонаха Протасія за то, что, состоя въ первомъ на казначейскіи должности, растратилъ изъ монастырской казны нѣсколько сотъ рублей.^{**)} С присланнымъ въ 1761 году изъ Тобольскаго Знаменскаго монастыря монахомъ Иліодоромъ Θεодосій получилъ наказъ содержать его въ самомъ строжайшемъ монастырскомъ послушаніи за какія-то особенно важныя вины.^{***)}

Предъ самымъ временемъ отобранія у монастырей имѣній и вотчинъ въ братіи Алексѣевскаго монастыря произошла опять нѣкоторая убыль. Въ 1764 году братія состояла изъ архимандрита, четырехъ іеромонаховъ, одного іеродіакона и одного монаха.^{****)}

*) Указъ Тобольской консистор. архим. Исаія отъ 1755 г. 4 сентября. Монастыр. архивъ, связка 16.

**) Судимость Протасія по должности казначея въ Далматовой пуст. прописана въ указѣ на имя Кузнецкаго игумена Адріана, такъ какъ Протасій нѣкоторое время находился въ Кузнецкомъ монастырѣ. Указъ игумену Адріану отъ лив. 1754 г. Монас. арх.; 16 связка.

***) Указъ Тобольск. конс. архим. Θεодосію 29 мая 1761 г. Монас. арх.; связка 1.

****) Вѣдом. о монашествующихъ за 1764 г. Монас. арх.; связка 11.

Кромѣ монашествующихъ и вдовыхъ лицъ изъ священно-церковно-служителей, въ монастырѣ проживали разныхъ чиновъ бѣльцы-міряне. Разумѣемъ прежде всего такъ называемыхъ *вкладчиковъ*. Это были люди, что-либо внесшіе въ монастырь деньгами, угодами или какими нибудь другими вещественными вкладами, и потому входившіе въ особую близость къ монастырю и во многихъ случаяхъ добивавшіеся права жительства въ немъ даже тогда, когда не хотѣли принимать монашества. Какъ и слѣдуетъ ожидать, судя по характеру отношеній къ обители со стороны томскаго населенія, вкладчиковъ было особенно обильно у нея за время ея существованія въ XVII вѣкѣ. Въ старинномъ Синодикѣ ихъ имена записаны во множествѣ. То и дѣло вкладчики, въ качествѣ особаго рода монастырскихъ насельниковъ, или жившихъ въ самомъ монастырѣ или въ его вотчинныхъ „дворцахъ“ упоминаются и въ первые десятки лѣтъ XVIII вѣка. По архиву, не разъ встрѣчаются случаи, когда монастырь долженъ былъ за своихъ вкладчиковъ выплачивать подати и разные казенные поборы. Думаемъ, что это было не столько дѣломъ благодарности за сдѣланные, иногда малочисленные, вклады, сколько мѣрою монастырской хозяйственной расчетливости. Безъ сомнѣнія, вкладчики, если не были очень престарѣлы, помогали монастырю своимъ рабочимъ трудомъ*). Тѣмъ не менѣе въ XVIII столѣтіи, вслѣдъ за указаніями Дух. Регламента**), епархіальное начальство стало неодобрительно относиться къ тому, что въ монастыряхъ обитаютъ люди съ наименованіемъ вкладчиковъ. Указомъ отъ 6 іюля 1743 г. митрополитъ Антоній II, разъяснивъ почему нежелательно пребываніе въ монастыряхъ жильцовъ этого ранга, строго запретилъ принятіе ихъ на будущее время. „Извѣстно учинилось, писалъ онъ, что разныхъ чиновъ люди, обрѣтающіеся въ монастыряхъ, оставя свои настоящія званія, именуютъ себя монастырскими вкладчиками, ниже не стыдятся вкладчиками и подписываться, и тѣмъ тщеславно хвастаются и *чванятся*“. Хвастаясь, они указываютъ на свои милостыни монастырю, а отъ ихъ милостынь корысти бываетъ не много. Иной положить въ монастырь 5 или 10 рублей, а затѣмъ заживетъ въ немъ вдвое или втрое. Независимо отъ сего, чваниться милостынею не слѣдуетъ еще

*) Не даромъ многіе изъ вкладчиковъ проживали въ келарской. Одинъ изъ вкладчиковъ въ старинномъ Синодикѣ названъ „хлѣбопекальникомъ“. Синодикъ, л. 46 на оборотѣ.

**) „Бездѣльный и тщетный сей обычай есть:—дася кто нѣсколько рублей вкладу въ монастырь, одолжалъ тако монастырь, чтобы его, когда онъ похочетъ, принять въ монахи и тогда онъ входитъ въ монастырь, какъ бы въ свою вотчину, и за вкладъ свой, аки за долгъ нѣкій, угоди въ монастырь ищетъ и отъ настоятеля съ роптаніемъ истязуетъ. И уже мнѣніе у многихъ есть, что такового нельзя не принять въ монахи. Отсебѣ вкладовъ и вкладчиковъ таковыхъ не принимать; а ежели кто приметъ, изверженъ будетъ своего настоятельства“. *Духовный Регламентъ*. Москва. 1802 г., стр. 159. Какъ мы видѣли, вкладчики жили въ нашемъ монастырѣ и послѣ этого распоряженія, даннаго въ Регламентѣ, но жили безъ постриженій. Впрочемъ, во множествѣ случаевъ вкладчики не принимали постриженія и въ прежнее время.

потому, что христіанскую милостыню нужно скрывать, ожидая „отъ Бога за тайное благотвореніе сторицею“. — „Поэтому вкладчиковъ въ монастыри болѣе не впускать и вкладовъ отъ нихъ не принимать подъ опасеніемъ для настоятеля изверженія изъ настоятельства“*). Но въ 1747 г. вкладчиковъ, находившихъ приюти въ Томскомъ муж. монастырѣ, состояло еще пять человекъ**). Впрочемъ, это доживали свой вѣкъ въ обители тѣ изъ нихъ, которые успѣли перейти въ нее еще до изданія только лишь приведеннаго енархіальнаго распоряженія отъ 1743 г. Въ 50-хъ годахъ прошлаго, XVIII в. о вкладчикахъ, жившихъ въ нашемъ монастырѣ, нѣтъ уже и помину.

Со времени Петра В. по его указамъ и многочисленнымъ распоряженіямъ слѣдующихъ за нимъ государынь и государей въ русскихъ монастыряхъ являются особаго рода обитатели изъ военнаго званія, отставленные отъ службы за ранами или за старостію. Монастыри должны были давать имъ пропитаніе въ качествѣ христіанско-благотворительныхъ учреждений, обеспеченныхъ землями и угодьями. По повелѣнію Его Величества, данному св. Синоду 12 апрѣля 1722 г., „монастыри служилымъ людямъ старымъ и увѣчнымъ“ обязаны были „давать содержаніе рядовымъ противъ чернецовъ, а офицерамъ и унтеръ-офицерамъ противъ чернецовъ полторы порціи. Которые изъ нихъ могутъ еще управлять дѣла монастырскія, тѣмъ бытъ у дѣлъ“***). Въ февралѣ 1724 г. приведенное повелѣніе было дополнено еще тѣмъ, что „порціи“ монастыри должны были выдавать военнымъ даже въ томъ случаѣ, еслибы послѣдніе были женаты, и потому жили бы въ монастырскихъ стѣнахъ****). А по имениному указу импер. Анны Ивановны отъ 31 января 1731 г. на всѣ муж. обители было возложено обязательство доставлять присылаемымъ къ нимъ военнымъ пропитаніе выдачею жалованія: офицеру въ размѣрахъ 33 р. 33 коп., солдату 3 р. 66 коп. въ годъ и хлѣбомъ по 6 четвертей ржи, крупъ по 3 четверика †).

Суда по указаніямъ нашего матеріала, военныхъ людей для пропитанія въ Томскомъ монастырѣ, начали присылать сравнительно очень поздно. Въ первый разъ сюда опредѣленъ былъ солдатъ Парфень Дѣвевъ только въ 1743 году. Но за то въ 1746 году ихъ сразу прибыло къ монастырѣ 6 человекъ †*). Въ 1754 г. за Алексѣевскимъ монастыремъ состояло инвентарей всего 15 человекъ †**). Продолжались присылки и въ послѣдующее

*) Собственноручно подписанный указъ импер. Антонія II отъ 6 іюля 1743 г. Мон. арх.; св. 17.

***) Ист. общ. ист. и древностей Россіи. 1867. Кн. 2, стр. 296.

****) Полн. Собр. Зак. т. 6, № 4066; св. т. 7, № 4969.

*****) П. С. Зак. т. 7, № 4969.

†) Вообще указы о присылкѣ военныхъ въ монастыри: П. С. Закон. т. 6 № 4066; т. 7, № 4151, № 4183, № 4450, № 4969; т. 8 № 5485 (1729) т. 9 № 8561; т. 12, № 9104, № 9287 и др.

†*) Вѣдомость о военныхъ, причисленныхъ къ Алексѣев. монаст. Мон. архивъ; св. 16.

†**) Указъ Тоб. консисторіи архим. Исаян отъ 25 октяб. 1754 г. Мон. арх.; св. 16.

время; особенно онѣ были часты съ 1757 по 1762 г. включительно*). Въ этотъ промежутокъ времени были причислены сюда и два офицера: поручикъ Сибирскаго баталіона Василій Діаконовъ и капитанъ Якутскаго полка Шуховъ. Офицеровъ вѣдно было содержать въ монастырѣ „въ надлежащемъ порядкѣ и послушаніяхъ, приличныхъ ихъ рангу“**).

Можно было бы подумать, что содержаніе немалого количества отставныхъ должно было тяжело ложиться на монастырскія средства. На самомъ дѣлѣ было неволиѣ такъ. Солдаты, опредѣленные въ монастырѣ въ 1746 г., много лѣтъ спустя жаловались въ Консисторію, что ни отъ намѣстника Герасима, ни отъ архимандритовъ Исаія и Θεодосія жалованія они ни на одинъ годъ не получали. По жалобѣ наведены были справки, и оказалось, что жалобщики въ монастырѣ почти никогда не жилали, послушаній не несли, поэтому монастырское начальство и считало себя въ правѣ не тратиться на ихъ содержаніе обременительными выдачами денегъ и хлѣба***). Дѣйствительно, еще въ 1754 г. архимандритъ Исаія доносилъ преосвященному, что причисленные къ обители инвалиды поженились, живутъ въ уѣздахъ своими домами, а въ монастырѣ остался одинъ солдатъ Закамалдинъ, но и того за его безуміемъ содержать здѣсь стало небезопасно. Внадѣлю въ безуміе архимандритъ успѣлъ сбыть затѣмъ въ Томскую богадѣльню****).

Печаловался на невыдачу жалованія и присланный на монастырское прощаніе въ 1761 году солдатъ Бухонинъ. На его прошеніи архимандритъ Θεодосій написалъ: „выдать денежное жалованіе, а хлѣбное не выдавать, поуже онъ, Бухонинъ, донинѣ состоитъ не женатымъ и питается братскою порціею†). Въ 1762 году на дѣйствительномъ монастырскомъ содержаніи состояло только четыре инвалида, тогда какъ въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ въ этотъ годъ ихъ, съ капитаномъ во главѣ, было 3 унтеръ-офицера и 15 рядовыхъ†*). Въ слѣдующихъ 1763, 1764 гг. въ Алексѣевской обители изъ военныхъ проживали два офицера, упомянутые Діаконовъ и Шуховъ, и солдатъ Бухонинъ, исправлявшій послушаніе на Паченскомъ дворцѣ†**).

Какъ извѣстно, послѣ секуляризаціи монастырскихъ имуществъ, всѣ отставные изъ военныхъ были переданы изъ монастырей въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи.

Къ числу свободно жившихъ за монастыремъ бѣльцовъ-мірянъ мы должны еще причислить состоявшихъ на монастырской службѣ, въ помощь

*) См. списокъ присланныхъ инвалидовъ. Мон. арх.: св. 16.

***) Указъ Тоб. конс. архим. Θεодосію отъ 30 іюня 1763 г. Мон. архивъ; св. 6.

****) Указъ Тоб. конс. архим. Θεодосію отъ 23 сент. 1764 г. Мон. арх.: св. 2.

†) Приказъ архим. Θεодосію отъ 30 мая 1762. Мон. арх.: св. 6.

†*) Вѣдомость о военныхъ въ Алексѣев. монаст. за 1762 г. Мон. арх.: св. 6.

†**) Списокъ военныхъ за 1763—1764 г. Мон. арх.: св. 6.

монашествующимъ прикащикамъ при Пачинской вотчинѣ, какого-то поляка Станислава Осинскаго (вначалѣ 1700-хъ гг.*) и вывезеннаго архим. Лаврентіемъ изъ Тобольска „малороссійца“ Григорія Иванова.

Около 1730 года былъ сосланъ изъ Москвы въ Сибирь „царедворецъ“ Иванъ Тарбѣевъ. Онъ получилъ разрѣшеніе остановиться въ Томскѣ. Проживая здѣсь, царедворецъ подалъ въ Заказномъ Правленіи заказчику архимандриту Порфирію прошеніе, чтобы ему, Тарбѣеву, быть въ Алексѣевскомъ монастырѣ, — во святой церкви псалмы читать“. Архимандритъ былъ радъ новому псаломщику, но принять его въ монастырь своею собственною властію счелъ для себя небезопаснымъ, и потому съ припискою препроводилъ прошеніе къ митрополиту Антонію I. Преосвященный своеручно написалъ: „принять Тарбѣева, опредѣлить въ послушаніе для чего будетъ способези и сказать ему, чтобы жилъ въ послушаніи неотреченномъ, благочинно, безъ всякаго пороку, и въ томъ ему велѣть подписаться... Буде явится въ чемъ нибудь ненотребенъ, (отъ монастыря) отказать“ **).

Съ тѣхъ поръ, какъ при монастырѣ была открыта латино-русская духовная школа, изъ составъ монастырскихъ жильцовъ началъ числиться ея учитель семинаристъ Черевитскій. Наконецъ, при архим. Исаіи, въ монастырѣ имѣлъ квартиру коніистъ Томскаго дух. Правленія Янинъ, ведшій вмѣстѣ съ прямыми своими обязанностями все монастырское письмоводство.

Какъ въ большинствѣ русскихъ, тѣмъ болѣе сибирскихъ монастырей стариннаго времени, такъ и въ монастырѣ Алексѣевскомъ находились еще подневольные обитатели, числившіеся подъ общей рубрикой „колодниковъ“. Къ колодникамъ въ то время причислялись здѣсь и посылаемые на монастырское „смиреніе“ штрафованные священники, которыхъ на самомъ дѣлѣ иногда содержали въ монастырѣ съ наложеніемъ арестантскихъ оковъ. Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ XVIII стол. въ ссылкѣ, въ Томскѣ за какія-то важныя вины „обрѣтался“ Тюменскій протоиерей Дмитрій Бардаковъ. Въ концѣ 1742 г. велѣно было изъ ссылки его освободить и съ паспортомъ отпустить въ Тобольскъ. Хотя изъ нашихъ отрывочныхъ свѣдѣній о Бардаковѣ не видно, но думаемъ, что, находясь въ томской ссылкѣ

*) Въ старинной монастырской тетради подъ заглавіемъ: „Книга хлѣбнаго приему старца Лаврентія (1698—1706 г.)“ нашлось отдѣльное маленькое писемцо. Приводимъ его цѣлкомъ: „Пречистыя Богородицы Казанскія Алексѣевскаго монастыря государю всечестивѣйшему отцу архимандриту Мартііану, еже во Христѣ съ братією. — Изъ Вашей, Государя, милости пастыи Ивановскаго села Пачи февраля въ 10 день послано было въ монастырь ослѣдствіи четвериковъ, да конемъ въ дорогу на корь (дано) полчетверика, да (послано) пшеницы муки четверикъ съ монастырскимъ трудникомъ Даниломъ, да съ Омельникомъ, да съ Савкою. — Потомъ благожеланія Вашего отеческаго прошу и, Бога моля, челомъ бью“. *Станиславъ Осинскій*. На оборотѣ помѣта: „1704 г. февраля 3. Съ Пачи подалъ работникъ Данило“. Какъ на монастырскую службу въ Сибирь подалъ полякъ, судя по имени неиринившій православію, объяснить не легко.

**) Указъ митр. Антонія I Стаховскаго отъ 31 декабря 1730 г. Мюн. арх.; св. 16.

онъ не могъ миновать заточенія за монастырской оградой*). Въ 1745 году въ монастырскихъ тяжкихъ трудахъ томился священникъ томской Богоявленской церкви Пушкаревъ**). Въ 1754 г. томская воеводская канцелярія, чрезъ посредство сибирской губернской канцеляріи, довела до свѣдѣній епархіальной власти, что посланный для производства слѣдствія къ томскимъ инородцамъ священникъ Андрей Шиховъ причинилъ новокрещеннымъ обиды, взявъ съ нихъ большія взятки. Возникло дѣло, повлекшее Шихова на время къ той же участи, какую понесъ въ монастырѣ и Пушкаревъ***). На смиреніе, при посредствѣ тяжкихъ трудовъ, былъ посланъ въ 1763 г. въ Алексѣевскую обитель священникъ Томской Духосошествіевской церкви Калашниковъ. Заточеніе, сопряженное съ черными трудами, до такой степени изнурило Калашникова, что, «снявъ кандалы», онъ бѣжалъ и долго затѣмъ укрывался въ домѣ и во дворѣ у сына своего, за необученіе грамотѣ выключеннаго въ крестьянство. Разумѣется, побѣгъ въ свою очередь не прошелъ для виновнаго безъ новаго, еще болѣе тяжкаго, взысканія*).

Изъ свѣтскихъ заточниковъ наиболѣе обременительными для монастыря были время отъ времени присылаемые подъ его надзоръ пойманные расколоучители. Въ 1750 и 1751 гг. содержался въ монастырѣ расколоучитель Масловъ†). Онъ убѣжалъ. Пока монастырѣ хлопоталъ о его поимкѣ, присланъ былъ еще болѣе важный раскольническій наставникъ изъ числа расколоучителей, захваченныхъ около Екатеринбургa и сначала бывшихъ въ заключеніи въ Екатеринбургскомъ «зарѣчномъ тыну». Почему-то всѣхъ этихъ «старцевъ» велѣно было разослать по монастырямъ въ Томскъ, Красноярскъ, Енисейскъ и Туруханскъ. Для Томской обители достался старецъ, по мірскому имени, Иванъ Ивановъ. Въ препроводительной бумагѣ было предписано—держать арестанта въ «самомъ крѣпкомъ мѣстѣ», приставивъ къ нему «безотлучный караулъ» и строго наблюдать, чтобы не разсѣввалъ своего «плевосѣятельства»,—бумаги и чернилъ ему не давать, равнымъ образомъ не давать ножа, шила, поясовъ, «вервей» и тому под., дабы не причинилъ вреда себѣ. На старца непременно должны были быть желѣзные оковы. Монастырская власть обязана была осматривать оковы «частовременно» и, если бы они ослабли, приказывала бы «наки плотно ихъ укрѣплять». Для тяжелой черной работы старца можно было употреблять только внутри монастыря, но ни-

*) Указъ Томскому заказчику свящ. Богоявл. церкви Мих. Григорьеву отъ 26 декаб. 1742 г. Мон. арх. св. 16. Протоиоль . . Бардаковъ оставилъ въ Томскомъ монастырѣ сына своего Ивана, который сначала принялъ здѣсь расфорное, а потомъ полное постриженіе съ именемъ Ильи. Онъ почти постоянно проживалъ въ Цыганскомъ селѣ на должности монастырскаго прикащика.

***) Указъ кон. 1745 г. 5 марта. Мон. арх.; св. 16.

****) Указъ въ Том. дух. Правленіе отъ 15 іюня 1745. Дѣла Том. дух. правл.

†) Донесеніе арх. Θεодосія отъ 1763 г. Мон. арх.; с. 6.

†*) О Масловѣ изъ реестра входящихъ дѣлъ Том. д. Правленія за 1752. Мон. арх.; св. 17.

какъ не за оградою. Содержа заточника въ такой строгости и подь постояннымъ надзоромъ, архимандритъ долженъ былъ увѣщаніями склонять его къ „отвращенію“ отъ раскольнической прелести, требуя, чтобы въ сопровожденіи караульнаго ежедневно ходилъ въ церковь «на святое слово».

Понятно, что такой важный колодникъ явился для монастыря настоящей обузой, которую настоятелю и братіи хотѣлось сбыть съ руки какъ можно поскорѣе. Спустя полгода послѣ присылки, архим. Исаія написалъ въ Консисторію, что не смотря на все увѣщанія, производимыя или лично или чрезъ іеромонаховъ (?), арестантъ остается упорнымъ въ своихъ заблужденіяхъ, а такъ какъ въ Томскѣ и около него имѣется раскольниковъ множество, то онъ, архимандритъ, опасается, какъ бы не выкрали Иванова и не укрыли его въ лѣсахъ. Для караула къ старцу, особенно тогда, когда онъ работаетъ внутри монастыря, назначаются городскіе причетники по нѣскольку человекъ на каждую очередь. Послѣдніе страшно жалуются на тягость таковой обязанности, указывая, что она ихъ не только обременила, но и разорила. Архимандритъ убѣдительно просилъ, — колодника перевести въ какой либо другой городъ и монастырь, „гдѣ раскольниковъ не имѣется“ *). Что отвѣтила консисторія и что вообще стало съ Ивановымъ потомъ, — намъ неизвѣстно.

О другихъ случаяхъ присылокъ въ монастырь тамъ или здѣсь зачвченныхъ представителей старообрядства мы не упоминаемъ. Равно оставляемъ безъ перечисленія нерѣдкихъ въ монастырѣ епитимійщиковъ, обязанныхъ, по опредѣленіямъ гражданскаго и духовнаго суда, въ болѣе или менѣе длинныя сроки принести здѣсь покаяніе за грѣхи любодѣянія, прелюбодѣянія и въ особенности распространеннаго въ Сибири того времени двоеженства. Можетъ быть, изъ временныхъ монастырскихъ заточниковъ заслуживаютъ упоминанія еще только двое: крестьянинъ Михаилъ Симоновъ, содержавшійся въ монастырѣ по важному дѣлу управителя Ялutorовскаго дистрикта Брызгалова **) и 16-лѣтній сынъ томскаго разночинца Илья Москалевъ. Послѣдній, послѣ публичнаго наказанія розгами, былъ посланъ на годовую монастырскую епитимію за то, что разгласилъ видѣнныи ему въ лѣсу какого-то чуднаго старца, пригрозившаго томичамъ страшную бѣдою отъ каменной тучи, если не покаются въ грѣхѣ севернаго ругательства вообще и „язвою“ въ частности (сибирское „язви“) ***).

*) О старцѣ Ивановѣ указъ изъ Конс. архим. Исаія отъ 1752 февр. 28. Мон. арх.; связ. 16 Си. черновой рапортъ Исаія за тотъ же годъ, мѣс. августъ. Тамъ же.

**) Указъ консисторіи отъ 1755 г. Мартъ. Мон. арх.; св. 16.

***) Указъ консисторіи отъ 5 февраля 1756 г. въ полуистлѣвшей связкѣ консист. указовъ за 1740 и 1750 годы. Архив. Том. Кон.

Видный видъ обители.—ея постройки.—Монастырскій храмъ и его принадлежности.

Во все продолженіе существованія Алексѣевскаго монастыря до времени крупной перемѣны въ судьбѣ русскихъ обителей, происшедшей въ 1764 г., какъ долго и потомъ, все его зданія были деревянной постройки. Да и сомнительно, чтобы въ тѣ времена въ Томскѣ были какія-нибудь каменные зданія, за исключеніемъ двухъ каменныхъ казенныхъ коморокъ въ крѣпости, о которыхъ упоминаетъ Гмелинъ*). По крайней мѣрѣ, извѣстно, что все первые томскіе храмы были деревянные, не исключая и томскаго свято-Троицкаго собора, стоявшаго на Воскресенской горѣ. Первое коротенькое описаніе внѣшняго устройства монастыря дошло до насъ отъ 1721 г. Монастырь былъ обнесенъ тогда длинной деревянной оградой, внутри которой, кромѣ храма, были расположены настоятельская келья, кельи братскія, довольно помѣстительная больница съ покоемъ для больныхъ и самыхъ престарѣлыхъ монаховъ (отъ 75 до 88 лѣтъ), и большая же келарня съ пристройкою для жительства бѣльцовъ—кладчиковъ, повара и хлѣбниковъ. За оградю находился дворъ для жительства рабочихъ и спеціальныя постройки для помѣщенія скота (**).

Отъ времени архим. Порфирія сохранился планъ монастырскихъ зданій, написанный впрочемъ крайне неискусно. По плану видно, что вмѣстѣ съ церковью и колокольнею, стоявшею въ то время отдѣльно отъ церкви въ связи съ самой монастырской оградой на ея сѣверной сторонѣ (на лѣво отъ главныхъ воротъ), всѣхъ зданій внутри монастыря было одиннадцать. Самый большой домъ стоялъ какъ разъ позади храма (къ западу отъ него) тамъ, гдѣ въ настоящее время находится главный монастырскій каменный корпусъ, недавно устроенный трудами нынѣшняго настоятеля о. архимандрита Лазаря. Прочія кельи, разбѣяныя по разнымъ мѣстамъ обширнаго двора, представляли изъ себя домики—особнячки съ двумя, тремя по лицу оконцами***). Такихъ домиковъ было шесть. Сравнительно крупная постройка, располагавшаяся на лѣвой сторонѣ отъ церкви, не далеко отъ воротъ, была, вѣроятно, хлѣбной и вмѣстѣ келарской, такъ какъ изъ плана замѣтно, что она раздѣлялась на двѣ половины. Въ сѣверо-восточномъ углу ограды былъ выстроенъ высокій амбаръ.—Приблизительно въ такомъ же видѣ монастырь описанъ въ донесеніи о его положеніи и состояніи,—представленномъ

*) *Johann G. Gmelin Reise durch Sibirien von d. Jahr 1733 bis 1743. 1 Th. S. 309. 1751.*

***) Описаніе Монастыря 1721 г. Мюн. арх.; Связка 11.

****) Чертежъ монастырскихъ зданій въ мон. архивѣ среди бумагъ, хранящихся особо. Къ чертежу приложили руки: конный казакъ Петръ Саломатовъ, дворянинъ Алексѣй Колесниковъ, Василій Поламошновъ, Андрей Гавриловъ и др. Вмѣсто казначея іеродіакона Давида, монаха Арсенія, монаха Автонія—къ тому же чертежу руку приложилъ іеромон. Моисей.

архимандритомъ Лаврентіемъ въ 1739 году преосвященному митрополиту Антоію II, и въ промеморіи, поданной тѣмъ же настоятелемъ профессору Миллеру въ 1740 году. Въ этихъ обоихъ документахъ упоминается принадлежавшій къ монастырю хозяйственный дворецъ, гдѣ жили рабочіе и наѣзжавшіе изъ монастырскихъ деревень крестьяне, и въ обоихъ же отмѣчено, что всѣ монастырскія постройки пришли въ большую ветхость *).

Ветхое, конечно, исправлялось и передѣлывалось потомъ не разъ, главнымъ образомъ, трудами монастырскихъ крѣпостныхъ людей. Когда при монастырѣ возникла русская школа, потребовалось особое помѣщеніе и для нея. Но было-ли оно выстроено вновь, или для школы было приспособлено какое-нибудь готовое зданіе—указаній мы не нашли. Не встрѣтили мы указаній и на кладбище, которое какъ для своихъ, такъ и городскихъ покойниковъ было у монастыря несомнѣнно.—Въ концѣ нужно замѣтить, что въ всего огромнаго мѣста, взятаго монахами на Юрточной горѣ при основаніи своей обители, обительскими постройками занята была сравнительно малая площадь на сѣверной сторонѣ. Остальное пространство, длинно тянувшееся по горѣ къ югу, лежало впустѣ, и только частію было огорожено для овощнаго огорода и для поскотины.

Въ общемъ внѣшній видъ Томскаго Алексѣевского монастыря былъ, въ нашемъ мнѣніи, гораздо скромнѣе тѣхъ средствъ, какими въ то время могла располагать и дѣйствительно располагала обитель.

Что касается главной монастырской святыни—св. храма, то, мы видѣли, что еще на Киргизкѣ онъ устроенъ былъ трехпрестольнымъ: въ честь „иконы Пресвятыя Богородицы явленія Казанскаго“, св. мучениковъ Флора и Лавра и преподобнаго Алексѣя, человека Божія. Послѣ несчастія съ храмомъ при обвалѣ берега, подмытаго Томью или Киргизкой, онъ сооруженъ былъ вновь на деньги, „занятія въ мірѣ съ великими росты“ **). Вскорѣ погорѣлъ и

*) Чтенія въ общ. истор. и древн. Рос. Матер. для исторіи Сибири. 1867. кн. 2; стр. 315. „Въ оградѣ монастырской, писалъ архимандритъ Лаврентій Миллеру, настоятельскихъ и братскихъ деревянныхъ келій четыре, келья и хлѣбная одна, больница одна-же—всѣ ветхія; два двора ветхія-же, въ которыхъ имѣются монастырскіе хлѣбные и харчевые принасы; за оградю монастырскій дворецъ, — строеніе ветхое-же“. Вообще въ своемъ донесеніи Миллеру Лаврентій старался какъ можно ярче подчеркнуть монастырскую бѣдность. Видимо, его смущала заирость профессора о монастырѣ, заставляя подозревать въ шутливости ученая какія-нибудь фискальныя цѣли. Только этимъ можно объяснить и ту уклончивость, которую нельзя не замѣтить въ отвѣтахъ на нѣкоторые другіе пункты, предложенные Миллеромъ. Такъ о монастырскихъ крестьянахъ и деревняхъ настоятель отвѣтилъ:

„А сколько въ каждой (монастырской) деревнѣ дворовъ, а въ нихъ мужская полу душъ, съ справкою подлинно не по чему, а показати нечего, для того, что монастырскіе архіереевъ и вкладчики въ перенесенныхъ подушныхъ книгахъ показаны суммою, а хотя оныя показаны и въ деревняхъ, да не всѣ, и тѣ въ предѣлахъ годахъ померли, а дѣти ихъ живутъ въ другихъ деревняхъ и переѣзжаютъ для житья изъ деревни въ деревню, дворы ихъ остаются пусты. Тѣ монастырскія деревни въ какомъ разстояніи отъ города Томска состоятъ, съ справкою не по чему-жъ; понеже изъ Томскаго Алексѣевского монастыря къ тѣмъ деревнямъ версты не мѣрени“... Тамъ же, стр. 316.

**) См. цитованную выше царскую жалованную грамоту, данную на имя воеводъ Бузуглина и Поводова.

этот храм, и при его возстановленіи на новомъ мѣстѣ, въ концѣ томскаго посада, монастырю существенно помогла царская милостыня, данная благочестивымъ государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Эта уже въ третій разъ сооруженная церковь къ началу XVIII вѣка обветшала до того, что потребовала перестройки заново. Святительское благословеніе на перестройку преподалъ преосвященный митрополитъ Филофей Лецинскій, и онъ же прислалъ затѣмъ два интимиса для освященія храмовыхъ придѣловъ. Но самое освященіе всего храма состоялось по благословенной грамотѣ митрополита Іоанна Максимовича и было совершено архимандритомъ Василидомъ въ 1711 г. *). Изъ сохранившейся въ монастырскомъ архивѣ приходной книги за 1709—1712 г. видно, что средства на расходы по сооруженію воздвигаемаго въ началѣ XVIII вѣка храма монастырь собиралъ „отъ добродетелей“, посылая на сборы своихъ монаховъ. Въ 1709 году по сборовъ ходили „со святою иконою“ въ городѣ, селахъ и деревняхъ подъ городомъ старцы Симеонъ, Герасимъ и Варлаамъ. Иногда старцы—сборщики приносили архимандриту довольно крупныя, по тому времени, суммы. Такъ, старецъ Симеонъ 9 іюля 1709 г. передалъ за одинъ разъ въ монастырскую казну 39 р., 2 ал. и 2 деньги **). Въ благословенной грамотѣ, данной митрополитомъ Іоанномъ на храмовое освященіе, также имѣется указаніе, что храмъ создаденъ „тщаніемъ богомольцевъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и „благими трудами монастырской братіи“.

Храмъ, освященный въ 1711 году, простоялъ до 1754 г., когда въ одинъ изъ дѣтнихъ дней (18 іюня) его снесло до тла отъ удара молніи. О несчастіи донесъ митрополиту Сильвестру архимандритъ Исая, и отъ преосвященнаго получилъ повелѣніе построить предположенную архимандритомъ деревянную церковь только „на временную нужду“, а затѣмъ озаботиться приготовленіями къ болѣе надежной, каменной церковной постройкѣ***). Сооруженіе сборными, между прочимъ на Ирбитской ярмаркѣ, деньгами временнаго деревяннаго храма завершилось съ небольшимъ черезъ годъ. Постройка же каменной церкви оказалась дѣломъ еще очень отдаленнаго будущаго.

Судя по имѣющимся въ старинномъ синодикѣ записямъ о разныхъ пожертвованіяхъ для монастырской храмовой ризницы, можно думать, что послѣднюю никакъ нельзя было причислять къ особенно скуднымъ. Въ монастырской описи за 1721 г. въ свою очередь упомянуто, что церковные сосуды были въ монастырѣ серебряные, евангелія, большія и малыя, были тоже обложены се-

*) См. Благословенную грамоту на освященіе монастырскаго храма 1711 г.

***) Книга приход. за 1709—1712. Мон. арх. въ начкѣ особо хранящ бумагъ. См. Матер. для исторіи Сибири „Том. Губ. Вѣд.“ 1865 г. № 35.

****) Грамота митр. Сильвестра на заложеніе мон. храма, данная архим. Исая. См. приложеніе № VIII. См. Указъ Консист. архим. Исая отъ 19 окт. 1754 г. Мон. арх.; св. 16.

ребромъ. На большихъ иконахъ въ нижнемъ ярусѣ главнаго иконостаса имѣлись уже тогда не только мѣдные, но и серебряные оклады; иконы въ прочихъ двухъ ярусахъ оставались безъ украшеній *).

По описи церковнаго имущества, относящейся ко времени нѣсколько позже 1764 года **), въ монастырской ризницѣ состояло священническихъ облаченій до 22 №—овъ. Изъ нихъ 12 экземпляровъ были убраны золотымъ или серебрянымъ позументомъ (широкимъ), а на оплечьяхъ, по бархату или китайской „соломенкѣ“, имѣли „сѣтки“ также золотыя или серебряныя. Крестъ на св. престолѣ былъ массивный серебряный позолоченный со св. мощами. Большой серебряный потиръ вѣсилъ 84 золотника, серебряный дискосъ со звѣздицею и двумя малыми блюдами—1 фунъ 20 золотн. Средь многочисленныхъ иконъ выдавались по своей цѣнности:

1) —Св. Троицы (мѣрою аршинъ съ вершкомъ въ длину) въ серебряномъ окладѣ съ позолоченными вѣнцами.

2) Спасителя въ рѣзномъ золоченомъ кіотѣ; была обложена серебромъ.

3) Казанской Божіей Матери („храмовая“ икона, мѣрою въ аршинъ съ полувершкомъ) въ чеканномъ серебряномъ окладѣ.

4) Казанской Божіей Матери (мѣрою 10 вершковъ) въ серебряномъ окладѣ.

5) Казанской Божіей Матери (7 вершковъ) въ серебряномъ окладѣ. Подъ вѣнцомъ была убрана мелкимъ жемчугомъ.

6) Казанской Божіей Матери (6 вершковъ) въ рѣзномъ серебряномъ окладѣ съ позолоченнымъ вѣнцомъ.

7) Владимірской Божіей Матери (7 вершковъ) съ вѣнцомъ и гривною серебряными позолоченными, „на гривнѣ три тумназа“ (топаза?). Окладъ былъ серебряный.

8) Владимірской Божіей Матери (6½ вершковъ) въ массивномъ серебряномъ чеканномъ окладѣ.

9) Божіей Матери „Неоцалимыя Кунины“ („шестичетвертной“) съ вѣнцомъ серебрянымъ чеканнымъ позолоченнымъ. „Риза шита золотомъ, —подъ вѣнцомъ убрана жемчугомъ мелкимъ, между которыми малыя зеленныя камешки“.

10) Знаменія Пресвятой Богородицы въ серебряной ризѣ съ мелкимъ жемчугомъ.

11) Преподобнаго Алексія чловѣка Божія (7 вершковъ) въ серебряномъ чеканномъ окладѣ.

*) Описаніе монастыря въ 1721 г., представленное митр. Автономъ.

**) Разумѣемъ здѣсь опись церковнаго имущества, составленную въ началѣ 1779 г. (Б. сожалѣнію, отъ ветхости она попорчена) Мона. арх.; св. 12. Совершенно позволительно думать что вещи, перечисленныя въ этомъ документѣ, перешли въ монастырское церковное достояніе отъ болѣе раннихъ лѣтъ существованія обители. Въ нашемъ матеріалѣ нѣтъ указаній, чтобы въ концѣ 60 и въ 70-хъ годахъ XVIII в. монастырь приобреталъ для церкви что-либо новое кромѣ ризъ какихъ-нибудь мелкихъ, малоцѣнныхъ вещей.

12) Преподобнаго Алексія Человѣка Божія (5 четвертей). „На ней риза и вѣнецъ серебряной — чеканные“.

13) Святаго Николая Чудотворца въ серебряной позолоченой, чеканной ризѣ.

14) Преподобнаго Евфимія Великаго съ пятью ликами другихъ святыхъ. Вѣнцы на всѣхъ ликахъ были изъ серебра.

Не перечисляемъ многихъ другихъ иконъ съ жемчужными украшеніями около мѣдныхъ вѣничковъ. „Хромовой“ образъ свв. муч. Флора и Лавра оставался безъ всякаго убранства *).

Монастырская колокольня, стоявшая, какъ уже замѣчено выше, отдѣльно отъ храма, въ самой монастырской оградѣ, не изобиловала звономъ. Самый большой колоколъ вѣсилъ всего 16 пудовъ 6 фунтовъ **). Поэтому становится, въ нѣкоторой мѣрѣ, любопытнымъ одно изъ распоряженій, принадлежавшихъ архимандриту Исаіи. Пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ среди томскаго духовенства, въ достоинствѣ заказчика Духовнаго Правленія, Исаія отдалъ правленскому разсылщику, оставшему солдату Ланину, слѣдующій приказъ ***). „Повелѣвается тебѣ всѣхъ города Томска священно-церковнослужителей въ монастырь сыскать неотмѣнно и взять съ нихъ подписокъ (sic) въ томъ, чтобы къ заутрени, литургіи и вечернѣ, взирая на начальствующій монастырскій благовѣсть, прежде и послѣ сами собою никакаго звона колокольнаго не чинили“. Томскіе священники съ

*) Въ своемъ описаніи Алексѣевскаго монастыря архим. Викторъ Лебедевъ передаетъ, что изъ самыхъ старинныхъ иконъ, вынесенныхъ еще изъ Усть-Киргизской монастырской церкви, сгорѣвшей въ 1656 году, доселѣ сохраняются образа: — Неопалимой Куницы, приложенный служилымъ человѣкомъ Ивыржиниамъ, — Спасителя, съдвигавшаго въ темницѣ (написанъ на холстѣ) и Божіей Матери, именуемой „Прежде Рождества Дѣва и по рождествѣ Дѣва“. Архим. Викторъ. Описаніе Б.—Алексе. мон., стр. 7—8. О сохранившемся большомъ деревянномъ крестѣ, устроенномъ усердіемъ старца Исаіи на старое Киргизское мѣсто, мы уже упоминали.

Въ описи церквей, имущества, уничтоженной отъ 1787 г., между прочимъ, занесены принадлежности архимандричьяго облаченія. Въ то время онѣ хранились въ монастырской ризницѣ безъ употребленія, такъ какъ монастырскіе настоятели послѣ Θεодосія были уже не архимандриты, а только игумены. Въ архимандричьей ризницѣ значились:

1) „Шанка малиноваго бархату убрана жемчугомъ и разныхъ цвѣтовъ камнями. Да на ней-же серебряныхъ позолоченныхъ дщицъ и яблоковъ съ изображеніями св. лицъ девятнадцати. Поверхъ горнастальевой опушки вокругъ обручъ позолоченный серебряный съ написаніемъ построения оной и настоятеля“ (для котораго построена).

2) „Палица малиноваго бархату; въ среднѣй образъ Казанскія Бож. Матери — вышитъ золотомъ, серебромъ и шелкомъ. По краямъ обложена сѣткою золотомъ съ серебромъ. По тремъ угламъ кисти золотыя“.

3) Палица багроваго бархату, — въ среднѣй крестъ вышитъ золотомъ и серебромъ. По краямъ сѣтка серебряная съ золотомъ. По тремъ угламъ кисти серебряныя. Подкладъ камки чешуйчатой“.

4) „Палица канфы малиновой — обложена вокругъ зеленою съ серебромъ битью. Посреднѣй крестъ вышитъ серебромъ. Подкладъ крашенный. Ветхал“.

5) „Крестъ нагрудный, серебряный, позолоченъ — подчернѣю“. — Мон. арх.; св. 12.

***) Опис. Мон. за 1721 г.

***) Приказъ архим. Исаіи, данный разсылщику солдату Ланину отъ 5 апрѣля 1750 г. Мон. арх.; св. 11.

причетниками въ монастырѣ собрались и „подписокъ“, начиная съ протоиерея Троицкой соборной церкви Проконія Дмитріева, дали. Полагаемъ, что послѣ того звонари отдаленныхъ отъ монастыря городскихъ церквей, каковы Воскресенская и тѣмъ болѣе Знаменская, были поставлены въ немалое затрудненіе прислушиваться, особенно въ зимнюю вьюжную погоду, къ „вчальственному звону“ на монастырской колокольнѣ, потому что не только въ 1750 г., но въ 1780-хъ годахъ на монастырской колокольнѣ висѣлъ все тотъ-же большой колоколъ, т. е. въ 16 пуд. съ фунтами

5.

Монастырскія постройки въ вотчинахъ. — Прикащики изъ монаховъ и бѣльцовъ. — Хлѣбные расходы съ собственныхъ монастырскихъ записекъ и отъ 5-го крестьянскаго спона (съ пшеницы). — Доходы съ мельницъ, сѣнные покосы. — Доходы съ рыбныхъ ловель. — Поборы съ крестьянъ за вами и продуктами домашняго хозяйства. — Монастырскіе скотные дворы. — Разчетливость въ монастырской экономіи. — Церковные доходы. — Расходы общіе. — Расходы на семинарію и на тропарные приношенія. — Общій выводъ о матеріальномъ состояніи Алексѣевской обители.

Основнымъ источникомъ, откуда монастырь извлекалъ свои хозяйственные средства, служили, разумѣется, его земельныя владѣнія и особенно тѣ изъ нихъ, на которыхъ поселены были крестьяне. Для ближайшаго заглядыванія имѣніями обитель въ своей главной вотчинѣ, с. Пачинскомъ, устроила подворье. Въ концѣ XVII и самомъ началѣ XVIII вѣка подворье состояло изъ жилой свѣтлицы съ тремя слюдяными окнами и отдѣльно отъ нея чуждой избы для помѣщенія рабочихъ *). Впоследствии здѣсь выстроены были еще домъ, разгороженный сѣнями на двѣ половины: чистую о трехъ полахъ для прѣзда настоятелей и черную обѣ 11 окнахъ. На подворьѣ и такъ тогда говорили и писали, при „дворцѣ“ находилось два скотныхъ двора, нѣсколько погребовъ и девять хлѣбныхъ амбаровъ **). Нѣсколько изъ нихъ помѣщеній съ разными хозяйственными приспособленіями было и въ устьѣ р. Киргизки — тамъ, гдѣ расположенъ былъ монастырь до перенесенія его въ Томскъ ***). Несомнѣнно, имѣлись кое-какія монастырскія постройки и въ деревняхъ Шегарской и Иштанской, хотя указаній на это счетъ намъ не встрѣтилось.

На Пачинскомъ подворьѣ безотлучно проживали монастырскіе прикащики, посылаемые изъ монаховъ, иногда еще съ помощниками изъ состоявшихъ за монастыремъ свѣтскихъ людей. Въ 1698—1701 годы Пачинское вотчиной управляли старцы: — сначала Гурій, а потомъ Германъ. А въ 1701

*) Опис. монастыря за 1721 г.

***) Описаніе Пачинской монастыр. вотчины за 1764 г. Мон. арх.; св. 2. Сп. описаній всѣхъ вотчинъ съ показаніемъ ихъ доходности за 1761—1762. Мон. арх.; св. 17.

***) Описаніе всѣхъ вотчинъ за 1761—62 г.

году здѣсь помогали монахамъ упомянутый уже Станиславъ Оснинской. Въ 1721 году въ Пачинскомъ дворцѣ проживали престарѣлый іеромонахъ Іаковъ и его сотоварищъ монахъ Іовъ *). Въ послѣдствіи здѣсь же надсматривали за ходомъ хозяйственныхъ дѣлъ іеромонахи Климентъ, Герасимъ, монахъ Илья Бардаковъ. При Климентѣ, въ качествѣ подручнаго, состоялъ малороссіецъ Григорій Ивановъ, при Герасимѣ солдатъ Бухонинъ. Нерѣдко настоятели отираждали кого-либо изъ братіи для временнаго наблюденія за уборкою и сборами хлѣба на Искитимѣ, Шегарку и Иштанѣ.

По условіямъ договоровъ монастыря съ крестьянами, согласившимися записаться за нимъ, самое главное обязательство на сторонѣ послѣднихъ состояло въ томъ, чтобы доставлять владѣльцу пятый снопъ съ cadaго тягла и съ cadaго урожая. Кроме того, монастырь имѣлъ собственныя запашки, обрабатываемыя крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ. Въ старинное время запашки производились, кроме Пачинскаго, на поляхъ при р. Лебяжьей, на Искитимѣ, Таймени и Киргизкѣ **). Въ 1740 г. около с. Пачинскаго монастырь засеивалъ своими сѣменами 11 десятинъ ржаного хлѣба и 5 десятинъ ярового ***), а въ концѣ 50 и началѣ 60 годовъ того же XVIII столѣтія „на Пачѣ“—25 десятинъ, въ д. Убіенной 10 десят., Таймени 5, Калбинской 10, Писаной 3, Хорошеборской 8 десятинъ †). Сами крестьяне показывали, что въ 1762 году на Пачинскихъ поляхъ они убрали для монастыря до 60 десятинъ. Понятно, что съ собственныхъ полей и отъ пятиннаго сбора монастырь могъ пріобрѣтать въ свои житницы въ общемъ итогѣ очень почтенное количество хлѣба зерномъ разныхъ наименованій. Въ монастырскомъ архивѣ уцѣлѣла „книга хлѣбнаго пріему старца Лаврентія за 1698—1706 годы“. Изъ нея имѣемъ возможность усмотрѣть, какъ часто, особенно въ зимнее время, слѣдовали хлѣбныя доставки въ монастырь съ „Пачи“, съ „Искитиму“, съ „Лебяжьей“, съ „Таймени“ и изъ „Иштану“. Рожь (мукою и зерномъ), а также ячмень доставлялись не только десятками, но иногда сотнями мѣшковъ и четвериковъ. Въ меньшихъ количествахъ везли овесъ, пшеницу, еще въ меньшихъ—крупы и выдѣлываемый крестьянами солодъ †*). Изъ другихъ приходо-расходныхъ записей, относящихся къ первой четверти прошлаго столѣтія,

*) Описаніе монастыря за 1721 г.

***) Книга хлѣб. пріему старца Лаврентія за 1698—1706, въ пачкѣ бумагъ, особо хранившихся въ монаст. архивѣ. См. Матеріалы для исторіи Сиб. „Том. Губ. Вѣдом.“, 1865. № 36.

***) Чтен. въ общ. вѣст. и древн. 1865 г., кн. 2 стр. 297.

†) Вѣдомость о мон. вотчинахъ 1762 г. Монаст. арх.; связ. 6.

†*) Въ 1699 г. было доставлено въ монастырь хлѣба съ одной Пачи 164 мѣшка ржи, 129 мѣшк. ржаной муки, 26 мѣшк. пшеницы, 28 м. ячменя, 3 м. ячменной муки, 32 мѣшка овса, 2 м. толокна, 6—солоду. Въ 1703 г. съ Пачи же было прислано ржи 288 четвериковъ зерномъ, пшеницы 33 четверика, ячменя 198 четвериковъ. Съ Таймени, Лебяжьей, Усть-Искитима, Иштану доставки производились въ нѣсколько меньшихъ количествахъ. „Книга хлѣб. пріему старца Лаврентія за 1698—1706 г.“.

видно, что въ то время монастырь, кромѣ хлѣбныхъ издержекъ на содержаніе всѣхъ своихъ обитателей, не мало раздавалъ зерна на сѣмена крестьянамъ, вновь поселяемымъ на его, монастырскихъ, земляхъ, и затѣмъ то и дѣло производилъ хлѣбныя продажи *).

Въ виду приведенныхъ, ясныхъ и достовѣрныхъ, данныхъ является чрезвычайно страннымъ заявленіе монастырскаго казначея Діонисія, подавшее командированному въ Томскъ по дѣлу устройства податныхъ сборовъ сержанту гвардіи Бестужеву-Рюмину и томскому коменданту Козлову въ 1721 г. „Отсыпнаго (съ крестьянъ) хлѣба на пропитаніе братіи, писалъ Діонисій, не достаетъ, и для того въ прежнихъ годахъ давано было въ монастырь архимандриту съ братією великаго государя жалованіе денежное, хлѣбное и соляное и на потребности церковныя—вино церковное и ладонъ, и нынѣ того великаго государя жалованія и на церковныя потребности не выдается. И нынѣ мы съ великими нуждами *покупаемъ хлѣбъ* и все потребное къ церкви“ **). Едвали можно сомнѣваться, что въ заявленіи такого рода скрывалось съ одной стороны опасеніе, какъ бы не были увеличены существовавшіе казенные налоги на разныя статьи монастырскаго дохода, съ другой—желаніе возстановить прекращенную тогда уплату денежной, хлѣбной и проч. царской для обители помощи.

Всегда было довольно у монастыря хлѣба какъ для собственнаго продовольствія, такъ для продажи и во все послѣдующее время обозрѣваемаго періода въ его исторіи. Въ 1749 г. монастырь, по его показанію, собралъ съ своихъ Паченскихъ полей 15300 сноповъ озимой ржи, 5630 пшеницы, кромѣ овса и ярицы въ меньшихъ количествахъ ***). Если сюда прибавить пятый снопъ, собираемый съ крестьянскихъ пашенъ, общее количество хлѣбнаго сбора явится очень внушительнымъ. Въ 1751 г. собственнаго и пятиннаго хлѣба обитель сынала въ паченскіе амбары 1054 четверти †). Въ приходной книгѣ за 1757 годъ показано нѣсколько хлѣбныхъ продажъ въ 400 и одинъ разъ въ 500 пуд., а всего въ этотъ годъ было продано ржи и ржаной муки на 109 р. 98 к. †*). Въ слѣдующіе 1758—1759 г. было продано муки на 305 р. 40 к. при цѣнахъ по 4 и только изрѣдка по 5 коп. за пудъ †**).

Къ большой чести монастырскихъ настоятелей нужно сказать, что излишній хлѣбъ, кромѣ продажъ, они расходовали и на дѣла благотворенія.

*) См. „Книгу ячменную да пшеничную“ 1703 г. См. „Книги расходиую 1713 г. и дежезнаго прихода за 1709—1712 г. Монаст. арх.; связка бумагъ, хранящихся особо.

**) Вѣдѣніе о монастыр. доходахъ и имѣніяхъ, подавшее въ 1721 г. Трифону Бестужеву-Рюмину. Таковое же было одновременно представлено томскому коменданту Василию Елизаровичу Козлову. Монаст. арх.; св. 11.

***) Вѣдомость объ урожаѣ на монастырскихъ пашняхъ за 1749 г. Монаст. арх.; св. 16.

†) Таковая же вѣдом. за 1751 г. Монаст. арх.; св. 17.

†*) Приход. кн. за 1757. М. арх.; св. 16.

†**) Приход. кн. за 1758—9 г. Тамъ-же.—Прих.-расх. вѣдомости за 1740 и 1750-ые года сохранились, къ сожалѣнію, только въ отрывкахъ.

О монастырской милостыни бѣдникамъ упомянуто въ одномъ изъ хозяйственныхъ донесеній архим. Лаврентія *). Въ „книгѣ расходу хлѣбному“ за 1760 г. записано нѣсколько случаевъ милостыни въ пользу старицъ и сиротъ томскаго дѣвичьяго монастыря, при чемъ посылки бывали иногда въ размѣрахъ до 100 пудовъ. Даровая хлѣбная выдача производилась затѣмъ престарѣлому, заштатному и потому обнищавшему томскому протопопу Проконію Петрову, монастырскому подьячему и какому-то проживавшему въ Томскѣ архіерейскому служителю. Наконецъ, лучшей „ситничьей“ муки монастырь отсылалъ въ презентъ томскому воеводѣ кн. Волховскому иногда въ количествѣ 10, а иногда 15 пудовъ **).

Въ 1760 году монастырская экономія выручила отъ хлѣбной продажи только 78 руб. 52 коп., но за то въ 1762 г.—168 руб. ***). Въ этотъ годъ пятиннаго хлѣба было собрано съ крестьянъ 1100 пуд.

Съ очень раннихъ поръ своего существованія монастырь не опустилъ обзавестись собственными мельницами. Мельницы около Пачинскаго села, потомъ на р. Лебяжьей и рч. Малой Киргизкѣ упоминаются уже въ концѣ XVII вѣка. Въ срединѣ XVIII столѣтія Пачинская мельница работала о двухъ поставахъ и проживавшіе въ с. Пачинскомъ монастырскіе прикащики зорко наблюдали, чтобы мѣстные крестьяне привозили молотъ свой хлѣбъ именно на эту, а не на чью—нибудь чужую мельницу †). Мельницы были выгодны въ обительскомъ хозяйствѣ уже потому, что владѣлецъ не переплачивалъ никому другому за немалый помолъ собственного зерна. Кроме того, находясь подъ надзоромъ монаховъ или кого-либо изъ другихъ вѣрныхъ лицъ, онѣ доставляли, хотя въ скромныхъ размѣрахъ, и прямой доходъ монастырю съ помола для постороннихъ. Въ приходной записи 1709—1712 гг. очень не рѣдко встрѣчаются помѣты, что взято въ монастырскую казну съ мельницъ денегъ, въ томъ или другомъ количествѣ алтынъ, то у монаха Иринарха, то у Якова Поляка, то у Якова Макарова. Но какъ водилось и водится доселѣ, за помолъ съ постороннихъ брали не столько деньгами, сколько натурою, изъ только-лишь смолотой муки †*). Въ 1761—1762 г. монастырь выручилъ отъ мельницъ деньгами всего только 21 руб. 50 коп., но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что мельницы на р. Лебяжьей за то время уже не существовало †**).

*) Чтенія въ общ. исторіи и древн. 1867. Ки. 2. Матер. для истор. Сибири, стр. 297.

***) Книга расходная 1760. Мон. арх.; св. 5.

***) Въ 1762 г., кроме того, хранилось въ монастыр. амбарахъ хлѣба: ржи 3631 пуд., пше-
ници 316 п., ячменя 94 п. и овса 353 п. Мон. арх.; св. 2.

†) На это обстоятельство, въ которомъ крестьяне видѣли стѣсненіе для себя, имѣется указаніе въ одной изъ крестьянскихъ челобитенъ, поданныхъ на монастырь въ 1756 г. См. черновое дѣло о волненіяхъ монастыр. крестьянъ.

†*) „Книга приходная“ за 1709—1712 гг. Въ начкѣ бумагъ, особо хранящихся въ монаст. архивѣ. См. Матер. для исторіи Сибир. „Том, Губ. Вѣд. 1865 г. № 35.

†**) Описаніе монастыр. вотчинъ за 1761—2 г.

На своихъ обширно раскинувшихся земельныхъ угодьяхъ монастырь могъ ежегодно накашивать сѣна въ огромномъ изобиліи, лишь бы доставало для того рабочихъ рукъ. Но ихъ доставало не всегда. Сначала очень долго монастырскіе косили сѣно по рѣкѣ Киргизкѣ и на лугахъ противъ устья ея, за р. Томью, наемными людьми и своими „братскими трудами“ *). Но затѣмъ стали снимать сѣно еще съ покосовъ въ дачахъ своихъ монастырскихъ деревень съ привлеченіемъ на работы крестьянскихъ рукъ. Трудомъ наемныхъ людей и монастырской братіи въ монастырь собирали сѣна отъ 2000 до 3000 копенъ, а когда на покосахъ начали работать крѣпостные, то на однихъ Пачинскихъ лугахъ сѣна накашивалось по 4000 и болѣе копенъ**). Мы не причисляемъ сюда еще то сѣно, которое по 1 копейкѣ съ души, а иногда и въ большихъ доляхъ, монастырскіе крестьяне должны были удѣлять владѣльцу въ силу своей исконной къ нему повинности съ своихъ отдѣльныхъ, семейныхъ покосовъ.

За покосами, которыми пользовались какъ сами монастырскіе, такъ и изъ крестьяне, всегда оставалось у обители множество излишнихъ луговъ, особенно въ районѣ Верхо-Томскихъ владѣній. Поэтому она была рада, когда излишнее доводилось отдавать въ кортомъ, хотя при тогдашней сибирской дешевизнѣ на сѣно ей приводилось брать за кортомъ алтыны и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ рубли. Такъ, „кортому за покосъ“ съ Пива Кинева въ 1709, 1710 и 1711 г. монастырскіе брали иногда 6, иногда 7 алтынъ, за тоже самое въ 1710 г. съ Кузьмы Ефремова было взято 184 рубли съ полтиною, а съ Бориса Соломина 15 алтынъ***). Много позднее за отдачу въ аренду большого Поламошинскаго луга монастырская казна въ два года (1758 и 1759) выручила только 11 руб. 50 коп. †). Нерѣдко монастырскіе продавали уже готовое сѣно возами и стогами, но за это опять брали только по нѣскольку алтынъ или копѣекъ. 14 ноября 1710 г. за стога сѣна въ 200 копенъ было, наприм., принято въ монаст. казну 11 алтынъ ††).

Послѣ хлѣбныхъ сборовъ монастырю наиболѣе доставляли выгоды рыбныя ловли. Недаромъ онъ такъ стойко оберегалъ ихъ цѣлость и не-

*) Описаніе монастыря за 1721 г.

***) Въ 1762 г., по показанію Пачинскихъ крестьянъ, ихъ трудомъ снято было сѣна въ монастыр. пользу 4050 копенъ. См. копію съ жалбы монастыр. крестьянъ на архим. Феодосія отъ 1764 г. Монаст. арх.; связ. 11. Крестьяне Иштанской деревни убирали монастырскіе сѣна по 170 копенъ съ тягла, а всего (при 20 тяглахъ) 3400 копенъ. Отрывокъ изъ ведомости о доходахъ съ вотчинъ за 1763 г. Монаст. архивъ; связ. 6.

****) Книга приходная 1709—1712 г.

†) „Книга денежн. приходу“ въ бытность казначея крестьянина Гавриила Марамыгина Монаст. архивъ; связ. 17.

††) Книга приходная за 1709—1712 г.—Въ приходной книгѣ за 1730 г. между прочимъ значится: въ іюлѣ продано «травы противъ Киргизки на лугу на сто копенъ за 10 алт., продано травы на 80 копенъ за 8 алт. Еще продано травы 130 копенъ и взято 15 алт. и т. д. Монаст. арх.; связ. 15. Зимой 1730 года монастырю самому почему-то довелось купить сѣна у Эуштинскихъ татаръ 300 копенъ; онъ заплатилъ за нихъ полтора рубля. „Книга расходная денежная“ за 1730 г. Монаст. арх.; связ. 15. Въ 1760-хъ годахъ конна сѣна стоила въ Томскѣ уже 1½ коп. См. ведомость о доходахъ съ вотчинъ. М. арх.; св. 6.

прикосновенность отъ разныхъ стороннихъ на нихъ покушеній. Мы уже видѣли, что за время настоятельства архим. Василида нашей обители удалось нехлопотать свободу отъ всякихъ казенныхъ денежныхъ поборовъ, какъ съ своихъ мельницъ, такъ и съ рыбныхъ ловель. Чрезъ нѣсколько лѣтъ право на такую льготу свѣтская власть взяла было назадъ, но въ 1726 монастырь постарался возстановить его снова. Тѣмъ не менѣе томская воеводская канцелярія находила, что, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ рыбнымъ ловлямъ монастырскіе пользуются льготой незаконно. Въ 1743 году томская таможня писала монастырю, что по указу, данному ей изъ томской воеводской канцеляріи, она должна взимать пошлины со всѣхъ рыбныхъ промышленниковъ и со всѣхъ неводовъ, „а въ Томску у Алексѣевского монастыря имѣется рыбный неводъ на Оби рѣкѣ, на песку Салтанаканомъ, и съ того невода, какъ въ прошлыхъ годахъ, такъ и въ нынѣшній было лодокъ не малое число, и пошлинъ съ той приплавной рыбы не плачивано“. Отселѣ же, настаивала таможня, пошлины слѣдуетъ платить безъ всякихъ задержекъ. Изъ обители отвѣтили: „по силѣ указа въ томскую воеводскую канцелярію изъ Тобольской губернской канцеляріи отъ 1726 г. съ монастырскаго невода пошлинъ брать не велѣно, о чемъ и дана была въ монастырь промеморія. А хотя съ неводовъ другихъ хозяевъ пошлины и берутся, токмо монастырскій неводъ отъ тѣхъ пошлинъ надлежитъ освободить и съ другими неводами не числить для того, что та рыбная ловля, на Салтанаканомъ песку, пожалована въ Алексѣевскій монастырь на пропитаніе братіи, а въ продажѣ монастырскаго рыбы имѣется самое малое число и покупаются на деньги отъ той продажи церковныя потребности“ *).

Такимъ образомъ, монастырь, владѣя огромными неводами, не только могъ довольствоваться своею рыбою всю братію, но имѣлъ ее и въ продажѣ. Въ глазахъ воеводскаго начальства онъ считался настоящимъ рыбопромышленникомъ. Еще въ приходныхъ записяхъ 1709—1712 г. выручки отъ рыбной продажи встрѣчаются почти также часто, какъ и доходы отъ торговаго хлѣбомъ. Максуны, сырки, особенно въ осенніе мѣсяцы, сбывались цѣлыми лодками или партіями въ нѣсколько сотъ штукъ **). Въ 1730 г., при архим. Порфиріѣ, въ зимнемъ, январѣ, мѣсяцѣ, продажа рыбы обозначена 12 разъ и еще въ большемъ количествѣ разъ она записана за мѣсяцы августъ и сентябрь, когда происходилъ главный осенній ловъ. Пропускаемъ другіе мѣсяцы, въ продолженіи которыхъ тѣ продажи также встрѣчаются, хотя рѣже **).

*) Промеморія томской таможни въ Алексѣевскій монастырь, подписанная таможеннымъ головою Петромъ Шутовымъ и монастырскій отвѣтъ на нее отъ 30 и 31 августа 1743 г. См. Монаст. архивъ; связ. 17.

***) Приходная книга за 1709—1712 г. См. „Том. Губ. Вѣд.“ № 35.

****) Приходная книга за 1730 г. Монаст. арх.; связ. 15.

Несколько въ тѣ времена дешева была рыба въ Томскѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ показаній: 20 января 1711 г. монастырь продалъ 100 макуновъ и за нихъ взялъ 20 алтынь,—12 марта того же года продалъ 200 макуновъ и взялъ 46 алтынь. 23 января 1730 г. за 100 большихъ осетровъ, проданныхъ вразъ, монастырская казна выручила только 13 руб. 50 коп., а за 500 шт. макуновъ—5 руб. *).

Въ приходе-расходномъ отчетѣ архим. Лаврентія за 1739 г. выручка за всю годовую рыбную продажу выражена въ цифрѣ 107 р. 83 коп. **). Понятно, что, при сейчасъ указанныхъ цѣнахъ, нужно было наловить очень много рыбы, чтобы приобрести въ обительскую казну такую сумму.

3 октября 1643 года было прилавлено къ Томску монастырской продажной рыбы вразъ пять большихъ лодокъ. Но въ 1750-хъ годахъ, при архим. Исая, рыбная продажа у монастыря почему-то сильно сократилась. Въ 1757 г. продано было рыбы всего только на 10 руб. 55 коп. ***).

Въ слѣдующіе за тѣмъ годы (за время управленія Исая) рыбную продажу въ большей партіи мы нашли только одинъ разъ—въ 1759 г., когда за 1000 макуновъ монастырскій казначей взялъ 13 руб. †). Но за настоятельство архимандрита Осодосія дѣло съ рыбой опять поднялось въ своемъ успѣхѣ и поднялось очень рѣзко. Осенью 1761 года крестьяне деревни Иштанской везли монастырскую неводную рыбу съ р. Оби, съ Никольскаго песка, до монастыря на 10 подводкахъ †*). Въ теченіе этого года монастырь продалъ рыбы всего на 112 руб. 99 коп. †**).

Для большаго успѣха въ рыбной ловлѣ монастырскіе почти постоянно содержали на своей службѣ, „неводныхъ уставщиковъ и рыболовныхъ людей“, уплачивая имъ денежное и хлѣбное жалованіе.

Доходы съ рыбы могли бы быть у монастыря въ значительно большихъ размѣрахъ, еслибы онъ пользовался самъ всеми принадлежавшими ему рыбными тонями. Но для того недоставало у обители ни силъ, ни средствъ, и потому нѣкоторые изъ ея рыбныхъ ловель оставались „внусть“, или же сдавались въ аренду †***).

По силѣ договоровъ съ монастыремъ, крестьяне, поселившіеся на его земляхъ, въ числѣ другихъ, взятыхъ на себя, обязательствъ, должны были доставлять въ монастырскую пользу ежегодно по сажени полѣнныхъ дровъ съ каж-

*) См. Книги приходныя за 1709—1712 г. и за 1730 г.

***) Чт. въ общ. Истор. и древ. 1867 кн. 2. Матеріалы для истор. Сибири, стр. 297.

****) Приход. кн. за 1757 г. Мон. арх.; св. 16.

†) Книга денеж. приходу за 1759 г. Мон. арх.; св. 17.

†*) См. вѣдомость о доходахъ съ вотчинъ, подан. въ 1763. Мон. арх.; св. 6.

†**) Приходная вѣдом. за 1761 г. Мон. арх.; св. 5.

†***) Въ 1710, 1711 и 1712 гг. арендаторомъ одной части изъ монастырскихъ рыбныхъ ловель состоялъ Григорій Кириановъ съ товарищи. Въ 1710 году съ него за аренду было взято 1 руб., а въ 1711 г. 3 р. Книга прих. за 1709—1712 г.

даго тягла. Болѣе или менѣе аккуратное исполненіе этой повинности мы видимъ въ продолженіи всего описываемаго времени *). Сверхъ того, крѣпостные вынуждены были согласиться удѣлять своему владѣльцу нѣкоторыя части изъ продуктовъ собственнаго домашняго хозяйства въ видѣ масла, яицъ и т. п. **). Но то, что по этой статьѣ дохода монастырь могъ собирать съ крестьянскихъ домовъ, было только подспорьемъ къ сконамъ, добываемымъ монастырскими на своихъ скотныхъ дворахъ. Последніе были заведены при самомъ монастырѣ, на Киргизской заимкѣ и при Пачинскомъ „дворцѣ“. Еще въ 1721 году на Киргизскомъ скотномъ дворѣ содержалось 14 головъ крупнаго рогатаго скота и 17 овецъ, на Пачинскомъ коровъ 23 головы и 32 овцы ***). Впоследствии это количество увеличилось. Въ 1762 году, за исключеніемъ всякой мелкой домашней живности, на Пачинскомъ дворѣ находилось крупнаго рогатаго скота 49 штукъ †). И если въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія монастырь могъ продавать излишняго коровьяго масла до 30 пудовъ въ годъ †*), то въ послѣдующее время мы должны предположить сконы въ значительно большихъ размѣрахъ.

Здѣсь кстати упомянуть, что монастырское достояніе на скотныхъ дворахъ не исчерпывалось рогатымъ скотомъ и мелкою живностію. Ихъ главное богатство состояло изъ лошадей. Въ упомянутомъ 1762 г. лошадей на одномъ Пачинскомъ дворѣ насчитывалось 104 головы †**). Продажа излишнихъ своихъ и „приложенныхъ“ къ обители коней была самымъ обычнымъ дѣломъ монастырской экономіи †***).

Для общей монастырской экономіи имѣли очень большое значеніе тѣ особенности въ хозяйственной дѣятельности нашей обители, по которымъ свои самыя насущныя нужды и потребности послѣдняя старалась удовлетворять, по возможности, собственными силами и средствами. На монастырскихъ дворцахъ прядли кудель и шерсть, ткали холстъ и сукно, которые шли затѣмъ на одѣяніе монастырской братіи. Нерѣдко здѣсь же изъ готовой, купленной, кожи изготовлялись „коты“ для монашеской обуви. Витье веревокъ для неводовъ и плетеніе мрежъ составляли также самыя обычныя за-

*) Въ описаніи всѣхъ монастырскихъ вотчинъ съ показаніемъ ихъ доходности за 1761 и 1762 г. указано, что съ пачинскихъ крестьянъ взималось въ годъ дровъ полныхъ 50 саж., съ крестьянъ деревни Колбицкой 18 саж.,—деревни Тайменки 15 саж.,—Писавой 10 саж., Юрьевой 22 саж., Убіенной 19 саж. Показаній о количествѣ дровъ съ крестьянъ прочихъ деревень нѣтъ. Мон. арх.; св. 17. Сажень дровъ стоила тогда 25 коп.

***) О сборахъ масломъ, яйцами см. въ томъ же описаніи. См. въдомость о монастыр. вотчинахъ за 1763 г. Мон. арх.; св. 6.

***) Описаніе Монастыря за 1721 г.

†) Хозяйственная опись монастыр. Пачинской вотчины за 1764 г. Мон. арх.; связка 2. См. описаніе вотчинъ за 1761—62.

†*) Чтенія Общ. Исторіи и древ. Россіи. 1867 г. кн. 2 стр. 321.

†**) Описаніе мон. вотчинъ за 1761—1762 г.

†***) См. Приходныя книги за 1709—1712 и 1730 годы.

нятія на монастирскихъ подворьяхъ въ зимнюю пору. Случался иногда избытокъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ домашнихъ изготовленій, и для монастырскаго казначея открывалась возможность сбыта ихъ продажей. Продавались холсты, неводныя веревки, мрежи и проч. *).

Для доставки хлѣба изъ с. Пачинскаго и другихъ монастырскихъ деревень славомъ по р. Томи монастырь имѣлъ лодки. Большія лодки были, кромѣ того, нужны на работахъ при рыбныхъ ловляхъ. Но монастырская хозяйственная заботливость не опустила возможности извлекать изъ владѣнія лодками другую пользу. По временамъ лодки отдавались за деньги для временнаго пользованія постороннимъ. Въ приходныхъ записяхъ 1709—1712 годовъ встрѣчаются между прочимъ такія помѣты: „отъ Романа Жуковскаго кортому отъ лодки 1 руб. принято“... „отъ лодки кортому полтина взято, что ходили служилые до Верхо Томска по хлѣбъ“, „отъ лодки, что давали въ Нарымъ... кортома 1 р. 18 алт. 4 деньги взято“ и т. д. **). Наконецъ, монастырь держалъ лодки для перевоз томскихъ жителей съ одной стороны города на другую чрезъ р. Ушайбу во время ея весенняго половодья.

При архим. Порфиріѣ открылась въ монастырѣ своеобразная продажа гробовъ для покойниковъ изъ гражданъ г. Томска. Самы монастырскіе покупали гроба партіями у мѣстныхъ столяровъ и плотниковъ***). Кажется, что въ бытность того же настоятеля въ обители приготавливали восковыя свѣчи для всѣхъ градо-томскихъ церквей. По крайней мѣрѣ, въ приходной записи 1730 года за 2 января значится: „продано того числа 1½ пуда воску, сканныхъ свѣчь ½ пуда и еще 34 свѣчи за 11 алтывъ 4 деньги †).

Особо выдѣляемъ прибыли, поступавшія въ обитель отъ добродѣтельныхъ даяній. Въ глазахъ стариннаго томскаго населенія, состоявшаго изъ дворяндѣтей боярскихъ, конныхъ и нѣшихъ казаковъ и посадскихъ людей нашъ монастырь пользовался большимъ уваженіемъ. Въ убѣжденіи того населенія онъ былъ непрестающимъ богомольцемъ за гражданъ г. Томска и жителей всего томскаго края. Этимъ объясняется то усердіе къ обители, которое выразилось цѣлымъ рядомъ жертвованій для нея землями и угодьями. Мы нечислили ихъ въ своемъ мѣстѣ. За ними въ немаломъ количествѣ шли жертвы меньшей цѣнности.

Отвѣчая своему положенію томскаго богомольца, монастырь считалъ своимъ долгомъ молитвенное поминовеніе усоншихъ дѣятелей томской

*) Приходная книга за 1709—1712 г. См. такую же книгу за 1730 годъ. Мон. арх. свизка 15.

***) Приход. кн. за 1709—1712 г.

***) Приход. книга за 1730 г. м. ар; св. 15. Между прочимъ здѣсь записано: „проданъ (20 янв.) гробъ Якову Собчанину за 10 алт. и тотъ гробъ у Григорія Лагунова за долгъ взятъ“.

†) Приход. книга за 1730 г.

страны или, при ихъ жизни, ихъ умершихъ родичей. Въ старинномъ монастырскомъ синодикѣ, кромѣ именъ всѣхъ, положившихъ животъ свой въ бояхъ подъ Томскомъ съ сибирскими кочевниками, записаны были, для вѣчнаго, поминовенія, рѣды томскихъ воеводъ: Ивана Васильевича Бутурлина, Проконія Проконіевича Поводова, кн. Тимофея Степановича Шаховскаго, Василія Андреевича Рженскаго, Георгія Михайловича Петрово-Солового, Якова Матвѣевича Некрасова, Артамона Матвѣевича Каротѣева и др.; рѣды томскихъ дворянъ (Серединныхъ, Гречинныхъ, Лавровыхъ, Кочановыхъ, Кожевниковыхъ и др.), казачьихъ атамановъ и пятидесятниковъ, дьяковъ и подъячихъ (Великосельскаго, Меркурьева, Пахомова, Киозерова, Поламошинова и др.), таможенныхъ головъ и проч. Во многихъ случаяхъ, въ благодарность за поминовеніе, монастырь получалъ „прикладъ“, помѣчаемый здѣсь-же, т. е. на страницахъ синодика. Такъ, за поминовеніе усопшихъ въ роду кн. Шаховскаго было дано обители: „сосуды серебряные золоченые, ризы атласныя травы златыя, ризы обьяришныя-оплечья бархатныя съ золотомъ, подризникъ атласной-поясъ и кисти (у него) златые, стихарь цвѣтной изъ бархату, стихарь камчатой, оларіи (sic) (одинъ) съ золотомъ, другой изъ бархату, двой поручи... бархатныя золотныя, двѣ патрахили (шитыя) золотомъ, двой покровы атласныя—кресты вышиты золотомъ и жемчугомъ, покровы матеріи златыя съ круживомъ—кресты низаны каменьемъ и жемчугомъ, палица изъ атласу—крестъ вышитъ золотомъ, ковчегъ среброкованный, трюдь цвѣтная, два октая“ *). Послѣ записи рода стольника и воеводы Георгія Михайловича Петрово-Солового значится: „а прикладу двадцать рублей денегъ въ церковное строеніе (и) стихарь камчатой. Да сыну его (Георгія Михайловича) Лаврентію у перенесеннаго дѣла въ 1703 году принесли изъ монастыря рублей на тридцать, и то все приложи въ монастырь, поминовенія ради“ **). За то же поминовеніе сосланный царедворецъ Иванъ Тарабѣевъ далъ деньгами 10 рублей,—москвитянинъ торговый человекъ Филиппъ Алексѣевъ Кадошовецъ—колоколь да крестъ напрестольный—серебряный, вызолоченный, чеканной работы,—мѣдную чашу водосвященную, да кадило серебряное***). Нѣкто Фома Янинъ приложилъ, за поминъ родныхъ, „келарню, да два большихъ амбара двойныхъ“. Болѣе мелкія, записанныя въ синодикѣ, жертвы вещами и деньгами, мы оставляемъ безъ перечисленія. Жертвовали за молитвы о себѣ и о своихъ родныхъ даже сами монахи. Жертву архим. Василида мы уже видѣли. Послѣ Василида іеродіаконъ, впоследствии іеромонахъ, Моисей, отдалъ въ монастырское книгохранилище двѣнадцать книгъ служебной минеи †). На полѣ од-

*) Монастыр. синодикъ л. 37 на оборотѣ.

***) Тамъ-же. л. 38.

****) Тамъ-же. л. 61, 62.

†) Тамъ же л. 39.

ного листа въ синодикѣ, гдѣ записанъ родъ томской приказной палаты подъячаго Ивана Ѳедорова Тарабукина, имѣется помята: „а писалъ за сихъ своихъ родителей сей синодикъ своими руками я, Иванъ“ *). Такимъ образомъ, Тарабукинъ пожелалъ вознаградить обитель за ея молитвы о его ближнихъ нелегкимъ трудомъ написанія книги четкимъ уставнымъ письмомъ.

Вклады, занесенные въ синодикъ, въ общемъ количествѣ вещественныхъ и денежныхъ жертвъ представляли только одну часть. Мы постоянно наталкиваемся на нихъ по разнымъ другимъ документамъ монастырскаго архива вплоть до 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ приходной книгѣ 1709—1712 г. перечислено, что „Татьяна Максимова Мылничиха положила въ казну Пресвятыя Богородицы два рубля денегъ старыхъ, — Алексѣй Рагозинъ — казмакъ приложилъ денегъ 4 руб., двѣ лошади да жеребенка, — Борисъ Ивановъ Сибирякъ 5 руб. да блюдо оловянное вѣсомъ 9 фунтовъ, — Иванъ Родионовичъ Качаловъ 10 руб., — Алексѣй Середининъ 5 рублей, — Гавріилъ Серебренниковъ полчетверти руб. да коня ***) и пр. Здѣсь же, между прочимъ, значится, что въ продолженіе 1710 г. архим. Савватій продалъ въ одномъ случаѣ 300 бѣлокъ (за 3 руб.), въ другомъ 12 соболей (за 14 руб. 26 алт.) и въ третьемъ — нѣкоторое количество жемчугу (на 9 алт. 4 ден.) ***). Думаемъ, что и эти вещи были пріобрѣтены монастыремъ иначе, какъ путемъ даяній со стороны боголюбцевъ. При архим. Порфиріѣ монастырь получилъ до 15 прикладовъ въ одномъ 1730 г. Приклады были денежные, вещами и скотомъ. Между разными жертвователями оказался монахъ Киренскаго монастыря Антоній, приславшій въ томскую обитель 10 руб. †). Здѣсь же нужно вспомнить и тѣхъ монастырскихъ вкладчиковъ, которые приходили въ монастырь на всегдашнее въ немъ жительство и приходили, конечно, не всегда съ такой малой суммой въ 5 или 10 руб., на какую указывалъ митроп. Антоній I. Но замѣчательно, что чѣмъ дальше впередъ отъ лѣтъ настоятельства Порфирія отходило время, тѣмъ количество жертвъ въ пользу монастыря становится меньшимъ и меньшимъ. Въ исчисленіи обительскихъ доходовъ за 1738 г. упомянуты только два приклада одинъ цѣлымъ дворомъ, оцѣненнымъ въ 18 руб., другой денежный въ 5 руб. †*). Въ 1743 г. Томскій посадскій человѣкъ Алексѣй Васильевъ Станиславьевъ отдалъ въ томскія муж. и жен. обители вексель на 133 р., занятыхъ у него Чатцкими татарами. Но это, повидимости, крупное приношеніе порадовало монастырскихъ очень мало. Татары отдавали долгъ крайне ту-

*) Монаст. синод. л. 59 на оборотѣ.

**) Приход. кн. 1709—1712 г. Св. Том. Губ. Вѣд. за 1865 г. № 35.

***) Тамъ-же.

†) Приход. кн. за 1730 г. Мон. арх.; св. 15. Св. Том. Губ. Вѣд. за 1865 г. № 35.

†*) Чтен. Общ. истор. и древ. Россіи. Кн. 2, стр. 297.

го. По немногу то деньгами, то скотомъ они вымачивали его еще въ 1746 и 1747 гг. *). По документамъ позднѣйшихъ лѣтъ, мы встрѣтили только одну сколько-нибудь стоящую вниманія жертву. Въ 1756 или 1757 г. кто-то приложилъ торговую лавку, которую монастырь отдавалъ потомъ въ кортомъ за 4 руб. 50 коп. въ годъ **). Не причисляемъ сюда 98 руб. 8¹/₄ коп., собранныхъ въ 1754 г. по разнымъ мѣстамъ и, между прочимъ, на Ирбитской ярмаркѣ на постройку сгорѣвшей монастырской церкви.

Въ главѣ, специально посвященной обзорѣню монастырскихъ прибылей, нельзя пройти молчаніемъ о доходахъ деньгами, приходившихъ въ монастырскую казну отъ храма при ежедневномъ церковномъ богослуженіи. Къ сожалѣнію, о точныхъ размѣрахъ этихъ денегъ судить очень трудно. Записи о нихъ перемежаны въ приходскихъ книгахъ съ записями по другимъ статьямъ доходности и вообще носятъ характеръ случайныхъ и отрывочныхъ отмѣтокъ. Архим. Василиды, въ 1712 году, передалъ на руки казначея церковныхъ суммъ въ одномъ случаѣ 20 руб., въ двухъ другихъ по 10 руб., затѣмъ раза четыре отмѣчены передачи только по нѣскольку алтынь ***). Приблизительно въ тѣхъ же цифрахъ записаны церковныя деньги при слѣдующемъ архимандритѣ Порфиріѣ. При немъ, да и потомъ держался еще старинный и за то время запрещаемый обычай хожденія монаховъ предъ праздниками „со свѣщю“ по городу для сборовъ въ пользу храма. Насбировали къ каждому храмовому празднику со свѣщю отъ 1 до 3 руб. †). Въ 1738 г. выручено было по церкви отъ продажи восковыхъ свѣчъ 8 руб., собрано прикладныхъ денегъ 5 руб.,—въ церковный кошелекъ 1 р. 61 к. и набрано „съ мѣстною свѣчей“ въ храмовые праздники 4 р. 5 к. †*). Правильно и систематически веденныя записи доходовъ отъ церкви мы встрѣтили только въ концѣ 50-хъ годовъ XVIII стол. и вмѣстѣ съ тѣмъ нашли опять, что и за это время доходы были весьма незначительны. Въ приходной книгѣ за 1757 г. отмѣчено: „принято у Федора Скворцова собранныхъ въ церковный кошелекъ во время службъ церковныхъ чрезъ весь годъ 5 р. 6 к.“ За 1758, 1759 и 1760 г. на приходъ церковныхъ денегъ поступило всего только 70 р. 63 к. Все это доставляетъ явный признакъ, что народу изъ города въ монастырскую церковь ходило мало. †**)

*) Дѣло о пожертвованіи Станиславева. Мон. арх.; св. 17.

**) Приход. кн. за 1758—59 г. Мон. арх.; св. 17.

***) Приход. кн. за 1709—1712 г.

†) Приход. кн. за 1730 г. М. арх.; св. 15.

†*) Чт. Общ. истор. и дреш. Р. 1867. Кн. 2, стр. 297.

†**) Какъ малы были денежные сборы по храму въ церковный кошелекъ—показываютъ слѣдующія записи:

Въ май (1758 г.) „собрано съ кошелькомъ въ казенный ящикъ“	18 коп.
Духовъ день собрано въ кошелекъ	41 „

На себя, на свои собственные потребности, особенно по содержанию братьев, монастырь тратился очень немного. Хлѣба и рыбы было въ изобиліи. Въ пропитаніи братья не только не испытывала скудости, но могла утѣшаться иногда въ некоторую роскошь. Пиво собственной варки приготовлялось въ монастырѣ къ каждому празднику. Для того отпускалось солоду по 10—15 пуд на каждую отдельную варку. Въ продолженіи 1730 г. монастырь израсходовалъ на все свои хозяйственныя нужды и на содержаніе братья 175 р., а за 1738 г.—153 р. 81 к. *).

Изъ расходныхъ статей особымъ образомъ выдвигаются обязательныя платы изъ обительскихъ средствъ на содержаніе Тобольской дух. семинаріи. По регламенту каждый изъ монастырей долженъ былъ удѣлять изъ пользы духовныхъ училищъ, существовавшихъ тогда почти безъ всякой поддержки со стороны общегосударственной казны, $\frac{1}{20}$ своего ежегоднаго хлѣбнаго дохода *). При отдаленности большинства Тобольскихъ монастырей отъ гор. Тобольска, — а слѣдовательно при огромныхъ затрудненіяхъ въ доставкѣ сюда хлѣбныхъ монастырскихъ даней епархіальныя власть распорядилась, чтобы монастыри исполняли свою повинность за благо духовно-учебнаго дѣла не хлѣбомъ, а деньгами. При этомъ они должны были расцѣпывать хлѣбъ примѣнительно къ стоимости его въ данное время на мѣстѣ расцѣпки. Послеъ того некоторые изъ монастырей, развѣдѣли изъ хлѣбнаго дохода соответствующую на семинарію сумму, начали присылать ее ежегодно въ одномъ и томъ же количествѣ при томъ не въ концѣ платнаго года, когда окончательно опредѣлялся и выяснялся хлѣбный урожай, а въ началѣ его—зимою и раннею весною. Это былъ непорядокъ, очень часто невыгодный для семинаріи. На него обратилъ вниманіе митр. Сильвестръ и, въ пресѣченіе злоупотребленій, приказалъ, чтобы монастыри присылали семинарскія деньги „со всякою справедливостію“ **). Въ Томскѣ довелось получить этотъ указъ архимандриту Исаіи. Но послѣдній вскорѣ оказался виновнымъ еще въ большемъ безпорядкѣ. За время отъ

Въ іюнѣ собрано съ кошелькомъ въ казенный ящикъ	13
„ іюль	16
„ августъ	44
Въ январѣ 1759 г. „Собрано въ кошелекъ“	42
„ февраль	30
„ апрѣль	81

и т. дал. въ томъ же родѣ.

Въ сравнительно большихъ размѣрахъ доходы пріобрѣтались отъ сборовъ „со свѣцовъ“ отъ „приложеній“ боголюбцевъ главнымъ образомъ изъ приѣзжихъ російскихъ купцовъ и торговцевъ и, наконецъ, отъ свѣчной продажи. — „Приходная записка 1758—1760 г. Мон. архивъ; связ. 5.

*) Расходи. кн. за 1730 г. Мон. арх.; св. 16. Св. Чт. общ. истор. и др. Р. 1867. Кн. 2, стр. 288.

***) Столбъ архивныхъ дѣлъ и указовъ, хранящійся въ Томской Благовѣщенской соборной церкви.

1755—1759 г. включительно въ семинаріи не получали изъ Томска ни хлѣба, ни денегъ. Консисторія, наконецъ, строжайше предписала выслать деньги за каждый пропущенный годъ*). Въ монастырь произвели расчетъ и оказалось, что за пять лѣтъ нужно было уплатить 52 руб. 93 1/4 коп.—сумму очень почтенную для скромнаго монастырскаго бюджета, тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда приводилось платить ее вразъ. Не смотря на повторное понужденіе, монастырь оттянулъ уплату до 1762 года, когда за два года (1760 и 1761) приконилось еще долгу на 17 руб.**).

Къ числу чрезвычайныхъ расходовъ нужно еще отнести денежныя выдачи по раскладкѣ съ другими монастырями на жалованіе епархіальному страпечему, должность котораго для защиты церковныхъ и монастырскихъ интересовъ въ сношеніяхъ съ свѣтскими властями была учреждена митроп. Павломъ Ковальскимъ***), и неоднократныя уплаты такъ называемыхъ презентовыхъ денегъ.

Съ грамотою Петра Великаго о всероссійской радости по поводу заключенія вѣчнаго мира со Шведскою короною (въ 1721 г.) въ Tobольскъ былъ присланъ прапорщикъ лейбъ-гвардіи Обрѣзковъ. Tobольскій Митроп. Антоній Стаховскій, сверхъ „особливаго презента Обрѣзкову отъ архіерейскаго дома“, велѣлъ принести ему презентъ отъ 16 Tobольскихъ монастырей въ количествѣ 150 руб. Въ счетъ этой суммы съ томскаго монастыря было взято 5 руб.†).

Въ іюль 1727 года изъ Петербурга прибылъ въ Сибирь посланный сюда съ вѣстью о восшествіи на престолъ импер. Петра II, капитанъ Лефуртскаго полку Тимофей Мельгуновъ. „Отъ Его Преосвященства Мильгуновъ былъ презентованъ отъ дому архіерейскаго изъ казенныхъ домовыхъ вещей“, за которыя должны были потомъ заплатить монастыри по раскладкѣ и, въ частности, монастырь Томскій заплатилъ два рубля‡).

Несомнѣнно, что траты на презентовыя приношенія нашъ монастырь верѣдно несъ и въ послѣдующіе годы. Но достовѣрно мы знаемъ еще о двухъ случаяхъ. Въ 1740 году въ Алексѣевскомъ монастырѣ былъ полученъ изъ Tobольскаго архіерейскаго дома указъ съ такимъ приказаніемъ: „сего апрѣля по указу Ея Императорскаго Величества и по требованію Сибирской губернской канцеляріи опредѣлено: прибывшаго нынѣ изъ С.-Петербурга въ Tobольскъ съ благополучными вѣдомостями лейбъ-гвардіи Измайльскаго полку капитана Михаила Рахманова, по прежнему

*) Ук. Tob. конс. архим. Θεодосію 15 авг. 1760 г. М. арх.: св. 5.

**) Ук. консист. архим. Θεодосію отъ 22 мая 1762 г. Мюн. архивъ: св. 1.

***) Указъ Конс. объ учрежденіи страпечихъ архим. Θεодосію отъ 31 мая 1760 г. Мюн. архивъ: св. 5.

†) Указъ Василіуду преем. Антонію I. Мюн. арх.: св. 17.

‡) Указъ изъ архіер. приказу архим. Порфирію отъ 3 ноября 1728. Матер. для истор. Сибири. Том. Губ. Вѣд. за 1866 г. № 14.

примѣру и *со измѣщеніемъ*, отъ дому архіерейскаго и Сибирской епархіи отъ монастырей презентовать, который и презентованъ, а именно: поднесено съ денегъ 210 руб. Того ради определено: съ монастырей Тобольской епархіи по расположенію, оныя презентовыя деньги въ томъ числѣ и съ вашего Томскаго монастыря 10 руб. взыскать**). 1745 г. взыскивались съ обителей деньги за презентъ, выданный въ митрополичьемъ домѣ камергеру Жеребцову. На этотъ разъ менѣе состоятельный, чѣмъ Томскій, Кузнецкій монастырь обязанъ былъ выслать въ Тобольскъ 7 руб. 50 коп., слѣдовательно Томскій—уплатилъ значительно больше**).

При общемъ взглядѣ на всѣ статьи монастырской доходности за разсматриваемый періодъ существованія Алексѣевской обители и самую эту доходность самъ собою дается выводъ въ томъ смыслѣ, что не была эта обитель такъ богата, какъ многіе изъ тогдашнихъ монастырей центральной Россіи съ ихъ многочисленными крестьянами, съ ежегоднымъ приливомъ къ нимъ огромной толпы изъ усердныхъ богомольцевъ. Однако, имѣя возможность въ каждое время (за исключеніемъ развѣ самыхъ первыхъ лѣтъ послѣ основанія) удовлетворять безбѣдно всякую свою нужду, не была она и очень скудной по своимъ средствамъ. Скорѣе это была обитель среднего достатка. Впрочемъ въ одномъ изъ официальныхъ документовъ середины прошлаго столѣтія мужскій монастырь въ Томскѣ, наравнѣ съ другими монастырями Томскаго края, названъ *убогимъ****). Мы однако склонны усматривать въ такомъ названіи нѣкоторое преувеличеніе. Предшествующій обзоръ его хозяйственности, по нашему мнѣнію, не представляетъ данныхъ для подтвержденія помянутого убожества.

Но еще до исполненія такъ печальной для всѣхъ монастырей мѣры отобранія у нихъ имѣній благосостояніе нашего монастыря грозило ишатнуться вслѣдствіе очень сильно выраженныхъ со стороны его крестьянъ попытокъ къ разрыву своихъ обязательныхъ къ нему отношеній.

6.

Тяготы въ положеніи монастырскихъ крестьянъ. Выгоды ихъ состоянія за монастыремъ и вскупаютъ тягостей крѣпостной зависимости.—Крестьянскіе побѣги.—Частныя сопротавленія монастырской власти.—Общее возстаніе при архим. Исаян.—Главный водстрекатель Григорій Писковъ.—Возстаніе при архим. Феодосіѣ.—Распораженія импер. Петра III и императрицы Екатерины II объ отобраніи духовныхъ имѣній.

Мы уже видѣли, что въ кругъ обязательныхъ отношеній къ монастырскимъ крестьянъ загнала нужда. И, взятая въ общемъ, крестьянскія обязательства

*) Читенія общ. вѣст. и древн. Р. 1867 г.; кн. 2, стр. 315.

***) Указъ управляющему Кузнецкимъ монаст. Томскому наместнику іером. Алексѣю отъ 22 апр. 1745. Мон. арх.; свѣд. 16.

***) Слав. Собр. Закон. т. 10, № 7172.

по отношенію къ монашествующимъ были очень нележки. Кромѣ разнообразныхъ поборовъ въ пользу владѣльца-монастыря и многихъ работъ на его поляхъ сѣнокосахъ, крестьяне изъ своихъ деревень должны были возить въ Томскъ монастырскій хлѣбъ, сѣно, дрова, бревна для обительскихъ построекъ и проч. Да и самыя постройки въ монастырѣ и на его „дворцахъ“ производилась также почти исключительно крестьянскимъ подневольнымъ трудомъ *). Исключенія были рѣдки. Таковое мы нашли за 1730 годъ, когда монастыремъ нанятъ былъ Иванъ Шведъ (изъ шведскихъ плѣнныхъ) вывезти бревна на киргизскую заимку, срубить тамъ погреба и прочія мелкія службы **). Кромѣ поправокъ и перестроекъ, въ монастырѣ всегда могло найтись не мало другихъ хозяйственныхъ сдѣлій. При самомъ монастырѣ и на подворьяхъ постоянно проживали рабочіе изъ крестьянъ, смѣняемые по очереди ***).

Обязанности къ монастырю, при всей ихъ сложности, не освобождали монастыр. крестьянъ и отъ исполненій разныхъ казенныхъ работъ, назначаемыхъ свѣтскою властію. Такъ, 5 октября 1710 г. монастырскій казначей іеромонахъ Іосифъ получилъ изъ приказной избы отъ Юрія Ивановича Гагарина память, по которой велѣно было выслать отъ монастырскихъ крестьянъ двадцать подводъ для перевозки до Тары казенныхъ товаровъ, шедшихъ караваномъ изъ Китая съ „кунчиною“ Иваномъ Саваткевымъ †). Въ слѣдующемъ 1711 г. на помощь каравану съ казенными же вещами, шедшему также изъ Китая съ кунчиною Петромъ Худяковымъ, потребовались отъ монастырскихъ крестьянъ двѣ подводы †*). Въ 1714 г. чрезъ Томскъ слѣдовалъ еще караванъ, но теперь уже не изъ Китая, а въ Китай, и, по завѣщенію въ приказной избѣ требованію заправлявшаго караваномъ купца Михаила Гусятникова, наченскіе крестьяне обязаны были выслать нѣсколько подводъ добрыхъ коней до Енисейска †**). Неоднократно тѣ-же крестьяне возили бревна и тѣсницы на строеніе въ Томскѣ казенныхъ житницъ и „обрубную“ (крѣпостную?) починку †***).

Такіе и подобныя виѣмонастырскіе наряды были, конечно, у монастырскихъ крѣпостныхъ общинами съ другими крестьянами, жившими около

*) Крестьяне с. Наченскаго показывали, что въ 1762 г. они накосили въ монастырь сѣна 4500 пов., возили хлѣбъ на 150 подводкахъ, доставили дѣсу 150 бревенъ, а въ 1763 г. 200 бревенъ, чинили мельницу и въ монастырѣ работало 20 человекъ 30 дней. Крестьяне дер. Иштанской въ 1761, 1762, 1763 гг. крыли въ монастырѣ кельи, возили для того тесь по 7 теслицъ съ каждымъ тязла, чистили на киргизскомъ дворѣ скотный дворъ, городили на Киргизскіхъ покотинахъ, доставляли на своихъ подводкахъ неводную рыбу. — Мон. арх.; св. 6, св. связь. 17.

***) Расходъ кв. за 1730 г.

***) Это видно изъ множества бумагъ, разбѣянныхъ по монаст. архиву.

†) Монаст. арх.; связка дѣлъ Петровскаго времени. Сп. матер. для истор. Сибири. Т. Губ. Вѣд. 1865 № 37.

†*) Тамъ-же

†**) Указъ архим. Василиду отъ 5 ноябр. 1714 года, подписанный столовникомъ Романомъ Трахоніотомъ. Мон. архивъ; тамъ-же.

†***) Тамъ-же

Томска. Но крестьяне, записанные за монастыремъ, сверхъ того, несли еще стороннія тягости, вызываемыя ихъ особымъ положеніемъ, въ качествѣ именно крестьянъ духовнаго, епархіальнаго вѣдомства. Въ 1760 г. преосв. митрополитъ Павелъ Конюсевичъ приказалъ разослать изъ консисторіи по монастырямъ распоряженіе такого содержанія: такъ какъ въ Тобольскѣ назначается каменное строеніе теплаго собора съ колокольнею, ризницей и книгохранилищемъ, а домовые (архіерейскіе) крестьяне заняты заготовкою разныхъ матеріаловъ: дикаго камня, извести, плить и т. п., то, для вспоможенія дѣлу постройки, монастыри обязываются выслать изъ своихъ вотчинныхъ крестьянъ 80 работниковъ и 40 лошадей. Къ указу было присоединено росписаніе, сколько именно каждый монастырь долженъ былъ прислать людей и на сколькихъ лошадяхъ. Томскій Алексѣевскій монастырь обязанъ былъ выслать и выслалъ четырехъ рабочихъ на двухъ лошадяхъ *).

Тяжесть крѣпостнаго положенія была обременительна сама по себѣ. Но въ данномъ случаѣ чувствовалась она очень остро еще потому, что потомки обивцалыхъ пришельцевъ въ Сибирь, не смотря на неблагоприятныя подчиненныя условія своего быта, къ срединѣ XVIII вѣка успѣли развить въ привольной странѣ свое благосостояніе настолько, что невольный трудъ сталъ для нихъ рѣшительно ненавистнымъ. И это тѣмъ болѣе, что примѣръ крѣпостной зависимости монастырскихъ крестьянъ былъ во всемъ Томскомъ краѣ почти исключительнымъ. Свообразно—подчиненныя отношенія томскаго крестьянскаго населенія къ вѣдомству Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства начали складываться въ обширныхъ размѣрахъ только съ Екатерины II **). Несомнѣнно, что въ неспокойной настроенности монастырскихъ крѣпостныхъ, о которой будемъ говорить въ настоящей главѣ, не маловажное значеніе имѣло и то обстоятельство, что съ нѣкоторыхъ поръ въ ихъ деревни началъ проникать расколъ,—а для раскольниковъ повиновеніе православному монастырю должно было казаться совсѣмъ недостаточнымъ дѣломъ ***). Наконецъ, были промахи излишней притязательности и строгости въ отношеніяхъ къ крестьянамъ со стороны самой монастырской власти.

Нельзя, впрочемъ, пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ условій, при которыхъ монастырское владѣльческое покровительство для крестьянъ по временамъ

*) Указъ Консист. архим. Θεодосію отъ 14 мар. 1760 г.; связ. 5.

***) Установленіе зависимыхъ отношеній Томскаго крестьянскаго населенія къ Колывано-Воскр. Горному Начальству въ свою очередь не могло обойтись безъ протеста со стороны закрѣощаемыхъ. Мы знаемъ случай самоожженія, мотивированный нежеланіемъ подчиняться подневольной заводской работѣ.

****) Раскольниковъ особенно много было въ деревнѣ Калвинской. Въ 1763 г. здѣсь былъ пойманъ расколоучитель Звѣревъ. Слѣдств. дѣло о Звѣревѣ Мон. арх; св. 6. Крестьяне нѣсколькихъ монастыр. деревень имѣли частое сношеніе съ раскольниками, жившими въ скиту въ Кузнецкой тайгѣ около Муигатскаго острова.

было выгодно. Разумѣемъ не тѣ только случаи, когда въ трудную пору Петровской реформы монастырь то и дѣло выручалъ крестьянъ при уплатѣ податей и др. сборовъ, но и тѣ, когда защищалъ ихъ отъ самихъ сборщиковъ и отъ ихъ несправедливыхъ начетовъ. По указу изъ Тобольскаго архіерейскаго дома и по собственной инициативѣ архим. Василиды строго наблюдалъ за справедливостію казенныхъ съ своихъ крестьянъ сборовъ и „изъ Енисейской провинціи комиссарамъ и прочимъ служителямъ въ монастырскія потчины не для какихъ дѣлъ вѣзжать не велѣлъ и отъ нихъ обидъ крестьянамъ не доускалъ“. Василиды сказанъ правъ: вскорѣ обнаружилось, что енисейскіе сборщики брали съ монастырскихъ въ излишекъ цѣлую полтину съ двора *). Факты обереженія крестьянъ отъ произвола и обидъ мѣстнаго томскаго чиновничества встрѣчаемъ и далѣе.

Въ 1733 г. крестьяне жаловались монастырскому казначею, что къ нимъ постоянно наѣзжаетъ земскій прикащикъ Шелудяковъ и, наѣзжая, беретъ отъ нихъ по двѣ, по три подводы безъ уплаты прогонныхъ, при этомъ требуетъ чрезвычайно быстрой ѣзды, отчего лошади падаютъ. Кроме того, Шелудяковъ, въ пьянствѣ безвинно нападетъ на крестьянъ и по долгу держитъ ихъ подъ карауломъ. По этой жалобѣ монастырь вошелъ въ сношеніе съ Томской воеводской канцеляріей, откуда Шелудякову было строго предписано: „усильно“ съ монастырскихъ крестьянъ подвездъ не требовать, вообще къ нимъ не ѣздить и „судомъ ихъ не вѣдать“ **).

1 июля 1741 года одиннадцать человѣкъ изъ монастырскихъ крестьянъ подали настоятелю доношеніе, изложенное въ такихъ пунктахъ:

1) Въ прошломъ 1740 году 25 декабря пріѣхалъ въ с. Пачинское томскій разночинецъ Федоръ Истоминъ и, „пришедъ нагло“ съ томскимъ посадскимъ человѣкомъ Безрядовымъ да съ присыльнымъ Семеномъ Корелой въ домъ монастырскаго крестьянина Ивана Шыренкова, „сталъ безо всякаго довода искать вина“. Нашелъ съ ведро вина въ подпольѣ и унесъ съ собою ***).

2) Видя онаго Истомина наглое нападеніе, монастырскій же крестьянинъ Мартыновъ началъ „просить его и разговаривать добровольно, дабы показалъ Шыренкову свою милость“. Истоминъ не послушалъ и не только выгналъ просителя на улицу „безчестно“, но при помощи томскихъ товарищей „сталъ бить его и Шыренкова дубьемъ и топтать ногами“.

3) Того же числа ночью Истоминъ съ Безрядовымъ и Корелою пришли въ монастырскую избу „нагло“ и били безвинно выборнаго монастыр-

*) Матеріалы для истор. Сиб. Т. Г. В. 1865 № 44—45.

***) Мон. архивъ; см. матер. для истор. Сибири Т. Г. В. за 1866. № 24.

***) Истоминъ искалъ вина, добываемаго крестьянами „самослждкою“. — Тайное винокурение въ Сибири была самымъ обычнымъ дѣломъ среди крестьянъ населенія даже въ недавнее время.

скаго крестьянина Ивана Юрѣва и, бивши, спрашивали: у кого вино есть, чтобы доводили другъ на друга.

4) Тотъ-же Истоминонъ искалъ вина у крестьянина деревни Тайменки Вагина, но не нашель. При обыскѣ захватилъ мѣдникъ и унесъ его съ собою насильно.

5) Вагинъ, видя насиліе Истомина, сталъ ему кланяться и просить слезно, чтобы мѣдникъ возвратилъ. Истоминонъ возвратилъ, но за то „смучилъ“ съ Вагина мѣшокъ пшеницы.

6) Да въ прошломъ же 1740 г. онъ, Истоминонъ, далъ позволеніе монастырскимъ крестьянамъ Григорію Ильину съ товарищи вина сидѣть во все годъ, „а радилъ за то съ нихъ вина четыре ведра. Но, не дождавшись времени, доправилъ съ Ильина за вино 10 руб.“

7) Вернувшись въ Томскъ, Истоминонъ подалъ на насъ, крестьянъ, доношеніе: будто мы его били въ числѣ 10 человекъ и отбили 17 руб. денегъ, и „то онъ написалъ ложно“.

И потому доношенію „насъ сыскали“ въ Томскую Воеводскую Канцелярію здѣсь допрашивали и въ томъ дѣлѣ содержали въ Воеводской Канцеляріи подъ карауломъ пять недѣль, но рѣшенія никакого не учинили.

„Пошлинъ съ того иску съ насъ не взято, но токмо доправилъ съ насъ деньщикъ 6 руб. ѣздовыхъ денегъ, да подъячій Воробьевъ отъ допросу взялъ 5 руб., да подполковникъ и воевода Миклашевскій 1 руб. 50 коп., да при переводѣ изъ караульной въ тюрьму и изъ тюрьмы въ караульную отдано деньщикамъ и десятникамъ 3 руб. 11 коп. А всего получилъ съ насъ *нападками* въ канцеляріи, воеводою и разночинцемъ Истоминнымъ 25 руб. 61 коп., да мѣшокъ пшеницы вѣсомъ въ 5 пудовъ, цѣной 1 руб.“

„Того ради симъ доношеніемъ въ Томскій Алексѣевскій монастырь покорно просимъ нашу жалобу принять и обиду нашу и взятыя съ насъ *нападками* деньги отыскать, а разночинцу Истомину (приказать) въ монастырскую вотчину не въѣзжать и насъ не разорять“. *)

Несомнѣнно монастырь заступился за этихъ челобитчиковъ, сколько можно было заступаться, какъ равно, два года спустя, защитилъ своихъ Шегарскихъ крестьянъ отъ обидъ, какія причинялъ имъ подобный Шелудякову земскій прикащикъ Протопоповъ. Между прочимъ у одной крестьянки (въ дер. Шегаркѣ) Протопоповъ отнял 5 р. и ее саму „изувѣчилъ“. Притѣсненія Протопопова были доведены до свѣдѣнія воеводской канцеляціи сильнымъ протестомъ архим. Лаврентія **). При господствующемъ тогда въ Сибири самоуправствѣ со стороны мелкихъ властей великаго рода случаи подобнаго

*) Чт. въ Общ. истор. и древ. Р. Матер. для истор. Сибири 1867 г., кн. 2., стр. 320—321.

**) Жалоба архим. Лаврентія на Протопопова отъ 28 янв. 1743 г. Мон. арх.: св. 16.

заставляя монастыремъ за своихъ крѣпостныхъ, конечно, далеко не исчерпывались примѣрами, только лишь представленными.

Но всетаки въ глазахъ крестьянъ выгоды монастырскаго заступничества, какъ бы часто случаи заступленій ни были, никакъ не могли искупить тягости невольныхъ работъ и принудительныхъ даней.

Желаніе выдти изъ подъ монастырскаго зависимости прежде всего нашло свое выраженіе въ часто повторявшихся случаяхъ крестьянскаго бѣгства. Въ 1717 г. архим. Василидъ писалъ въ челобитной кн. Гагарину, что разбѣжалось у Томскаго монастыря крестьянъ до 12 дворовъ и, какъ дознано, бѣглецы живутъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ на новозбранныхъ мѣстахъ. По челобитью, послѣдовало повелѣніе Гагарина, присланное указомъ Томскому оберъ-каменданту Ивану Ивановичу Щербатову, „бѣглыхъ розыскать и монастырскія ихъ крѣпости разсмотрѣть“ и если бѣглецы подлинно Алексѣевскаго монастыря, возвратитъ ихъ обители непременно*). Въ 1721 г. Василидъ подалъ въ Томскую приказную избу новую жалобу на побѣгъ въ тотъ же Кузнецкій уѣздъ крестьянина Василя Бараникова съ женою, дѣтьми и братьями. Понски этихъ бѣглецовъ, при помощи монастырскихъ же крестьянъ, увѣнчались успѣхомъ только въ 1726 г. **) По Высочайшему повелѣнію указомъ 1723 г. велѣно было перевести изъ Томскаго края на земли Нерчинскаго вѣдомства до 200 крестьянскихъ семей. Между прочимъ изъявили желаніе на переселеніе нѣкоторые изъ крестьянъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря. Изъ новыхъ мѣстъ они однако векорѣ вернулись побѣгомъ на прежнее жилище, такъ какъ Нерчинское житіе оказалось гораздо тяжелѣе монастырскаго неволи ***). Жившій въ Пачинской вотчинѣ іеромонахъ Климентъ въ 1740 г. донесъ, что двѣ крестьянскія семьи ушли изъ с. Пачинскаго въ лѣсъ и живутъ тамъ потаенно †). Изъ послѣдующихъ перѣданныхъ монастырскихъ явокъ, подаваемыхъ о бѣглыхъ въ воеводскую канцелярію, между прочимъ, видно, что одинъ крестьянинъ ушелъ съ семьей къ Барнаулу и проживалъ въ Бѣлоярской слободѣ, перемѣнивъ, съ цѣлію окончательно отбѣться отъ монастыря, свое имя и фамилію †*). Жаловался монастырь еще на такую уловку своихъ подчиненныхъ. Болѣе разбогатѣвшіе изъ крестьянъ, желая заняться на сторонѣ торговыми дѣлами, тайно отъ начальства своей команды являлись въ воеводскую кан-

*) Мон. арх.; связка бумагъ времени Петра В. Св. матер. для Сибири Т. Г. В. 1865 г. № 44—45.

**) Изъ реестра дѣлъ Томской приказной избы за 1721 г. Мон. арх.; связка 3; св. дѣло 1726 г. о покражахъ у Том. сына Боярскаго Ив. Шумилова, въ которыхъ были замѣшаны нѣкоторые изъ монаст. крестьянъ. Мон. арх.; св. 15.

***) Розыскивалъ бѣжавшихъ посланный изъ Нерчинскихъ заводовъ крест. Загайновъ; онъ нашелъ ихъ, но почему-то обратно не вернулъ. Мон. арх.; св. 17.

†) Чт. Общ. ист. и др. 1867. стр. 313. св. 16. св. Мон. архивъ.

†*) Монастырское прошеніе въ Томск. воев. канц. отъ 1743 г. Мон. арх.; связ. 15.

целярью, брали здѣсь паспорта и затѣмъ находились въ отъѣздахъ года по два по три, не платя за все это время въ монастырь ровню ничего *)).

Мало по малу крестьяне начали переходить къ выраженію сопротивленія монастырю болѣе активнымъ путемъ. 20 октября 1738 г. уже упомянутый іеромонахъ Климентъ отписалъ архим. Лаврентію, что иѣсколькихъ хозяевъ изъ монастырскихъ Начинскихъ крестьянъ не хотятъ отдавать въ таго слона и одинъ изъ нихъ заявилъ, что если у него будутъ брать слона, то „безъ великаго грѣха не обойдется“ **). И вообще крестьяне почему-то были очень возмущены противъ Климента. Въ 1740 г. въ Начинскомъ схватили долго укрывавшагося здѣсь бѣглаго рекрута Алексея Романовича. На допросѣ дезертиръ показалъ: „меня нанимали монастырскій крестьянинъ Григорій Тимофѣевыхъ и др. убить Климента до смерти и давали мнѣ 10 рублей“. Любопытно, что наниматели хотѣли заключить съ рекрутомъ письменный договоръ въ такой силѣ: „если онъ убьетъ Климента, то деньги передъ нимъ убійцей, если убійство почему-либо не совершится, то ихъ назадъ отдать“ ***). Черезъ три года крестьяне выразили большое недовольство распоряженіями монастырскаго прикащика Григорія Иванова Малороссійца. При одномъ изъ столкновеній съ нимъ они избили его „до смерти“ †). — Все это было тяжелой прелюдіей къ поголовнымъ возстаніямъ, происходившимъ в теченіе 50 годовъ прошлаго столѣтія.

Въ 1750 г. явился въ с. Начинское для перваго осмотра монастырскихъ имѣній только лишь назначенный монастырскій начальникъ молодой архиман. Исаія Русиновичъ. Онъ повелъ себя съ крестьянами гордо, властно и чрезчуръ притязательно, и послѣ своего отъѣзда оставилъ среди крестьянъ глухой, но очень злобный ропотъ. Кое кто уже тогда началъ поговаривать, что довольно служить монастырю, что нужно хлопотать о волѣ. Говорившее рѣдко переходило въ фактическое непослушаніе вогчиннымъ монастырскимъ управителямъ. Это побудило Исаію явиться въ вогчинное село еще разъ. На этотъ разъ, чтобы окончательно сокрушить крестьянскую строптивость, архимандритъ предсталъ предъ подчиненными въ особенно грозномъ и суровомъ видѣ и вызвалъ какъ разъ обратное тому, на что рассчитывалъ. Крестьяне стали оказывать сопротивленіе чаще и чаще. Явились ярые противники къ невинновелію. Одинъ изъ нихъ дѣйствовалъ въ самомъ Начинскомъ. Это былъ грамотный крестьянинъ, иѣкоторое время исправлявшій обязанности дячка при Начинской церкви, побывавшій не разъ въ раскольническихъ скитахъ, Григорій Ивановъ Пырниковъ. Другой принялся въ

*) Архіер. указъ архим. Лаврентію на основаніи его донесенія отъ 1738 г. Монахъ св. 16. Св. Чт. Общ. истор. и древ. 17. 1867 г., кн. 2., стр. 305.

***) Донесен. іером. Климента, архим. Лаврентію отъ 20 окт. 1738 г. Монахъ, арх.; св. 16.

†) Чт. Общ. Ист. и древ. за 1867 г., стр. 319.

‡) Промеморія въ Тож. воев. канц. отъ 22 февр. 1744 г. М. арх.; св. 17.

ущать крестьянъ въ Томскѣ изъ за монастырской ограды. Это былъ іеромонахъ Иринархъ — наиболѣе крайній противникъ Исаіи изъ всей очень недовольной новизнѣ настоятелемъ монастырской братіи. Дѣло завершилось, наконецъ, тѣмъ, что проживавшіе на Пачинскомъ дворѣ іеромонахъ Герасимъ и монахъ Бардаковъ вынуждены были донести настоятелю, что крестьяне всѣхъ монастырскихъ деревень не хотятъ платить полностью никакихъ монастырскихъ сборовъ, что они постоянно собираютъ сходки и договариваются о выборѣ челобитчиковъ для ходатайства, „чтобы отъ монастыря прочь отказаться и въ другія мѣны идти и для того послать челобитчиковъ въ г. Тобольскъ *)).

Челобитчиками избраны были упомянутый Григорій Пырниковъ и Петръ Кунгуровъ. Они взялись за составленіе челобитенъ въ какомъ дѣлѣ разностно, хотя и потаенно, помогалъ имъ іеромон. Иринархъ. Первые жалобы были написаны Верхотурскому воеводѣ поручику Бушневу, въ то время прибывшему въ Томскъ для слѣдствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ Томскаго воеводы Петра Микулина, и Томскую воеводскую канцелярію. Въ предупреденіе волненія еще въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, Исаія отправилъ бумагу въ консисторію. Въ ней онъ писалъ, что крестьяне Григорій Пырниковъ съ сыномъ Адрианомъ, Яковъ Ильинихъ, Павелъ Юрмаковъ и др. по злобѣ на него, архимандрита, за то, что въ монастырскихъ работахъ и прочихъ сдѣлкахъ никакой отваги, по ихъ прихотямъ, не даетъ, сами чинятъ и другихъ соблазняютъ подыскивать на него разныя вины. Доселѣ это продолжалось втунѣ“. Нынѣ же Пырниковъ, пользуясь случаемъ, что въ Томскѣ идетъ слѣдственное дѣло надъ воеводою, подалъ слѣдователю Бушневу прошеніе съ жалобой, „якобы крестьяне пришли отъ монастырскихъ работъ и тягостей въ крайнее разореніе“. Между тѣмъ они, крестьяне, особенно „вышенисаные“ противники въ работахъ монастырскому прикащику монаху Бардакову отказываютъ, отговариваясь, яко не суть крестьяне святая обители“. Въ своеволіи они „полагаются на то, что изъ немѣнѣемъ нынѣ въ Тобольскѣ преосвященнаго митрополита**), съ ними справиться будетъ некому“. Изложивъ доношеніе, Исаія просилъ консисторію защитить и милостиво оборонить“ и съ тѣмъ вмѣстѣ принять мѣры, чтобы крестьяне смирились, остались покорны и послушны какъ ему, такъ и будущимъ по немъ настоятелямъ. Что же касается зачинщиковъ, то Исаія находилъ бы, что, по сношеніи съ Тобольской губернской и Томской воеводской канцеляріями, ихъ нужно, какъ „первозатѣйщиковъ и возмутителей“ наказывать публично на площади въ селѣ Пачинскомъ. Черезъ нѣсколько дней архимандритъ дополнилъ свой рапортъ донесеніемъ указаніемъ еще новыхъ

*) Дѣло о волненіи монаст. крестьянъ. Мон. арх.; св. 17.

**) Зѣветъ разумѣется промежуткомъ времени, когда послѣ отъѣзда изъ Тобольска назначеннаго на Суздальскую кафедру митр. Сильвестра, новый митрополитъ еще не прибылъ.

первозатѣйщиковъ и обвиненіемъ въ подстрекательствѣ къ крестьянскому возстанію іеромон. Принарха. Разумѣется и новое донесеніе имѣло въ заключеніи: защитить и милостиво оборонить, а „любедника Принарха“ удалить изъ другой монастырь, чтобы не причинилъ еще большаго зла*).

Съ своей стороны Пырниковъ съ товарищи въ челобитныхъ, поданныхъ Бушневу и въ воеводскую канцелярію, говорили, что когда Песаія явился въ Пачинское въ первый разъ, крестьяне приносили ему въ презентъ хлѣба съ солью и „прочаго съѣтнаго“, но онъ тѣмъ былъ недоволенъ и началъ угрожать крестьянамъ жестокими побоями, „почему изъ пристрастія стали ему приносить по 10 и 15 руб.“ (вѣроятно отъ каждой монастырской деревни). Въ слѣдующій прѣздъ, явившись въ Пачинское разсерженнымъ, архимандритъ не только грозилъ крестьянамъ пытками, но и дѣйствительно велѣлъ „дѣстеганья“ навозить къ дворцу соломы и хворосту. Многихъ пыталъ, при чемъ крестьянина Алексѣя Тимофеевыхъ стегаль смертельно: „едва потому здравіе получилъ“ и пытками „вымучилъ“ по 65 коп. съ каждаго дома. Въ этотъ же второй прѣздъ настоятель стрѣлялъ изъ ружья съ тѣмъ именно намѣреніемъ, „чтобы изъ крестьянъ кого-нибудь ушибить“. Далѣе слѣдовали обвиненія, что архимандритъ въ разныя времена подъ разными предлогами вымогалъ у отдѣльныхъ хозяевъ по 50 и даже по 100 р., что крестьянинъ Пьянова велѣлъ привести въ городъ „въ чени“, и, засадивъ его здѣсь какъ караулъ, вымучилъ отъ него 50 руб., что за вѣчные памяти архимандритъ беретъ съ перваго брака по 2, 4 и даже по 7 р., рекрутскій наборъ „чинить самъ собою безъ выборныхъ“ и подати требуетъ безъ исключеній сбавочныхъ по указамъ и, наконецъ, въ своемъ личномъ поведеніи допускаетъ не малые соблазны. Въ концѣ жалобъ Пырниковъ присоединилъ „въ прошлыхъ годѣхъ прадеды и отцы наши по даннымъ отъ себя въ Томскій монастырь занисямъ пошли жить вѣчно охотою съ дѣтьми и подписались въ тѣхъ данныхъ платить въ тотъ монастырь съ двора по сѣжени дровъ, масла по безмену и изъ хлѣба давать пятаину, да изъ монастырскаго хлѣба крупъ дѣлать, а прочихъ монастырскихъ подѣлокъ и накладывать. А нынѣ на нихъ отъ того монастыря наложена противъ тѣхъ данныхъ отъ прадедовъ и отцовъ излишняя дань“, а именно: монастырь требуетъ бесплатно сѣять и жать хлѣбъ, ставить сѣна на монастырскихъ лугахъ по 30 копейкъ съ каждой души. Масла монастырь изимаетъ по безмену не съ двора, а съ коровы. Въ деревняхъ Иштаиской и Шегарской дровъ собирается по 3 сажени не съ двора, а съ каждой души **).

Томская воеводская канцелярія препроводила бумаги, представленныя Пырниковымъ, въ Tobольскую губер. канцелярію, откуда онѣ перешли на раз-

*) Мон. арх: св. 17.

**) Тамъ-же св. 5 и 17.: см. тамъ-же; св. 5.

смотрѣніе консисторіи. Въ Tobольскъ направились самовольно, безъ паспортовъ, и сами челобитчики Пырниковъ и его сотоварищъ Кунгуровъ. За Исаію горячо вступился братъ, членъ консисторіи, протоиерей Василій Рувиновичъ и, понятно, — Пачинскимъ ходавамъ пришлось въ Tobольскъ очень долго. Ихъ держали тамъ подъ карауломъ „во всякихъ неспосныхъ работахъ“ двѣнадцать недѣль. Можетъ быть, продержали бы и больше, еслибы, путемъ подкупа караульныхъ, имъ не удалось бѣжать. Тѣмъ не менѣе, по настоянію губернской канцеляріи, консисторія должна была назначить по дѣлу архим. Исаіи и крестьянъ слѣдствіе. Его производство поручено было Енисейскому протоиерюу Даніилу Бузлуцкому. На слѣдствіи Томскій настоятель оправдывался слабо и долженъ былъ признаться, что съкъ крестьянъ розгами и плетью, но только „слегка“, стрѣлялъ въ Пачинскомъ, но только для пробы ружья, а на большинство остальныхъ вопросовъ отвѣчалъ голословнымъ отрицаніемъ. Всетаки крестьяне не были довольны слѣдствіемъ, усматривая въ дѣйствіяхъ слѣдователя поправку въ пользу архимандрита. Неустойимый въ борьбѣ съ монастырскою властію Григорій Пырниковъ, кое какъ отдѣлавшись отъ взысканія за Tobольскій побѣгъ, не переставалъ изготовлять донесенія и челобитныя то въ губернскую канцелярію, то митроп. Павлу, то, наконецъ, на Высочайшее имя. Повторялись обыкновенно прежнія по отношенію къ Исаіи обвиненія и тѣ же несправедливости къ крестьянамъ со стороны монастыря, какія указывались раньше. Впрочемъ, въ одной изъ бумагъ встрѣчаемъ новую мысль, несомнѣнно усиленно въ то время распространяемую Пырниковымъ, именно мысль, что Алексѣевскій монастырь завладѣлъ крестьянами самовольно, безъ великихъ отъ прежнихъ государей пожалованій *).

Недовольствуясь письменными жалобами, Пырниковъ въ 1759 г. рѣшилъ снова идти въ Tobольскъ для устныхъ объясненій предъ тамошними властями

*) Эта мысль была выражена въ прошеніи крестьянъ 1759 г., которое было приготовлено для подачи на Высочайшее имя. Мон. арх.; св. 5.

Въ какомъ множествѣ Пырниковъ и крестьяне писали жалобы и прошенія на разныя несправедливости монастырской власти—видно изъ описи „найденныхъ въ домѣ возмутителя монастырскаго крестьянина Григорія Пырникова въ собственномъ его лицѣ разныя письменныя дѣла въ бѣлкахъ и черновикахъ, цѣлкахъ и не цѣлкахъ“. Всего въ описи такихъ письменныхъ дѣлъ перечислено 28 №-овъ. Подъ № 1 значится прошеніе Пырникова и крестьянина Евлева отъ 1757 г. на архим. Исаію и бывшего въ Пачинскомъ селѣ прикащика монаха Бардакова; подъ № 2—прошеніе отъ выборныхъ челобитчиковъ Якова Ильина и Алексѣя Комнина на архим. Исаію въ обидахъ, написанное въ слѣдственную въ Томскъ комиссію;—3—такое же прошеніе на имя преосвящ. митрополита Павла;—4—выборъ отъ монастыр. крестьянъ, данный Григорію Пырникову и Петру Кунгурову; подъ—5—конія съ прошенія въ Сибирскую губ. канцелярію на архим. Исаію отъ крестьянина Михаила Шадрина;—6—черновое прошеніе на прикащика Бардакова на 5 листахъ;—7—21—выборы и прошенія въ разныя мѣста и отъ разныхъ крестьянъ на архим. Исаію;—22—27 записки, „что съ разныхъ крестьянъ взято архим. Исаіею съ принужденіемъ денегъ“ и перечни другихъ несправедливостей и обидъ, допущенныхъ тѣмъ-же настоятелемъ; и, наконецъ, подъ № 28—челобитная отъ всѣхъ жителей с. Пачинскаго.—Черновое дѣло о возмущ. мон. крестьянъ. Мон. архивъ; связ. 5.

и въ особенности предъ митрополитомъ Павломъ. На этотъ разъ крестьяне придали ему въ сотоварищи Якова Ильиныхъ. По прежнему челобитникъ натерѣлся въ Tobольскѣ не мало муки, посидѣли въ тюрьмѣ, переизлатили изъ крестьянскихъ денегъ разнымъ взяточникамъ и возвратились домой только съ тѣмъ слухомъ, прослышаннымъ отъ одного изъ взяточниковъ, что Исаи вскорѣ изъ Томска будетъ удаленъ.

Понятно, что во все время описанныхъ крестьянскихъ волненій монастырскія хозяйственныя дѣла не могли идти благополучно. Большинство монастырскихъ прибылей при Исаи выражено въ сравнительно меньшихъ, чѣмъ въ прежнее и послѣдующее время, цифрахъ. Начинскіе управители и дѣло оповѣщали монастырь, что крестьяне или не даютъ полностью оброчъ, или не хотятъ идти на монастырскія работы. Монахъ Бардаковъ съ своими понудительными мѣрами выбился изъ силъ *). Крестьянскія бѣдствія усилились. Сибирская канцелярія, забравъ въ сданнаго монастыремъ рекрутъ Ивана Тимофѣева за его физическою неразвитостію, потребовала прислать на мѣсто забракованнаго другого крестьянина. Исаи отвѣтилъ, что въ годныя къ рекрутчинѣ „изъ монастырскихъ селеній не вѣдомо куда разбѣжались“. Въ промеморіи, посланной къ Колывано-Воскресенскому Горному начальству въ 1756 году тотъ же настоятель писалъ, что монастырскіе крестьяне „противъ нарядовъ на работы учиняють противность“ и многіе изъ нихъ, „оставя дома свои изъ вотчины Начинскаго села разбѣжались“ и гдѣ живутъ и подъ чьимъ укрывательствомъ — неизвѣстно. „А иные изъ нихъ, не взявъ паспортовъ, ѣздятъ для кунечества съ товарами или со скотомъ и хлѣбомъ въ Барнаульскій и Колыванскій заводы“, между тѣмъ „въ сѣнокосное время и въ жнитво въ Начинскомъ на работахъ происходитъ остановка и казнь монастырской ущербъ“. Между прочимъ, архимандритъ дозналъ, что къ селеніямъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ ушелъ для торговли хлѣбомъ и скотомъ монастырскій крестьянинъ, раскольникъ, Григорій Ильиныхъ съ сыномъ Яковомъ да съ работникомъ Яковомъ же Марамыгинымъ. Исаи просилъ этихъ бѣглецовъ разыскать и выслать въ Начинское подъ карауломъ. Горное начальство услужило Исаи. Торговецъ приказано было разыскать, взять и затѣмъ отправить къ мѣстожителю въ крѣпкихъ оковахъ подъ карауломъ **).

Слѣдствіе, порученное протопопу Вузлуцкому, кончилось дѣйствительнымъ увольненіемъ Исаи отъ должности Томскаго настоятеля.

*) Въ одномъ изъ писемъ Том. игумена Палладія (отъ 1797 г.) упоминается, что монахъ Илья Бардаковъ былъ убитъ. Но когда это случилось и кѣмъ совершено преступленіе — не сказано. Письмо игумена Палладія въ Слѣдственную Комиссію по дѣлу о его растратахъ. Монарх.; св. 12.

**) Архивъ Колывано-Воскр. Горнаго Начальства (въ Барнаулѣ) столбъ л. № 205, л. 188.

При назначеніи преемника Исаи—архим. Θεодосія консисторія, зная неспокойное состояніе томскихъ монастырскихъ крестьянъ, отравила къ нимъ указъ. Въ указѣ съ наикрѣчайшимъ повелѣніемъ^{*)} предписывалось, чтобы одному пречестному архим. Θεодосію, яко командиру своему, какъ въ монастырскихъ сдѣльяхъ и нарядахъ, такъ и во всемъ прочемъ крестьяне были послушны и должную къ нему имѣли честь подъ опасеніемъ за преслушаніе неопустительнаго, по указамъ, штрафа и наказанія^{*)}).

Θеодосій повелъ управленіе подчиненными, можетъ быть, съ большею справедливостію, чѣмъ его велъ Исаія, но никакъ не съ меньшею строгостію. Въ подтвержденіе малой склонности Θεодосія къ мягкимъ мѣрамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было, по тогдашнему выраженію, „смирять“, могутъ идти слѣдующіе выразительные факты. Проживавшій при Пачинскомъ дворцѣ отставной солдатъ Бухонинъ былъ изобличенъ въ незаконной связи съ одной изъ крестьянскихъ женщинъ. Θεодосій распорядился наказать виновнаго шелепами безъ всякой пощады. И наказаніе было произведено со всею суровостію того времени^{**)}. Одинъ изъ монастырскихъ рабочихъ крестьянинъ Марамыгинъ, долго содержавшійся при монастырѣ въ оковахъ, объявилъ на настоятеля „слово и дѣло“ по самому важному I пункту. На допросѣ въ Tobольскѣ при губернской канцеляріи Марамыгинъ признался, что учинилъ ложный извѣтъ по наущенію іеромонаха Веніамина и вельдствіе „нестеримости побой“, отъ архимандрита, плетью^{***)}).

При повторившемся суровомъ режимѣ крестьянское волненіе улечся не могло. Напротивъ, нужно было ожидать, что оно проявится съ новой силой въ виду все болѣе и болѣе распространявшихся слуховъ о томъ, что правительство самымъ серьезнымъ образомъ занято вопросомъ о переустройствѣ въ положеніи крестьянъ, состоявшихъ въ духовномъ вѣдомствѣ.

Зимой въ самомъ началѣ 1761 г. былъ въ Томскѣ, для разныхъ закупокъ домашнимъ надобностямъ, Пачинскій крестьянинъ Иванъ Юрьевъ. При отъѣздѣ обратно домой онъ захотѣлъ повидаться съ односельчаниномъ Гаврииломъ Марамыгинымъ, отбывавшимъ въ то время очередную работу при самомъ монастырѣ. Послѣдній передалъ Юрьеву бумагу, завернутую въ холщевую тряпицу, и секретно заказалъ отдать посылку Григорію, т. е. все тому же Григорію Пырникову, который въ глазахъ монастырскихъ крестьянъ уже прославился своею отвагою въ борьбѣ за ихъ, крестьянское, благо. Бумага оказалась гдѣ-то добытымъ печатнымъ экземпляромъ сенатскаго указа отъ 12 октября 1760 г. о положеніи казенныхъ крестьянъ въ рублевый окладъ сверхъ

*) Указъ консист. отъ 15 февр. 1760 г. Мон. арх.; св. 5.

**) Приказъ архим. Θεодосія за 1762 г. Мон. арх.; св. 1.

***) Указъ конс. архим. Θεодосію отъ 20 декаб. 1761 г. Сп. Ук. конс. отъ 30 дек. 1761.

семигривеннаго подушнаго сбора. Пырниковъ понялъ указъ въ смыслѣ очень благопріятномъ для общихъ интересовъ своихъ сотоварищей, и рѣшилъ созвать сходъ *).

На сходъ явилось изъ Пачинскаго и др. окрестныхъ монастырскихъ деревень до 60 хозяевъ. Чтобы придать больше торжественности процедурѣ чтенія указа и его истолкованія, Пырниковъ повелъ крестьянъ и церковъ. Здѣсь, комментируя присланный документъ, „первозатѣйщикъ“ говорилъ, что отселѣ монастырю подчиняться рѣшительно не должно, не слѣдуетъ отпирать для него никакихъ едѣлій, не нужно доставлять пятиннаго хлѣба, дровъ, сѣна, масла и пр.**). Понятно, насколько это было симпатично и утѣшительно для слушателей. Крестьяне разошлись изъ церкви съ твердой рѣшимостію поступать сообразно съ даннымъ виушеніемъ. Все еще состоявшему при Пачинской вотчинѣ іеромонаху Герасиму еще разъ пришлось донести, что крестьяне опять „начали между собою уметвовать“ и ему, Герасиму, въ назначаемыхъ работахъ окончательно отказываютъ. Одного изъ самыхъ ярыхъ ослушниковъ—крестьянина деревни Хорошоборской Бараникова Герасимъ хотѣлъ было засадить въ колодку и отослать въ Томскъ, но деревенскіе сотники „содѣйствія въ томъ ему не оказали“ ***).

Прибыль, послѣ того, въ Пачинское самъ архимандритъ, и началось разслѣдованіе дѣла, кончившееся на этотъ разъ захватомъ и арестомъ Пырниковъ. Его сначала привезли въ Томское Д. Правленіе, а отсюда, заковавъ въ крѣпкіе кандалы, отравили въ Тобольскъ подъ карауломъ двухъ дьячковъ томскаго заказа Михаила Петрова и Петра Веригина. На станціи Гуговой (въ 150 верстахъ отъ Томска) Пырниковъ обманулъ бдительность неискусныхъ стражей и бѣжалъ †). Послѣ укрывательства по зимовьямъ и по другимъ укромныхъ мѣстахъ бѣглець, наконецъ, нашелъ возможнымъ вернуться въ свое село и снова взятъ за излюбленную противомонастырскую дѣятельность.

Въ сентябрѣ 1763 г. во дворѣ Пырникова мы снова видимъ большое крестьянское собраніе съ тѣми же разсужденіями, что и прежде, т. е. о виновненіи монастырю и его настоятелю. На этотъ разъ сходка нашла нужнымъ смѣнить прежнихъ, поставленныхъ монастырскою властію, сельскаго старосты и сотскихъ и вмѣсто нихъ избрала новыхъ, на которыхъ надѣялась, что въ непослушаніи монастырю они окажутся болѣе стойкими. Торопливо явилась въ вотчинное село Феодосій и стала звать крестьянъ для переговоровъ и увѣщаній. Бунтовщики изложили свое рѣшеніе объ отказѣ въ сборахъ †).

*) Указъ этотъ см. въ П. Соб. Зап. т. 15, № 11120.

***) Слѣдственное дѣло 1761 г. о волненіи монаст. крестьянъ при архим. Феодосіи. Мон. арх.; св. 5.

****) Доношеніе іером. Герасима архим. Феодосію, помѣченное февралемъ 1761 г. Въ слѣдственномъ дѣлѣ о волненіи мон. крест. при Феодосіи.

†) Указъ Тоб. конс. архим. Феодосію отъ 7 августа 1761 г. Мон. арх.; свизка 1.

работахъ обители на бумагахъ—кинули послѣднюю въ окно пачинской настоятельской свѣтлицы, а посланнымъ отъ Θεодосія объявили, что на увѣщанія не пойдутъ и еслибы архимандритъ со своими паченскими служителями рѣшился придти на ихъ сходку самъ, они встрѣтятъ его камнями и стрѣльбою. Угроза была очень дѣйствительной. Во дворѣ, гдѣ бушевали крестьяне, появились ружья и луки со стрѣлами, и все это въ немаломъ запасѣ. Θεодосій выѣхалъ обратно въ городъ безъ всякаго усѣха. Послѣ его отъѣзда крестьянское возстаніе сильно поддерживалось слухомъ, что будто бы архимандритъ оставилъ „дворцовой“ прислугѣ такой наказъ: „кто изъ крестьянъ не поѣдетъ на работы, тому спойте аллилуія“.

Въ Томскѣ настоятель оновѣстилъ о бунтѣ воеводскую канцелярію и просилъ для усмиренія бунтовщиковъ отправить въ Пачинское казачій отрядъ. Канцелярія отвѣтила, что имѣющіеся въ ея распоряженіи казаки разосланы для различныхъ порученій по разнымъ поселкамъ, поэтому она не въ состояніи послать въ монастырское село болѣе 6 человекъ. Можетъ быть, Θεодосій постарался какъ нибудь исполнить это ничтожное число казенныхъ усмирителей, во всякомъ случаѣ командировка военного отряда привела крестьянъ въ большое смущеніе. Большинство одумалось въ своемъ сопротивленіи монастырской власти,—упорными остались только нѣкоторые. Первозатѣйщиковъ бунта—Григорія Пыреникова и Якова Ильиныхъ казаки связали и повезли въ Томскъ. Ихъ родственники, вооружившись ружьями и топорами, кинулись было въ погоню за казаками—отбить арестантовъ. Но отбить „удобнаго времени и мѣста не улучили“. Что случилось съ Пырениковымъ и Ильиныхъ—намъ неизвѣстно. И вообще все дѣло о крестьянскихъ волненіяхъ замолкло какъ-то само собою, когда наступило исполненіе реформы, повлекшей за собою существенное измѣненіе въ матеріальномъ положеніи всѣхъ имѣвшихъ вотчины и крестьянъ русскихъ мужскихъ и женскихъ монастырей *).

Именными указами отъ 16 февраля, 21 марта и 6 апрѣля императоръ Петръ III объявилъ, что его предшественница и тетка императрица Елизавета Петровна, „соединяя благочестіе съ пользою отечества,... за потребно нашла монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій“, и потому 30 сентября 1757 г. „полезное всему государству о управленіи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ узаконеніе положить изволила, которое одно, независимо отъ прочихъ

* Мы прочитали дѣло о крестьянскихъ волненіяхъ въ черновыхъ отрывкахъ. Они были разбѣяны по разнымъ связкамъ монастырскаго архива. Сопоставлять ихъ оказалось дѣломъ чрезвычайно труднымъ, тѣмъ болѣе, что черновія описанія нѣкоторыхъ происшествій бунта лишены хронологическихъ датъ.

Волненія монастырскихъ крестьянъ въ 1762—1763 г. были въ Россіи чуть не повсемѣстнымъ явленіемъ. П. С. З. т. 16, 11865. Въ Сибири кромѣ крестьянъ Том. монастыря, чрезвычайно сильно волновались крестьяне Долматова монастыря. Рус. Арх. 1896 г.; кн. 5, стр. 45.

великихъ Ея дѣлъ и благодѣяній своему отечеству, достаточно было учить славную Ея память безсмертною*. Отноши же это узаконеніе, дошлагоемое собственными распоряженіями императора, должно быть приведено въ исполненіе въ такой силѣ:

Для управленія синодальными, архіерейскими и монастырскими вотчинами должна быть учреждена изъ презедента, съ членами и прокурора Коллегіи Экономіи. Она будетъ находиться подъ вѣдѣніемъ Сената и, „взявъ къ свою дирекцію“ всѣ церковныя и монастырскія вотчины со всѣми въ нихъ заводами, промыслами и доходами, должна завѣдывать ими чрезъ свой штатъ и оберъ-офицеровъ особенно изъ тѣхъ, которые отставлены отъ военной службы за ранами. Изъ монастырскихъ никому въ вотчинахъ не быть, и „кои есть, тѣхъ всѣхъ (отъ дѣлъ) отрѣшнить“. Всѣ церковныя и монастырскія имущества, состоящіе изъ земель, угодій, равно все, что будетъ найдено въ вотчинахъ, офицеры должны тщательно переписать и описи переслать въ учреждаемую Коллегію Экономіи.

Всѣ крестьяне, принадлежащіе духовному вѣдомству, сверхъ положеннаго на нихъ семигривеннаго подушнаго оклада, обязаны платить, вмѣстѣ прежнихъ съ нихъ сборовъ въ пользу архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей, еще по 1 р. съ ревизской души въ Коллегію Экономіи, за что пріобрѣтаютъ право свободнаго пользованія церковными землями и угодьями. Суммы, составляемыя изъ этого рублеваго сбора, имѣютъ быть обращены на содержаніе прежнихъ церковныхъ владѣльческихъ учреждений, но Коллегія Экономіи обязуется при этомъ строго наблюдать, чтобы на каждое изъ нихъ не было употреблено больше того, что будетъ положено по узаконеннымъ штатамъ.

Примѣнительно къ положенію о монастыряхъ, изданному въ 1724 г. 22 мая императоромъ Петромъ I-мъ, монастыри должны быть раздѣлены на первоклассныя, второклассныя и третьеклассныя. Штатное содержаніе тому или другому изъ монастырей будетъ опредѣлено сообразно съ классомъ, къ которому монастырь будетъ отнесенъ. Но пока составляются классы и штаты, Коллегія Экономіи должна выдавать въ годовое жалованіе: монахамъ денегъ по 6 р. и хлѣба по 5 четвертей, діаконамъ по 8 р. и хлѣба по 7 четвертей, намѣстнику по 24 руб. и хлѣба по 8 четвертей, казначею 18 руб. и хлѣба 8 четвертей, игумену по 50 руб. и хлѣба 8 же четвертей. Монахинямъ выплачивать столько же, сколько монахамъ и игуменьямъ столько же, сколько игуменамъ. Жалованіе имѣеть быть ассигновано на церковно-монастырскія потребности и на всѣ хозяйственныя монастырскія нужды, какъ равно и на пріемъ монастырскихъ гостей. Монастырскіе рабочіе: повара, конюхи и др. будутъ назначаемы изъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ и содержаться на жалованіи отъ той же Коллегіи Экономіи (по 3 р. на человѣка и хлѣбомъ по 6 четвертей).

Состоящіе на монастырскомъ пропитаніи отставные штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры и рядовые (ихъ насчитывалось въ то время 1358 человекъ) перейдутъ въ вѣдѣніе Кол. Эк. съ жалованіемъ отъ нея въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ получали его отъ монастырей по прежнимъ указамъ.

Рыбныя ловли, сѣнокосы, сады и огороды, находящіеся не вдалекѣ отъ монастырей или при нихъ самихъ, позволяется оставить въ прежнемъ владѣніи, однако-жъ такъ, чтобы при первоклассномъ монастырѣ сѣнныхъ покосовъ не было болѣе 50 десятинъ.

Заводскихъ лошадей, сколько ихъ будетъ найдено въ монастырскихъ вотчинахъ, вѣдно было раздать въ кирасирскіе и драгунскіе полки, а лошадей, для полковъ негодныхъ, продать съ публичнаго торга, оставивъ изъ нихъ въ монастырскомъ пользованіи только самое малое количество для ѣзды при самомъ монастырѣ. Предписывалось съ публичнаго же торга продать всякой другой скотъ и всякую живность, что найдутъ въ монастырскихъ хозяйствахъ штабъ и оберъ-офицеры *).

Можно себѣ представить тяжесть впечатлѣнія, легшаго при объявленіи этихъ Высочайшихъ распоряженій на сердца всѣхъ, кого они касались своей отказывающей, отрицательной стороной. Средства содержанія монастырей урѣзывались до узкихъ размѣровъ казеннаго жалованія. При выдачѣ жалованія Коллегія Экономіи, состоявшая исключительно изъ свѣтскихъ лицъ, должна была со всею зоркостью наблюдать, какъ бы гдѣ-нибудь и что-нибудь не переплатить излишняго. Прежніе, во многихъ случаяхъ, обильные источники монастырской доходности пресѣкались вдругъ. Съ грустію начальники и постриженные обитатели монастырей смотрѣли на этихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, сновавшихъ по монастырскимъ селамъ и деревнямъ, гдѣ торопились описывать все, что составляло доселѣ монастырское достояніе для безвозвратной передачи его въ другое, свѣтское вѣдомство, — откуда они выпроваживали монастырскій скотъ или распродавали его на мѣстѣ. Ревность офицеровъ въ порученномъ имъ дѣлѣ часто доходила до усердія выше мѣры. Не только въ россійскихъ, но и сибирскихъ монастыряхъ повторялись факты, что описывалось и опечатывалось не только то, что находилось въ вотчинахъ, — печати налагались на монастырское имущество, хранящееся въ самихъ обителяхъ, не исключая церковной казны, ладона, свѣчь, церковнаго вина. Въ Сибири такъ это было, напр., въ монастырѣ Невьянскомъ **). — Совершился государственный переворотъ. Воцарилась Императрица Екатерина II, и въ области дѣлъ, о которыхъ говоримъ, произошла крутая, хотя только временная перемена.

*) П. Соб. Зап. т. 15. № 11498. См. тамъ-же №№ 11441 и 11481.

** Указъ конскет. 1797.

Въ Именномъ указѣ 12 августа 1762 г. императрица писала, что въ востшествіи своемъ на Всероссійскій престолъ, „прилагая материнское стараніе о учрежденіяхъ и дѣлахъ, до благополучія Имперіи касающихся, она нашла нѣкоторыя изъ недавнихъ нововведеній непорядочными и неполезными“. Къ числу таковыхъ государыня отнесла и отнятіе отъ вѣдства духовнаго чина деревень и прочихъ имѣній. „Кажется, надобность состояла только въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобы смотрительныя взять мѣры о порядочномъ, какъ для церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ не думано“. — „Непорядочное и неполезное“ въ этомъ дѣлѣ Екаторина II вынамѣрилась устранить чрезъ посредство предположенной къ учрежденію Комиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, которая должна состоять не только изъ свѣтскихъ, но и духовныхъ персонъ. А между тѣмъ, „пока оная учреждена и свое дѣйство произведетъ“, императрица приказала все принадлежащія архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ движимыя и недвижимыя имѣнія вновь отдать прежнимъ владѣльцамъ, и для того запечатаныя деньги, хлѣбъ и прочее распечатать, 2) Коллегію Экономіи отставить и посланнымъ для управленія церковныхъ вотчинъ офицерамъ не быть, 3) положенный на крестьянъ рублевый окладъ собирать только въ томъ случаѣ, если архіереи, монастырскіе настоятели и прочія духовныя власти найдутъ его для себя выгоднымъ. Но еслибы они сочли выгоднѣе возложить на крестьянъ обязательство прежнихъ повинностей, — это предоставить ихъ свободному усмотрѣнію, 4) инвалиды должны снова перейти на монастырское содержаніе.

Радость духовныхъ владѣльцовъ по поводу этого, неожиданно введеннаго указа была бы огромна, если бы не затемнялась ожиданіемъ новаго измѣненія въ возвращающемся порядкѣ дѣлъ^{**}). Но прежніе указы Петра III успѣли всетаки произвести значительныя опустошенія въ кругу монастырскихъ хозяйственныхъ выгодъ. Оказалось, что во многихъ случаяхъ офицеры уже успѣли собрать крестьянскій рублевый окладъ за весь 1762 г. и, повидно, послѣ того монастыри уже лишены были возможности привлекать крестьянъ къ ихъ прежнимъ крѣпостнымъ обязанностямъ, такъ какъ рублевый окладъ опредѣленъ былъ именно взятіемъ тѣхъ обязанностей. Такъ были обездолены и многіе изъ монастырей Те

^{*}) Пол. Соб. Зак. т. 16, № 11643.

^{**}) При обѣщаніи учредить Комиссію о духовныхъ имѣніяхъ императрица писала: „и имѣемъ мы намѣренія и желанія присвоить себѣ церковныя имѣнія, но только имѣемъ доверіе къ Богу и власть предписывать законамъ о лучшемъ оныхъ употребленіи во славу Божию и пользу отечества. И для того, подъ покровительствомъ Божиимъ, намѣрены мы совершенство привести учрежденіе всего духовнаго штата сходственно съ узаконеніями церковными, которыми слѣдовалъ и вселюбезнѣйшій хѣдъ нашъ — Государь Императоръ Петръ Великій, учредя на то особливую изъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ, подъ собственнымъ нашимъ вѣдѣніемъ состоящую комиссію. П. С. Зак. т. 16, № 11643.

больской епархіи. Бездолье коснулось ихъ еще въ томъ, что уцѣлѣвшій въ вотчинахъ скотъ кормить оказалось почѣмъ: крестьяне успѣли выкосить траву на монастырскихъ покосахъ въ свою пользу*). Понесъ-ли какой-либо хозяйственный уронъ въ частности нашъ Томскій монастырь, его архивные документы не дали намъ яснаго отвѣта, хотя описи здѣсь были. Ихъ производить, посланный изъ Тобольска, капитанъ Лыковъ**). Во всякомъ случаѣ, въ предупрежденіе какихъ бы то ни было потерь, возможныхъ при обратной сдачѣ офицерами монастырскихъ имуществъ на руки ихъ прежнихъ хозяевъ, тобольская консисторія, по распоряженію митроп. Павла, несочувствовавшаго реформѣ почти въ той же мѣрѣ, какъ и знаменитый противникъ ея ростовскій митроп. Арсеній Маціевичъ, сочла нужнымъ откомандировать во все монастыри низовой половины епархіи, а слѣдовательно и въ Томскій, іеродіакона митрополичьяго дома Маркіана. Сущность данной Маркіану инструкціи сводилась къ его обязанности накрѣпко смотрѣть, «дабы ни малѣйшая вещь никѣмъ себѣ напрасно присвоена не была и ничто вообще не было расхищено».

У прежній порядокъ въ имущественномъ положеніи монастырей мелькнулъ моментомъ. Въ концѣ того же 1762 г. была учреждена общинная Коллегія о духовныхъ имѣніяхъ***), а 12 мая слѣдующаго года императрица возстановила такъ недавно отставленную Коллегію Экономіи†). Снова въ монастыряхъ появились офицеры съ требованіями отъ настоятелей разныхъ хозяйственныхъ описей и отчетовъ.

Окончательно секуляризація архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ имѣній совершилась по манифесту и указу отъ 26 февраля 1764 г.†*) Томскій Алексѣевскій монастырь былъ причисленъ къ ряду обителей III класса съ опредѣленнымъ для такихъ монастырей штатомъ монашествующихъ и съ взысканіемъ для нихъ жалованіемъ. Что осталось у нашей обители изъ прежнихъ обширныхъ владѣній, укажемъ въ другомъ мѣстѣ.

*) Указъ Тоб. Консист. архим. Θεодосію 22 октября 1862. М. арх.: св. 6.

***) Кажется, что не потерялъ никакого убытка. Наоборотъ, крестьяне въ прошеніи, поданномъ лейбъ-гвардіи поручику Вобрищеву-Пушкину (въ 1763 г. состоявшему во главѣ слѣдственной комиссіи по дѣлу о прегрѣшеніи деашныхъ) жаловались, что архим. Θεодосій, не освобождая ихъ отъ работъ и хлѣбныхъ сборовъ на монастырь, бралъ съ нихъ и рублевый окладъ. Θεодосій оправдывался. Но не могъ объяснить дѣла какъ слѣдуетъ. См. прошеніе крестьянъ и на немъ же собственноручно написанное объясненіе архимандрита. Мое арх.: св. 12.

***) П. С. Зак. т. 16, № 11716.

†) Тамъ-же № 11814.

†*) Тамъ-же № 12060.

7.

Правственная жизнь въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ. — Схимники. — Трудолюбіе братіи. — Преступленіе монаха Симеона Бутакова. — Паденіе монастырской дисциплины и хитрость ея со стороны архимандрита Исаіи. — Недовольство братіи мѣрами Исаіи и протестъ. — Замяшательства въ монастырской жизни при архим. Ѳеодосіѣ.

По изображенію изслѣдователей сибирской старины, жизнь монашествующихъ въ монастыряхъ, основанныхъ въ Сибири вскорѣ послѣ ея завоеванія, не только не блистала благочестіемъ, но была очень мрачна *). По сказаніямъ историковъ, первымъ Тобольскимъ архиастыремъ довелось положить очень много заботъ, чтобы водворить въ подвѣдомыхъ обителяхъ хоть какое-нибудь благочиніе. Какъ въ частности шла правственная жизнь въ Томскомъ муж. монастырѣ за XVII в. его существованія, мы почти лишены свидѣтельствъ. Но тогда, когда почерпаемая изъ архива наша свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ умножаются въ количествѣ, долгое время мы не встрѣчаемъ въ нихъ, по затронутому вопросу, никакихъ рѣзкихъ отрицательныхъ указаній. Напротивъ, имѣются указанія, что въ разсматриваемомъ отношеніи въ нашемъ монастырѣ все шло такъ, какъ и слѣдовало идти въ обители, назначенныя для благочестнаго житія. Чрезвычайно выразительно стремленіе томской стариной братіи къ наиболее полной осуществленію идеала монашеской жизни, проявившееся въ многочисленныхъ случаяхъ постриженія въ схиму. По синодику, монаховъ-схимниковъ, умрушихъ во второй половинѣ XVII и самомъ началѣ XVIII в., можно насчитать значительно больше сотни лицъ. Въ схимѣ окончили земное пребываніе и нѣкоторые изъ старинныхъ настоятелей, какъ наприм. архим. Варлаамъ Мартиніанъ. Въ числѣ монастырской братіи мы видимъ схимниковъ не только за настоятельство Василида, но даже въ 1730-хъ при архимандритѣ Порфиріѣ **). Но, послѣ того, иноковъ въ этомъ высшемъ образѣ постриженія въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ уже не было и не было никогда.

Изъ многихъ замѣтокъ, разсѣянныхъ по разнымъ документамъ, можно вывести твердое заключеніе на счетъ неослабнаго усердія прежнихъ настоятелей для поддержанія среди монашествующихъ добродѣтели трудолюбія. Упоминается не разъ, что братскими трудами снималось сѣно на монастырскихъ покосахъ близъ Томска и тѣми же трудами строились мельницы. Объ участіи братіи своими „благими трудами“ въ строеніи

*) Абрамовъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Сибири. Буцинскій. Открытіе Тобольскаго Епархіи и первый Тоб. архіепископъ Кириіанъ. Вѣра и Разумъ, 1890 г. т. I, ч. II отъ церковной.

**) Въ приходной книгѣ за 1730 г., между прочимъ, значится: „схимонахъ Геннадій умрушій для поминовенія четыре рубля взято“.

монастырскаго храма, зложеннаго по благословенію митрополита Филовея, говорится, какъ мы уже видѣли, въ благословенной грамотѣ на его освященіе, данной митроп. Іоанномъ Максимовичемъ. Нерѣдко монахи ѣздили „по хлѣбъ“ въ монастырскія деревни, назирали за мельницами, когда онѣ были въ дѣйствиі. Не говоримъ уже о возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ постоянного надсмотра за теченіемъ хозяйственныхъ дѣлъ на Иштанѣ, Шегаркѣ и въ особенности въ селѣ Пачинскомъ. Нельзя опустить здѣсь безъ вниманія очень частыхъ и не легкихъ хожденій іеромонаховъ и монаховъ „со свѣщю и иконою“ по городу и въ деревняхъ подъ городомъ для денежныхъ сборовъ въ пользу обители и ея церкви. Въ XVII столѣтіи черныя поны нерѣдко отиравали богослуженіе въ приходскихъ церквахъ г. Томска, гдѣ не всегда доставало блага духовенства *). При установившемся условіи строгой общности въ содержаніи всѣхъ членовъ братіи добрый порядокъ ея жизни пріобрѣталъ тѣмъ большее достоинство. Монастырь не только имѣлъ общую трапезу, — изъ общей монастырскаго казны онъ выдавалъ каждому изъ своихъ жильцовъ обувь, бѣлье и верхнюю одежду. Забота о больныхъ выразилась въ устройствѣ довольно обширной больницы **).

Первымъ обстоятельствомъ, которое нѣсколько скомпрометировало нашъ монастырь, было какое то преступленіе, допущенное монахомъ Симономъ Бутаковымъ. По этому преступленію и чьему-то доказательству о немъ Бутаковъ „былъ посланъ въ святѣйшій Синодъ и содержанъ тамъ не малое время“. По возвращеніи Симеона изъ Синода, сибирскій провинціалъ — инквизиторъ іеродіаконъ Арсеній Іевлевъ назначилъ было его своимъ помощникомъ по инквизиторству въ Якутскъ и уже было отправилъ къ мѣсту служенія. Но узнавъ о томъ преосвящ. Антоній Стаховскій и указомъ на имя архим. Порфирія повелѣлъ: Бутакова съ дороги вернуть, а затѣмъ, оставаться ему въ Томскомъ монастырѣ безпечно ***).

Нравы стали ослабѣвать въ нашей обители въ особенности съ тѣхъ поръ, когда, вслѣдствіе запретительныхъ указовъ о постриженіяхъ, составъ томской братіи началъ комплектоваться присылками штрафованныхъ монаховъ изъ другихъ монастырей или, что было гораздо чаще, посылками „въ монастырское жительство“ вдовыхъ священно-церковно-служителей изъ приходоу. Последніе шли въ обитель по нуждѣ, а слѣдовательно почти постоянно безъ внутренней склонности къ строгостямъ иноческаго жизни. За время управ-

*) Въ 1649 г. служилъ при Троицкой соборной церкви черныя поны Кириллъ, въ 1652 при градо-Богоявленской церкви черныя поны Филаретъ. — Матеріалы для исторіи Томской епархіи. Том. Епар. Вѣд. за 1884 г.; № 10.

***) Безъ сомнѣній, монастырская больница, устроенная еще въ XVII в., была перенесена въ Томскъ уч. ошденіемъ въ этомъ родѣ.

***) Матер. для истор. Сибири. Том. Губ. Вѣд. за 1866 г., № 12—13.

ленія монастыремъ намѣстника іеромонаха Герасима, нетрезвость того и другого изъ членовъ монастырскаго братства была не рѣдкимъ явленіемъ. Самъ намѣстникъ былъ изобличенъ въ слабости къ горячему напиту и, вскорѣ по прїѣздѣ въ Томскъ архим. Исаи, понесъ за нее наказаніе временнымъ запрещеніемъ въ священнослуженіи *).

Новоприбывшій архимандритъ взялся за возстановленіе монастырскихъ правовъ очень энергично, но слишкомъ частой практикой тогдашнихъ мѣръ смиренія, при посредствѣ сажанія въ цѣпь и взысканій на тѣлѣ, вызвалъ въ братіи огромное противъ себя озлобленіе. Не желая переносить угнетеній отъ Исаи іеромонахъ Протасій самовольно перебѣжалъ для жительства въ Кузнецкій монастырь, но, конечно, вскорѣ оттуда былъ выдворенъ въ Томскъ обратно **).

Сильнѣе выразилось раздраженіе противъ настоятеля со стороны почти всего наличнаго состава братіи въ другомъ случаѣ. Разъ собравшись въ келарѣ, монашествующіе начали „корить“ и бранить архимандрита за то, что будто бы впалъ онъ въ очень тяжелый, особенно въ его положеніи, грѣхъ. Не удовольствовавшись укоридами въ лицо, обличители усиленно старались разглашать настоятельскій грѣхъ по городу, среди знакомыхъ. Обиженный архимандритъ поспѣшилъ увѣдомить о происшедшемъ преосвященнаго и консисторію, и при этомъ еще замѣшалъ въ дѣло состоявшихъ на очередной монастырской работѣ крестьянъ Шубина и Пьянова. По наведеннымъ справкамъ, въ консисторіи нашли, что проступокъ архимандрита былъ выдуманъ, монашескій извѣтъ былъ произведенъ ложно и злонамѣренно и, въ опредѣленіи наказанія виновнымъ, преосвященный написалъ: — „за то, что нанесли обители святой нареканіе и безчестіе, ихъ слѣдовало бы подвергнуть изверженію изъ сана съ жестокимъ наказаніемъ. Но для многолѣтняго Ея Императорскаго Величества фамиліи здравія и для обстоющей по епархіи въ іеромонахахъ и іеродіаконахъ нужды, въ санѣ ихъ оставить и отъ тѣлеснаго наказанія освободить“, ограничивъ взысканіе запрещеніемъ въ священнослуженіи на время и разсылокъ іеромонаховъ Герасима, Макарія и Исхаріона „для смиренія“ въ другіе монастыри подъ карауломъ. Что же касается до іером. Протасія, то за побѣгъ въ Кузнецкъ продержатъ его въ желѣзахъ, а за продержаніе архимандриту, въ коихъ онъ былъ главнымъ виновникомъ, лишитъ его не только священнослуженія, но и клобука***). Тяжело поплатились по сему дѣлу

*) Указъ Tob. конс. архим. Исаи 12 окт. 1753 г. Мон. арх.: св. 16.

***) Указъ Tob. конс. Кузнецкому игумену Адриану отъ янв. 1754. Мон. арх.: св. 16.

***) См. тотъ же указъ. Очевидно, потому послѣдовало новое распоряженіе, по которому Герасимъ и Макарій были оставлены по прежнему въ Томскомъ монастырѣ, Протасій посланъ въ Кузнецкъ, куда стремился и самъ.

упомянутые крестьяне—Шубинъ и Пьяновъ. Ихъ взяли въ Tobольскъ, гдѣ, по рѣшенію губернской канцеляріи, жестоко наказали плетью *).

Не переставалъ Исаія унимать монашествующихъ и послѣ того. По его жалобамъ въ консисторію, іеродіаконъ Веніаминъ за многократные ненормальные поступки былъ наказанъ тѣлесно, при собраніи братіи и на страхъ ей, въ разные годы два раза **). Мы уже говорили, что движимый чувствомъ крайняго недовольства Исаіею іеромон. Ирнархъ рѣшился на опасное дѣло подстрекательства монастырскихъ крестьянъ къ тому возстанію, которое нами уже описано и которое причинило настоятелю такъ много хлопотъ и огорченій. Ирнарха за подстрекательство постигло тяжкое заточеніе въ отдаленномъ Туруханскомъ монастырѣ ***).

Повторялись случаи нарушенія монастырской пристойности и при слѣдующемъ настоятелѣ архим. Θεодосіѣ. Не уговорился еще въ своихъ безнормальныхъ, причиняемыхъ обители, упомянутый іеродіаконъ Веніаминъ. Какъ уже извѣстно, онъ научилъ крестьянина Марамыгина объявить „слово и дѣло“ на Θεодосія. Θεодосій отправилъ его въ Tobольскъ, гдѣ на положеніи арестанта онъ долго содержался при митрополичьемъ домѣ. Отсюда подъ карауломъ его вернули снова въ Томскъ, при чемъ Θεодосію предписано было наказать Веніамина также, какъ двукратно наказанъ онъ былъ при Исаіи, т. е. при собраніи всѣхъ монастырскихъ жильцовъ плетью, а по наказаніи, предписывалось въ указѣ, „ежели онъ, іеродіаконъ, будетъ жить честно и востоянно и никакихъ противныхъ поступковъ за нимъ не окажется“, до священнослуженія допустить его по прежнему †).

14 апрѣля 1763 г. монастырь по случаю объявленія страшнаго „слова и дѣла“ пережилъ перенолохъ еще разъ. Въ этотъ день въ трапезной произошла жестокая ссора между казначеемъ Іоною и іером. Мисаиломъ Маминымъ. На огромное „шумство“ послѣшилъ самъ настоятель и приказалъ Мисаила, какъ зачинщика въ ссорѣ, „посадить въ чень“. Лишь только архимандритъ отдалъ приказаніе, какъ Мисаиль вслухъ всѣхъ бывшихъ въ трапезной крикнулъ, что знаетъ за Іоною государево дѣло по I пункту. Сначала происходилъ допросъ тутъ-же на мѣстѣ, въ монастырѣ, а затѣмъ іеромонаха препроводили въ Томскую воеводскую канцелярію. Здѣсь онъ далъ показаніе, что крикнулъ на Іону „слово и дѣло“ ложно, будучи въ „сильномъ азартѣ“ и не желая уступить ему въ ссорѣ. Мисаиль потерпѣлъ за азартъ въ ссорѣ нещадное битіе шеленами.

*) О наказаніи Шубина и Пьяныхъ видно изъ промеморіи Том. воевод. канц. къ монастырямъ за 1754 г. Мов. арх.; св. 16.

***) Указъ Tob. конс. архим. Исаіи отъ 1757 г. за № 1351. М. арх.; св. 16.

****) Указъ Tob. конс. арх. Исаіи отъ 19 августа 1756 г. М. арх.; св. 16.

†) Указъ Tob. консист. архим. Θεодосію отъ 20 декаб. 1761 г. М. арх.; св. 5.

Въ 1764 архим. Θεодосій за что-то секретное очень долго держалъ подъ карауломъ іером. Іезекіиля, о чемъ счелъ нужнымъ извѣстить прощающаго и консисторію *) Въ Tobольскѣ, въ главной духовной командѣ, въ разсмотрѣніи дѣла, «никакой виновности» за Іезекіилемъ не нашли и приказали изъ подъ караула его освободить **).

*) Дѣло о іером. Мисаилѣ Макинѣ, начавшее 14 апрѣля 1763 г. М. арх.: св 6

***) Указъ Tob. Конс. архим. Θεодосію отъ 9 февр. 1765 г. № 273. М. арх.: св 11

Имущественное бездолье Алексѣевского монастыря послѣ отобранія монастырскихъ имѣній.— Счастливый исходъ ходатайства архим. Θεодосія предъ Тобольскимъ губернаторомъ Чичеринымъ о возвратѣ обители киргизскаго надѣла.—Количество земли и лѣсу въ этомъ надѣлѣ.—Распоряженіе Императора Павла I объ увеличеніи при монастыряхъ земель и угодій.—Хлопоты по сему предмету Томскаго монастырскаго начальства.—Новое распоряженіе Верховной власти объ обезпеченіи монастырей землями при Императорѣ Николаѣ I.—Безуспѣшность почти всѣхъ на этотъ счетъ ходатайствъ Алексѣев. монастыря предъ мѣстной властію. Захваты монастырской собственности.—Казенное жалованіе и его распределеніе.

Послѣ того, какъ совершилась въ Россіи общая мѣра отобранія отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей вотчинъ, земель и крестьянъ, у нашего Алексѣевского монастыря изъ прежнихъ владѣній не осталось ничего, кромѣ площади, занятой имъ въ городѣ на Юрточной горѣ, и нѣсколькихъ десятинъ подъ постройками на киргизской заимкѣ. Послѣдній клочекъ земли удержался за обителью потому, что въ Именномъ указѣ отъ 26 февраля 1764 г. объ отобраніи церковныхъ имуществъ, между прочимъ, было прописано о правѣ для третьеклассныхъ монастырей оставить за собою изъ отбираемыхъ угодій по скотному двору, „по малому для рыбной ловли озеру или пруду и для выгону скота выгонной земли по 6 десятинъ“.*) Архим. Θεодосій, принимая въ соображеніе особыя условія существованія своей обители въ просторной сибирской странѣ, нашелъ возможнымъ возбудить ходатайство о возвратѣ въ монастырь, по крайней мѣрѣ, прежняго киргизскаго владѣнія во всей его цѣлости. Свое ходатайство архимандритъ въ томъ же 1764 г. представилъ сибирскому губернатору Денису Ивановичу Чичерину и чрезъ два года обездоленный монастырь получилъ радостную вѣсть о томъ, что могущественный въ Сибири генераль отнесся къ представленію Θεодосія вполне благосклонно. Киргизская заимка вновь вошла въ монастырское владѣніе съ прилегающимъ къ ней лѣсомъ въ длину, по р. Большой Киргизкѣ, на двѣ версты и поперекъ, по теченію Томи, на одну версту. Сверхъ того, сибирскій губернаторъ оказалъ милость обители уступкою рыбной ловли около той

*) Впрочемъ, монастырямъ разрѣшени были такіа владѣнія только въ томъ случаѣ, если въ разстояніи отъ нихъ (монастырей) на 10 версть они имѣлись у нихъ въ прежнихъ угодьяхъ. С. Зак. т. 16; № 10260, стр. 558—559.

же Киргизской заимки по правому берегу Томи на Гладкой дресви^{*)}. Вѣроятно, тогда же, или немного спустя, возвращенъ былъ обители старинный большой сѣнной покосъ противъ устья рѣчки Киргизки за р. Томью.

Въ 1820 г. осматривалъ монастырскія земли для положенія ихъ на планѣ томскій губернскій землеѣръ и нашелъ, что въ томъ году монастырь на р. Киргизкѣ подъ строеніями своей заимки имѣлъ 4 десятины 1426 кв. сажень, земли годной подъ пашню 21 десят. 200 кв. саж., сѣнного покосу „отчасти лугового, но болѣе по дубровнымъ мѣстамъ 54 дес. 832 кв. саж.“, лѣсныя дубровныхъ и боровыхъ мѣстъ со скотскимъ выпускомъ 552 д. 808 кв. саж. разныхъ неудобностей 267 дес. 1655 саж., и, сверхъ того, луговъ на лѣвой сторонѣ Томи 17 десят. 1047 кв. саж.**) Но странно, что чрезъ 10 лѣтъ общее количество обительскихъ земельныхъ владѣній архим. Іоанникій показалъ въ значительно меньшихъ размѣрахъ. Въ черновомъ, изготовленномъ для какого-то присутственнаго мѣста, рапортѣ онъ писалъ, что, при Томскомъ монастырѣ имѣется всего отведенной земли: сѣнокосной 23 дес. дровяной 343 д., кустарнику 94 д. и строевого лѣсу 220 дес., но нѣтъ, добавилъ Іоанникій, „онъ весь вырубился и для строенія годнаго лѣсу монастыря не имѣется“***). Вѣроятно, въ этомъ показаніи опущены десятины, обозначенныя у архитектора на планѣ 1821 г. неудобностями и, кромѣ того, приняты во вниманіе нѣкоторыя потери въ киргизскомъ владѣніи вслѣдствіе разрушеній берега, неизбежныхъ при весеннихъ разлитіяхъ быстрой Томи рѣчки †).

*) Ходатайство архим. Феодосія о возвратѣ въ монастырь киргизской заимки по монастырскимъ архивнымъ документамъ удостовѣрено въ двухъ случаяхъ. Въ 1778 г. рыбною ловлею на Гладкой дресви захватилъ было Томскій воевода. Монастырю довелось доказать свое право на нее и къ монастырской промеморіи, посланной по этому дѣлу въ томскій Губернаторъ, присоединено было на особомъ листѣ показаніе іеромонаха Іезекіиля. Іезекіиль свидѣтельствовалъ, что, состоя въ братіи съ 1 марта 1761 г., онъ доводчано знаетъ, что прежде бывшій настоятель архим. Феодосій испросилъ у Его Высокопревосходительства Тобольскаго губернатора Дениса Па. Чичерина по владѣнію Томскому монастырю лежащую близъ монастырскаго скотскаго двора при устьѣ Киргизки на р. Томи по правую ея сторону дресви, называемую Гладкою и, для рубки на монастырь дровъ, лѣсъ вдлину на двѣ версты и ширину на одну версту. Мон. арх.; св. 12.

При повторившемся случаѣ захвата той-же дресви иужень Данилъ въ 1799 г. послалъ въ Томскую волниую коню съ предписанія сибирской губернаторской канцелярии Томской воеводской канцелярии отъ 12 февр. 1797 г. слѣдующаго содержанія: „Томскаго Алексѣева монастыря архим. Феодосій просилъ о выдачѣ ему удержанныхъ Томскою воеводскою канцелярією за прошедшій 1766 г. слѣдующихъ ему въ жалованіе денегъ и объ отдачѣ въ Томскому муж. монастырю имѣющагося при оставленномъ за тѣмъ монастыремъ киргизскомъ дворѣ, который разстояніемъ отъ монастыря состоитъ въ 7 верстахъ, борового мѣста, коего ширины 2 версты, поперечнику 1 верста, да лежащей при томъ же киргизскомъ дворѣ на р. Томи по теченію на правой сторонѣ рыбной ловли—дресвы. Губернаторская канцелярія проситъ разъяснить: для чего жалованіе объявленному архимандриту удержано и, ежели оно слѣдуетъ, выдать немедленно,—боръ и рыбную ловлю отдать“. Мон. арх.; св. 7.

**) Дѣло о надѣленіи Том. Алекс. монастыря землями по указу 1797 г. Началось 1821 г. Архивъ Томскаго губ. правл.; св. 141.

***) Рапортъ архим. Іоанникія. Мон. арх.; св. 9.

†) Убили въ монастырскомъ киргизскомъ надѣлѣ отъ разлитій р. Томи указаны были прочіи у архим. Виктора. Описаніе Алексѣева монастыря, стр. 9.

Какъ видится, сравнительно съ величиной прежнихъ земельныхъ имуществъ, находившихся въ распоряженіи Томскаго Алексѣевскаго монастыря и вмѣрившихся не единицами, а многими десятками верстъ, только лишь обозначенный надѣлъ долженъ быть признанъ почти жалкимъ.

На обездоленное положеніе русскихъ монастырей, лишенныхъ старинныхъ владѣній и доходовъ, обратилъ вниманіе преемникъ Екатерины II императоръ Павелъ I. Въ V пунктѣ его именного знаменательнаго для духовенства указа отъ 18 декабря 1797 г. изображено: „Чтобы доставить архіерейскимъ домамъ и монастырямъ какъ по штатамъ положеннымъ, такъ и на своемъ содержаніи оставленнымъ лучшія по возможности выгоды, отвести имъ по способности земли съ угодьями такъ, чтобы при каждомъ архіерейскомъ домѣ было по 60 десятинъ и при монастырѣ 30 дес., включая и то, что они нынѣ имѣютъ“, кромѣ того, присоединить къ каждому архіерейскому дому и монастырю по одной изъ казенныхъ оброчныхъ мельницъ и снабдить рыбными ловлями, хотя бы послѣднія находились отъ архіерейскаго дома или монастыря и далѣе 15 верстъ*).

Получивъ указъ съ объявленіемъ таковой Высочайшей милости, Тобольская дух. консисторія немедленно завела переписку объ отводѣ казенныхъ мельницъ въ пользу Тобольскаго архіерейскаго дома и всѣхъ епархіальныхъ штатныхъ монастырей. Казенная палата отвѣтила, что найти возможность надѣлать мельницами архіерейскій домъ и монастыри: Абазакій, Тюменскій, Рафайловскій и Енисейскій, — что же касается монастырей Ковдинскаго, Туруханскаго, Томскаго и Туринскаго, то въ мѣстностяхъ ихъ нахождения казенныхъ оброчныхъ мельницъ не состоитъ, а пользоваться мельницами, находящимися въ отдаленныхъ отъ нихъ округахъ, было бы для нихъ неудобно. Консисторія то и дѣло затѣмъ напоминала томской монастырской власти, чтобы не опускала случая воспользоваться царскимъ пожалованіемъ, чтобы непременно добивалась своихъ выгодъ у мѣстнаго Томскаго начальства. Дѣйствительно, игуменъ Даніилъ предъявилъ требованіе къ томской Казенной Экспедиціи о возвратѣ въ монастырь прежней Пачинской мельницы и о увеличеніи размѣровъ сѣнныхъ у монастыря покосовъ прирѣзкою луговой земли въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ *Ижтины***).

Дѣло, поднятое Даніиломъ, потянулось крайне медленной, сибирской волокитею. Прежде всего казенная экспедиція дала знать монастырю, что, по наведеннымъ справкамъ, Пачинская мельница, послѣ того, какъ была взята у

*) П. С. З. т. 24, № 18273; см. указъ Тоб. конс. игум. Даніилу отъ 14 окт. 1798 г. Мон. арх; св. 12.

**) Дѣло о надѣленіи Томскаго Б.—Алексѣевскаго монастыря новыми угодьями и рыбными ловлями. Начал. въ 1798. Мон. архивъ; св. 7.

обители, находилась во владѣніи томскаго купца Гречинина и имъ затѣмъ была перепродана мѣщанину Большенину. У Большенина разнесло ее водою такъ, что не осталось отъ построекъ и слѣда. Кромѣ того, писала экспедиція, с. Начинское перешло въ вѣдѣніе Кабинета Его Величества, а потому ничѣмъ, что находится въ дачахъ этого селенія, экспедиція распорядиться не можетъ. Что же касается сѣнокоса, называемаго Питиня, то онъ уже давно предназначенъ для отдачи казакамъ при будущемъ, новомъ образованіи въ Томскѣ казачьяго отряда, и во всякомъ случаѣ Алексѣевскій монастырь едва-ли можетъ рассчитывать на новую для себя прибавку въ земляхъ такъ какъ имѣеть ихъ въ достаточномъ количествѣ. Своимъ отказомъ экспедиція, однако, не лишила монастырь надежды на обладаніе мельницей, если онъ самъ укажетъ для нея мѣсто и самъ же возьмется отстроить ее на собственные средства. *)

Изложенное рѣшеніе Томской казенной экспедиціи состоялось въ 1821 году уже при третьемъ, послѣ игумена Даниила, настоятель архимандр. Иеронимѣ. Архим. Иеронимъ находилъ, что если бы гдѣ нибудь и нашлось пустопорожнее мѣсто для монастырской мельницы, то монастырь, по своей крайней бѣдности, выстроить ее собственнымъ копитомъ не въ состояніи. По мнѣнію архимандрита, для монастыря было бы гораздо выгоднѣе, еслибы вмѣсто мельницы или рыбной ловли, на которыя по силѣ Высочайш. указа отъ 1797 г. имѣеть право обитель, свѣтское начальство вознаградило послѣднюю деньгами, выдавая ихъ ежегоднымъ жалованіемъ на все будущее время. Разумѣется, желаніе Иеронима было отнесено въ область совершенно несбыточнаго, и вопросъ о надѣленіи Томскаго монастыря средствами, въ цѣляхъ возможно—большой хозяйственной доходности, оставался безъ движенія до слѣдующаго настоятеля архим. Іоанникія.

Послѣдній энергично его возстановилъ, съ настойчивостію требуя у свѣтской власти или готовой мельницы, или, по крайней мѣрѣ, пустопорожняго мѣста для заведенія ея на монастырскій счетъ.

Мѣсто, наконецъ, было отведено въ Семилужной волости на р. Ушайкѣ, нѣсколько ниже деревни Корниловой, но всего только въ количествѣ 1560 квад. сажень. Какъ бы то ни было,—это можно было уже считать удачей.

Ободренный ею Іоанникій осмѣлился предъявить просьбу о возвратѣ въ монастырь прежнихъ рыбныхъ ловель на р. Оби и земель въ Николаевскомъ приходѣ по р. Шегаркѣ, при чемъ отослалъ въ Томскую казенную палату коніи съ крѣпостныхъ данныхъ на все это бывшее монастырское достояніе. Осмотрѣвъ крѣпости, казенная палата не усматривала съ своей сто

*) Дѣло объ отводѣ Алекс. монастырю новыхъ угодій.—Арх. Томскаго губернскаго прав. Связка 141.

рочны препятствій отдать монастырю Шегарскій надѣль, впрочемъ съ оговоркомъ, если не послѣдуетъ возраженій со стороны давно утвердившихся въ немъ новыхъ частныхъ владѣльцевъ). Сообщивъ это рѣшеніе, казенная палата не замедлила распоряженіемъ объ отобраніи у монастыря Корниловскаго участка. А между тѣмъ частные владѣльцы свои прибрѣтенныя права на Шегарскую землю уступить не захотѣли. Монастырю оставалось утѣшиться тѣмъ только, что въ 1832 г. его лѣсная дача на р. Кирзавѣ, въ виду разныхъ происшедшихъ здѣсь убылей, была увеличена прирѣзкою нѣсколькихъ новыхъ десятинъ „лѣсу тонкаго суковатаго, къ постройкѣ негоднаго.“ **) Впрочемъ, дѣло о возвращеніи рыбныхъ ловель на р. Оби Иоаннскій не оставилъ. Пока оно тянулось, встрѣчая огромныя правовыя споры съ ясашными, уже давно привычными къ пользованію тѣми ловлями, послѣдовалъ еще новый благоприятный для монастырей указъ, изданный 5 июля 1835 г. императоромъ Николаемъ I.

Убѣдившись, что „по многимъ мѣстамъ иноческія обители, древнимъ благодѣтелиемъ насажденныя“, приходятъ въ упадокъ отъ недостатка въ способъ содержанія, Императоръ выразилъ свое монаршее благоволеніе къ тому повелѣніемъ отвести монастырямъ для устройства земледѣльческаго у нихъ хозяйства, сверхъ положенной 30-десятинной пропорціи, еще нѣсколько надѣлы отъ 100 до 150 дес., а гдѣ мѣстные обстоятельства могутъ дозволить, то и въ большихъ размѣрахъ. Лѣсъ для хозяйственныхъ построекъ при монастыряхъ вѣдно было безвозмездно отпускать изъ дачъ, принадлежащихъ казнѣ***).

По полученіи извѣстія объ указѣ, Иоаннскій, ссылаясь на нужды своей обители въ пашняхъ и прочихъ полезныхъ угодьяхъ, а въ особенности въ строевомъ лѣсѣ, подалъ представленіе объ отводѣ монастырю участка строеваго лѣса въ Бѣлобородовскомъ или Иштанскомъ бору †). Представленіе встрѣтило въ казенной палатѣ отказъ съ такимъ объясненіемъ, что лѣсъ близъ Бѣлобородовой и Иштанской нуженъ для крестьянъ этихъ деревень, мало обезпеченныхъ лѣсными надѣлами, и при томъ палата находила, „что, имѣя во владѣніи въ числѣ удобныхъ земель однихъ строевыхъ, дровяныхъ и кустарныхъ лѣсовъ болѣе 657 дес., монастырь можетъ продовольствовать себя лѣсомъ всегда безбѣдно“. Дѣло на этотъ разъ доходило до министра финансовъ, который всецѣло согласился съ объясненіемъ, даннымъ начальствомъ Томской каз. палаты†*).

*) Тамъ-же.

***) Это видно изъ рапорта архим. Афилохія въ Томскую д. консисторію отъ 19 іюля 1838 года. Мон. арх.; связ. 17.

****) Указъ св. Синода отъ 5 іюля 1835 г. Мон. арх.; связ. 9.

†) Рапортъ архим. Иоаннскій въ Томскую духовную консисторію отъ 9 декабря 1835 г. Мон. арх.; св. 9.

†*) Указъ Святѣйшаго Синода Томск. епископу Аганигу отъ 7 октября 1835 года. Мон. арх.; связ. 9.

Не хотѣлъ успокоиться на счетъ возможности новыхъ приобретений для монастыря, находящагося въ странѣ, гдѣ свободныхъ земель въ то время было многое множество и преемникъ Иоанникія архим. Амфилохій. Въ 1837 г. чрезъ посредство Томской консисторіи онъ возбудилъ ходатайство о прибавкѣ къ обители пашенной земли 139 дес. 400 саж. и сѣнокосной 101 дес. 1720 кв. саж. въ Спасской волости близъ деревни Нижне-Шубиной (Некрасово тожъ) и потерѣлъ полную неудачу. Съ такимъ же вполне неудачнымъ результатомъ Амфилохій просилъ о мѣстѣ для постройки мельницы и объ отпускѣ изъ Иштанскаго бору 10,000 сосновыхъ деревьевъ на задуманной капитальной перестройки монастырскихъ зданій.*)

Судя по описанію Томскаго Алексѣевскаго монастыря, составленному ег. настоятелемъ архим. Викторомъ Лебедевымъ, въ 1840-хъ годахъ за монастыремъ на Киргизкѣ числилось земли подъ постройками и оводнымъ огородомъ 2 дес. 80 кв. сажень, сѣнокосной и пахатной 38 десат 1300 кв. сажень, во всей же вообще окружной Киргизской межѣ под строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, подъ бичевникомъ и кустарниками, подъ крутизною горъ, береговъ, подъ песками и подъ половиною р. Томи (на сколько она протягивается вдоль монастырскаго владѣнія) и устьемъ рѣки Б. Киргизки 795 дес. 566 кв. саж., а за исключеніемъ неудобныхъ мѣст 684 дес. 800 кв. саж.**). Въ это исчисленіе не вошелъ сѣнной покосъ за Томью, включавшій въ себѣ, по вышеназванному же описанію, 17 дес 2163 кв. саж.

Въ 1853 г. кончилось, наконецъ, тягучимъ процессомъ длившееся дѣло о возвратѣ монастырю его старинныхъ Обскихъ рыбныхъ ловель. Изъ пяти четырехъ монастырь выигралъ только одну: по Чадцкой протокѣ около самаго Краснаго Яра***). Это было наиболѣе важнымъ послѣдствіемъ изъ всѣхъ притязаній, съ которыми обитель, опираясь на милостивые указы императоровъ Павла I и Николая I, обращалась къ мѣстной гражданской власти завѣдывавшей казенными землями.

Для насъ является цѣннымъ и интереснымъ историческій очеркъ этихъ притязаній столько же по отношенію къ вопросу объ имущественномъ положеніи нашего монастыря за время послѣ 1764 г., сколько же ради характеристики этой огромной стойкости, съ которою былое томское гражданское начальство отказывалось поощрять монастырскія претензіи.

Былъ крупный случай произвольнаго отчужденія монастырекой собственности, допущенный мѣстною свѣтскою властію. Въ 1770 г. по челѣ

*) Репортъ архим. Амфилохія въ Том. дух. конс. отъ 19 іюля 1838 г.; см. отношеніе въ Томск. монастырь Томской казенной палаты отъ 21 февраля 1839 г. Мош. арх.: см 17.

**) Архим. Викторъ. Описаніе Алекс. монаст. Стр. 9.—Арх. Амфилохій показывалъ къ сему кошую цифру, именно: 789 дес. 1706 саж.

***) Архим. Викторъ. Описаніе Том. монастыря, стр. 10.

битью Томскихъ ямщиковъ Якова Комарова съ товарищи и вызванному тѣмъ челобитьемъ указу изъ Tobольской губернаторской канцеляріи Томское воеводское управленіе должно было отвести просителямъ пустопорожнее мѣсто для сѣнныхъ покосовъ. Воеводская канцелярія поручила исполненіе по этому дѣлу томскому дворянину Грибовскому. Грибовскій нашелъ пустопорожній покосъ на лѣвой сторонѣ Томи въ смежности съ монастырскимъ лугомъ и при отводѣ его ямщикамъ кстати захватилъ монастырское достояніе и при томъ настолько широкой рукой, что изъ участка въ 326 дес. 1941 кв. саж. у монастыря осталось за Томью только вышеуказанныя 17 десятинъ. Своевременно монастырскіе не опротестовали произвола. Протестъ заявилъ игумень Давидъ въ 1801 г., когда отнятымъ монастырскимъ покосомъ владѣли ямщики Никита Левашовъ и Степанъ Гривновъ съ товарищи. Послѣдніе брѣвко ухватились за свои, права упроченныя давностію владѣнія, и монастырскій искъ остался безъ удовлетворенія*).

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о неоднократныхъ стороннихъ вторженіяхъ въ монастырскія владѣльческія права касательно рыбной ловли на Гладкой дресвѣ. Ни само томское начальство, ни томскіе граждане точно не хотѣли признать ее монастырской собственностію, и потому не стѣснялись ставить здѣсь свои невода и др. рыболовныя снасти. Такъ, въ концѣ сентября 1778 г. монастырскіе, пришедшіе для рыбной ловли на Гладкую, застали здѣсь рабочихъ, присланныхъ съ неводомъ самимъ томскимъ воеводою. Между рабочими съ той и другой стороны произошло столкновеніе, достигшее чуть не до драки. Пришлось затѣмъ доказывать воеводѣ въ его воеводской канцеляріи и въ магистратѣ, что Гладкую далъ монастырю самъ Денисъ Ів. Чичеринъ, дѣйствовавшій отъ имени императрицы и слѣдов., посылая на нее свой неводъ, блюститель законности въ краѣ поступаетъ беззаконно**). Въ 1799 г. игумень Давидъ, жалуюсь полиціи, что градскіе обыватели не унимаются на Гладкой производить въ осеннее рѣкоставное время рыбную ловлю и для того промысла рубить лѣсъ въ монастырской дачѣ, указывали, что такимъ „нахальствомъ“ монастырю причиняется не малая обида и въ рыбномъ промыслѣ большая помѣха. Игумень просилъ полицію объявить обывателямъ особою публикаціей, чтобы монастырской рыболовной дачи впередъ не касались***).

Очевидно, не помогала и публикація, если только она была произведена, потому что слѣдовавшій за игуменомъ Давидомъ архим. Θεофилактъ

*) См. дѣло, производившееся по сообщенію Томскаго Богородице-Алексѣевскаго монастыря востоятеля игумена Давида о запрещеніи Томскими жѣщанамъ Никитѣ Левашеву и товарищи производить поставку сѣна на принадлежащихъ тому монастырю луговыхъ жѣтъ за рѣкою Томью.

***) Промеморія въ Томск. воевод. канцеляріи окт. 1778 г. Мон. арх.; св. 12.

***) Отношеніе игумена Давида въ полицію 1799 г. Мон. арх.; св. 7.

снова нѣсколько разъ писалъ городничему, чтобы благоволилъ принять зръя къ защитѣ монастырской выгоды на рыболовной дровѣ *).

Существенной мѣрой къ матеріальному обезпеченію монастыря за вторѣ обозрѣваемый періодъ его существованія служило казенное жалованіе, выдача котораго производилась взаимѣнъ отобранныхъ вотчинъ и имѣній. Долѣе время послѣ 1764 года Томской Алексѣевской обители, по штатамъ утвержденной въ 3-мъ классѣ, жалованіе выдавалось въ количествѣ 806 руб. 30 коп. Изъ нихъ одна бѣльшая половина подлежала выдачѣ игумену, братіи, монастырскому подъячому и монастырскимъ служителямъ, другая нѣсколько меньшая шла: на церковныя потребности (красное вино, ладонь, просфоры) 40 руб., — на ризницу и поправку церкви 200 руб., — на дрова, конюшенныя принасы, желѣзо и уголье 40 руб., — на вино и пиво 45 руб., — на пріемъ пріѣзжихъ гостей въ праздники 50 руб. Число дѣйствительной братіи въ монастыряхъ 3-го класса, по указамъ, было опредѣлено въ 12 человекъ: 1 игумена, 1 казначей, 4 іеромонаховъ, 2 іеродіаконовъ, 1 пономаря, 1 просфоряка, 1 ключника (онъ же хлѣбодаръ) и 1 чашника. Для черныхъ работъ служителей полагалось быть при монастырѣ и было 8 человекъ, сѣбядежаш по очереди изъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ. Игумень получалъ казеннаго жалованія 150 руб. въ годъ, казначей 22 руб., іеромонахи и іеродіаконы по 13 руб., монахи на должностяхъ просфоряка, ключника, чашника, пономаря кто 10, кто 8, кто 6 руб., каждый изъ служителей по 14 руб. 2¹/₂ коп. По Высочайше утвержденной росписи 18 декабря 1797 г. жалованіе было возвышено на сумму 653 руб. 72¹/₂ коп., такъ что съ 1798 г. въ монастырь всего долженъ былъ получать изъ казначейства 1460 руб. 2¹/₂ коп. Игумену съ тѣхъ поръ выдавалось 200 руб. въ годъ, въ соответственной мѣрѣ были увеличены оклады и прочихъ членовъ братскаго состава, какъ равнымъ образомъ и все итоги по хозяйственнымъ статьямъ: на церковныя потребности, на ремонтъ церкви, на пріемъ гостей и проч. Въ 1839 году жалованіе со счета на ассигнаціи было переведено на серебро, и монастырю

* Въ 1808 году архим. Теофилактъ писалъ Томскому городничему: «здѣшній Алексѣевскій монастырь съ начала учрежденія его имѣетъ во владѣніи своемъ землю, состоящую изъ города въ 8 верстахъ надъ рѣкою Томью при рѣкѣ Киргизьѣ, гдѣ имѣются два монастырскіе дома для служителей, — также и рыбную ловлю прямо того-же мѣста въ поманутѣй Тѣмѣ. Сія угодія монастырь для продовольствія своего оставилъ за собою къ суду имевши Высоч. повелѣнія, состояшаго я къ 18 день декабря 1797 г., хотя они и не такъ удачны и творительны, ибо рыбная ловля бываесть единовременная, а не повседневная. Но при семъ единовременной той ловлѣ, — со стороны градо-томскихъ жителей, которые по силѣ Высочайшаго учрежденія далѣе 5 верствъ отъ города ни чѣмъ пользоваться права не имѣють, случаетъ повсегда монастырь наглая обиды, означенныя въ донесеніи и грабительствѣ. Какъ-то: имѣ въ текущемъ году въ октябрѣ нагло услалились томскіе мѣщане поимать морды въ монастырское рыболовное мѣсто, имению: Андрей и Иванъ Черноярскіе. Андрей Колмогоровъ, Пв. Закревскій, Василій Ершинъ и господинъ титул. советн. Валерій Том. городничему Доментіанову отъ 19 окт. 1808 г. Мон. арх; св. 13.

князейства стали выдавать въ годъ 417 руб. 60 коп. сер. Сули по приходной ведомости за 1840 г. жалованіе въ то время распредѣлялось въ монастырь такъ: настоятелю съ братіейшло 131 руб. 49 коп.,— на церковныя потребности и прокуфуры 11 руб. 40 коп. сер., на писмоводителя и штатныхъ служителей 37 руб. 96 коп. сер., на починку церкви и монастыря 114 руб. 27 коп. сер., на конюшенные припасы 22 руб. 83 коп. и, наконецъ, на покупку провизіи настоятелю съ братіей 79 руб. 60 коп.*). Для полноты обзорѣнія слѣдуетъ сказать, что съ 14 апр. 1861 г. монастырское жалованіе, обозначенное въ указѣ на серебро, было увеличено еще разъ и почти вдвое, именно было при- (далено 400 руб., но это время уже не входитъ въ кругъ нашего обзорѣнія.

Въ штатномъ составѣ братіи Томскаго Алексѣевскаго монастыря были почти всегда болѣе или менѣе значительныя недочеты, и поэтому, еслибы монастырь получалъ жалованіе всякій разъ полностью на весь штатъ, то имѣлъ бы возможность накопить отъ праздныхъ вакансій нѣкоторыя сбереженія, очень не лишнія для него при его многочисленныхъ нуждахъ. Но въ 1770 г. сибирская губернская канцеларія пресѣкла эту возможность распоряженіемъ, въ которомъ деньги, оставшіяся отъ незамѣщенныхъ вакансій, велѣно было переносить въ счетъ жалованной уплаты на будущій годъ. Въ 1800 г. такое распоряженіе было подтверждено самой высшей Правительственной властію. Впрочемъ, въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія монастырское начальство уже держивало остатки отъ жалованія въ пользу обители, иногда сдавая ихъ вкладами въ томскій приказъ общественнаго призрѣнія. Разумѣется, для монастыря, обѣднаго почти въ крайней степени, было очень тяжело, когда въ выдачѣ казеннаго жалованія происходили остановки или замедленія. Архим. Θεодосій жаловался, наприм., что Томская воеводская канцеларія не выдала ему жалованія за 1766 годъ.

Исчисливъ основныя средства къ матеріальному содержанію Томскаго Томскаго монастыря за вторую пору его исторіи, мы, сообразно съ принятымъ планомъ, переходимъ къ продолженію перечня его настоятелей.

2.

Монастырскіе настоятели послѣ архим. Θεодосія. — Уничтоженіе архимандрита въ Алексѣевскомъ монастырѣ. — Игумены Пафаназія, Филофей, Пиннокентій, Палладій — Большое дѣло о послѣднемъ. — Игумень Данила и слѣдствіе о немъ по доносу школьника Вѣлова. — Временно управлявшій монастыремъ протопопъ Григорій Стефановскій. — Возстановленіе архимандрита. — Архимандритъ Теофилактъ. — его столкновеніе съ Стефановскимъ. — Послѣдующіе архимандриты: Геронимъ, Іоанникій и Амфилохій.

Архим. Θεодосій, какъ мы уже сказали въ своемъ мѣстѣ, чрезъ пять лѣтъ послѣ проведеннаго отобранія церковныхъ имѣній былъ вызванъ изъ Томска въ Тобольскъ, гдѣ получилъ новое назначеніе на настоятельское

*) См. вѣдом. о казен. жалованіи за 1780-ые и за 1820—1840 г. Мон. арх.: св. 12 и 16.

мѣсто въ Верхотурскомъ монастырѣ. Послѣ него идетъ цѣлый рядъ настоятелей Томскаго монастыря уже не въ санѣ архимандрита, а только въ достоинствѣ игумена. Ихъ пониженное положеніе было связано съ причисленіемъ нашей обители къ разряду монастырей III класса, такъ какъ по именному указу отъ 26 февраля 1764 г. архимандриты оставались только въ монастыряхъ первыхъ двухъ классовъ, а въ монастыряхъ III—классныхъ, за исключеніемъ одного Старо-Ладожскаго, настоятели должны быть игуменами и вообще въ архимандриты „безъ особливаго указа“ производить было запрещено *).

Въ непосредственное преемничество Θεодосію вступилъ игуменъ *Нафанаилъ*, доселѣ состоявшій въ должности эконома при Тобольскомъ архіерейскомъ домѣ **). При немъ поступилъ въ число братства Алексѣевскаго монастыря настоятель закрывшагося Кузнецкаго монастыря игуменъ *Адріанъ*, очутившійся такимъ образомъ въ отношеніи къ Нафанайлу въ дочивенномъ положеніи. Нафанайлъ правилъ монастыремъ въ Томскѣ до 20 декабря 1774 г. и затѣмъ, по своему желанію, перешелъ въ Московскую епархію ***).

Его мѣсто занялъ игуменъ *Филоеѣй* изъ проповѣдниковъ при Тобольской архіерейской кафедрѣ †). Судя по библиотекѣ, которою владѣлъ Филоеѣй и которую потомъ оставилъ монастырю, онъ былъ очень ученый человѣкъ. Библиотека состояла изъ многихъ книгъ и рукописей на латинскомъ языкѣ по исторіи и богословію и между ними находился знаменитый „Камень вѣры“ Стефана Яворскаго †*). Въ Томскѣ Филоеѣю довелось немало потрудиться какъ въ изысканіи средствъ для постройки каменной монастырской церкви, такъ и надъ подготовительными къ тому работами. Въ концѣ іюня 1777 г. прибывшіе въ Тобольскъ красноярскій дьячекъ *Василій Черкасовъ* и томскій солдатъ *Иванъ Соломатовъ* объявили здѣсь, что, въ бытность въ Томскѣ, іюня 11 д. Алексѣевскій игуменъ Филоеѣй съвѣстно Удостоверившись въ слухѣ, преосвященный назначилъ на Томское настоятельство строителя заштатнаго Туринскаго монастыря іеромон. *Виктора Калиновскаго* съ возведеніемъ его въ игуменскій санъ **).

Калиновскій происходилъ изъ подъяческихъ дѣтей, въ мірѣ былъ священникомъ и, хотя въ семинаріи не учился, но достигъ протоіерейскаго сана

*) Пол. Соб. Зак. т. 16 № 12060 стр. 556.

***) Указы Тоб. Д. Консисторіи отъ 3 сентаб. и 13 ноябріа 1769 г. Мон. арх.: св. 11.

****) Указъ Тоб. Конс. отъ 23 мая 1775 г. Арх. Том. Д. Консисторіи.

†) Тамъ-же.

†*) Наибольше цѣнными книгами въ библиотекѣ игум. Филоеѣя признаемъ слѣдующія: *Исторію о началѣ Россіи, Оеатронъ, Книгу поучительныхъ словъ Гедсоновыа, Камень Вѣры, Богословіе, Латинскую Библію, Инструкцію проповѣдническую — аискменную.* Кромѣ того въ библиотекѣ Филоеѣя состояло много латин. рукописей. Мон. арх.: св. 13

†**) Указъ Конс. отъ 30 іюня 1777 г. Арх. Том. Конс. Связка указовъ за 1777-ые годъ

и въ этомъ санѣ послѣдовательно перемѣнилъ мѣста въ гг. Ялуторовскѣ и Екатеринбургѣ*). Овдовѣвши, Калиновскій принялъ постриженіе въ Тоб. Знаменскомъ монастырѣ и былъ посланъ сначала намѣстникомъ Далматовскаго монастыря и затѣмъ строителемъ указанной Туринской пустыни. Замѣчательно, что Викторъ прибылъ въ Томскъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ крѣпостныхъ людей, приобретенныхъ имъ еще въ то время, когда протопопствовалъ въ Ялуторовскѣ. Крѣпостные слуги состояли при немъ и во время его проживанія въ Алексѣевскомъ монастырѣ до тѣхъ поръ, пока не были отобраны по распоряженію Д. И. Чичерина**). Какъ прежде Исаія Русановичъ, такъ и Викторъ Калиновскій, немедленно по прибытіи въ Томскъ, круто принялся за возстановленіе дисциплины среди монастырской братіи и, подобно Исаіи-же, встрѣтилъ съ ея стороны изъявленія огромнаго недовольства, тѣмъ болѣе, что братія указывала разныя несообразности и въ его личномъ поведеніи, поведшія затѣмъ къ слѣдствію и къ счастью неоправдавшимся. Но были за нимъ довольно важныя проступки, допущенныя по должности Томскаго заказчика и, въ довершеніе всего, по его начальственной небрежности сгорѣла монастырская деревянная церковь. Указомъ консисторіи отъ 11 апрѣля 1780 г. Викторъ былъ уволенъ отъ настоятельства съ правомъ проситься въ братство того монастыря, на который укажетъ самъ***). Скончался онъ въ 1783 г. въ томъ-же тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ, гдѣ и принялъ монашескій постригъ.

Послѣ Виктора монастырь перешелъ подъ временное управленіе Красноарскаго и Томскаго заказчика протоіерея Алексея Михайловскаго †). Для ближайшаго наблюденія за монастыремъ, гдѣ въ то время производилась постройка церкви, шло слѣдствіе о Викторѣ и производилась провѣрка монастырскаго имущества, Михайловскій проживалъ въ Томскѣ почти безотлучно до тѣхъ поръ, пока 20 мая 1781 г. на настоятельское томское мѣсто не былъ опредѣленъ игуменъ *Иннокентій*.

Иннокентій, сынъ священника Казанской епархіи, обучался въ Казанской семинаріи съ 1758 по 1769 годъ съ окончаніемъ богословскаго класса. По выходѣ изъ семинаріи онъ былъ посвященъ во діаконы, но за ско-

*) См. списокъ братіи Алекс. мон. за 1778 г. Мон. арх.; св. 12.

***) Ук. Тоб. Конс. 1778 г. апр. 25. № 634. Мон. арх.; св. 12.

***) Въ разныхъ указахъ вины Виктора исчислены такъ:—обижалъ братію жестокомъ обращеніемъ (билъ плетью), за безжѣрною небрежностію и тяжестію корпуса изъ кельи не выходилъ по недѣли, не заводилъ общей трапезы, по его винѣ сгорѣла церковь, въ управленіи за-казкомъ былъ недѣлительнъ и медлительнъ, церковныя книги не разсылалъ во церкви, держа ихъ въ кладовой, „по сгорѣній церкви, сдѣлавъ управленіе монастыремъ свящ. Влаговѣцъ церкви Безменову, самъ уѣхалъ въ Кіевское десятиначальство для осмотра будто-бы церквей, а на самомъ дѣлѣ ни гдѣ въ церкви не заходилъ, а заходилъ только въ дома священно-служителей для лакомства“. Ук. Кон. 1779 г. марта 28. арх. Том. Д. Конс. См. указы Тоб. Конс. отъ 7 янв. и 11 апрѣля 1780 г. Мон. арх.; св. 12.

†) Указъ Тоб. Конс. отъ 11 апр. 1780 г.

рымъ вдовствомъ его „взяли“ въ Свѣяжскій Богородицкій монастырь, гдѣ принялъ онъ постриженіе въ 1771 году. Черезъ пять лѣтъ былъ возведенъ въ іеромонашескій санъ и назначенъ казначеемъ въ томъ же Свѣяжскомъ монастырѣ. Затѣмъ проходилъ разныя должности при домѣ Казанскаго митрополита Веніамина Пуцекъ-Григоровича и, наконецъ, для миссіонерскаго служенія былъ посланъ въ Сибирь въ распоряженіе Tobольскаго Преосвященнаго *). Томское игуменство было его первымъ мѣстомъ на чужбинѣ и, состоя на немъ, онъ получилъ порученіе — вмѣстѣ съ Красноярскимъ протоіереемъ Михайловскимъ взять на себя труды по просвѣщенію инородцевъ около Томска и Кузнецка**). Игуменство въ Томскѣ, однако, мало радовало Иннокентія. Монастырь не представлялъ ничего отраднаго ни со стороны его матеріальнаго благосостоянія, ни со стороны жизни его обитателей. Въ благопріятной обстановкѣ Иннокентій оцѣтился самъ, и то и дѣло получалъ замѣчанія и выговоры то за медленность въ совершеніи дѣлъ, то за небрежность въ ихъ исполненіи. Подканцеляристы дух. правленія Григорьевъ, послѣ увольненія Иннокентія изъ Томска, свидѣтельствовали о немъ, что „дѣлами игуменъ не занимался, а проводилъ время днемъ во снѣ, а ночью въ прогулкахъ по монастырю до свѣту, а когда начинало свѣтать, ложился спать и просыпался до полудня. Киричъ, занесенный для стройки каменнаго храма, онъ или распродалъ, или роздалъ обывателямъ заимеобразно, — для продажи свѣчь въ монастырской церкви и кошельковаго сбора въ ней онъ поставилъ состоящаго подъ епитимією при Воскресенской церкви солдата Елисея Бѣлыхъ, который пьянствовалъ и, въ пьянствѣ, безъ стѣсненія бралъ деньги изъ церковныхъ суммъ. Предписано было изъ консисторіи игумену прозвѣсти оныхъ церковныхъ вещей, какъ въ монастырѣ, такъ и въ томской соборной церкви, но онъ, — говорилъ Григорьевъ, — поручилъ это дѣло мнѣ, а я — свѣтскій человекъ, сего исполнить не могъ, такъ какъ до церковныхъ, священныхъ вещей мнѣ касаться не надлежитъ“ ***). — Анатія къ дѣламъ не поумѣвала однако Иннокентію пользоваться большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ въ средѣ лучшаго томскаго общества. По указу консисторіи отъ 21 ноября 1786 г. Иннокентій былъ отчисленъ отъ Томскаго монастыря съ переводомъ на настоятельское мѣсто — подалше въ Сибирь — въ Спасскомъ Енисейскомъ монастырѣ †). Госскимъ гражданамъ крѣпко не хотѣлось отнукать его отъ себя симпатич-

*) Вѣдомость о монашествующихъ за 1781 г. Мон. арх. св. 12.

***) Ук. Tob. консист. отъ 21 окт. 1781 г. св. доношеніе игум. Иннокентія, въ которомъ онъ просилъ себѣ помощника по управленію Томскимъ приказомъ въ лицѣ священника Гожъ Воскресен. церкви Петра Меркурьева. Ноябрь, 1781 г. Мон. арх.; св. 12.

***) Докладъ подканцеляриста Григорьева игум. Цолладію отъ 17 февр. 1787 г. Мон. архивъ; св. 11. Докладъ былъ вызванъ разслѣдованіемъ о медленности Иннокентія въ исполненіи консисторскихъ распоряженій.

†) Ук. консит. отъ 23 ноя. 1786 г. Мон. арх.; св. 11.

наго, выѣхавшаго изъ Россіи игумена и объ отѣвѣ состоявшагося о его переводѣ рѣшенія они подали Преосвященному общую просьбу. Консисторія скорѣ отвѣтила: „оную томскихъ гражданъ просьбу оставить, и быть въ силѣ прежнему Его Преосвященства опредѣленію, а Вамъ, Иннокентію, объявить, что какъ Енисейскій монастырь почитается важностію выше Томскаго, то Его Преосвященство Васъ, игумена, какъ достойнѣйшаго того монастыря, настоятелемъ и опредѣлилъ, о чемъ св. Синоду отъ Его Преосвященства уже донесено“. *) Не успѣлъ Иннокентій выѣхать изъ Томска, какъ прибылъ сюда новый настоятель, игумень Палладій, постриженный изъ вдовцовъ-священниковъ, уже въ очень престарѣлыхъ лѣтахъ, въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ.

Палладій началъ свою настоятельскую дѣятельность донесеніемъ о разныхъ несправностяхъ по монастырю, допущенныхъ его предшественникомъ. „Вѣрно мнѣ, писалъ онъ въ консисторію, монастырское имущество отъ игум. Иннокентія, принять по описямъ, но, по прибытіи въ Томскій монастырь сего 1787 г. января 30 дня, его игум. Иннокентія я не нашель, — вѣдомо куда скрылся, да и во всемъ монастырѣ какъ въ *разсыпанной* *храминѣ*, кромѣ одного и то престарѣлаго и дряхлаго священника Григорья Бусова, никого не обрѣлъ, чего ради нынѣ божественное служеніе безпрерывно самъ исправлять за Вашимъ архиастырскимъ благословеніемъ началъ. Въ церкви встрѣтилъ вездѣ нечистоту... хотя здѣсь и школа была и священно-церковно-служительскія дѣти обучались, но вѣдомо для чего онымъ игуменомъ Иннокентіемъ распущены по домамъ, а инья у него (находятся) на его собственной (зимней) рыбной ловлѣ, не поблизу отъ города Томска, также и запрещенные священники въ работѣ непрестанно обрѣтаются.“ **)

Но за то самъ доноситель своимъ правленіемъ и дѣйствіями довелъ монастырь до такого униженія, до котораго онъ никогда не доходилъ ни прежде, ни послѣ. Монастырскія деньги исчезали, не попадая въ монастырскую казну. Приходорасходныя записи или не велись, или были полны подлоговъ. Жалованіе монахамъ и служителямъ или вовсе не выдавалось, или выдавалось только въ небольшой части. Монастырское и церковное имущество подверглось полному разгрому. Между тѣмъ быстро богатѣлъ сынъ игумена, священникъ Павелъ Флоровскій, котораго отецъ постарался перевести въ Томскъ и опредѣлить къ томской Троицкой соборной церкви. Сверхъ

*) Указъ консист. отъ 20 янв. 1787 г. Мон. арх.; св. 11.

**) Доношеніе Палладія отъ 1 февр. 1787 г. Мон. арх.; св. 11. Впоследствии игум. Палладій также много разъ жаловался на несправности своего предшественника, глав. образомъ раскрывая ихъ съ докладомъ Григорьеву. Консисторія, наконецъ, вынуждена была сдѣлать замѣчаніе новому игумену въ томъ смыслѣ, что дѣла о несправностяхъ Иннокентія, его П—дія, не касаются, чтобы отъ „пустыхъ бумагъ“ удерживался и архиву ими не накопалъ.“ Ук. конс. 5 іюня 1787. Мон. арх.; связ. 12.

того, во внутренней монастырской жизни совершались дѣянія, наполнявшія городъ слухами самаго недобраго свойства. Въ отдаленномъ отъ мѣста центральной власти сибирскомъ городѣ до поры до времени все сходило съ рукъ, но, по сознанию самаго Палладія, отвѣтственность рано или поздно всетаки должна была наступить. Желаніе избѣжать ея тягости, хотя въ некоторыхъ мѣрѣ, заставило игумена проситься на покой съ переводомъ въ др. монастырь. Просьба была удовлетворена. 15 мая 1792 г. изъ консисторіи былъ посланъ указъ о переводѣ Томскаго игумена въ братство Тюменскаго монастыря, причемъ предписывалось ему приготовить къ сдачѣ все дѣла какъ по монастырю, такъ и по управленію заказомъ, а если бы въ заказныхъ нашлись дѣла нерѣшенные, то послѣшить ихъ окончаніемъ. Палладій отвѣтилъ, что дѣла нерѣшенныхъ за нимъ не состоитъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя имъ унаслѣдованы отъ предшественника игум. Иннокентія, тѣмъ не менѣе да позволено ему будетъ ѣхать въ Тюмень будущей зимой, ибо по своей старости и слабости здоровья лѣтній путь признаеть для себя крайне затруднительнымъ.) Векорѣ затѣмъ Палладію довелось донести, что въ монастырь явились съвольво кунцы съ ратманомъ магистрата Адрианомъ Пырсиковымъ во главѣ. Кунцы ходили по кельямъ съ обыскиваніемъ и, обыскивая, не обошли даже настоятельскаго помѣщенія. Это, прибавлялъ игумень, такъ меня въ то утро потрясло и до такой степени я былъ напуганъ и вмѣстѣ оскорбленъ, что и литургію служить не могъ. **)

Обстоятельство, по содержанію представлѣннаго донесенія, раскрыло консисторіи, что въ обители, находящейся въ Томскѣ, не все благополучно и поэтому распоряженіе о переводѣ настоятеля въ Тюмень было взято назадъ. Палладій однако не переставалъ проситься изъ Томска. 19 ноября того-же 1792 г. онъ писалъ Преосвященному: „Я произведенъ въ игумена уже 6 лѣтъ и нишѣ болѣзнь, старость и дряхлость заставляютъ мыслить о смерти. Желательно было бы исполнить обѣщаніе: поклониться Абаканскій святинѣ, поэтому прошу дать мнѣ увольненіе въ Тобольскъ, а для смотрѣнія за монастыремъ, на мѣсто мое, да будетъ Ваша въ ономъ архиастырская воля.“***) Видно, что увольненіе не послѣдовало. Почти ровно чрезъ годъ, репортуал о покражѣ старинныхъ книгъ изъ монастырской ризницы, игумень выразительно указывалъ, что въ монастырѣ за всеѣмъ ему не доглядѣть, потому что старъ и дряхлъ и, кромѣ того, по должности заказчика онъ долженъ часто выѣзжать изъ города для освященія или заложенія вновь заводимыхъ въ уѣздахъ церквей, а между тѣмъ въ монастырѣ все чаще повторяются „непорядки“.

*) Репортъ Палладія въ Тобол. конс. іюль 1792 г. Мон. арх.; свзл. 7.

***) На это оскорбленіе Игумень жаловался и въ прошеніи на Высочайш. Имя. См. архивъ отъ 19 іюля 1792 г. Мон. арх.; св. 7.

***) Прошен. 1792 г. ноября 19 Дѣло о Палладіѣ въ архивѣ Томской Д. консисторіи.

отъ которыхъ „отвращать монашествующихъ онъ находитъ себя не въ силахъ и не въ состояніи.“ Въ заключеніи просилъ сложить, наконецъ, съ него „начальственное иго.“ *)

Иго не хотѣли сложить тѣмъ болѣе теперь, когда въ Томскѣ уже шла слѣдствіе о школьникахъ русской школы Иванѣ Шиховѣ съ товарищи и кономарѣ Караульщиковѣ „по чинимымъ ими въ Томскѣ разнымъ воровствамъ.“ Обвиняемые показывали, что игумень не только зналъ о ихъ воровствѣ, но и старался прикрывать его. Можетъ быть, консисторія выжидала времени, когда старецъ-настоятель докажетъ свою неприкосновенность ко всей тѣнѣ этого дѣла и выйдетъ изъ нея незаинтересованнымъ, или обѣленнымъ.

Увольненіе Палладія отъ настоятельства состоялось только въ концѣ 1797 г.***) Игумень Палладій, какъ человекъ престарѣлый, не имѣя силъ управлять *отдаленнымъ монастыремъ*, писалъ преосвященный Варлаамъ въ своемъ опредѣленіи, данномъ консисторіи, „пламенно просилъ“ объ удаленіи его отъ правленія. „Чего ради опредѣляемъ быть къ Томскомъ Богородице-Алексѣевскомъ монастырѣ игуменомъ дому нашего іеромонаху *Даніилу*, котораго къ производству по игумена представить сего декабря 20 дня и потомъ, по подлежащему, отправить въ Томскъ“ съ тѣмъ, чтобы монастырское имущество принять по описямъ и что окажется въ недостаткѣ, то взыскалъ съ Палладія или „натурою или по цѣнѣ деньгами“... „А такъ какъ до онаго игумена Палладія касается дѣло, производствомъ въ Томскомъ уѣздномъ судѣ имѣющееся, по оговору школьника Шихова съ товарищи и еще нерѣшенное,“ то „подтвердить назначенному, по тому дѣлу, деуутату съ духовной стороны священнику Неводчикову указомъ, „чтобы усугубилъ стараніе о приведеніи онаго къ концу и, кромѣ того, потребовать отъ него объясненіе: почему дѣло въ нерѣшеніи толикое время продолжается.“ ***)

Вновь назначенный игумень Даніиль явился въ Томскѣ въ самомъ началѣ слѣдующаго 1798 г. и вмѣстѣ съ Томскимъ заказчикомъ, священникомъ Анд. Неводчиковымъ немедленно приступилъ къ пріемкѣ монастырскаго и церковнаго имущества. Результатъ обнаружился болѣе чѣмъ печальный. Оказалось, что въ имуществѣ недоставало множества вещей и среди нихъ много старыхъ церковныхъ и учительныхъ книгъ, между прочимъ, напечатанныхъ до 1666 г. Книги, по слухамъ, игумень продавалъ „чуждающимся церкви за большущія деньги“. Коніисту П—дій не додалъ жало-

*) Равортъ отъ 4 ноября 1793 г. Мон. арх; св. 7.

**) Прежде онъ уволенъ былъ отъ должности управляющаго Том. заказомъ—уволенъ былъ по неприкосновенности къ дѣлу о воровствѣ школьника. Управленіе заказомъ было передано соборному священнику Андрею Неводчикову. Ук. консист. отъ 17 августа 1797 г. Мон. арх; св. 12.

***) Опредѣленіе Преосвященнаго отъ 14 декабря 1797 г.—Дѣло объ игум. Палладіѣ. Конс. архивъ.

нація за разные годы 96 руб., священнику Майкову 19 р. 50 коп., дьяку Курбаковскому 18 р. 40 коп., послушнику Хмылеву 28 руб., а монашескимъ служителямъ казенное жалованіе не платили почти никогда. Казенное денежное пособіе, ассигнованное на ремонтъ церкви, на церковныя потребности на дрова, конюшенные принасы, онъ никогда не употреблялъ въ расходъ, „куда дѣвалъ—неизвѣстно“. За все время правленія заказомъ игумень перераскладъ съ священно-церковно-служителей, по раскладкѣ на содержаніе за правленія, 600 руб., „а куда дѣвалъ—также неизвѣстно“. Заглянули Даниль и Неводчикъ въ приходо-расходныя книги и нашли, что отрѣшенный настоятель писалъ ихъ „какъ хотѣлъ“. Братія единогласно показывали новому начальнику, что начальникъ, только лишь смѣщенный, содержалъ ездо, въ лицѣ отсаживалъ, обращался жестоко со всѣми даже съ престарѣлымъ казначеемъ іеромон. Амросіемъ, — рубилъ на Киргизкѣ лѣсъ на дрова, а между тѣмъ „покупики дровъ записывалъ въ книги“. Ознакомившись съ безотраднымъ положеніемъ дѣлъ, игумень Даниль вошелъ въ келью Палладія для переговоровъ съ нимъ и увидѣлъ у него 25 мѣшковъ съ мѣными деньгами и два ящика съ серебряными и отчасти золотыми монетами сына бывшего настоятеля, свящ. Флоровскій, собирався отправить мѣшки и ящики къ себѣ на домъ. Даниль счелъ себя въ правѣ держать и отобрать деньги, которыхъ оказалось всего на сумму 2100 руб.

Разумѣется, о всемъ этомъ немедленно было отписано въ Tobольскъ. Онъ оставался въ долгу на счетъ жалобъ и донесеній и самъ старецъ. Въ донесеніи отъ 4 февраля 1798 г. онъ прежде всего поблагодарилъ преосвященнаго за милостивое увольненіе отъ должности и затѣмъ извѣщалъ, что игумень Даниль, прибывъ изъ Tobольска въ Томскъ 8 января, вмѣсто того, чтобъ въѣхать въ монастырь, остановился въ мірекой квартирѣ, „якобы у своего сомолитвенника подпоручика Прокопія Кобякова“. Въ монастырь явился только на другой день и прежде всего приказалъ служителямъ рубить порохъ ставни у оконъ настоятельской кельи, „затѣмъ, какъ видно, ему показалось невесело“. Въ одно изъ послѣдующихъ посѣщеній монастыря Даниль зашелъ къ нему, Палладію, въ келью и, увидя деньги, „сказалъ вонъ отъ меня сына моего, свящ. Флоровскаго, и внука, и приказалъ меня бѣднаго и болѣзненнаго приказалъ монастырскимъ служителямъ отскатать по спѣгу. Секвестрировалъ имущество мое, келью заперъ“.

*) Деньги эти, по распоряженію изъ Tob. Консисторіи, были переданы на храненіе испр. дон. Томск. коменданта, штабъ-капитану Ельцову. Указъ Кон. 1799 г. игум. Данилу и отом. игум. въ Ельцову. Мов. арх. Св. 12.

***) Палладій послѣ секвестра, какъ онъ выражался, у него денегъ въ келью въ квартиру сына, свящ. Флоровскаго. Но по указу консист. отъ 28 октяб. 1798 г. ему было велѣно было возвратиться въ монастырь на іеромонашескую вакансію. Мов. арх. Св. 12. Но онъ и послѣ того отговаривался отъ монастыря, указывая, что „ясти и вѣсти ему нечего“ и что въ монастырѣ ему „всѣ соперники“, и потому оставаться въ немъ ему небезопасно.

кой цѣль своего переселенія изъ мірской квартиры въ монастырь новый востановитель устроилъ своимъ знакомымъ „обѣденное угощеніе съ продолжительнѣею веселости приглашенными пѣвчими изъ солдатъ“, а „сей образъ усужденія весьма соблазнителенъ“. Наканунѣ высекоторжественнаго дня 13 числа мѣс. января Даниль уѣхалъ съ родственниками своими къ прапорщицѣ Басильевой, а на слѣдующее утро литургіи не служилъ, какъ ни разу не служилъ и потомъ до недавняго отъѣзда въ Красноярскъ и къ тому-же, во все время пребыванія въ Томскѣ, не сказалъ ни одной проповѣди. „Вотъ, Ваше Преосвященство, мы только на глазахъ у Васъ кажемся быть достойными ангельскаго образа, а отъѣхавъ, какъ хотимъ, такъ видно по своему желанію и поступаемъ“. Въ концѣ доноситель просилъ защитить его самого отъ обидъ, а его имущество „отъ лихоимства“. *)

Черезъ нѣсколько дней П—дій отправилъ еще жалобу почти съ тѣмъ-же содержаніемъ**) и изготовилъ нѣсколько бумагъ на Высочайшее имя.

По поводу крупныхъ растратъ и вообще всѣхъ дѣйствій отставнаго игумена за 11-лѣтній періодъ его начальственнаго служенія въ Томскѣ изъ Тобольска назначили слѣдствіе, поручивъ его производство, съ участіемъ Неводчиковъ и Данила, Томскимъ городскимъ священникамъ Ивану Истоинну, Петру Безменову и Михаилу Медвѣдкову. Для письменоводства былъ выбранъ въ слѣдователямъ изъ Красноярскаго дух. Правленія опытный канцеляристъ, коллежскій регистраторъ Омскій. Слѣдователи повели дѣло крайне плохо: другъ съ другомъ ссорились, другъ—друга обвиняли то въ томъ, то въ другомъ и постоянно отказывались отъ порученнаго крупнаго и труднаго дѣла. Поссорились и Даниль съ заказчикомъ Неводчиковымъ. Первый обвинялъ послѣдняго въ утайкѣ денегъ изъ монастырскихъ суммъ, определенныхъ на расходы по слѣдствію***). Омскій съ мольбою изывалъ къ Тобольской власти, чтобы отпустила его изъ Томска обратно въ Красноярскъ, такъ какъ слѣдствію не видится конца. По его словамъ, его усѣшному производству мѣшали и Неводчиковъ съ его начальственнымъ обхожденіемъ со всѣми и внимательствомъ во все, и пьянство свящ. Медвѣдкова, достигшее развѣртокъ, при которыхъ онъ не стѣсняется входить въ питейные дома и производить тамъ буйства, и, наконецъ, непреобѣдимое упрямство самого обвиняемаго. Консисторія, наконецъ, увидѣла необходимость вручить руководственную роль по слѣдствію многоопытному въ этихъ случаяхъ протоіерею Барнаульскаго собора Іоанну Пѣунову, съ устраненіемъ изъ числа

*) Допесеніе Палладія отъ 4 февраля 1798 г. Дѣло объ игум. Палладіѣ. Арх. Том. Кон.

**) Жалоба отъ 15 февраля 1798 г. Тамъ-же

***) О непорядкахъ слѣдствія см. указы Кон. отъ 15 октяб. 1798 г. № 2472, 2473 и 19 февраля 1799 г. № 429. Въ тетради разныхъ бумагъ, относящ. къ дѣлу Палладія. Мюн. арх.; св. 12.

слѣдователей Медвѣдкова, подвергнутому за нѣпачество запрещенію въ священно-служеніи.*) Кромѣ того, для побужденій къ скорѣйшему окончанію запутаннаго дѣла, изъ Тобольска прислали въ Томскъ исправ. должность козиситорскаго секретаря Петра Старцева.

Слѣдствіе подтвердило все, о чемъ прежде доносили Даніилъ и Неводчиковъ, разъяснило разные подробности касательно растраты Палладія и кромѣ того, предъявило къ послѣднему еще новыя очень тяжкія обвиненія. Было установлено, что штатныя средства для содержанія монастыря бывший настоятель бралъ въ свою пользу почти цѣликомъ, изъ монастырскаго припасовъ и вещей щедрою рукою удѣлялъ сыну. Приходо-расходныя книги за болѣе ранніе годы своего настоятельства игумень скрылъ, а въ тѣхъ, которыя нашлись въ монастырѣ, расходныя статьи почти сплошь были надрисаны ложно. Раскрылось затѣмъ, что старинныя церковныя и свято-отеческія книги П—ій продавалъ старообрядцамъ и среди нихъ особенно часту купцу Шумилову, что о такихъ продажахъ зналъ казначей іеромон. Анвусій, но долженъ былъ молчать, такъ какъ и безъ того несъ отъ настоятеля „нестерпимые побои“. Старинныя книги исчезали не изъ одной монастырскаго ризницы, обвиняемый при поѣздкахъ по заказу, отбиралъ ихъ безвозвратно и отъ многихъ приходскихъ церквей. Такъ, изъ двухъ церквей Томска Благовѣщенской и села Спасскаго игумень взялъ книгъ, вмѣстѣ съ др. вещами, на сумму, по самой скромной оцѣнкѣ, во 155 руб. Вмѣстѣ съ канцелярскими и др. вещами, взятыми изъ монастырскаго достоянія, были утрачены украшенія, снятыя съ старинной архимандричьей шапки. Украшенія состояли изъ крупнаго жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Одинъ изъ допрошенныхъ свидѣтелей мѣщанинъ Недомолвинъ о шапкѣ показалъ, что „въ бытность въ Томскомъ монастырѣ архим. Θεодосія убрана была архимандричья шапка большимъ, добрымъ жемчугомъ и добрыми же камнями, и когда оную шапку дочь протопопа Прокопія Петрова, вычистивъ и обложивъ новымъ горностаемъ, принесла обратно Θεодосію, ему, Недомолвину, причислось въ то время быть въ кельи архимандрита. Тутъ-же были въ рукахъ два человѣка изъ прѣзжихъ російскихъ купцовъ, которые, выставляя шапку, сказали, что такая стоитъ до 4000 руб. А послѣ, въ бытность настоятелемъ игум. Палладія, проѣзжалъ изъ Петербурга чрезъ Томскъ въ Пекинъ начальникъ китайской духовной миссіи архим. Сафроній, онъ служилъ въ нашемъ городѣ 6 лѣтъ въ Богоявленской церкви, и на рѣку ходилъ, тогда на шапкѣ добраго и крупнаго жемчугу уже не было, а остались одни серебряныя позолоченныя дощечки съ изображеніями св. ликовъ“. Слѣдствіе

*) Запрещеніе Медвѣдкова. Ук. Конс. отъ 7 сент. 1798 г. въ той-же тетради.

***) Пачка бумагъ изъ разныхъ переписокъ по дѣлу о Палладіѣ и тетрадь съ такою перепискою. Мон. арх.; св. 7 и 12.

они отънесли потери на шапкѣ въ 2000 руб. и, не смотря на всѣ отреченія подсудимаго, вину ихъ потери возложили на него. Ему же приписали снятіе золотого и серебрянаго позумента съ лучшихъ ризъ монастырской ризницы.*)

Остальные пункты обвиненія, поставленные слѣдствіемъ, касались главнымъ образомъ, нравственной стороны въ интимной личной жизни бывшего истощателя. Свидѣтели доказывали, что онъ не только часто проводилъ время въ нетрезвости, но за нимъ водились такія дѣла, о которыхъ лучше не вспоминать**).

Кончилось дѣло о воровствѣ школьниковъ Шихова съ товарищи, переданное изъ Томскаго уѣзднаго суда въ Тобольскую палату суда и расправы. И по этому дѣлу П—дій оказался виновнымъ въ томъ, что зная о воровствѣ, покровительствовалъ ворами, хотя бы тѣмъ, что укрывалъ градевое.

Рѣшеніемъ Тобольской д. Консисторіи П—дій сначала былъ запрещенъ въ священнослуженіи, а затѣмъ приговоренъ къ снятію съ него игуменскаго и іеромонашескаго сана***). Послѣдній приговоръ, утвержденный Св. Синодомъ, уже не засталъ въ живыхъ со всѣхъ сторонъ виновнаго глубокоцарствлаго человѣка, представляющаго, судя по всему содержанію дѣлъ о немъ, какую-то психологическую и моральную загадку, даже для Сибири старшихъ лѣтъ. Скончался онъ 22 апр. 1799 г., оставшись должнымъ монасты-

*) Кромѣ потери украшеній изъ жемчуга и „добрыхъ каменьевъ“, снятыхъ съ архимандритской шапки, и дорогого позумента съ ризъ, игумена обвинили въ растратѣ слѣдующихъ монастырскихъ книгъ: 1) Библии изд. 1751 г. 2) Толковаго Воскрес. Евангелія Московской печати 1681 г. 3) Толковаго Евангелія бл. Оеофилакта, Москов. печати 1698 г. 4) Соборникъ Восток. печ. 1665 г. 5) Твореній св. Григорія Назіанзена М. печ. 1656 г. 6) Бесѣды Златоуста на Ев. отъ Іоанна печ. 1665 г. 7) Бесѣды того-же Св. Отца на Дѣли. ав. 1712 г. 8) Бесѣды того-же св. Отца на 14 апостольск. посланій печати 1767 г. 9) П—теріи о Варлаамѣ и Іосифѣ паревичѣ индѣйскомъ 1681 г. 10) Книги Баронія 1719 г. 11) Четь-Миниіи за мартъ мѣ. 12) Твореній св. Кирилла Іерусалим. изд. 1772 г. и др.; — всего 31 №-рь.

Кромѣ того, П—дію вѣнчили въ преступленіе, что онъ отобралъ безъ отдачи изъ Томской Благовѣщенской церкви⁴ евангеліе на престольное старинное, дестеное, обложенное краснымъ ризнымъ верверетомъ⁴ и изъ церкви Спасскаго села (около Томска) евангеліе на престольное дестеное. Оба евангелія слѣдственныя комиссіи отънесли въ 100 руб., по 50 р. каждое. (Въ Благовѣд. церкви взято было еще вещей на 55 руб.)

По монастырскому хозяйству, сверхъ утраты многихъ хозяйственныхъ принадлежностей между прочимъ большого невода), вырубки множества деревь и въ мон. дѣсной дачи, настоятеля, по указанію слѣдствія, продалъ въ свою пользу 6 лошадей и 3 головы крупнаго рогатаго скота. Вся сумма начета на обвин. игумена была слѣдствіемъ выражена въ цифрѣ 2678 руб. 34 коп. — Тетрадь съ перепискою по дѣлу о растр. игум. П. Мон. арх. Св. 12. См. указъ К. и Св. Синода. Дачинау 1799 г. 19 сент. № 2783. Тамъ-же и дѣло объ игум. Пал. въ Томск. Консисторіи.

**) См. дѣло о Палладіѣ и сюда относящіеся документы въ бумагахъ Том. духовн. Прав. за 1799 г. столп. № 6 и въ дѣлахъ Тоб. Консист. хранящ. въ Конс. Томской, за 1799 г. столп. № 158—184.

***) Приговоръ объ игум. Палладіѣ. См. ук. Тоб. Консист. Мон. арх.; св. 9.

рю, за разными уже произведенными изъ его имущества возмѣщеніями 855 руб.*)

Преемникъ Палладія, игум. Даніилъ (Черкасовъ) началъ свою службу пономаремъ въ Красноярскѣ и тамъ же дослужился сначала до сана дьякона, потомъ священника и даже до положенія въ званіи товарища Красноярскаго заказчика. Въ монашество постригли его въ Тобольскомъ Цесарскомъ преподоб. Антонія и Θεодосія соборѣ и послѣ того зачислили въ штатъ іеромонаховъ при Тобольскомъ архіерейскомъ домѣ, откуда онъ и получил почетное назначеніе въ Томскъ**). Вскорѣ сюда-же, въ Томскъ, переѣхали и сыновья его Иванъ и Яковъ Черкасовы. Начальственное служеніе Даніила въ Томскѣ также не прошло безъ злоключеній для него самого. В штатъ своихъ келейниковъ Даніилъ взялъ школьника изъ русской школы Дмитрія Бѣляева и, уличивъ послѣдняго въ недобросовѣстность отношеній къ своей, игуменской, собственности, велѣлъ жестоко вызвать его розгами. Въ отместку Бѣляевъ подалъ на настоятеля извѣстные обычными обвиненіями въ пьянствѣ и другихъ, не свойственныхъ монашеству, поступкахъ. Доносчикъ нашелъ покровительство у враждовавшей тогда съ игуменомъ священника Боговвленской церкви Василія Чемева (замѣчательнаго тѣмъ, что онъ былъ первымъ образованнымъ священникомъ въ Томскѣ) и поддержку на сторонѣ какого-то унтеръ-офицера Карайкова. Послѣдній представляетъ очень любопытное явленіе: онъ считалъ себя призваннымъ путемъ доносовъ искорить злоупотребленія административныхъ новяковъ въ Томскѣ и въ своихъ дописахъ обыкновенно подписывалъ „императорскимъ томскимъ доносителемъ“, но крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ пока за этотъ выдуманый титулъ ему не угрозили.

Опять въ монастырѣ потянулось слѣдствіе, которое на этотъ разъ производили Кузнецкій протоіерей Никита Аримильскій и Ачинскій десятиначальникъ Красноярскаго заказа, свящ. Петръ Токаревъ.***) Обязанный, пока шло слѣдствіе, быть, подобно предшественнику, отрѣшенъ отъ должности заказчика, переданной ему отъ Неводчикова, и даже запрещенъ въ священнослуженіи. За игумена заступились и монастырская братія, и горожане. Въ своемъ одобреніи, очень интересномъ по наивному изображенію разныхъ подробностей въ жизни настоятеля, братія объявила, что Бѣляевъ

*) Дѣло Т. дух. Прав. столп. № 6, 1799. Аналогичное нашему игумену явленіе представляетъ сибирскій-же (Туруханскій) настоятель Анолосъ, о которомъ передалъ г. Львовъ въ статьѣ о Бобринцевѣ-Пушкинѣ. Ист. Вѣст. 1896, авг.

***) Изъ вѣдомостей о монашескихъ за управленіе Даніила. Мон. арх.: св. 9 * 12

***) Среди многочисленныхъ ябедниковъ, которыми изобилуесть Томскъ, этотъ „доносчикъ“ былъ особенно беззастѣнливъ. По его словамъ, полиція слѣдила за его перепискою и торюю онъ отиривалъ почтою. Въ дѣлѣ Бѣляева онъ подалъ доносы въ Синодъ и Томскій хіерей. — Арх. Том. Консист.

†) Пачка дѣлъ 1800—1804 г. безъ описи въ архивѣ Т. Консисторіи.

дать доносъ „по сердцамъ на о. игумена за его отеческое исправленіе.“ *)
 Въ свою очередь граждане писали, что игумень „препровождаетъ житіе
 свое честно и порядочно.“ **) Данииль оправдался и былъ возстановленъ въ
 своемъ прежнемъ достоинствѣ, мучительно переиспытавши непріятныя послѣдств-
 вія доноса въ продолженіе болѣе ***) года. За то послѣ епархіальное начальство
 относилось къ нему очень благосклонно. Это видно изъ нѣкоторыхъ частныхъ
 ѣловыхъ писемъ, посланныхъ ему преосвящ. Антоніемъ. †) Онъ скончался
 въ Томскѣ 6 ноября 1805 г. Послѣ него смотрѣніе за монастыремъ вре-
 менно было поручено Томскому соборному протоіерею *Григорію Стефа-
 новскому*. †*) Исполняя порученіе, Стефановскій оказалъ немалую услугу ду-
 ховенству Томскаго и даже Красноярскаго края своими заботами о преоб-
 разованіи состоявшей при монастырѣ русской школы въ инфартаторію, а
 затѣмъ въ духовную гимназію и дѣятельностію для приличнаго и удобнаго
 помѣщенія гимназій въ монастырскихъ зданіяхъ.

Въ именномъ императора Павла указѣ св. Синоду отъ 18 декабря 1797
 г. въ IV пунктѣ изображено: „по губернскимъ и другимъ знатнѣйшимъ городамъ,
 гдѣ имѣются монастыри III класса, дозволяемъ Синоду, по усмотрѣнію его, для
 благолѣпія церковнаго служенія, вмѣсто игуменовъ, посвящать архимандритовъ
 съ тѣмъ, чтобы оныя на положенныхъ по штатамъ игуменскихъ окла-
 дахъ оставались.“ †***) На этомъ основаніи св. Синодъ, по представленію
 Тобольскаго преосвященнаго Варлаама, разрѣшилъ открыть архимандритію

*) Копія съ одобренія. См. Мон. арх.; Св. 9. 14 янв. 1802 г.

**) Граждане г. Томска дали игум. Даниилу „аттестатъ“ такого содержанія: „Тобольскій
 епархіал. Томска Богородице-Алексѣевскаго монастыря игумень Данииль съ 1797 г. декабря,
 будучи при монастырѣ настоятелемъ, поимѣе житіе препровождаетъ честно и порядочно. Въ
 управленіи монастыря и въ украшеніи церковнаго боголѣпія (sic) и въ иночествѣ—тщательнѣ
 и съ живущими въ городѣ Томскѣ штабъ и оберъ-офицерами и гражданами обходится лас-
 ково и ко всемъ снисходителенъ и, наконецъ, его жизнь составляетъ ничто другое, какъ при-
 жръ добродѣтельнаго, честнаго и заслуживающаго похвалы человека, тѣмъ еще паче, что оны
 во все сіе время замѣченъ какъ въ подгузкахъ, такъ и въ другихъ противностяхъ отнюдь не
 былъ. Словомъ сказать, ведетъ себя соответственно своему имъ званію.“ 1802 янв. 28 дн.
 Подписали: влцъ-майоръ подполковникъ Яковлевъ, коллеж. совѣт. Ив. Синельниковъ, уѣзд.
 стья Дивилевъ, Тарскій (!) уѣзд. судія Камнеровъ, титулярный сен. Текутьскъ, частный
 претанъ Ухтомскій, титул. совѣт. Валгусовъ, городской голова Петръ Шумиловъ, бургомис-
 тринъ Ив. Раевъ, Ив. Завьяловъ, ратманъ: Вороновъ, Софатовъ, Нехорошевъ, куницы: Лошко-
 товъ, Рудковъ, Слворцевъ, Старковъ, Мыльниковъ, Шутовъ, Миягалевъ, Кошамилецъ, го-
 родовоі староста Сорвачевъ и т. д. всего 56 подписей -- Мон арх; св. 12.

***) Оправданіе игумена Даниила и возстановленіе его въ достоинствѣ настоятеля и заказ-
 ный—ук. Кон. отъ 1803, марта 23. Мон арх; св. 9.

†) Впрочемъ благоволеніе со стороны Тобольскаго преосвящ. Варлаама игуменъ Данииль
 имѣлъ и раньше, пока еще не было тяжелаго дѣла, вызваннаго доносомъ Бѣзлева. На обло-
 жѣи, граничащей въ монастырской библиотекѣ, книги: „краткое показаніе о бывшихъ сакъ въ
 Тобольскѣ, такъ и въ прочихъ сибирскихъ городахъ воеводахъ“... значится такая надпись:
 Его Выс. конревсвищенство Варлаамъ, архіепископъ Тобольскій и Сибирскій, въ знакъ своего
 архіепископскаго благоволенія презентовалъ сію книжину краткое показаніе о Сибири Градо-Том-
 ского Богородице-Алексѣевскаго монастыря г. игу. Даниилу 1797 г. де-
 кабра 1 дн.

†*) Указъ о порученіи Стефановскому управлять монастыремъ. Мон арх; св. 8.

†**) Ц. С. З. т. 24, № 18273.

въ монастыряхъ Тобольской епархіи Верхотурскомъ, Тюменскомъ и Енисейскомъ, ибо Верхотурье и Тюмень, сказано въ указѣ, прежде всѣхъ прочихъ городовъ вступили (по завоеваніи Сибири) во всероссійскую державу, а Енисейскъ есть главный городъ Енисейской провинціи. Въ архимандритѣ Верхотурскаго Николаевскаго монастыря осенью 1798 г. былъ представленъ и возведенъ игум. Иосафъ, а Енисейскаго—Спасскаго его игуменъ Никодимъ; „бывшій, прописано въ указѣ о посвященіи, чрезъ 12 лѣтъ учителемъ семинаріи“*) Вскорѣ въ ряду сибирскихъ городовъ повысился и Томскъ, 6 августа 1804 г. послѣ торжественнаго богослуженія съ водосвятнымъ молебномъ въ Богоявленской церкви было провозглашено открытіе Томской губерніи и Томскъ былъ объявленъ губернскимъ городомъ.***) Сообразно съ повышеннымъ положеніемъ города долженъ былъ подняться въ своемъ положеніи и достоинствѣ и Томскій монастырскій настоятель. Онъ долженъ былъ бытъ архимандритомъ. Игуменъ Даниилъ остался, однако, безъ повышенія за тою, несомнѣнно, причиною, „что въ семинаріи не обучался“. Но, послѣ его смерти, преосвященный Амвросій не замедлилъ отнестись Синоду въ томъ смыслѣ, что городъ Томскъ какъ губернской, имѣеть нѣтъ преимуществъ предъ уѣзднымъ Енисейскомъ и потому не будетъ-ли соблаговолено открытъ архимандритію въ Томскѣ, а въ Енисейскѣ по-прежнему оставить игуменство, переведши Енисейскаго архимандрита Никодима на настоятельское мѣсто въ Томскій Алексѣевскій монастырь.***) Устроилось такъ, какъ и представлялъ преосвященный, за тѣмъ исключеніемъ, что архимандритію не былъ лишенъ и Енисейскъ. Но Томску не довелось имѣть у себя высоко-ученаго и вмѣстѣ съ тѣмъ очень благоестнаго архимандрита Никодима. Онъ умеръ въ Енисейскѣ предъ самымъ временемъ отъѣзда на новое служеніе въ губернской городъ. На его мѣсто въ г. Томскѣ получилъ назначеніе, съ возведеніемъ въ архимандрита, игуменъ Туруханскаго монастыря Теофилактъ, имѣвшій въ то время 42 года.†)

Теофилактъ прошелъ полный курсъ въ Тобольской семинаріи и монашество принялъ непосредственно послѣ его окончанія съ оставленіемъ въ архіерейскомъ домѣ сначала іеродіакономъ, потомъ іеромонахомъ. Въ іеромонашескомъ санѣ онъ проходилъ домѣ должность эконома при томъ же архіерейскомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ члена Консисторіи. Нѣкоторое время въ качествѣ строителя управлялъ еще Тобольскимъ Іоанновскимъ монастыремъ. Въ Туруханскъ его послали въ 1799 г., слѣдовательно онъ провелъ на сѣверѣ

*) Ук. Тоб. Конс. отъ 12 окт. 1798 г. Арх. Том. Конс. въ связи дѣлъ Том. д. Правл. за 1798 г.

**) Реестръ входящ. дѣлъ въ Том. д. Правл. за 1804 г. Мон. арх.; св. 7.

***) Копія съ представленія преосвящ. Амвросія въ св. Синодъ отъ 30 ноября 1806 г. Архивъ Том. дух. Консисторіи, дѣла 1806 г.; по описи № 430.

†) Тамъ же. Св. указ. Конс. отъ 28 окт. 1807. Мон. арх.; св. 8.

дурной окраинѣ Сибири почти 7 лѣтъ.^{*)} Въ Томскѣ Теофилактъ явился
 монахъ въ званіи игумена, но съ очень ревнивымъ отношеніемъ къ своему
 высокому среди томскаго духовенства положенію и, на почвѣ этой ревности,
 сразу непріязненно столкнулся съ мѣстнымъ протоіереемъ Стефановскимъ.
 Они пріѣхали въ губернской городъ утромъ въ высокочестивый день 30
 августа 1807 г., когда о. Стефановскій соборѣ служилъ литургію въ Богоявлен-
 скомъ храмѣ.^{**)} Игумень посѣщилъ прибыть сюда и сейчасъ же приказалъ,
 чтобы приготовили все для его первенства на предстоящемъ служеніи моле-
 бенъ и чтобы Богоявленскій діаконъ снялъ свой лучшій стихарь и передалъ
 его пріѣхавшему съ нимъ, игуменомъ, іеродіакону Пансофію, такъ какъ на
 молебнѣ среди діаконовъ, по его же игуменскому распоряженію, долженъ былъ
 первенствовать этотъ послѣдній.^{***)} Такъ рѣзко подчеркнутое желаніе дать
 первенство прибытію перваго въ мѣстномъ духовенствѣ лица непріятно по-
 дѣйствовало на всѣхъ собравшихся къ молебну городскихъ священно-служи-
 телей. На слѣдующій день Теофилактъ послалъ наказъ Стефановскому, чтобы
 немедленно явился въ монастырь для сдачи монастырскаго имущества. Пове-
 дительный тонъ оскорбилъ вліятельнаго въ Томскѣ и уже привыкшаго здѣсь
 къ первенству протоіерея. Онъ пришелъ въ монастырь только на другой день,
 за что получилъ выговоръ, выраженный начальственно, свысока. При такой
 сразу установившейся натянутости въ отношеніяхъ сдача имущества не могла
 пройти гладко.

Достаточно поворчали и даже покричали другъ на друга оба: сдававшій
 и принимавшій.^{†)} А когда Стефановскій затѣмъ позволилъ себѣ назвать
 Теофилакту въ официальной бумагѣ только „настоятелемъ, а не игуменомъ“,
 что, по мнѣнію игумена, означало „презрѣніе и неуваженіе къ установленной
 власти“, оскорбленный рѣшилъ жаловаться на непочтительность и униженіе
 епархіальному начальству. Отправилъ жалобу и Стефановскій, прося удержать
 игумена „отъ привязчивыхъ дѣйствій“ и кетати ужъ сообщилъ, что игумень
 почему-то запретилъ произносить на эктениахъ прошенія о побѣдѣ.^{‡)} Въ
 Консепторіи не могли не обратить вниманія на ничтожество въ поводахъ для
 возникшихъ дразгъ и прислали указъ, гдѣ было прописано: „взаимныя ссоры
 игумена Теофилакту и протоіерея Стефановскаго, происшедшія примѣтнымъ

*) Вѣдом. о монашествующихъ за 1807 г. Мюн. арх.: св. 8.

***) Нужно замѣтить, что Богоявленская церковь въ то время замѣнила соборную, Томскій
 Троицкій соборъ къ началу XIX в. почти развалился.

***) Столбъ дѣлъ за 1807 г. арх. Том. Конс.—Дѣло о ссорахъ между игуменомъ Теофилак-
 томъ и протоіер. Гр. Стефановскимъ, по описи № 442.

†) Впрочемъ, вину окриковъ при сдачѣ Теофилактъ въ донесеніи возлагалъ только на
 Стефановскаго. Рапортъ игум. Теофилакту отъ 30 окт. 1807 г. Мюн. арх.: св. 8.

‡) Не забудемъ, что дѣло происходило во время Наполеоновскихъ войнъ.—Дѣло о ссорахъ
 между Том. игум. Теофилактомъ и протоіер. Григоріемъ Стефановскимъ. Архивъ Том. Конс.,
 № 442.

образомъ отъ предубѣжденія перваго, якобы послѣдній не уважаетъ власти его, *чего однакожь нельзя замѣтить*, хотя не могутъ быть по своей малости приняты въ законное разсмотрѣніе и сужденіе, но могутъ имѣть вредное вліяніе на ихъ служеніе въ дѣлахъ общественныхъ, когда продолжатся. Для того внушить имъ обоимъ съ подлинскою — сколько постыдно имъ по партикулярнымъ ссорамъ и при томъ малозначущимъ наносить явный вредъ государственной службѣ и крайне предосудительный примѣръ отъ *первопочетныхъ* губернскомъ городѣ *чиновниковъ*, имѣющихъ вліяніе поступками своими на другихъ. По внушеніи сего, предписать, чтобы непременно съ полученіемъ указовъ должны примириться между собою похристіански подъ опасеніемъ за противное запрещенія упрямаго въ священнослуженіи, ибо тотъ и другіе должны содержать всегда въ твердой памяти оное Христово слово: *еще не манеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту дарь твою и проч.* О чемъ и послать имъ обоимъ указы, при чемъ протоіерей Стефановскому дать замѣтить, что онъ, сколько бы ни былъ занятъ своими должностями, не долженъ отказываться отъ личной сдачи игумену за монастырскаго имущества съ денежными суммами.“ *) И должны были „первопочетные чиновники“ губернскаго города дать другъ другу подлински, что ссориться между собою больше не будутъ. А что сердца у обоихъ не улеглись и послѣ того, видно изъ рапорта Теофилакта отъ 30 октября, въ которомъ писалъ: такъ какъ Стефановскій усмотрѣн мною во многомъ *ложнымъ* доносителемъ, то присылаемая имъ обо мнѣ бумаги безъ личнаго *его* объясненія „не почитать дѣйствительными.“ **).

Личныя объясненія предъ консисторіей игуменомъ были обѣщаны потому, что ему предстояло путешествіе въ Tobольскъ для принятія посвященія въ архимандричій санъ. Посвященіе состоялось 6 декабря 1807 г. и въ указѣ, данномъ новоприсяженному, было обозначено, что „во уваженіе состоянія Богородице-Алексѣевскаго монастыря въ губерскомъ городѣ“ его настоятелемъ — архимандритамъ *позволяется имѣть мантію камлотовую съ зелеными бархатными скрѣпками****). Вскорѣ затѣмъ томскій архимандритъ былъ назначенъ первоприсутствующимъ въ духовномъ Правленіи и благочиннымъ надъ монастырями Енисейскимъ и Туруханскимъ. Кроме того, ему, какъ начальнику только лишь открытой томской духовной гимназій, былъ присвоенъ титулъ *гимназіи* Протоіерей Стефановскій, низведенный по духовному Правленію въ званіи второприсутствующаго, очутился отселѣ въ подчиненномъ къ о. архимандриту отношеніи и, конечно, долженъ былъ советемъ смириться предъ нимъ и

*) Указъ конс. игум. Теофилакту отъ 21 октября 1807 г. Мон. арх.; св. 8.

***) Рапортъ 30 окт. 1807 г. Мон. арх.; св. 8. См. указан. выше дѣло о ссорахъ въ арх. Том. №

***) Ук. Конс. 28 декабря 1807 г. Мон. арх.; св. 8.

утихнуть^{*)}, тѣмъ больше еще, что архимандритъ успѣлъ быстро подружиться съ первымъ томскимъ губернаторомъ Вас. Семен. Хвостовымъ.

Въ ежегодно представляемыхъ консисторіи спискахъ братіи Алексѣевского монастыря Теофилактъ, начиная съ 1808 г., всегда прописывалъ о себѣ: „Томскій монастырь, къ сожалѣнію, нашедъ въ великомъ опустошеніи и развалинахъ, наконецъ, возстановилъ и привелъ въ порядокъ. Церковь каменную недоконченную совершилъ и, сверхъ того, соорудилъ каменную колокольню, — также построилъ настоятельскія деревянныя съ монашескимъ жильемъ кельи и соорудилъ по монастырю другія постройки и исправленія“^{**)} Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ здѣсь заслугъ нужно понимать нѣсколько гиперболически.

Велѣдъ за Теофилактомъ, по указу св. Синода отъ 19 августа 1818 г., настоятелемъ Томскаго монастыря былъ опредѣленъ архиманд. Верхотурскаго монастыря *Иеронимъ* Кирилловъ.^{***)} Почему изъ лучшаго Верхотурскаго онъ переведенъ былъ въ худшій Томскій монастырь, бѣдность котораго неоднократно указывалъ съ особеннымъ подчеркиваніемъ — намъ неизвѣстно. Но извѣстно, что положеніе его въ Пермской епархіи, которой въ то время принадлежалъ Верхотурскій монастырь, было очень высокое. Въ своей Верхотурской обители онъ проживалъ только временами, наѣздами, предоставляя ближайшее завѣдываніе ею своимъ намѣстникамъ. Самъ-же Иеронимъ постоянно находился въ Перми, гдѣ одновременно проходилъ должности члена консисторіи и префекта семинаріи.^{****)} А служеніе въ Томскѣ было для него чуть не силовымъ огорченіемъ. Выдающимся событіемъ за время его томскаго настоятельства было преобразование въ 1820 г. существовавшей при монастырѣ гимназіи въ духовное училище съ присоединеніемъ къ нему приходскаго класса, послѣ чего архимандритъ Иеронимъ получилъ достоинство ректора Томскихъ духовныхъ училищъ съ особымъ окладомъ жалованія по этой должности. По его кончинѣ (22 іюня 1829 г.) и послѣ краткаго правленія въ монастырѣ казначей его, священника *Мамина*, въ Томскѣ, на монастырскій начальственный постъ былъ посланъ архимандритъ *Іоанникій* Агишевъ.

Іоанникій далеко уступалъ въ образованіи своимъ ближайшимъ предшественникамъ, такъ какъ обучался въ семинаріи только до грамматическаго класса, (т. е. почти вовсе не учился), но привлекъ къ себѣ большое вниманіе начальства особою дѣловитостію въ практическомъ, хозяйственномъ направленіи.

*) Распоряженіе о бытіи архим. Теофилакту первоприсутствующимъ въ Том. духов. Правленіи и благочиннымъ надъ монастырями Енисейскимъ и Туруханскимъ см. въ указѣ консе. архим. Теофилакту отъ 13 янв. 1808 г. Мон. арх. Св. 13.

**) Вѣдом. о монашествующихъ за 1808 г. Мон. арх.; св. 13.

***) Указъ св. Синода архим. Иерониму отъ 19 авг. 1818 г. Мон. арх. св. 9.

****) Это видно изъ нѣсколькихъ бумагъ Верхотур. монастыря, очутившихся въ архивѣ Том. монастыря и, очевидно, завезенныхъ сюда архим. Иеронимомъ. Мон. арх.; св. 9.

Въ вѣдомостяхъ о братіи Алексѣевскаго монастыря за начало 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія Іоанникій писалъ о себѣ: „до постриженія въ монашество находился въ Тюменскомъ Троицкомъ и Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ въ разныхъ послушаніяхъ, за усердное прохожденіе оныхъ, по постриженіи произведенъ въ 1813 году въ игумена съ назначеніемъ въ Кондинскій Троицкій монастырь; 1 апрѣля 1818 г. переведенъ на настоятельское-же мѣсто въ монастырь Абалакскій, а въ 1819 г. вызванъ былъ въ Тобольскъ для присутствія въ Консисторіи. Посвященъ въ архимандриты 7 декабря 1829 г. Въ то время, когда онъ прибылъ въ Томскъ, ему было уже 68 лѣтъ. Несмотря однако на такой преклонный возрастъ, въ своихъ заботахъ о приведеніи Томскаго монастыря въ лучшей видъ и болѣе приличное состояніе Іоанникій обнаружилъ огромную энергію. Изъ предпринятыхъ и совершенныхъ имъ построекъ самой крупной было возведеніе вокругъ обители каменной ограды на протяженіи 357 сажень. При соблюденіи самой строжайшей экономіи эта огромная постройка стоила 15324 руб. Ихъ собралъ архимандритъ съ большими усиліями, главнымъ образомъ, путемъ воззваній къ жертвователямъ разныхъ мѣстъ Сибири, включивъ сюда и жертву изъ личныхъ средствъ въ 500 руб. Изъ своихъ же личныхъ средствъ онъ удѣлялъ монастырю и не разъ и потомъ деньгами и вещами особенно въ то время, когда съ открытіемъ Томской епархіи (въ 1834 г.) при монастырѣ устраивался архіерейскій домъ. Его хлопоты и возвратъ въ монастырь отобранныхъ у него старинныхъ угодій мы уже видѣли. Добрая дѣятельность не осталась безъ признательности со стороны архимонастырей и высшей власти. Тобольскій архіепископъ Евгений Казанцевъ два раза выразилъ ему благодарность со внесеніемъ въ формуляръ въ обоихъ случаяхъ; по его же представленію старецъ—архимандритъ получилъ золотой наперстный крестъ изъ кабинета Его Величества. Глубокую архимонастырскую признательность объявилъ ему и первый томскій епископъ Агапитъ причемъ о его пожертвованіяхъ приказалъ записать „во всегдашней синодикѣ томскаго архіер. дома***). Вообще въ личности архимандрита Іоанникія встрѣчаемъ весьма почтеннаго дѣятеля, отличавшагося высокими качествами и въ своемъ нравственномъ характерѣ. Упомянутый преосвященный Евгений находился съ Іоанникіемъ въ перепискѣ долго и послѣ того, какъ оставилъ Тобольскую епархію для служенія въ Ярославль. Намъ удалось прочитать одну

*) См. напр. вѣдомость за 1834 г. Мон. арх. Св. 9.

**) На представленіи Том. Консисторіи о пожертвованіяхъ архим. Іоанникія преосвященный Агапитъ написалъ: „за пожертвованныя деньги на покрытіе монастыр. ограды, за лампады и свѣчки (для архіер. церквей), а равно за пожертвованныя на домъ нашъ 600 руб. объявилъ о. архимандриту особенную благодарность со внесеніемъ въ формуляръ и дать знать нашей канцеларіи эконому для внесенія имени о. архим. во всегдашней синодикѣ.“ Ук. Том. Консист. отъ 23 ноября 1835 г. Мон. арх.; св. 9.

и этих ишемъ преосвященнаго, посланное Иоанникію въ отвѣтъ на праздничное обращение, изъ него видно — съ какимъ уваженіемъ и задушевною отноше- ніемъ къ скромному томскому настоятелю знаменитый іерархъ. За болѣзнен- ностію и старостію Иоанникій въ 1836 г. удаленъ на покой и для дожи- тия своего вѣка остался въ томъ-же томскомъ монастырѣ*) При увольненіи съ Синода опредѣлилъ выдавать ему пенсію въ 100 руб. въ годъ**). Къ со- слѣдствію, послѣдующее монастырское начальство не обнаружило особенной заботливости ухаживать за уволеннымъ престарѣлымъ настоятелемъ. Въ 1839 г. старецъ въ частной бесѣдѣ съ преосвящ. Агапитомъ проговорился, что изъ-за изыабъ въ отведенной ему холодной и сырой монастырской ке- лѣ, и епископъ вынужденъ былъ распорядиться самъ, чтобы перевели ар- химандрита въ лучшее, теплое и сухое помѣщеніе. Скончался онъ 9 января 1841 года.

По увольненіи архимандрита Иоанникія въ отставку, его положеніе въ Томской обители занялъ архим. *Амфилохій*, происходившій изъ Тамбовской епархіи, гдѣ, по окончаніи семинаріи, былъ учителемъ дух. училища въ Ли- повкѣ, а потомъ инспекторомъ въ училищахъ Лебедянскомъ и Тамбовскомъ***). Въ Томскѣ, кромѣ монастырскаго настоятельства, Амфилохій занялъ смот- рительскую должность въ томскомъ духовномъ училищѣ и первое мѣсто въ присутствіи духовной консисторіи. Помѣщеніе въ соосѣдствѣ съ монасты- ромъ и въ монастырской оградѣ томскаго архіерейскаго дома не нравилось Амфилохію. Онъ находилъ его стѣснительнымъ для своей обители. Это об- стоятельство, а затѣмъ вообще соображенія о большихъ для монастыря удобствахъ въ уединенномъ расположеніи за городомъ породили у Амфило- хія благое намѣреніе перенести ввѣренную ему обитель на другое, вѣроятно, старое киргизское мѣсто**) съ уступкою всякихъ существовавшихъ монасты- рскихъ зданій и построекъ для жительства томскихъ архіереевъ съ ихъ семействомъ. Съ этою цѣлью онъ началъ было хлопотать объ отпускѣ изъ казен- нато Иштанскаго бору 10.000 бревенъ, но, какъ мы замѣтили, получилъ полный отказъ. Больше объ Амфилохіи мы ничего не знаемъ, кромѣ развѣ того, что онъ былъ въ большихъ неладахъ съ томскимъ еписк. Агапитомъ, хотѣлъ даже жаловаться на архіерея и, кажется, дѣйствительно жаловался въ Синодъ. Непріятности съ преосвященнымъ, вѣроятно, и побудили его пере- простишься на службу снова въ Европ. Россію. 30 іюня 1839 г. онъ былъ

*) Рапортъ архим. Иоанникія 1835 г. Мон. арх.: св. 9.

***) Указъ Св. Синода, 1836 г. Мон. арх.: св. 16.

***) Архим. Амфилохій прибылъ въ Томскъ, привезши съ собою семинариста Ст. Лав- ринца, который былъ потомъ начальникомъ Алтайской миссіи.

****) Объ этомъ намѣреніи онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ въ Казан- скую Палату.

переведенъ настоятелемъ въ Краснохолмскій Антоніевъ монастырь Тверско-епархіи. Сравнительно недавнее настоятельство слѣдующаго Томскаго архимандрита *Виктора* Лебедева (съ 1839 по 1883 г.) уже не входитъ въ задачу настоящаго труда.

3.

Большая недостаѣа монашествующихъ по всемъ монастырямъ русской церкви, какъ послѣствие запретительныхъ указовъ о постриженіяхъ.—Какое количество недостаѣало монаховъ до ихъ штатной численности, узаконенной имп. Екатериной II-й.—Недочеты въ братіи Сибирскихъ монастырямъ и въ частности монастырѣ Томскомъ Алексѣевскомъ.—Усилія епархіальной власти пополнить недостаѣи братіи въ Алексѣевскомъ монастырѣ прежнею мѣрой посланки въ обитель вдовихъ священно-церковно-служителей.—Невозможность широкаго армяненія этой мѣры вслѣдствіе настоянной нужды по Тобольской епархіи въ приходскомъ духовенствѣ.—Какіе изъ вдовихъ священниковъ и діаконовъ посланы въ нашъ монастырь.—Отсутствіе у нихъ склонности къ прилітію иноческаго постриженія.—Рѣдкіе случаи заѣздовъ на опредѣленіе въ томское монастырское братство со стороны сибирскихъ мѣстей.—Неудача почти всѣхъ попытокъ въ этомъ родѣ.—Обиѣи въ монастырѣ подначальныхъ изъ штрафованныхъ священно-церковно-служителей.—Примѣры ихъ бѣдственнаго зѣлоложенія.—Евангелисты.—Монастырскіе заточники изъ дворянъ-преступниковъ.

Послѣдствіемъ стѣснительныхъ мѣръ касательно постриженія въ монастырь, принятыхъ правительствомъ до времени воцаренія Екатерины II, являлось то, что когда въ 1764 г. вышли монастырскіе штаты съ указаніемъ о количествѣ братіи для каждой обители, во всей русской церкви монаховъ не доставало до штатной нормы 544 человекъ. И это не смотря на то что теперь уже изъ прежнихъ 954 велико-російскихъ православ. монастырей осталось на лицо только 385. Велико было общее оскудѣніе въ монашествующей братіи и по всемъ Сибирскимъ монастырямъ. Въ частности въ монастыряхъ Тобольской епархіи составъ монашествующихъ не доходилъ до узаконеннаго числа на 43 человекъ, въ Иркутской—на 34 человекъ. Указомъ изъ св. Синода отъ 13 ноября 1769 г. недостатокъ иноковъ по Тобольской епархіи велѣно было восполнить переводомъ нѣсколькихъ монашествующихъ, оставшихся за штатомъ (вслѣдствіе закрытія нѣкоторыхъ монастырей) въ епархіяхъ Казанской и Вятской. Именно, изъ Казанской епархіи велѣно было перевести 1 іеромонаха и Вятской 4-хъ іеромонаховъ и 1 іеродіаконъ*). Восполненіе большого оскудѣнія такимъ ничтожнымъ количествомъ переведенныхъ осталось почти незамѣтнымъ. Въ нашей Томской обители за 1766 г. братія, съ архимандритомъ Θεодосіемъ во главѣ состояла только изъ 6 человекъ***),—значить, въ ней недостаѣало до штатной цифры ровно столько-же лицъ. Но гдѣ ихъ было взять? Недостатокъ въ братіи ощущался по монастырямъ всей епархіи и нѣкоторые изъ нихъ

*) См. копію съ указа Св. Синода отъ 13 ноябр. 1769 г. съ реестромъ распредѣленія сверхштатныхъ монаховъ по разнымъ епархіямъ. Мон. арх.: св. 12.

**) Братія въ 1766 г. состояла изъ архим. Θεодосія, казначей іером. Герасима, рядовыхъ іеромонаховъ: Іоны, Іезекіила, Михаила, іеродіаконъ Веніамина. Мон. арх.: св. 12.

чтобы какъ нибудь заполнить штатную норму въ братской численности, записывали на мѣста монашествующихъ священниковъ и діаконовъ, остававшихся въ міру и даже женатыхъ, — лишь бы только не пропало казенное жалованіе, ассигнованное на каждаго брата*). Небольшое приращеніе въ количествѣ штатныхъ жильцовъ Алексѣевскаго монастыря произошло только въ 1768 г., когда открылась возможность перевѣстить сюда изъ Кондинскаго монастыря іеромонаха Гассона и изъ Tobол. архіер. дома іеродіак. Вассіана**). Но за смертію іерод. Вениміанина, произошла убыль, такъ что къ 1770 г. въ монастырѣ братія вмѣстѣ съ настоятелемъ все-таки состояло только 7 человѣкъ***). Въ 1770 году Томскій игумень Нафанаилъ прослышалъ, что въ Троицкомъ Рафайловомъ монастырѣ остались за штатомъ іеромонахи Θεодосій и Митрофанъ, и сталъ усиленно просить епархіальное начальство, чтобы, не отсылало ихъ никуда, кромѣ Томска. Просьба была сначала уважена, †) но вскорѣ рѣшеніе измѣнилось: Рафайловскіе іеромонахи потребовались для какого-то другого монастыря †*) Вмѣсто нихъ были присланы двое изъ другихъ монастырей, именно: отставленный отъ должности Кузнецкій игумень Адріанъ и Далматовскій іеродіаконъ Тимофей. Хотя изрѣдка, присылки въ нашъ монастырь монашествующихъ изъ другихъ обителей бывали и потомъ (іеромонахи: Варнава, Алимпій, Антоній и др.). Въ 1774 и 1775 г. консисторія нашла нужнымъ опредѣлить въ штатное число братія Алексѣевскаго монастыря нигдѣ необученныхъ и въ причтѣ церковный неспособныхъ поновскихъ сыновей Николая Мухина и Алексѣя Попова.*) Но кѣмъ въ особенности комплектовался штатный составъ монастырскихъ насельниковъ какъ въ Томскомъ, такъ и др. монастыряхъ Tobольской епархіи, — это были, по прежнему обычаю, отсылаемые за монастырскія стѣны вдовы священно-церковно-служители. Въ 1773 г. консисторія усмотрѣла, что свящ. с. Сласскаго (около Томска) Шиховъ устарѣлъ для приходской дѣятельности, и поэтому предписала отправить его для служенія въ Томскій монастырь. ††) Менѣе чѣмъ черезъ два года игумень Нафанаилъ донесъ, что въ его монастырѣ іеромонаховъ имѣется только двое: Іезекіиль и Алимпій, да и тѣ за старостію „богослуженіе исправляютъ съ немалою трудностію.“ А минуваго 1774 г., продол-

*) Это злоупотребленіе было остановлено указомъ Tob. Конс. отъ 16 іюня 1780 г. Мон. арх.; св. 2.

***) Указы Tob. Кон. отъ 28 января и 23 февр. 1768 г. Мон. арх.; св. 11.

***) См. свисокъ мон. братіи за 1770 г. Мон. арх.; св. 12

†) Указъ Tob. Кон. игум. Нафанаилу отъ 9 февр. 1770 г. Мон. арх.; св. 12

†*) Заключася объ измѣненіи рѣшенія консисторіи на томъ основаніи, что въ послѣдующихъ свискахъ монастыр. братіи — іером. Θεодосія и Митрофана не встрѣчается.

†**) См. указы Tob. Кон. отъ 13 полб. 1774 г. 30 полб. 1775 г. Мон. арх.; св. 12.

††) Указъ Tob. Конс. отъ 27 апр. 1773 г. Арх. Том. Конс.; св. указовъ за 1770-ые годы.

жалъ игумень, священникъ томской Духовской церкви Силинъ объявилъ въ Духов. Правленіи, что при той церкви кромѣ него, Силина, состоитъ еще второй священникъ Гавріилъ Пушкаревъ—вдовый, имѣющій сына дядю и дочь невесту, между тѣмъ св.-Духовской приходъ вообще не богатъ, а за недавнимъ пожаромъ въ Томскѣ сдѣлался еще бѣднѣе и двоимъ священникамъ содержаться въ немъ стало трудно. Изложивъ заявленіе Силина, Нафанаилъ просилъ: нельзя ли было бы Пушкарева, какъ излишняго при означенной церкви, послать въ монастырь, порученный его игуменскому управленію. Въ консисторіи, опредѣлили: послать, но, впрочемъ, съ оговоркою: „если Пушкаревъ согласится.“*) Пушкаревъ не согласился и перепросился въ сельскій Мелецкій приходъ. Но оговорки начальства въ сейчасъ указанномъ смыслѣ бывали далеко не всегда. Безъ сомнѣнія, безъ всякаго стесненія о желаніи или нежеланіи жить въ монастырь въ 1776 году былъ посланъ въ братство Алексѣевской обители вдовцы священники изъ Дмитровскаго приказа Петръ Лебедевъ, Андрей Агѣевъ, Петръ Кондратьевъ,†) въ 1777 году изъ Наринскаго десятиначальства Стефанъ Ташыревъ**), и тѣмъ болѣе, изъ Тарскаго приказа Герасимъ Першукъ †). Въ 1781 г., въ отвѣтъ на донесеніе игумена Иннокентія о большой недостаткѣ въ братіи обители, въ Тобольскѣ опредѣлили взять въ Томскій монастырь вдовыхъ и имѣющихъ семейства священниковъ Томскаго приказа: села Иктаринскаго Михаила Мухина, села Крохалева Симеона Малахова, с. Яйскаго Ивана Кинева и Мелецкаго острога Гавріила Пушкарева. †**) Такимъ образомъ Пушкаревъ, прежде не согласившійся въ обитель и ушедшій въ Мелецкій приходъ, теперь долженъ былъ идти въ нее безотговорочно. Вскорѣ съ нимъ же должны были явиться изъ Тарскаго приказа свящ. Григорій Кустовъ Евсейскій діаконъ Борисъ Караульчиковъ †***) и священникъ изъ Барнаульскаго вѣдомства Иванъ Хмилевъ †****) Но въ 1785 г. братія въ вѣдомствѣ монастыря снова состояла только изъ 8 человекъ, включая сюда и настоятеля, и опять потянулись игуменскія жалобы на оскудѣніе въ монастырскихъ жильцахъ, повлекшія за собою обычныя новыя присылки вдовыхъ священно-церковно-служителей. При игум. Палладіѣ были, наприм., опредѣлены въ М.

*) Указъ Тоб. Конс. 1775 г. 16 янв. Арх. Том. Конс.; ссылка ук. за 1770-ые годы.

**) Указы Тоб. Конс. игум. Филомену отъ 1776 г. февр. 23, мая 20 и июня 5. Мом. арх. св. 12.

Братія Алексѣевскаго монастыря къ началу 1777 года состояла изъ игумена Филомена, казначея іером. Варлаамъ; іеромов. Іезекииля, іеродіак. Вассіана, вдовыхъ священ. Петра Лебедева, Андрея Агеева, клішника Николая Мухина, чашника Алексія Новикова. Священникъ Кондратьевъ къ тому времени еще не явился въ монастырь.

***) Указъ Конс. 24 авг. 1777 г. Мом. арх.; св. 12.

†) Ук. Конс. отъ 3 нояб. 1777 г. тамъ-же.

†**) Ук. Тоб. Конс. игум. Иннокентію отъ 12 июня 1781 г. Мом. арх.; св. 12.

†***) Ук. Тоб. Кон. 24 авг. 1781 г.; тамъ-же

†****) Ук. Конс. 5 ноября 1781 г.; тамъ-же

Монастырскій штатъ изъ Томскаго заказа діаконъ Яковъ Курбаковскій, свящ. Іере-
 хъ Майковъ, Андрей Поликарповъ, изъ другихъ заказовъ епархіи: дья-
 конъ Степанъ Бардаковъ, священники Иванъ Ланинъ, Иванъ Холщевниковъ,
 и дьячекъ Тимофей Боровскихъ.*) Замячательно прошеніе Курбаковского,
 избранное преосвященному Варлааму въ 1791 году. Въ немъ діак. пи-
 шеть, что въ февралѣ этого года игум. Палладій взялъ его въ монастырь отъ
 приходской церкви Чаусскаго острога безъ всякаго разрѣшенія со стороны
 консисторіи и „ниги“, находясь въ монастырѣ у неправоустройства службы, онъ,
 иже, остается безъ всякаго жалованія и безъ всякаго себѣ пропи-
 танія, отчего съ сиротствующими своими тремя дочерьми, изъ коихъ одна
 удивная, претерпѣваетъ крайнее изнуреніе и голодь, такъ что не имѣетъ
 и теплой нищи и одеждою весьма обносился.“ Курбаковскій молилъ вы-
 брести его изъ монастыря и дать ему мѣсто при какой-нибудь изъ Томскихъ
 городскихъ церквей. Игумень, дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ, какъ заказ-
 чикъ, очевидно, поступилъ съ дьякономъ самовольно, превысивъ свою
 власть, тѣмъ не менѣе консисторія подтвердила ему, діакону, оставаться
 въ монастырѣ „въ надеждѣ монашества“, такъ какъ кромѣ него неправоустройство
 діаконское служеніе здѣсь было некому, при чемъ побѣждала, что жало-
 ваніе впередъ онъ будетъ получать по іеродіаконской вакансіи.***) Повторялись
 предѣлки вдовствующихъ въ Томскую обитель и въ бытность игумена Данила.
 Таѣ, въ самомъ концѣ XVIII и самомъ началѣ XIX в. сюда были
 посланы священникъ Томской Благовѣщенской церкви Алексѣй Григорьевъ,***)
 діаконъ Дуленовъ, Нифантьевъ и свящ. Ст. Шалабановъ****). Не смотря на
 то игумень Данилъ въ 1802 г. доносилъ преосвященному, что въ Томскомъ
 монастырѣ „по маломѣрности братіи въ исправленіе монастырскихъ послуша-
 ній настоятъ не малая нужда“†), и въслѣдствіе сего не замедлили послѣдо-
 вать распоряженія, чтобы отпавились для поступленія въ томскій мона-
 стырскій штатъ изъ разныхъ заказовъ діаконъ Енифаній Дерябинъ, свящ.
 Иванъ Серебренниковъ, Петръ Бѣльскій и Василій Ковригинъ. Последнему
 дана была отсрочка для явки къ мѣсту своего назначенія чрезъ два мѣсяца
 и тѣмъ, чтобы „имѣлъ время выдать въ замужество взрослую дочь“†*). Вооб-
 ще Тобольскій преосвящ. Варлаамъ очень любилъ посылать въ монастыри

*) Указы Конс. 12, 18 декабря 1792 г., 3 Авг. 1793, 3 июля 1794 г. Мон. арх. св. 7. Озвѣдленіе Холщевникова видно изъ дѣла объ игум. Палладіѣ.

**) Указы Тоб. Конс. отъ 18 декабря 1792 г. и 7 апр. 1793 г. Мон. арх. св. 7.

***) Ук. Конс. отъ 20 Янв. 1798 г. Мон. арх.; св. 7.

****) Ук. Конс. 12 Сент. 1799 г. Мон. арх.; св. 9. Дѣла Том. Д. Пр. за 1800 г. Арх. Том. Конс.

†) Ук. Конс. отъ 23 Іюня 1802 г. Мон. арх. св. 9. — Въ іюні 1802 г., братія Алекс. состояла изъ игумен. Данила, казнач. свящ. Шалабанова, вдов. свящ. Мухина, Лани-
 на, Майкова, діаконъ: Бардакова, Курбаковскаго, Нифантьева и дьячка Боровскихъ.

†*) Указы Конс. 3 и 23 іюня 1802 г., 18 Окт. 1805 г. Мон. арх.; св. 8 и 9.

вдовыхъ священниковъ и діаконовъ. Въ одной изъ прочитанныхъ нами еп. резолюцій онъ замѣтилъ: „вдовому среди мірекихъ жить соблазнительно.“

Преемники архіепископа Варлаама всецѣло также не отказывались отъ мѣры пополненія братіи въ монастыряхъ вдовствующими, но всетаки прѣмѣняли ее въ значительно меньшей широтѣ. Это было отрадно для вдовцовъ, но невыгодно для монастырей, гдѣ недотчеты въ штатномъ числѣ жильцевъ выступаютъ еще ощутительнѣе. Въ 1807 г., управлявшій Томскимъ монастыремъ протоіерей Стефановскій, изъявляя нужду въ служащихъ въ томъ же монастырѣ священникахъ, просилъ о разрѣшеніи священнослуженія находящемуся въ монастырскихъ трудахъ штрафованному и запрещенному свящ. Михаилу Милованову. По самой крайней монастырской нуждѣ во священникахъ разрѣшеніе было дано.*). Кроме того, о. Стефановскій нехлопоталъ, чтобы постоянно пустующія монашескія ваканціи были зачислены, съ полученіемъ штатнаго жалованія, учитель русскаго училища и нѣсколько бѣднѣйшихъ учениковъ этого училища.**). Въ 1809 г. на сильную жалобу архим. Ѳеодилакта, тождественную съ той, какую недавно посылалъ Стефановскій, т. е. что въ монастырѣ служить некому, что если въ братіи и имѣется нѣсколько священнослужителей, то они или слишкомъ стары, или въ служеніи не надежны, консисторія распорядилась присылкою въ Алексѣев. монастырь іеродіакона изъ Абалаккаго монастыря Памисія, и затѣмъ одного діакона, долго жившаго въ Турханскомъ монастырѣ.***). Выразительно, что на этотъ разъ вдовцы, бывшіе въ приходахъ, остались не затронуты. Нѣсколько случаевъ отсылки въ монастырь вдовцовъ мы встрѣчаемъ только послѣ 1815 г. Къ началу 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія оскуднѣніе въ Томской монастырской братіи дошло до того, что архим. Іеронимъ вынужденъ былъ представить епархіальной власти такую картину:— „По смерти казначея іеромонаха Виталія прошло уже около году времени, какъ при Алексѣевскомъ монастырѣ не найдется ни одного мѣстнаго іероя, а посылаются по резолюціямъ Бѣлаго Высокопреосвященства изъ разныхъ вѣдомствъ подеудимые священники для отправления въ ономъ священнослуженія, которые потомъ опять отираются къ своимъ мѣстамъ. Оттого весьма нерѣдко происходитъ остановка въ церковной службѣ, да и замѣшательство въ хозяйственныхъ дѣлахъ†). Этимъ описаніемъ Іеронимъ просилъ объ опредѣленіи въ обители

*) Указъ Конс. отъ 14 Марта 1807 г. Мон. арх.; св. 8.

***) Въ число братіи 1807 г. входили: свящ. Вас. Ковригинъ, вдов. свящ. Іеремія Милова, Петръ Бѣльскій, вдовыя діаконы: Курбаковскій, Дерябинъ, Нифантъевъ, дьячекъ Бордовскій, учитель Яковъ Черкасовъ, и ученики Дерябинъ, Гармаковъ.

***) Мон. арх.,— дѣла за 1810—1813 г. св. 13. Имя Турух. діакона мы не разобрали.

†) Рапортъ архим. Іеронима. Арх. Том. Кон., по описи № 774. Братія въ 1820 г. состояла изъ самаго архим. Іеронима, казнач. іером. Виталія и только. Въ слѣд. году къ ней былъ причисленъ еще запрещ. свящ. Петръ Знаменскій. Изъ вѣдом. о казен. жалованіи. М. арх.; св. 14.

на должность казначея, вдоваго священника изъ села Уртамскаго Алексея Пудовикова*). Но Пудовиковъ въ монастырь, кажется, не попустилъ. Въ 1826 г. тотъ-же архимандритъ еще разъ ходатайствовалъ о посылкѣ въ братство его обители священниковъ Томской Благовѣщенской церкви Большинина и с. Оашинскаго Веніамина Ушакова. Консисторія, ничего не имѣя противъ представленія томскаго о. архимандрита, предписала, чтобы *предождалъ* означенныхъ кандидатовъ „основать свое жительство въ монастырь.“ Иѣсколько иначе отнесся къ дѣлу архіеписк. Евгений. На консисторскомъ опредѣленіи онъ помѣтилъ: „исполнить. Но довольно одного котораго-либо. На что обоихъ? (и при томъ не жительство основать въ монастырь, а попустить въ монастырь.“)***) Также, какъ при Геронимѣ, плачевно обрисовало дѣло по отношенію къ численности монастырскаго братства и за время слѣдующаго настоятеля-архим. Иоанникія. Въ начкѣ старинныхъ бумагъ монастырскаго архива мы нашли завалившееся черное письмо Иоанникія къ Тобольскому епископу Анастасію отъ 24 марта 1832 г. съ такимъ содержаниемъ:— „Я препроводилъ на сей почтѣ рапортъ къ особѣ В. Преосвящ. съ прошеніемъ, въ которомъ указалъ, что штатныхъ священниковъ во вѣреннѣмъ мнѣ монастырѣ нѣтъ ни одного, а самъ я въ силахъ: слабъ и боленъ глазами, почему службѣ Божіей отправлять ежедневно не въ состояніи. Всенекорнѣйше прошу В. Высокопреос. предложить—не пожелаетъ-ли кто изъ вдовыхъ священниковъ въ монастырь отправиться. А вмѣстѣ отправлять въ монастырь священнослуженіе кузнецкаго вѣдомства опредѣленный оца, по указу Тобольской Консисторіи, за нетрезвость сзщ. Ѳеодоръ Базлевъ... Всенижайше прошу повелѣть опредѣлить по рапорту моему священниковъ и діаконовъ. А если будутъ присылаться священники *по дѣламъ*, то прошу присылать ихъ безъ запрещенія во священнослуженіи, ибо здѣсь городъ губернской, монастырь среди города и бываетъ во святой церкви народное собраніе.“****) Однако не видно, чтобы чуть не слезное прошеніе Иоанникія сопрвождалось богатыми результатами въ желательномъ для пропитателя смелѣ. Въ 1834 г. братіи въ нашемъ монастырѣ было вѣсть съ архимандритомъ только 4 человекъ, если не включать сюда трехъ молодыхъ послушниковъ. ****) Не много порадовалъ почтеннаго старца-архимандрита только слѣдующій 1835 г., когда, по назначенію Томскаго епископа Агапита, въ монастырь попустили выѣхавшій изъ Чернигова іеродиаконъ Владиміръ и пожелавшій принять монашество послушникъ архіерейскаго дома Ѳеодосій

*) Указы Конс. отъ 23 октяб. 1822 г. Мон. арх.; св. 11.

***) Указъ Кон. архим. Герониму отъ 6 Іюля 1827 г. Мон. арх.; св. 14.

****) Мон. арх. св. 2.

*****) Списокъ братіи за 1834 г.—Архим. Иоанникій, казнач. вдовый діаконовъ Бисеровъ, вдовы священ. Дмитрій Наумовъ и запрещенный въ служеніи Семенъ Тюменковъ, послушники Серебрянниковъ 17 л., Курбанцовъ 15 л., Масляниковъ 24 лѣтъ.

Максимовъ (въ постриженіи монахъ Анастасій).*) Не было обильно въ количествѣ братіи и за настоятельство архим. Амфилохія.***) Да и сомнительно, чтобы во все послѣдующее время существованія монастыря вплоть до палящихъ дней его братскій составъ когда нибудь доходилъ до полного, закономъ установленнаго комплекта.

Какъ ни склонна была епархіальная власть отправлять вдовихъ священно-церковно-служителей въ обители для жизни въ условіяхъ иноческаго пребыванія, тѣмъ не менѣе она должна была принимать во вниманіе другую болѣе важную и существенную нужду въ епархіи. Разумѣемъ огромную нужду по всей Сибири въ бѣломъ духовенствѣ для замѣщенія всегдашнихъ множествъ имѣвшихся вакансій при приходскихъ церквахъ. Поэтому въ монастыри доводилось посылать вдовцевъ священниковъ и диаконовъ и уже слишкомъ престарѣлыхъ, или, что было гораздо чаще, тѣхъ изъ нихъ, которые были уличены въ недоброй жизни или, по крайней мѣрѣ, сими заподозрѣны на этотъ счетъ. Такъ, напримѣръ, изъ вдовцовъ, присланныхъ въ Томскій монастырь въ 1776, 1777 годахъ, свящ. Андрей Агѣевъ былъ прежде судимъ и содержался до назначенія въ Томскъ въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ, — о Петрѣ Кондратьевѣ, сказано въ указѣ при его опредѣленіи въ монастырское братство, что, проживая въ приходѣ, онъ „заводилъ соблазнъ.“ Предварительно состоялъ подъ судомъ и священникъ Герасимъ Першукъ. Любопытно преступленіе этого послѣдняго.

Въ то время, когда еще не улеглась сильно взволновавшая самия западные части Сибири Пугачевская смута, когда вообще въ Имперіи широко разносились слухи объ отягчѣи крѣпостной неволи, священники обязаны были читать народу о ложности и злонамѣренности этихъ опасныхъ для государства слуховъ манифестъ, изд. 19 марта въ 1775 г. Вскорѣ тобольскій губернаторъ Д. Ив. Чичеринъ прислалъ преосвященному Варлааму донесеніе, въ которомъ писалъ: „въ виду ложной и все болѣе и болѣе распространяющейся жолѣ всего менѣе разгласителей можно было ожидать среди духовныхъ лицъ, но, противъ чаянія, въ этой средѣ разгласитель нашелся. Имъ оказался священникъ Тарскаго вѣдомства с. Бутаковского Герасимъ Першукъ.“ Далѣе, въ донесеніи разказывалось, что Першукъ, явившись въ татарскую деревню Себеякову, прислалъ къ владѣтелю ея бухарину Шахову десятника съ приказаніемъ, чтобы Шаховъ немедленно распустилъ на волю своихъ дворовыхъ, что требуется такъ по смыслу только лишь прочитан-

*) Мон. арх.:—разн. бумаги 1835 года, св. 9.

***) Братія Алекс. Монас. за 1838-39 г.—Архим. Амфилохія, казначей іером. Инокимъ вдовый свящ. Левъ Брызгаловъ, іерод. Антоній и послушники: Миланковъ, Москальковъ, Естиміевъ и Марганинъ.

того народу указа Ея Величества. Шиховъ, выслушавши десятиника, смутился и побѣждалъ къ священнику самъ — разузнать обстоятельнѣе — въ чемъ дѣло? Першуконъ подтвердилъ крѣпостную отяѣну, объявивъ еще разъ въ присутствіи многихъ татаръ, что на то онъ имѣетъ указъ, сохраняющійся въ его, Бутаковской, церкви. Дворовые Шихова, въ числѣ 80 человекъ, взволновались, вышли изъ повиновенія своему господину и начали разбѣгаться. Шиховъ посѣлилъ въ Тару для распросовъ о неожиданной новости въ воеводской Канцеляріи. Здѣсь, разумѣется, ему разъяснили, что никакой такой новости нѣтъ и что священникъ, провозгласившій ее, совершилъ государственное преступленіе. Воевода распорядился немедленно взять Першуконъ для допроса. На допросѣ виновный показалъ: послѣ отиравленія въ с. Бутаковскомъ литургии и послѣ прочтенія манифеста о дарованныхъ народу клятвахъ, зашелъ онъ въ питейный и, выпивъ вина, „сѣхалъ“ за р. Притишь въ деревню Себелякову, купить тамъ табаку. Въ Себеляковой за улицѣ при татарахъ, десятиникъ, а потомъ при самомъ Шиховѣ дѣйствительно говорилъ, что по 46 пунк. прочитаннаго манифеста дворовыхъ людей вѣрно распустить. Чи черинъ требовалъ, чтобы къ Першукону, какъ ложному разгласителю, примѣнена была вся сила положенной въ законахъ за такое дѣяніе строгости. Преосвященный отнесся къ „разгласителю“ благодушиемъ и постановилъ: такъ какъ Першуконъ допустилъ преступленіе „не поумыслу, а отъ неразумія и пьянства“, то, не лишая его священства, послать въ дальній монастырь въ труды на 1 годъ. Въ какомъ изъ дальнихъ монастырей онъ отбылъ эти годовые труды, намъ неизвѣстно. Но въ томской монастырь Першуконъ былъ присланъ не въ качествѣ „подначальнаго“, а въ комплектъ штатнаго братства и, состоя въ немъ, принялъ монашество съ именемъ Германа.*)

Изъ вдовыхъ, посланныхъ на постоянное жительство въ монастырь вскорѣ послѣ Першуконъ, предварительно состояли подъ судомъ священники: Иванъ Хмылевъ, принявшій въ монастырь постриженіе съ именемъ Іосифа, М. Мухинъ, Іер. Майковъ, Ст. Шалабановъ, Бѣльскій, діаконъ: Караульчиковъ, Бардаковъ, Курбаковскій, Дерябинъ, Нифантьевъ. Но мы еще далеко не претендуемъ на всю полноту этого списка. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ лицъ прежде, чѣмъ попали въ братію вашей обители, побывали въ ней то или другое время на положеніи штрафованныхъ монастырскими трудами (Хмылевъ, Курбаковскій, Бѣльскій). Въ вѣдомости о монастырской рядовой братіи за 1808 г. предварительная (предмонастырская) подсудность обозначена за всеми ея членами, исключая вывезеннаго изъ Туруханска іеродіаконъ Пансофія и дьячка Тимофея Бо-

*) Указъ Тоб. Конс. отъ 31 авг. 1775 г. См. св. указовъ за 1770 годы въ арх. Томс. Консист.

ровскихъ (въ монашествѣ Троицкѣ).*) Лица изъ приходскаго духовенства, отосланныя въ братскій составъ въ 10, 20 и 30-хъ г. XIX ст. **), тоже принадлежали главнымъ образомъ къ числу подозреваемыхъ или сильно заподозренныхъ на счетъ ихъ благонадежнаго поведенія.***) Но что особенно замѣчательно, такъ это то, что въ штатную монастырскую братію опредѣляли иногда лица или съ временнымъ запрещеніемъ въ священнослуженіи (Майковъ, Т. Мухомъ, Петръ и Анд. Знаменскіе, Тюм.....) или съ запрещеніемъ навсегда (Шальновъ, Нифантьевъ), а іеромон. Іосифъ Хмылевъ былъ запрещенъ уже въ своей монастырской бытности. Не всегда счастливо было Томскому монастырю даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ число его штатныхъ жильцовъ переводились лица изъ другихъ монастырей. Іеромон. Автопій, переименованный въ 1776 году въ Томскъ изъ Туруханскаго монастыря для леченія, проживая въ этомъ послѣднемъ монастырѣ, очень много тамъ „шуметвовалъ“. Тотъ же также діаконъ, перешедшій сюда же и изъ той же Туруханской обители въ 1813 г. тамъ, не только шуметвовалъ, но едва былъ удержанъ отъ совершенія тяжелаго уголовнаго преступленія по отношенію къ Туруханскому игумену. Въ мартѣ того-же 1813 года архим. Теофилактъ поступилъ изъ консисторіи указъ объ опредѣленіи въ Томское монастырское братство изъ Тобольскаго Знаменскаго монастыря запрещеннаго свящ. В. Чемесова. Въ указѣ Чемесовъ отмѣченъ былъ поведеніемъ „худымъ“. Архимандритъ встревожился такой присылкой и убѣдительно просилъ преосвященнаго послать несчастнаго, окончательно опустившагося вдовца — священника, недавно еще занимавшаго въ Томскѣ видное положеніе, въ Кондинскій монастырь. Преосвященный велѣлъ послать въ Енисейскій монастырь.†)

Вдовыя священно-церковно-служители шли въ нашу обитель не по своему волѣ, а почти исключительно по распоряженію начальства. Естественно по этому, что многіе изъ нихъ, не чувствуя въ себѣ призванія къ иноческой жизни, старались, по крайней мѣрѣ, уклоняться отъ обѣтовъ, связанныхъ съ постриженіемъ, тѣмъ болѣе, что постриженія неволею вообще какого бы то ни было, а также вдовыхъ священниковъ, указами Екатерины II бы-

*) Мон. дѣла за 1807-1808 г. Мон. арх. св. 9.

**) Свщ. Тимофей Мухомъ, Петръ и Андрей Знаменскіе, 3-тииъ и др.

***) Въ вѣдомости о братіи за 1834 г. показано, что свщ. Н...ъ обучался въ Русскомъ классѣ, былъ дьячкомъ и діаконъ въ Екатеринбургскомъ, потомъ въ Далматовскомъ мѣрехъ, въ 1808 г. перешелъ священникомъ въ Томское вѣдомство. Состоя на приходахъ, неоднократно судимъ за пьянство, за незаконное обвиненіе браковъ, подпадалъ подъ ипрещеніе и, наконецъ, посланъ въ монастырь за обиду, учиненную въ церкви дьячку. — Свщ. Тюм..... — изъ неученихъ. Судился много разъ за нетрезвость и буйства, былъ по разъ запрещаемъ. Вд. діаконъ В...ъ былъ судимъ за незаконное обвиненіе браковъ. Мон. арх. св. 8.

†) Указъ Теофилактъ отъ 1813 г., декабрь Мон. арх.; св. 13.

нарещены особенно строго.^{*)} Отсюда произошло, что, при общемъ недостаткѣ въ братіи Томскаго монастыря, лица съ монашескимъ постригомъ встрѣчаются въ ней иногда только одиночно, а во многихъ случаяхъ и надолго. За исключеніемъ настоятеля, не было вовсе никого. Наиболее богата властвующими томская братія за разсматриваемый періодъ была въ 1760, 1770 и 1780-хъ годахъ. Но уже въ первые годы игуменства Иллариона иноковъ состояло въ монастырѣ, кромѣ самаго игумена, только двое: престарѣлый казначей іеромон. Амвросій и рядовой іером. Іосифъ. Последний былъ отпращенъ въ Туруханскій монастырь и хотя на его мѣсто явился въ Томскѣ кievскій іеродіаконъ Діомидъ, но пробылъ здѣсь въ болѣе году и выбылъ снова въ Россію. Казначей Амвросій скончался въ 1801 г., и съ тѣхъ поръ монашествующихъ въ братіи не осталось никого. Это обстоятельство очень огорчало архим. Θεофилакта. Послѣ усиленныхъ увѣщаній, ему удалось склонить къ постригу сразу четырехъ человекъ изъ вѣличныхъ бѣльцовъ, именно: священниковъ Іеремію Майкова, Петра Бѣльскаго, діакона Курбаковскаго и дьячка Тимофея Боровскихъ. Если присоединить къ нимъ іеромонаха Виталія и двухъ іеродіаконовъ (Пансофія и Павліа), перешедшихъ въ то же время въ Томскъ изъ другихъ мѣстъ, то въ концѣ перваго и началѣ втораго десятка лѣтъ XIX столѣтія томская обитель могла особенно жаловаться на отсутствіе у ней братчиковъ, облеченныхъ въ монашескую мантию. Счастливый періодъ былъ, однако, не очень длиннымъ. За сѣртію или переходомъ указанныхъ лицъ въ другіе монастыри, къ 1820 году безъ братіи, подчиненной томскому архимандриту, мы опять видимъ только одного инока—казначей Виталія. А съ 1821 до 1839 г. рядовая братія состояла, какъ и прежде при игуменѣ Давидѣ, исключительно изъ бѣльцовъ. Новое появленіе монашествующихъ въ послѣдующіе 4 года нами уже указано на предшествующихъ страницахъ.

Поступленіе въ монастыри для постриженія къ нимъ со стороны мірскихъ, свѣтскихъ людей, свободныхъ отъ обязательныхъ отношеній къ государственн. службѣ, обществу или помещикамъ, теперь уже не было стѣснено. Но стремленіе свѣтскихъ къ поступленію въ нашъ томскій монастырь за весь обозрѣваемый періодъ выразилось очень слабо, а по отношенію къ постригу почти всегда неудачно. Въ 1775 г. изъявилъ свое согласіе вступитъ въ Алексѣевскую обитель съ пріяніемъ въ ней монашества томскій посадскій человекъ Егоръ Пупковъ. Монастырское начальство отнеслось къ его желанію очень сочувственно и игуменъ Нафанайлъ писалъ преосвященному: „понеже въ здѣш-

*) По Высочайше утвержденному докладу комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ 26 февраля 1764 г. позволено было постригать въ монашество на тѣхъ основаніяхъ, какія указаны въ 1 Регламентѣ „съ крайнимъ предостереженіемъ, чтобы къ неволѣ отиудъ никому ни поддѣлки видомъ того въ монашество постриженія не было“ Пол. Соб. закон. т. XVI, № 12030, стр. 357. „Чтобы вдовымъ священникамъ къ постриженію насильства не чинить“, — это было утверждено еще указомъ Св. Синода 12 дек. 1769 г.

немъ монастырь за недостаткомъ монашествующихъ службы на клиросъ не
 правлять некому, а Пунковъ житія и состоянія порядочнаго и въ церкви
 помъ чтеніи и пѣніи весьма способенъ“, то принятіе его въ братію было-бы
 весьма полезно. Преосвященный приказалъ взять Пункова на искусь. Искусъ
 обнаружилъ нѣсколько иное. Схѣлившій Нафанаила игум. Филосей донесъ
 въ Тобольскъ, что хотя пенитываемый къ церковно-служительству и спо-
 собенъ, но на славословіе и молитву въ церкви Божіей приходитъ лѣнивъ
 и неащителенъ, къ послушаніямъ не послушенъ“ и, сверхъ того, замѣтилъ
 въ кражахъ и пьянствѣ. Кандидата на монашество съ такой аттестаціей вести
 было выдворить изъ монастыря безъ всякаго замедленія*). Съ 1791 г. указомъ
 консисторіи**) былъ зачисленъ въ томскій монастырскій штатъ перешедшій
 изъ Абалаккаго монастыря бѣлецъ-мірянинъ Никифоръ Дагилевъ,
 ушедшій снова на Абалакъ въ 1800 г. Въ 1812 г. подалъ прошеніе о
 постриженіи въ нашемъ монастырь титуляр. совѣтникъ Чертуфель, и
 прошеніе ему вернули обратно, такъ какъ не согласился на предвари-
 тельный 3-лѣтній искусь.***) Въ 1830 и 1833 г. выразили было такое же
 намѣреніе еще двое отставныхъ чиновниковъ: губер. секретарь Левъ Со-
 востинъ и надвор. совѣтникъ Алексѣй Соколовъ.*†) Но первый скоро измѣ-
 нилъ намѣреніе и вышелъ изъ монастыря, очевидно, разочаровавшись въ
 немъ; постриженіе второго не состоялось за его смертію въ 1835 г. В
 30-же годахъ проживалъ въ монастырь послушникъ Иванъ Васильевъ М-
 сляниковъ. Онъ происходилъ изъ Вяземскихъ мѣщанъ и сначала нѣкоторое
 время состоялъ въ братствѣ Московскаго Покровскаго монастыря, откуда за-
 репросился въ томскую обитель уже съ полученнымъ разрѣшеніемъ о
 постриженіи. Но почему-то не состоялся здѣсь и его постригъ; по крайней
 мѣрѣ до 1840 г. онъ числился послушникомъ. Единственнымъ пострижен-
 никомъ изъ свѣтскихъ былъ пріѣхавшій изъ Россіи въ Томскъ съ преосвя-
 томскимъ Агапитомъ его послушникъ Θεодосій Максимовъ (Анастасій), ко-
 торый, впрочемъ, вскорѣ послѣ постриженія причисленъ былъ къ томской
 архіерейскому дому.*††) Подавали просьбы о поступленіи въ монастырь и о по-
 стриженіи въ немъ нѣкоторые изъ сосланныхъ. Такъ, въ 1820 г. указомъ
 императора изъ сосланныхъ Новожиловъ писалъ архим. Герониму: „по несчастію
 моему посланъ я въ Сибирь на поселеніе и, по прибытіи въ Томскъ, по
 милости начальства здѣсь оставленъ,—причисленъ въ мѣщане. Но буди
 лишенъ прежняго моего жительства и удаленъ отъ семьи и родственниковъ“

*) Дѣло о Пунковѣ 1775—1776 г. Мон. арх.; св. 2.

**) Указъ Тоб. Кон. отъ 21 генв. 1799. М. арх.; св. 7.

***) Мон. дѣла за 1812 г. Мон. арх., св. 17.

†) Мон. дѣла 1830—1835 г. Мон. арх.; св. и 6 17.

††) Вѣдом. о братіи за 1834 г. М. арх.; св. 9.

†) Мон. арх.; св. 9.

пожелать и оставить мирскую суетную жизнь, положивъ наиѣреніе о своихъ согрѣшеніяхъ приносить молитвы и служить единому Богу^{*)}. Онъ былъ приѣхъ въ монастырь, но безъ постриженія^{*)}). Прошеніе въ такомъ-же родѣ въ 1839 г. поступило къ монастырскому начальству отъ сосланнаго въ Сибирь крестьянина Нижегородской губ. с. Лыскова Игнатія Кравивина^{**)}, принятаго въ обитель на должность трапезника.

Штатной братіи въ Томскомъ монастырѣ не доставало, но за то временныхъ, подневольныхъ въ немъ обитателей было всегда болѣе чѣмъ довольно. Здѣсь мы разумѣемъ штрафованныхъ монастыремъ и трудами въ немъ за разныя провинности священниковъ, діаконъ и причетниковъ. Сибирское малообразованное духовенство прежнихъ временъ отличалось большою грубостію нравовъ вездѣ, а въ Томскомъ, отдаленномъ отъ центральной власти краѣ, пожалуй, въ особенности. На благопріятной почвѣ безѣжества и грубости провинности по должности и противъ благоволенія росли въ огромномъ множествѣ, и отсюда уже заранѣе можно предположить, какъ обильны были посылки въ нашъ монастырь священно-церковно-служителей для штрафованія. Перечислять все случаи штрафованій за рассматриваемый періодъ, конечно, нѣтъ надобности въ настоящей работѣ, да при неполнотѣ имѣющагося у насъ матеріала это и вообще невозможно. Ограничимся перечисленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ началѣ описываемаго времени духовные люди, наказанные монастыремъ, числились въ нихъ еще подъ прежнимъ названіемъ „колодниковъ“. Въ 1772—1776 г. среди монастырскихъ колодниковъ состояли уже упомянутый прежде священникъ Томской Духовской церкви Михаилъ Калашниковъ, попавшій еще разъ въ монастырь за повѣчаніе въ петрезовомъ видѣ раскольника Дарина съ раскольницей-же Шумиловой безъ присоединенія къ православію^{***)}, священникъ Нарымскаго заказа с. Тогурскаго Арефьевъ за бродяжничество и при этомъ вѣчаніе браковъ потаенно въ чужихъ приходахъ^{†)}, Ирменскаго села Вихоревъ за петрезовость и вѣчаніе старообрядцевъ съ обхожденіемъ по солнцу^{†*)}, с. Кривощекоевскаго Курбаковскій^{†**)}, изъ Енисейскаго заказа Евтихievъ^{†***)} и Тарскаго вѣдомства Старчевскій^{††)} и, кромѣ того, одинъ діаконъ и дьячекъ — все эти за петрезовость, кощунство въ храмахъ и незаконныя повѣчанія^{††*)}.

*) Мон. архивъ; св. 14.

**) Сосланъ былъ въ Сибирь за участіе въ возмущеніи противъ помѣщичьяго управителя въ с. Лысковѣ. Мон. архивъ. Св. 17.

***) Указъ Тоб. Дух. Консист. отъ 11 окт. 1772 г. Архив. Том. Консист. Связка указовъ за 1770-ые годы.

†) Указъ Тоб. кон. 31 октябр. 1772. Тамъ-же.

†*) Ук. кон. 1 марта 1773 г. Тамъ-же.

†**) Вѣдомость о монаст. колодникахъ за 1776 г. Мон. арх.; св. 12.

†***) Ук. кон. 12 сент. 1777. Мон. арх.; св. 12.

††) Ук. кон. отъ 19 дек. 1777. Мон. арх.; св. 12.

††*) Связ. указовъ 1770-хъ годовъ. Арх. Том. конс.

1780 и 1790-хъ годахъ несли «тяжкіе» труды въ монастырѣ въ качествѣ подначальныхъ священники разныхъ мѣстъ томскаго края: Хаовъ, Фолиевъ, Поповъ, Винтовкинъ, Медвѣдковъ, Бѣльскій, Шиховъ и др., оставляемъ безъ перечня множество діаконовъ и причетниковъ. Впрочемъ, судя по архивнымъ даннымъ, въ XVIII вѣкѣ виновныхъ изъ приходскаго духовенства наказывали по Tob. епархіи не только обительскими трудами, сколько денежными взысканіями или переводомъ на другія, худшія приходскія мѣста. Мѣра взысканія монастыремъ чаще примѣняется съ первыми годами слѣдующаго XIX столѣтія. До какой степени съ тѣхъ поръ начали часто присылать штрафованныхъ въ нашу Алексѣевскую обитель, между прочимъ видно изъ реестра входящихъ бумагъ томскаго Д. Правленія за 1804 годъ. Здѣсь значится, что 15 января «явился «подъ началь» въ годъ священникъ Пономаревъ, 25 января присланъ указъ о бытіи въ монастырѣ пономарю Ковригину за пьянство на двѣ недѣли, февралѣ 1-го явился въ монастырѣ въ черную работу пономарь Серебряниковъ на полгода, 28 февраля полученъ указъ о бытіи въ монастырѣ свящ. В. силию О—ихъ за пьянство на два мѣсяца, марта 8 присланъ въ монастырѣ свящ. Хмылевъ, марта 9 присланъ діаконовъ Иноземцевъ, апрѣля 4 получены указы о бытіи въ монастырѣ въ черныхъ трудахъ свящ. Лукиву и Д—леву». Далѣе идетъ все въ томъ-же родѣ. Словомъ, не было мѣсяца, за исключеніемъ сентября, когда не былъ бы присланъ указъ о бытіи въ монастырѣ то тому, то другому, или не явился бы въ монастырѣ самъ наказуемый^{*)}. Одни изъ штрафованныхъ прибывали въ монастырѣ, другіе, отбывъ назначеніе, уходили изъ него или на прежнія мѣста своего служенія, или на указанныя высшимъ начальствомъ новыя. Указомъ Tob. Консисторіи отъ 2 мая 1805 г. сразу были рѣшены на прожитіе въ трудахъ въ томскомъ монастырѣ 3 священника и одинъ причетникъ^{**}). Нерѣдко бывало, что монастырскіе труды обрекались причты той или другой церкви въ цѣломъ составѣ съ отбываніемъ наказанія поочередно. Такъ въ томъ же 1805 г. попали въ Алексѣевскій монастырѣ причты с. Берскаго и с. Ирменскаго (in corpore^{***}). Въ ноябрѣ 1818 г. одновременно несли подначальныя тяготы въ нашемъ монастырѣ священники З—нъ и Серебряниковъ, дьяконовъ Серебряниковъ же и дьячки Сикинъ и Парфеновъ^{***}). Но это еще сравнительно не много. Въ 1831 г. штрафованныхъ одновременно состояло при монастырѣ 20 человекъ †), а въ 1835 г. подначальныхъ священниковъ, діаконовъ и

*) Реестръ дѣлъ Том. Д. Правл. за 1804 г. Мон. арх.; св. 7.

**) Трое изъ этихъ оштрафованныхъ принадлежали Томскому вѣдомству, одинъ Тарскому. Ук. Tob. кон. отъ 20 мая 1805. Мон. арх. св. 8.

***) Рапортъ казнач. іером. Виталія. Мон. арх.; св. 9.

†) Рапортъ архим. Іоанникія 1831 г. М. арх., св. 9.

причетниковъ всего перебивало въ обители 31 человекъ *). Разумѣется, при такомъ обилии штрафованныхъ не навсегда и не все они могли помѣщаться въ монастырскихъ зданіяхъ, въ большинствѣ имъ доводилось жить на квартирахъ съ обязанностію являться на монастырское послушаніе ежедневно. Вообще Томскій монастырь сталъ грознымъ мѣстомъ для духовенства огромной области Сибири, куда входили нынѣшніе округа: Томскій съ Нарымскимъ краемъ, Кузнецкій, Барнаульскій, Бійскій, Змѣиногорскій и нѣкоторыя части Семипалатинской области и Енисейской губерніи. Былъ страшенъ онъ и для священниковъ, занимавшихъ въ краѣ видное положеніе. Чуть-чуть не попалъ «по ябедѣ и проискамъ» въ монастырь и самъ величавый Томскій протоиерей Григорій Стефановскій, когда еще до перехода въ Томскъ онъ служилъ въ Берскѣ **), выдвигаясь уже тогда своею порядочностію и дѣловитостію среди сельскаго духовенства обычнаго ранга. Стефановскій отписался отъ монастыря, но не могли отдѣлаться отъ него законоучитель Кузнецкаго уѣзднаго училища свящ. Мальцевъ (въ 1826 г.) ***) и присутствовавшей въ Красноярскомъ Дух. Правленіи свящ. Т—новъ, допустившій неправильныя выписки изъ метрикъ при рекрутскомъ наборѣ (въ 1836 г.) †).

Штрафованные посылались въ монастырь „на черныя труды“. Здѣсь вужно разумѣть тѣ тяжелыя работы, которыя обычно должны были исправлять для монастыря его штатные служители или даже рабочіе наемные. Пребываніе исключительно въ клиросномъ послушаніи начали предписывать только съ начала нынѣшняго столѣтія и чаще съ 20-хъ его годовъ и то только для нѣкоторыхъ, но далеко не для всѣхъ священниковъ. Тяжесть положенія подначальныхъ увеличивалась отъ того, что во все время отбыванія наказанія они въ огромномъ количествѣ случаевъ должны были содержаться на собственные средства. Мы имѣемъ предъ собою не мало заявленій съ ихъ стороны съ яркимъ описаніемъ какъ тяжести возлагаемыхъ на нихъ работъ, такъ и матеріальныхъ лишеній, которымъ во время монастырскаго заключенія подвергались они сами, а за ними и ихъ семьи. Священникъ с. Семилужнаго Поновъ, опредѣленный „подъ началъ“ въ 1794 г., былъ назначенъ именуемъ Палладіемъ къ работамъ по уборкѣ храма и тонкѣ его въ зимнее время, при этомъ не пользовался отъ монастыря ни столомъ, ни одеждой, „пропитывался, какъ онъ доносилъ въ Тобольскъ, подаваніемъ отъ доб-

*) Изъ реестра входницъ дѣлъ Т. Д. Прав. за 1835 г. въ мон. арх. св. 9. Возможно, конечно, что въ нѣкоторые годы подначальныхъ бывало и больше, но мы не располагаемъ всею полнотою архивнаго матеріала.

**) Объ опредѣл. Стефановскаго въ монастырь см. ук. Тоб. кон. игум. Давилу 1798 г. 21 авг. Мон. арх.; св. 12. Описка Стефановскаго тамъ же. — Ябеду онъ приписывалъ своему Берскому діакону, а происка Барнаул. протоіерею Пѣунову.

***) См. переписку съ дирекціею училищъ. М. ар. св. 14.

†) Указ. Томской конс. архим. Амфилохію; мон. арх., св. 17.

рохотныхъ дателей и въ одеждѣ имѣлъ большую скудость“ *). Свящ. Бѣльскій послѣ 19-мѣсячнаго пребыванія въ черныхъ монастырскихъ трудахъ когда рубилъ дрова, носилъ при постройкѣ колокольні киричи и известь, умолялъ преосвященнаго разрѣшить ему священно-служеніе съ опредѣленіемъ на прежнее мѣсто. Въ основаніе мольбы онъ приводилъ: „вѣдѣнію дневной нищи, претерпѣваю крайнѣйшую нужду, — часто умораю себя голодомъ“ **). Томскій городской священникъ Шиховъ въ свою очередь упоминалъ, что трудясь на монастырь цѣлый (1799) годъ, онъ „изнемогъ“ въ работахъ и „изнмлъ“ въ бѣдствіяхъ ***). Томской же городской Богоявленской церкви священникъ Медвѣдковъ въ слезномъ прошеніи архіепископу Варлааму описывалъ: „нахожусь на смиреніи въ *тяжайшей* работѣ въ Алексѣевскомъ монастырѣ... Обвиненъ въ пьянствѣ по злобѣ и клеветамъ сына игумена Ивана Черкасова, состоящаго при Богоявленской же церкви дячкомъ. Когда пришелъ я въ монастырь, настоятель приказалъ посадить меня на день, какъ преступника, въ большую цѣпь, вѣсящую болѣе 2 пудъ и замкомъ запереть. Потомъ, по его же велѣнію, я 1) за сѣномъ ѣзжу въ поле, 2) въ кузницѣ молотомъ бью, 3) снѣгъ огребаю, 4) на заимку за лѣсомъ и дровами ѣзжу, 5) на братію стряпаю, 6) пономарскую должность исправляю, 7) за водой на р. Ушайку ѣзжу, 8) школьничковъ обучаю, 9) баню топлю и 10) разныя посылки исправляю. Отъ сего здоровье мое пришло въ разстройство и слабость... Я просилъ Его Преподобіе, о. игумена, чтобы для малыхъ дѣтей въ домъ меня когда отнускалъ иногда отобѣдать, иногда отужинать, въ моя просьба бываетъ всегда отвергнута. По сей причинѣ не могъ я горести перенести и принужденъ былъ игумену открыть его несправедливости... И слова мои ему показались досадными, почему въ среду на Пасхѣ онъ меня посадилъ въ туже цѣпь, не приказывая впускать ко мнѣ никого и не давая мнѣ нищи и воды (!)—Медвѣдковъ просилъ перевести его въ Барнаульскій или Кузнецкій заказъ, дабы не претерпѣвалъ несносныхъ обидъ и жена и дѣти не шатались по міру †). Между многими скитавшимися по квартирамъ въ началѣ 1834 года состояли свящ. Терентій Пошовъ и діаконъ Степанъ Плотниковъ. Настоятель донесъ о нихъ, что съ квартиръ ни въ монастырскую церковь, ни на монастырскія послушанія они не ходятъ, а если иногда являются, то скоро покидаютъ порученный трудъ, и исчезаютъ изъ монастыря самовольно.—Онъ, настоятель, не разъ выговаривалъ имъ за такое своевольство и всегда отъ діакона получалъ одинъ отвѣтъ: *„нетъ нечего“*

*) Ук. Tob. кон. отъ 9 іюля и 15 сентяб. 1795 г. Св. указ. за 1790 годъ. Арх. Том. Дух. конс.

**) Дѣло о Бѣльскомъ. Арх. Том. Д. конс., по описи № 95.

***) Указ. Tob. Кон. отъ 14 дек. 1799 г. Мон. арх; св. 9.

†) Прошеніе отъ 12 апр. 1891 г. Архив. Том. конс., по описи № 218.

и поневоля мы вынуждены добывать себѣ пропитаніе на сторонѣ, хотя бы чтеніемъ псалтири надъ покойниками* *).

Говоря о подневольныхъ монастырскихъ обитателяхъ изъ свѣтскихъ людей мы, какъ и въ соответствующемъ мѣстѣ перваго отдѣла, опускаемъ въ своемъ трудѣ длинный перечень обычныхъ епитимійщиковъ, которые по суду свѣтской и духовной власти обязаны были принести въ обители покаяніе за преступленія противъ нравственности и въ особенности противъ семейной чистоты. Въ ихъ ряду затрогиваетъ нѣкоторое любопытство развѣ одинъ малолѣтній преступникъ Паламошновъ, въ 1784 г. сознательно убившій 6-лѣтняго крестьянскаго мальчика въ деревнѣ Варюхиной**). Подробнѣе остановимся на болѣе крупныхъ колодникахъ, обременявшихъ монастырь и безпокойившихъ монастырское начальство.

Въ 1768 году при указѣ изъ свѣтѣйшаго Синода въ монастырь былъ присланъ арестантъ Василій Анненковъ. Онъ принадлежалъ къ крупной дворянской фамиліи и, состоя на службѣ въ гвардіи коннаго полку, дослужился до чина секунда-ротмистра. За составленіе фальшиваго духовнаго завѣщанія сенатомъ въ 1755 г. былъ приговоренъ къ публичному телесному наказанію, (было оно исполнено или нѣтъ—въ источникѣ не ясно), а по Высочайшему повелѣнію императрицы Екатерины II за разныя противности и многочисленныя ябеды былъ лишенъ чиновъ и какъ „крайне безпокойный человекъ“ подлежалъ ссылкѣ въ сибирскій дальній монастырь, каковымъ въ данномъ случаѣ и былъ признанъ монастырь въ Томскѣ***). Онъ умеръ здѣсь въ 1770 г. По распоряженію сибирскаго губернатора, имущество, оставшееся въ монастырѣ по смерти Анненкова, было принято отъ монастырскаго казначея Томскимъ коммендантомъ полковникомъ Томасомъ Девилленевымъ для препровожденія его въ Тобольскъ †).

Въ томъ-же 1768 г. „по конфирмаціи Его Высочайства генераль-фельдцейхмейстера, надъ фортификаціями генераль-директора, кавалергадскаго корпуса шефа, генераль-адъютанта, дѣйствительнаго камергера, лейбъ-гвардіи коннаго полку подполковника, канцеляріи оекуинства президента и обоихъ російскихъ орденовъ кавалера графа Григорія Григорьевича Орлова“ былъ приговоренъ за очень гнусное преступленіе къ вѣчному заключенію въ дальній сибирскій (Томскій) монастырь „артилерной команды“ фургеръ Василій Масловъ. Но, вѣроятно, по ошибкѣ или недоразумѣнію Томскій воевода секундъ-

*) Равпортъ архим. Іоанникія отъ 6 іюля 1834 г. Мон. арх.; св. 17.

**) Поломошновъ былъ присланъ въ монастырь на 7 лѣтъ послѣ публичнаго наказанія розгами въ д. Варюхиной на томъ сахомъ мѣстѣ, гдѣ совершилъ преступленіе. Ук. Тоб. кон. влгух. Иннокентію 12 ноября 1786 г. Мон. арх.; св. 12.

***) Ук. Св. Синода архим. Θεодосію отъ 22 августа 1768. № 1380. Мон. архивъ; св. 12.

†) Промеморія Томаса Девилленева въ Том. Д. правленіе отъ 17 апр. 1770 г. М. арх.; св. 12.

маіоръ Телятевъ превроводилъ его съ партіей другихъ колодниковъ въ Нерчинскіе заводы. Оттуда въ нашъ монастырь Масловъ уже не возвращался.

Въ концѣ 1785 г. конвойные привели въ Алексѣевскую обитель другаго важнаго колодника изъ солдатъ Ѳедора Плюскова. Этотъ преступникъ рецидивистъ представляетъ въ себѣ изумительный примѣръ выносливости члвческой природы, оказавшейся несокрушимой подъ ударами самыхъ ужасныхъ наказаній, какія практиковались въ жестокое время прошлаго столѣтія. Плюсковъ происходилъ изъ Ярославскихъ дворянъ мелкаго ранга. По обычаю всѣхъ дворянъ того времени, онъ вступилъ въ военную службу въ 1743 г., состоя на ней, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ. При одномъ изъ сраженій былъ взятъ пруссаками въ плѣнъ. Въ плѣну выразилъ согласіе перейти на прусскую службу, но вскорѣ соскучился по родинѣ и вернулся обратно. За добровольный переходъ на службу къ враждебнымъ тогда намъ пруссакамъ Плюсковъ, по возвращеніи въ Россію, былъ наказанъ разжалованіемъ изъ подпоручиковъ въ прапорщики. Въ 1768 г. за пьянство, всиліе, причиненное десятилѣтней дѣвочкѣ, «поношеніе своего начальства» и «поколотье кортикомъ ноги у оберъ-офицера» былъ разжалованъ въ солдаты. А въ 1771 г. за рубку шпагой сержанта и отсѣченіе тѣмъ же орудіемъ носа у солдата, преступникъ былъ подвергнутъ наказанію шпицъ-рутенами чрезъ 1000 чел. 10 разъ. Спустя четыре года за грубость и угрозы отрубить прапорщику Тетюеву носъ и уши и прочіе предоступительные поступки онъ прошелъ подъ шпицъ-рутенами вторично чрезъ 1000 чел. 12 разъ. Плюсковъ уцѣлѣлъ и послѣ этой въ ужасныхъ размѣрахъ кровавой экзекуціи, былъ зачисленъ въ профоссы, а потомъ записанъ своимъ въ рядовые съ препровожденіемъ въ Томскій батальонъ. Въ Томскѣ, въ ссорѣ съ квартирнымъ хозяиномъ крестьяниномъ Галицкимъ, Плюсковъ также ранилъ ножомъ его и прибѣжавшаго на шумъ ссоры мѣщанина Пушкарева. Новое преступленіе повлекло за собою приговоръ военного суда пробить виновному подъ висѣлицею „на единъ часъ“ руку гвоздемъ и ножомъ, которымъ онъ колотъ Пушкарева, и прогнать подъ шпицъ-рутенами чрезъ 1000 ч. 12 разъ. Государыня смиловалась надъ преступникомъ—ему было тогда уже 70 лѣтъ—и повелѣла отослать въ одинъ изъ сибирскихъ монастырей въ черную работу. Несомнѣнно, Томскій игуменъ Иннокентій принялъ такого колодника съ большимъ смущеніемъ по вопросу: какъ его стеречь и какъ смотрѣть за его поведеніемъ **)?

*) Указъ Tob. Д. конвент. архив. Ѳеодосію отъ 18 апрѣля 1768. см. указъ тому же настоятелю изъ коллегіи экономіи отъ 25 іюля 1768 г. и промеморію въ Том. монастырь отъ влєніе изъ Томс. Воеводской канцеляріи отъ 5 іюля 1768 г.—Мон. арх.; Св. 12.

**) Ук. Tob. конс. игум. Иннокентію отъ 1785 г. марта; см. конію съ указа игум. Пиславлю 1 марта 1789. Мон. арх; св. 12. Мы не подтвердили бы возможности вынести такіа наказанія, какія вынесъ Плюсковъ, если бы не вѣдали документа предъ глазами.

Спустя 10 лѣтъ въ нашъ монастырь явился еще новый тяжкій преступникъ въ лицѣ Курскаго помѣщика подиоручика Петра Маркова. Онъ судился въ присутственныхъ мѣстахъ Курскаго намѣстничества „за бой матери своей“, послѣ котораго боя она умерла на 5-й день. Въ царствованіе Екатерины II наказаніе тяжкихъ преступниковъ изъ дворянъ чаще всего ограничивалось посылками въ монастыри, гдѣ преступники должны были очищать свой грѣхъ „собственнымъ раскаяніемъ и всечастнымъ сокрушеніемъ“ *). Также былъ наказанъ и матереубійца Марковъ. Именно, было опредѣлено: лиша Маркова дворянства и чиновъ, послать на 10 лѣтъ въ Сибирь для принесенія покаянія въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Назначеніе монастыря было предоставлено усмотрѣнію Св. Синода. Указомъ преосв. Варлааму Св. Синодъ далъ знать, что Марковъ опредѣляется въ Томскій Алексѣевскій монастырь, причемъ предписывалось, чтобы настоятель употреблялъ преступника въ „сносные по силѣ его труды“ и, кромѣ того, въбралъ его водительству благочестиваго и опытнаго въ учительствѣ іеромонаха, который могъ бы расположить преступника къ принесенію искренняго раскаянія. О поведеніи арестанта вѣрно было рапортовать Синоду чрезъ архіерея по полугодіямъ. Игумень Палладій забылъ о рапортованіи и за это былъ подвергнутъ денежному штрафованію въ 10 руб., послѣ чего донесъ, что преступникъ исполняетъ епитимію „рачительво“. Но слѣдующій настоятель игум. Данилъ въ 1799 г. отписалъ въ консисторію, что Марковъ пьянствуетъ и буйствуетъ и разъ въ буйствѣ хотѣлъ зашибить казначея іером. Амвросія. Въ 1805 г. тотъ же игумень довелъ, что Марковъ взятъ для суда надъ нимъ въ Томскій земскій судъ. Оказалось, что монастырскій заточникъ, часто исчезавшій изъ обители, заваялся очень распространеннымъ тогда въ Томскѣ промысломъ по изготовленію фальшивыхъ паспортовъ „для бѣглыхъ колодниковъ“. Земскій судъ препроводилъ его для поселенія въ Иркутской губерніи **).

Въ 1831 г. заключили было въ Томскомъ монастырѣ пойманнаго въ Сибири расколоучителя изъ Симбирской губерніи Ивана Рябова, но въ слѣдующемъ году онъ бѣжалъ, несомнѣнно, въ одинъ изъ Томскихъ раскольниковскихъ селтовъ, которыми по тайгамъ всегда изобиловала Томская губернія ***).

На содержаніе въ монастыряхъ колодниковъ выдавались особня средства изъ казны, въ прошломъ столѣтіи 2 коп. въ сутки на человѣка †); что

*) Такъ было, наприм., прописано въ манифестѣ о наказаніи заключеніемъ въ монастыри Соловецкій и Далматовъ (Тоб. епарх.) за убійство матери и сестры преступниковъ дворянъ Жубовыхъ. Пол. соб. зак. т. 17. № 12600. Стр. 615—617.

***) Дѣло объ епитимійщикѣ Марковѣ. Арх. Томской консист., по описи № 88.

***) Доношеніе Іоанникія среди бумагъ отъ 1832 г. Мов. архивъ; св. 9.

†) По именному указу отъ 18 августа 1776 г. колодникъ Анненковъ содержался въ Томскомъ монастырѣ на средства отъ опеки, въ которую было взято его имѣніе. А колоднику Маслову опредѣлено было содержаніе на сумму 8 руб. въ годъ.

же касается обычных епитимийщиковъ, то, по крайней мѣрѣ, въ нашей области они должны были кормиться на свои средства и потому часто жили ниществовали. Въ 1807 г. состоявшій при монастырѣ епитимийщикъ Скорденниковъ приселъ для исполненія наложенной на него за прелебодѣланіе епитиміи въ другой монастырь, ибо въ Томской обители онъ почти замеръ отъ голода. Вѣрно было уволить его изъ монастыря къ какой нибудь приходской церкви, гдѣ могъ бы имѣть больше способовъ къ своему содержанию *).

3.

Постройка каменной монастырской церкви, замедляемая недостаткомъ денежныхъ средствъ.— Пожаръ деревяннаго храма, заставившій каменную стройкою теряться.— Мелкія посылы въ сооруженіи каменн. и колокольни и полное истощеніе монастырской казны.— Подача обращенія за помощію въ Высочайшей власти, остановленная разъясненіями консисторіи.— Дѣйствіе колокольнаго при игум. Данилаѣ.— Потери въ церковныхъ принадлежностяхъ и въ монастырской ризницѣ.— Пожертвованія для храма.— Вѣтхость монастырскихъ зданий.— Усилія для возстановленія и перестройки ихъ заботами архим. Теофилакта и Іованнаѣ.— Постройка каменной вокругъ монастыря ограды и средства, изысканныя на это сооруженіе архимандритомъ Іованниномъ.

Мы уже видѣли, что еще митрополитъ Сильверстъ предписалъ архим. Исаян Русановичу постройку каменнаго монастырскаго храма. Но это дѣло сильно затянулось главнымъ образомъ по недостатку денежныхъ средствъ. Только въ 1776 г. игум. Филовей могъ донести епис. Варлааму, что на постройку каменной церкви уже приобретено сборами 1500 руб. и, сверхъ сего, ему далъ слово помогать въ издержкахъ на эту крупную постройку — болыскій купецъ Семень Шевыринъ. Извѣщая объ этомъ, игумень просилъ дать архіерейскую грамоту на заложеніе храма съ тѣмъ, чтобы вести это сооруженіе по готовому плану только лишь выстроенной тогда на средства изъ кабинета Ея Величества Барнаульской Петро-Павловской церкви **). Грамота была прислана и церковь заложена, а между тѣмъ Шевыринъ началъ уклоняться отъ обѣщанныхъ жертвъ, ссылаясь, что не годить немного, что будетъ еще говорить по сему предмету съ самимъ Преосвященнымъ⁴. Очевидно, надежда на Шевырина была плоха и Филовей исходатайствовалъ у консисторіи двѣ сборныя книжки на 5 лѣтъ «для сбора прикладовъ отъ разныхъ боголюбцевъ»**) по всему Томскому и Енисейскому краю. Сборъ шелъ не обильно: по двумъ книжкамъ въ 1777 году было набрано только 487 р. 52 коп. †), а въ слѣдующіе годы, вѣроятно, набиралось еще меньше. За настоятельство Виктора Калининскаго произошли

*) Монаст. дѣла за 1807 г.; св. 8.

***) Донесеніе игум. Филовей отъ 31 марта 1776 г. М. арх.; св. 2.

***) Довошеніе и просьба того-же игумена отъ октяб. мѣс. 1776 г. Тамъ-же.

†) Отрывокъ приходной вѣдомости за 1777 г. М. арх. св. 12.

печальное событіе, заставившее строикою снѣшить. Въ ночь на 24 января 1779 г. отъ худой печки, на которую уже давно указывали игумену, какъ очень опасную для существовавшаго и уже уснѣвшаго обветшать деревяннаго храма, храмъ этотъ сгорѣлъ, осталась одна колокольня, стоявшая въ то время отдѣльно въ самой монастырской оградѣ. Вратія должна была посѣщать богослуженіе въ сосѣдней Христо-Рождественской церкви. Въ іюнь того-же 1779 г. придѣльные алтари во имя св. мучениковъ Флора и Лавра и прендоб. Алексія челоуѣка Божія торопливо были изготовлены къ освященію и по архіерейской грамотѣ, присланной на имя управлявшаго монастыремъ протоіер. Михайловскаго, были освящены имъ-же 14 и 17 августа.^{*)} Сооруженіе же главнаго алтаря, во имя Казанской Божіей Матери, шло очень медленно. Его освященіе совершилъ игум. Палладій 20 ноября 1789 г.,^{*)} т. е. послѣ закладки храма чрезъ 13 лѣтъ. Странно, что иконостасъ для этого главнаго алтаря изготовляется долгое время и потомъ. По дѣлу его сооруженія игум. Даніилъ вошелъ въ переписку съ самимъ Преосвященнымъ и переслалъ ему 150 руб., съ почтительнѣйшей просьбой избрать рисунокъ для иконостаса и рекомендовать кого-либо изъ тобольскихъ мастеровъ какъ для рѣзбы, такъ и для написанія иконъ. Преосвященный отвѣтилъ, „что здѣсь въ Тобольску два маляра, кои поисправнѣе малюють, Мисюревъ да Черепановъ, но оныя находятся въ подрядахъ, а по посланнымъ при семъ рисункамъ можете вы подрядить какъ рѣзбу сдѣлать, такъ и иконы намалевать въ Красноярску или оттуда мастеровъ потребовать—какъ сходиѣе будетъ,—а ихъ люди въ искусствѣ хвалять.“ Даніилъ послѣ того извѣстилъ Преосвященнаго радѣтеля, что непременно послѣдуетъ его архимонастырскому совѣту и закажетъ работу въ Красноярскѣ, ибо хотя въ Томскѣ и нашелся „мастеръ Адріанъ Кошелевъ гладь и рѣзбу дѣлать за 500 руб., но мнѣ кажется это дорого“^{*)}.

Долго строилась главная часть монастырскаго каменнаго храма, но еще дольше его колокольня. Съ нею скудная по своимъ средствамъ обитель рѣшительно выбилась изъ силъ. Товарищъ Томскаго заказчика Богоявленскій священникъ Василій Чемесовъ писалъ архіепископу, что томскіе церковные строители и старосты говорили (ему), что игумень Даніилъ при постройкѣ монастырской колокольни „отъ той городской церкви увезъ кирпичи, отъ другой лѣсъ, отъ оной известку и прочее, обѣщавъ взятое возвратить, когда можетъ въ томъ исправиться“ и не возвращаетъ^{**)}. Но онъ потому не возвращалъ, что нечего было возвратить. Въ рапортѣ отъ 1802 г. игумень до-

^{*)} Письмо преосвящ. Варлаама Том. игум. Даніилу отъ 11 янв. 1799. Мон. арх.: св. 6. Черновой отвѣтъ Даніила. Тамъ-же.

^{**)} Доношеніе товарища Томс. заказчика свещ. В. Чемесова отъ 1802 г. Дѣла за 1802 г. № 290. Арх. Том. конс.

посилъ консисторіи, что „каменная колокольня доведена постройкою до верхнихъ оконъ, и далѣе строить нечимъ: нѣтъ ни денегъ, ни матеріала. А какъ сія церковь и сія колокольня начались строеніемъ въ 1776 г. и довершены и по нынѣ единственно по всегдашнему недостатку суммъ,* то онъ просилъ бы дать ему дозволеніе обратиться со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о помощи монастырю въ количествѣ 3000 руб. къ Его Величеству Государю Императору. Консисторія, разъяснивъ игумену, что распоряженіемъ Св. Синода отъ 7 августа 1802 г. духовнымъ лицамъ воспрещено относиться къ Его Величеству съ непосредственными просьбами, да вообще такимъ ходатайствомъ Государя утруждать неудобно, опредѣлила дать въ Томскій монастырь сборную книгу на 3 года*). Кроме сборщиковъ, отправленныхъ по селамъ и городамъ Томскаго и Енисейскаго края, Данилъ въ 1805 г. «пустилъ» въ Томскѣ два подписанныхъ листа для записи жертвъ на сооруженіе колокольни. Какъ туго шли сборы по этимъ книжкамъ и листамъ можно видѣть изъ слѣдующихъ сохранившихся въ архивѣ показаній. По одной книгѣ было собрано въ 1804 г. съ 27 января по 21 марта 49 руб. 53 коп., отъ 1 іюня по 1 ноября 40 руб., съ ноября по конецъ декабря 31 руб. и, кромѣ того, на достроеніе колокольни крестьянинъ Ник. Былинъ приложилъ 10 руб. По одному подписаному листу, пущенному въ г. Томскѣ, въ 1805 было собрано 134 руб. (самую крупную жертву въ 25 р. подписалъ первый Томскій губернаторъ Хвостовъ), по второму 28 руб.***) Какъ трудно было строиться при подобныхъ сборахъ — понятно само собою. Между тѣмъ Данилъ вздумалъ было еще соорудить въ колокольнѣ алтарь во имя праведнаго Лазаря. Намѣреніе было пресѣчено впушительною резолюціею Преосвященнаго: „излишнихъ церквей законъ строить запрещено, да подъ колокольнею и мѣсто тѣсное и церкви бы безъ всякой нужды по прихотямъ однимъ дозволить не можно, помѣщать лучше употребить на кладовую или ризницу“***).

Колокольня была, наконецъ, довершена при архим. Θεофилактѣ. Архим. Иоанникій успѣлъ расположить какого-то жертвователя, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, къ пожертвованію на сумму 1065 руб., для обивки шпала на колокольнѣ листовымъ желѣзомъ, окраску всей церковной крыши и золоченіе креста †). Тотъ же настоятель соорудилъ пристройку къ приходу св. Алексѣя человека Божія на сумму 2586 р. 70 коп.

*) Указъ Том. Конс. игум. Данилау отъ 3 ноября 1802 г. Мон. арх.; св. 9.

***) Приходъ книга за 1804—1805 г. Мон. арх.; св. 9.

****) Указъ игум. Данилау отъ 9 іюня 1795 г. Мон. арх.; св. 8.

†) На рапортѣ объ этомъ пожертвованіи преосвященный написалъ: столь равносудно судятъ настоятели и пожертвованія прежнія и настоящія заслуживаютъ не только признательности, но и записаны быть въ послужномъ спискѣ для представленія, если и оглазу совершатъ къ отличію“. Ук. кон. отъ 30 окт. 1831 г. Мон. арх.; св. 9.

При пожарѣ церкви въ ночь на 24 число января 1779 г. въ монастырскомъ церковномъ имуществѣ произошли огромныя убыли. Погорѣло много иконъ и, что было особенно прискорбно, среди нихъ погибли образа особенно, наиболѣе цѣнные. Въ послѣдующихъ описяхъ иконы въ серебряныхъ обладахъ и съ украшеніями изъ жемчуга встрѣчаются чрезвычайно (въ 84 руб. 40 коп.). Изъ утвари исчезли серебряный позолоченный потеръ (въ 84 руб. 40 коп.), сереб. дискосъ съ двумя блюдами (116 золот.), сереб. дарохранилище (81 зол.), кадило чеканное сереб. (66 золот.) и др. мелкія вещи. По разницѣ перенелось до 18 священ. и діакон. облаченій и опять такъ въ преимуществу старинныхъ, дорогихъ. Погорѣли и всебогослужебныя вещи, какія только были въ то время въ храмѣ для употребленія при ризницѣ, повседневномъ богослуженіи, начиная съ на престольныхъ евангелій. По указанію производившаго слѣдствіе о пожарѣ Красноярскаго протоіеря Михайловскаго, причина несчастія отнесена была къ небрежному смотрѣнію архимандрита игум. Виктора Калиновскаго. Поэтому консисторія въ возмѣщеніи монастырскихъ убытковъ сначала опредѣлила отобрать у виновнаго все что ему принадлежавшее имущество, какого, по оцѣнкѣ, оказалось на 36 руб. 96 коп. Но потомъ смиловалась, измѣнила рѣшеніе, ограничившись конфискаціей только собственной его игуменской серебряной посуды и собственныя же его церковныхъ ризъ **).

О стороннихъ болѣе или менѣе замѣтныхъ по цѣнности жертвахъ на потребности восполненія храмоваго имущества мы, можетъ быть по недостатку матеріала, не знаемъ, кромѣ жертвъ въ трехъ случаяхъ.

Въ 1780 г. „приложилъ“ въ Алексѣевскій монастырь томскій провіантъ-инженеръ Яковъ Алексѣевичъ Середининъ церковь во имя архистратига Михаила, построенную въ Калтайской деревнѣ его дѣдомъ, томскимъ старшимъ дворяниномъ Алексѣемъ Середининымъ. Стѣны приложеннаго храма были уже ветхи и потому монастырю ненадобны. Но приобрѣтеніе выписанныхъ изъ храма иконъ и утвари, послѣ недавняго пожара въ монастырѣ, было для послѣдняго очень кстати ***).

*) Судя по описи мон. церков. имущества за 1787 г., изъ прежнихъ наиболѣе украшенныхъ иконъ послѣ пожара церкви въ 1779 г. уцѣлѣли только: 1) храмовой образъ Алексія 1-го разѣ, 2) Казанской иконы Божіей Матери (мѣрою 7 вершковъ) въ сереб. вызолоченной рамѣ, 3) Спасителя (мѣрою 6 вершк.), 4) Пресв. Богородицы „Неоиманная Кунина“ и „Срамяшская въ ризницѣ принадлежности архимандричьяго облаченія уберечь отъ погорѣла въ иѣлости.—О потеряхъ церковныхъ вещей, сгорѣвшихъ въ пожарѣ 1779 г., см. указъ консист. Красноярскому протоіер. Алексѣю Михайловскому отъ 7 янв. 1780 г. и си. опись церков. вещей за 1787 г.—Монаст. арх.; св. 12.

**) Указъ консист. отъ 7 янв. 1780 г. протоіер. Михайловскому. Мон. арх.; св. 12.

***) На докладѣ о пожертвованіи Серединина преосвященный написалъ: «свою церковь со старыми утварью и иконами приказать перевезти, а какъ стѣны ветхи, то за ветхостію употребить на постройку церковь въ Калтайской деревнѣ, а утварь и иконы въ новостроенную монастырскую церковь». Указъ Тоб. конс. отъ 4 августа 1780 г. Арх. том. к., по описи № 983.

Въ 1820 г. купецъ, завѣзкій изъ Россіи, пожертвовалъ въ монастырѣ колоколь въ 90 слишкомъ пуд.

Въ 1830 г. жена поручика Марія Пункова, жившая въ Петропавловскѣ (Акмолинской области), переслала въ Тобольскую консисторію 3600 руб. для раздачи по монастырямъ и церквамъ Тобольской епархіи на церковныя нужды. Изъ этой суммы, при распределеніи ея, консисторія, въ виду особенной бѣдности Алексѣевской обители, выдѣлила для нея 300 руб. *)

Очень скромныя по своей постройкѣ монастырскія жилия и хозяйственныя зданія, унаслѣдованныя отъ предшествующаго періода, пришли въ большую ветхость. Послѣ того, какъ отошли отъ монастыря его крестьяне, всякія ремонты по монастырю оказались для него почти непосильными. Въ 1783 г. Томскому коменданту Томасу Томасовичу Девиленеву потребовалось краткая опись существовавшихъ въ городѣ монастырей и церквей. Монастырь представилъ свое описаніе въ такомъ видѣ: „Вновь строится церковь каменная съ двумя придѣлами. Прочее строеніе въ монастырѣ деревянное, именно: 1) колокольная ветхая, 2) настоятельская келья о пяти покояхъ, 3) монашескія кельи о разномъ числѣ покоевъ (сколько келій обозначено), 4) „восемь кладовыхъ амбаровъ подъ крышами въ томъ числѣ три погреба—все ветхое, 5) ветхая постройка надъ колодцемъ. Кухня, баня, два огорода. На дворцѣ, состоящемъ при монастырѣ: 1) двѣ служительскія избы въ одной связи—ветхія, 2) двѣ конюшни, 3) кузница ветхая. Вокругъ монастыря ограда ветхая. „При томъ же монастырѣ съ восточной и полуденной сторонъ покотинная городьба“. „Въ ономъ же Богородицѣ-Алексѣевскимъ монастырѣ, сказано въ концѣ описанія, имѣется школа, въ коей обучаются томскаго заказа священно-церковно-служительскія дѣти читать, писать славяно-россійскаго и латинскаго діалектовъ, иѣтъ по потребу арифметикѣ. Учитель при оной школѣ одинъ, а надлежитъ имѣть четырехъ учениковъ, содержащихся на собственномъ коштѣ, нынѣ состоитъ 92 чело-вѣка“ **).

Указанія относительно монастырскихъ ветхостей, данныя въ этомъ коротенькомъ описаніи, краснорѣчиво восполняются замѣчаніемъ о монастырѣ, какое сдѣлалъ игуменъ Палладій въ то время, когда только ко лишь прибылъ въ него для настоятельства. Мы уже знаемъ, что онъ называлъ монастырь „разсыпанной храминой“ во всѣхъ отношеніяхъ. Но въ виду главной и огромной заботы о сооруженіи каменнаго храма прочія монастырскія зданія если и исправлялись то лишь настолько, чтобы могли какъ-нибудь стоять. Игуменъ Даніилъ жаловался, что настоятельскія

*) Указъ Тоб. конс. архим. Юанникію отъ 18 іюня 1831 г. № 2569. Мон. арх.: св. 6.

***) Опись подана въ іюні 1783 г. Копія въ мон. арх.: св. 12.

они пришли въ страшную ветхость, что въ нихъ почти жить нельзя. Онъ ихъ перестроилъ и поддержалъ *), но не въ состояніи былъ отстранить то дурное впечатлѣніе отъ монастыря, о которомъ свидѣтельствовалъ Теофилактъ, когда въ первый разъ явился въ него. Мы читали заявленіе Теофилакта, что „нашелъ монастырь въ великомъ опустошеніи и развалинахъ“, такъ равнымъ образомъ и о томъ, что его трудами „построены настоятельскія деревянныя съ монашескимъ жильемъ кельи и произведены другія по монастырю постройки и поправленія“. Но кто въ особенности старался придать монастырю приличный видъ,—это его *строитель* по преимуществу архим. Іоанскій. Свою строительную дѣятельность онъ началъ съ того, что сложилъ деревянную ограду для возведенія каменной, каковую давно уже нужно было имѣть монастырю, расположенному въ центрѣ города, тѣмъ болѣе губернскаго. Задумавъ это большое дѣло, онъ исхлопоталъ изъ Tobольской Д. консисторіи обычныя сборныя книжки для сборовъ по Томской и Енисейской и даже Иркутской губерніямъ **). А когда постройка уже началась и потребовала отъ монастыря напряженія въ денежныхъ средствахъ, настоятель обратился къ Томскому гражданскому губернатору съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Ваше Превосходительство!... Богомъ врученный моему попеченію Томскій Богородицы Алексѣевскій монастырь, болѣе ста лѣтъ существующій, не имѣя достаточныхъ средствъ къ надлежащему поддержанію своихъ строеній, время отъ времени болѣе и болѣе ветшалъ и, наконецъ, уже приближался къ совершенному разрушенію, какъ Препоблагій Господь, воззрѣвъ милосерднымъ своимъ окомъ на сіе скудное словословія своего мѣсто, благоволилъ нынѣ чрезъ усердіе Томскихъ гражданъ и сильное стараніе меня недостойнаго Его служителя не токмо ветхости обители сей исправить, но и оградить ея съ трехъ сторонъ вмѣсто прежде бывшихъ ветхихъ деревянныхъ полами каменными стѣнами. Теперь остается только просить Его благостыню: да внушитъ благотворительнымъ сердцамъ желаніе къ возможному пожертвованію на возведеніе четвертой стѣны, начинающейся постройкою.

Извѣстенъ будучи о томъ уваженіи къ предметамъ благочестія, каковыя преисполняетея Ваше Превосходительство, и потому будучи удостоенъ, что не сочтете для себя отягощеніемъ предложить къ Высо-

*) Довесеніе игум. Данила отъ 1798 г. Арх. Томской конс., по описи № 133.

**) Довесеніе игум. Данила отъ 1798 Арх. Томской конс., по описи № 133.

**) Отсылка сборщиковъ изъ монастыр. служителей въ 1831 г. для сборовъ по Енисейской Иркутской губерніямъ занесена между прочимъ, въ тетради приходящихъ въ монастырь. дѣлъ за 1831 г. Мон. арх.; св. 6. Сбори не обошлись безъ притяженій. Енисейскій кавалеристъ изъ дворянъ Г—холь, прочитавъ въ сборной книжкѣ нужду Том. монастыря, раскларировалъ и бойко поднесъ жертву въ 500 руб. не вылагая ни одной копейки. Председателю Іоанскій требовалъ съ него эти деньги чрезъ Енисейск. архим. Ксенофонта. Г—холь отвѣтилъ, что отдастъ, когда разбогатеетъ. Мон. арх.; св. 9.

чайше вѣренной управленію Вашему губерніи и особливо въ городѣ Барнаулѣ и прочихъ мѣстахъ, отличающихся просвѣщеніемъ лицъ Горную часть составляющихъ, прилагаемый у сего листъ къ подпискѣ добродѣтельныхъ жертвователей на докончаніе каменной ограды, около Томскаго монастыря создаваемой, я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство оказать въ сей богоугодномъ дѣлѣ Ваше содѣйствіе, чѣмъ пріобрѣсти можете полное право на всегдашнія молитвы святой обители о ниспосланіи отъ Господа Бога вамъ и всѣмъ споспѣшествовавшимъ ея благосостоянію долгоденственной жизни и вѣчнаго спасенія.

Въ надеждѣ на обязательное вниманіе Ваше къ сей моей просьбѣ и посылное со стороны Вашей удовлетвореніе оной, я имѣю честь быть и проч.

Г. Томскій губернаторъ отнесся къ воззванію архимандрита съ полныхъ сочувствіемъ и въ предложеніи губернскаму правленію просилъ послѣднее распорядиться поспѣшнѣе посредствомъ городничихъ и земскихъ исправниковъ Томской губер. о приглашеніи благотворителей къ пожертвованію отъ избытковъ каждаго на докончаніе означенной ограды, составляющей украшеніе города съ тѣмъ, чтобы таковыя пожертвованія вмѣстѣ съ подписочными листами доставляемы были прямо настоятелю Томскаго Алексѣевскаго монастыря *).

Городничіе и исправники по подписочнымъ листамъ собирали пожертвованія не только въ уѣздныхъ городахъ съ горожанъ, но и среди крестьянъ чрезъ волостныя правленія. Ограда выведена была на протяженіи 357 сажень. Въ рапортѣ, поданномъ Томскому епископу Агапиту, архим. Іоаннѣйскій исчислилъ, что на постройку ограды всего истрачено 15304 р. 36¹/₂ к. Въ эту сумму вошли 1554 руб., остаточныхъ за разные годы отъ казеннаго штатнаго жалованія, 7474 руб. 39 коп. отъ добродѣтельныхъ даяній и 6275 рублей 97¹/₂ копѣекъ отъ сбереженій по разнымъ монастырскимъ общимъ и церковнымъ приходностямъ **). Заново перебралъ Іоаннѣйскій и монашескія помѣщенія, израсходовавъ на этотъ предметъ 1612 р. 74 к. ***)

При архим. Іоаннѣйскѣй часть монастырскаго мѣста, находящагося внутри ограды, была уступлена подъ деревянныя зданія для помѣщенія архіерейскаго дома, когда была открыта самостоятельная Томская епархія въ 1834 году.

*) Дѣло о сборахъ на постройку монастырскаго ограды. Мон. архивъ; св. 9.

**) Рапортъ архим. Іоаннѣйскіа преосв. Агапиту 2 іюня 1835 г. Мон.; св. 9.

***) Изъ рапортовъ архимандрита Іоаннѣйскіа и Амфилохія отъ 1835, 1837 г. Мон. архивъ св. 9 п 17.

5.

Упадок хозяйственной дѣятельности въ монастырѣ.—Скудость средствъ въ содержаніи монастыря и монастырской братіи.—Растраты.—Плохіе казначей и ихъ частая смѣна.—Ниженское положеніе братіи и ея крайне затруднительное положеніе, особенно въ то время, когда не было общей трапезы.—Общая монастырская бѣдность.—Усиленіе хозяйственной дѣятельности при Іоанникіяхъ.

Послѣ рокового для нашихъ монастырей 1764 г. хозяйственная дѣятельность Томской Алексѣевской обители должна была пріутихнуть сама собою. Она еще болѣе замерла отъ того, что монастырскіе настоятели прошлаго столѣтія, идущіе послѣ архим. Θεодосія, мало обращали на нее вниманія, да и, кромѣ того, слишкомъ часто мѣнялись они. Откуда болѣе всего монастырь могъ извлекать для себя хозяйственныхъ прибылей—это была киргизская заимка съ прилегающими къ ней нашенной землей, лѣсомъ, сѣнными покосами. На Киргизкѣ монастырь по-прежнему имѣлъ свой дворъ, гдѣ въ 1785 г., какъ это значится въ описи, представленной коменданту Дивилленеву, стояли настоятельская келья и служительская изба и при нихъ были амбаръ, погребъ, баня, конюшня и огородъ. Изъ другихъ извѣстій видно, что здѣсь же имѣлся небольшой скотный дворъ для содержанія лошадей и коровъ. Монастырь получалъ съ Киргизки овощи и молочные продукты, пользовался отсюда лѣсомъ, дровами и сѣномъ *), но только на свою монастырскую потребу. Продажа лѣсу практиковалась только при Палладіѣ, но это было явленіемъ крайне нежелательнымъ для обители, такъ какъ, вопервыхъ, выручки отъ продажи шли мимо монастырской казны, а, вовторыхъ, въ то время, какъ исчезали лучшія деревья на Киргизкѣ, монастырь покупалъ для отопленія своихъ помѣщеній дрова съ базара. Сѣнной покосъ за р. Томью могъ бы доставлять монастырю сѣно въ такомъ количествѣ, котораго достало бы и на продажу, но мы уже знаемъ, что въ большей долѣ онъ былъ отобранъ у монастыря захватомъ въ пользу томскихъ ямщиковъ, а уцѣлѣвшею отъ захвата частію монастырь или совѣмъ не пользовался, или отдавалъ ее въ коротомъ за небольшую плату. Не мало было свободныхъ мѣстъ у монастыря въ городѣ, около его собственныхъ обительскихъ зданій, но эти пустыри частію шли подъ огороды, частію лежали внутрѣ и еще съ конца прошлаго вѣка начали застраиваться бездано и безплатно для монастыря домами томскихъ обывателей. Рыбная ловля на р. Томи по Гладкой дресвѣ не считалась обильной, и хотя предъ временемъ осенняго рѣкостава монастырь высылалъ сюда наемныхъ рабочихъ съ своимъ нево-

*) Сѣно на Киргизкѣ ставилось трудомъ „помочанъ“. Въ расходной книгѣ за 1785 г. въ извѣстїяхъ такіа записи: „куплено шеничной муки на покосъ помочанамъ два була, куплено вина ведро съ четв. и т. д. М. ар.; сн 12.

Въ домъ *), но добычи были не велики и служили только подспорьемъ въ тому, что монастырскіе приобрѣтали покупкой на томскомъ рыбномъ рынкѣ. Такимъ образомъ, самымъ главнымъ, основнымъ средствомъ, на которое монастырь долженъ былъ опираться въ содержаніи своей братіи, ему служило обладное жалованіе, выдаваемое изъ Томск. казначейства. Обитель могла приобрѣтати еще нѣчто отъ продажи мѣсть для могилъ на своемъ кладбищѣ и отъ церковнаго служенія въ своемъ храмѣ. Къ сожалѣнію, въ архивныхъ бумагахъ, относящихся къ обозрѣваемому періоду, мы не нашли ни одной цѣльной записи, которая бы обнимала статьи монастырскихъ приходовъ и расходовъ за тотъ или иной годъ во всей ихъ полнотѣ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ намъ удалось пересмотрѣть цѣльныя вѣдомости только о церковной доходности. Какъ она была не велика, положимъ, во второй половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій выразительно показываетъ вѣдомость за 1776 и 1804 г. Изъ первой мы узнаемъ, что въ 1775 и 1776 г. за проданія въ церковь свѣчи было выручено 15 р. 63¹/₂ коп. и въ тотъ же періодъ времени собрано въ церковный кошелекъ 7 р. 20 коп. Какъ видится это поразительно мало. Во второй значится, что къ 1 января 1804 г. остаточной отъ предшествующаго года церковной суммы состояло 6 р. 74³/₄ коп. Въ январѣ и февралѣ прихода не было (!), въ мартѣ высыпано изъ церковнаго ящика денегъ, собранныхъ отъ dobroхотодателей, 8 руб. 22 к., въ апрѣлѣ высыпано изъ того же ящика 10 руб. 17 коп., въ маѣ и іюлѣ прихода не было, въ іюлѣ занисанъ въ приходъ только указанный уже выше вкладъ на строеніе колокольни Былина. Въ августѣ высыпано изъ ящика 7 р. 42 коп. и еще 4 р. 90 коп. Въ сентябрѣ приходу не было, въ октябрѣ высыпано изъ ящика 5 р., за ноябрь заниси совсѣмъ нѣтъ, за декабрь выручено всего 12 р. 69 коп. Всего по вѣдомости выведено годового церковнаго дохода 195 р. 67³/₄ коп., но сюда были включены и деньги, собранныя въ тотъ 1804-ый годъ по книгамъ, выданнымъ изъ консисторіи на строеніе колокольни **). Отсюда можно заключить какъ малы должны были быть поступления отъ церковнаго служенія (за исполненіе разныхъ требъ) и въ братскую кружку на помощь братскому содержанію изъ казеннаго источника ***). Вклады

*) Въ 1778 г. нанялись къ монастырю ловить рыбу монастыр. кнезодомъ Томскимъ иновѣстскіе крестьяне Милковъ, Камаевъ, Чарковъ, Исашинъ Иконниковъ и др. Каждый изъ работниковъ взялъ съ монастыря по 1 руб. 50 коп.—Рядная записъ отъ 3 октября 1778 г. М. арх.; св. 12.

***) Вѣдомости церковныхъ доходовъ за 1775—1776 и 1804 г. М. арх.; св. 12.

***) Всего больше доходовъ поступило въ братскую монастырскую кружку въ маѣ мѣсяцѣ, когда послѣ торжественнаго принесенія въ Томскъ чудотворныхъ иконъ изъ селъ Семилужнаго (икона свят. Николая чудотворца) и Богородскаго (икона Бож. Матери) эти высокопочтенныя въ Томскомъ населеніи святини на нѣсколько дней оставались въ монастырскомъ храмѣ. Горожане отдѣльными семьями являлись сюда и заказывали молебны. Въ 1798 г. соборный священникъ Андрей Неводчиковъ, назначенный послѣ игум. Палладія томскимъ заказчикомъ, распорядился означенныя св. иконы въ монастырь не заносить, а сейчасъ же, послѣ всеародной встрѣ-

собственно на монастырскую, а не исключительно на церковную нужду были крайне рѣдки, да и тѣ иногда поступали отъ лицъ изъ мѣстнаго монашескаго состава. Въ 1772 г. умеръ іером. Герасимъ, имѣвшій сына священникомъ въ Далматовскомъ заказѣ, и оставилъ послѣ себя денегъ 241 р. серебряной монетой. Предъ смертію Герасимъ распорядился 100 руб. передать сыну—священнику, а остальные завѣщалъ на братію своей обители съ выдѣленіемъ нѣкоторой части на нищенствующимъ жилищъ женскаго Христово-Рождественскаго монастыря *). На нужды же монастырской братіи пошли 100 р., оставшіеся послѣ умершаго въ монастырѣ въ 1771 году кузнецкаго игумена Адриана. При игум. Даніилѣ вдова поручика Тетрина отдала въ монастырь за поминовение родственниковъ разныхъ серебряныхъ приборовъ и вещей общимъ вѣсомъ на $5\frac{3}{4}$ фун., стѣнные часы, 4 стула, кресло, дрожки и проч. Серебро, часы и мебель перешли въ собственность настоятельской кельи **). 30 декабря 1802 г. игум. Даніилъ собственноручно сдѣлалъ на обложкѣ синодика такую помяту: „прикладываетъ вдова Параскева Трубачева денегъ 20 руб., которые должно взискать съ жены племянника ея Параскевы Агафоновой.“ Возможно, конечно, допустить, что записи о некоторыхъ пожертвованіяхъ не уцѣлѣли въ монастырскомъ архивѣ, или же попали намъ, но, судя по всему положенію дѣлъ, количество пропусковъ мы никакъ не можемъ предположить въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ жертвы существенно могли бы повліять на приподнятіе монастырскихъ средствъ.

Описанное представляетъ мало отраднаго. Но сюда еще нужно присоединить неоднократные случаи казенныхъ монастырскихъ растратъ. При увольненіи игумена Виктора, принявшій отъ него монастырское имущество, Красноярскій заказчикъ Михайловскій предъявлялъ къ уволенному начеть не только за потери въ сгорѣвшемъ церковномъ имуществѣ, но и за многія другія, происшедшія въ его правленіе, убыли въ общемъ монастырскомъ достояніи ***).

Растраты Палладія оказались для маленькихъ монастырскихъ средствъ страшно раззорительными даже тогда, когда въ нѣкоторой мѣрѣ онѣ были возмѣщены изъ суммъ, лично принадлежавшихъ виновному и отобранныхъ у

*) ставить ихъ въ соборномъ храмѣ. Игум. Даніилъ остался очень недоволенъ распоряженіемъ заказчика и немедленно отправилъ къ преосвящ. Варлааму рапортъ, въ которомъ жаловался: „приносимые изъ селеній образа, по указамъ, прежде должны стоять въ здѣшней монастырѣ и чрезъ три дня должны быть отноsimы въ соборную церковь. А нынѣшняго 1798 г. три оной соборной церкви находящійся священникъ Андрей Певодчиковъ тѣхъ образовъ свѣчь носить въ обитель не дозволяетъ,—удерживаетъ у себя въ соборной церкви и тѣмъ препятствуетъ какъ обители, такъ и всей братіи не малый ущербъ.“ Черн. рапортъ игум. Даніила 11 мая 1798 г. Мон. арх.; св. 12. Рапортъ вызвалъ архіерейское распоряженіе, возвращавшее къ прежнему установившемуся обычаю.

**) Указъ Tob. кон. игум. Нафаналу, ноябрь 1772 г. Мон. арх.; св. 12.

**) Дѣло о пожертвованіи Тетриной. Мон. арх.; св. 8.

***) Указъ Tob. кон. протоіер. Михайловскому отъ 15 мая 1780 г. Мон. арх.; св. 14.

него слѣдствіемъ. При постоянныхъ недостаткахъ въ количествѣ монастырской братіи казначейскую должность часто приводилось возлагать на лицъ или мало благонадежныхъ, или къ ней неспособныхъ.

До какой степени была велика возня въ нашемъ монастырѣ за вторую половину прошлаго и начало текущаго столѣтія съ выборами казначеевъ доказываютъ слѣдующіе факты. Въ январѣ 1777 г. игумень Филоеей нашель, что состоявшій при немъ казначей іеромонахъ Варнава въ должности неисправенъ и къ ней неспособенъ. Варнаву онъ смѣнилъ и на его мѣсто назначилъ вдоваго священ. Андрея Агѣева*). Но къ концу того-же года обнаружилось, что и Агѣевъ „по невоздержной жизни и частымъ бездѣльнымъ изъ монастыря отлучкамъ“ свое казначейское дѣло исправляетъ худо. Привелось смѣнить и его и возложить казначейскія обязанности на іером. Антонія. При выборѣ послѣдняго братія свидѣтельствовала, что Антоній „въ житіи постояненъ, не сварливъ, не пьяница, чинъ монашескій въ здѣшнемъ монастырѣ содержитъ безпорочно и должности казначея исправлять можетъ**“). А чрезъ полгода игум. Викторъ убѣдился, что избранный постоянно заявляетъ себя „въ худыхъ качествахъ“, и для казначейскихъ порученій совершенно негоденъ; а потому передалъ ихъ свящ. Стефану Тащереву***). Въ продолженіе 1780 г. монастырское казначейство снова было на рукахъ Антонія и удерживалось на нихъ до послѣднихъ чиселъ янв. 1781 г., когда Антоній заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Его смѣнилъ, по выбору братіи, іером. Германъ (Першуковъ) †). Но въ то время Германъ былъ уже старъ и бо-лѣзненъ. Поэтому въ слѣдующемъ 1782 г. братія снова нужно было присту-пить къ казначейскимъ выборамъ. Избрали свящ. Малахова †*). Нѣсколько подобныхъ смѣнъ произошло и потомъ, пока въ казначейской должности относительно на долго, не утвердился іером. Амвросій. Къ 1800 г. Амвросій по его собственнымъ словамъ, сталъ слѣпъ и забывчивъ, и самъ молилъ, чтобы отъ казначейства его уволили. На его мѣсто игум. Даниилъ назна-чилъ вдоваго священ. Іеремію Майкова. Майковъ оказался въ должности не исправнымъ. Его смѣнили запрещеннымъ свящ. Шалабановымъ, который на-шелся въ томъ дѣлѣ „совершенно нестернимъ“. Наконецъ, игум. Даниилъ остановился выборомъ на запрещенномъ діаконѣ Инфатьевѣ. Но изъ кон-систеріи дали знать, что почетную въ монастыряхъ должность казначея не удобно препоручать запрещеннымъ въ священно-служеніи; вѣдь было избрать другого. Но кого-же выбрать?—Этотъ вопросъ не могъ не поставить игумена

*) Распоряженіе игум. Филоея отъ 21 янв. 1777 г. Мон. арх.; св. 9.

***) Протоколъ о выборѣ Антонія монаст. братіей, отъ 20 декабря 1777. Мон. арх.; св. 12.

***) Распоряж. игум. Виктора Калиновскаго 3 іюня 1778 г. Мон. арх.; тамъ-же.

†) Протоколъ объ избраніи Германа Першукова. 28 янв. 1781. Тамъ-же.

†*) Протоколъ объ избраніи Малахова отъ 21 апр. 1782 г. Тамъ-же.

въ большое недоумѣніе. Указомъ отъ 15 мая 1802 г. посланъ былъ за вдовствомъ въ братство Алексѣевского монастыря діаконъ Григорій Поповъ (изъ Барнаульскаго вѣдомства). Не успѣвъ Поповъ явиться въ Томскъ, какъ состоялось о немъ другое консисторское опредѣленіе: отпратить его въ Енисейскій монастырь, гдѣ, по донесенію архим. Никодима, за престарѣlostію братіи некому (яко исполнить клиросныхъ послушаній. Томскій игумень былъ очень огорченъ съмѣшаннымъ рѣшеніемъ. Онъ слышалъ о добромъ поведеніи Попова и рассчитывалъ было на него, какъ на самаго пригоднаго для своей обители кандидата въ казначейскую должность. Выражая свое огорченное состояніе, Давидъ писалъ въ консисторію, что „здѣсь въ Томску монашествующіе тоже или престарѣлы или не воздержны, такъ что въ казначей и избрать некого“ и поневолѣ приводится терпѣть такихъ, какъ Шалабановъ, который „изъ послушанія выходитъ, ведетъ жизнь неодобрительную и въ монастырѣ оставаться навсегда не желаетъ“. Въ заключеніи донесенія игумень просилъ консисторію: Попова удержать въ Алексѣевскомъ монастырѣ, а въ Енисейскій посылать Шалабанова *). Такимъ образомъ, дѣло доходило чуть не до борьбы между монастырями изъ за нужнаго человѣка. Енисейскій монастырь взалъ, однако, верхъ. Поповъ поѣхалъ туда, а томской обители оставалось довольствоваться казначеями изъ наличной убогой братіи до тѣхъ поръ, пока не прибылъ сюда „на жительство“ никогда и нигдѣ несудившійся свящ. Ковригинъ. Обрадованный повоприбывшему и немедленно возложившій на него казначейскія обязанности, игум. Давидъ, наконецъ, вышелъ изъ затрудненія по вопросу: гдѣ найти казначея, вмѣсто предполагаемаго Ивфатьева.

Можно представить, какъ при казначеяхъ, чуть не поголовно въ должности несправныхъ, должно было идти ближайшее, непосредственное завѣдываніе монастырскимъ хозяйствомъ. Потери въ хозяйствѣ, въ томъ или другомъ видѣ и количествѣ, были постояннымъ явленіемъ. Въ 1780 г. казначей іером. Автоній въ трапезной вслухъ всей братіи объявилъ, что въ отсутствіи отсутствующаго мѣсто монастырскаго настоятеля, протоіерея Михайловскаго, свѣ, будучи въ болѣзненномъ состояніи, распродалъ всѣхъ монастырскихъ лошадей и вырученныя отъ продажи деньги возвратитъ не можетъ **). Шалабановъ казенное жалованіе монастырскимъ служителямъ не выдавалъ, былъ изобличенъ въ опустошеніи братской кружки и неоднократныхъ случаяхъ хищенія даже жизненныхъ монастырскихъ припасовъ для препровожденія ихъ на сторону ***). Обвиненія въ подобномъ же родѣ были предъявляемы и къ Майкову.

*) Донесеніе игум. Давида въ Тоб. конс. отъ 6 іюня 1802 г. Мон. арх.; св. 12.

***) Донесеніе о растратѣ казнач. іеромон. Автонія отъ 4 декабря 1780 г. Мон. арх.; св. 2.

***) Дѣла Том. Дух. Правл. за 1802—1804 г. Равортъ игум. Давида.

Все изложенное, взятое въ совокупности, указываетъ съ неотразимостью, въ какой мѣрѣ скудно должно было быть въ нашемъ монастырѣ матеріальное существованіе братіи и какъ бѣденъ былъ монастырь вообще. Свое годовое 13, 10 или даже 6 рублевое жалованье члены братіи должны были издерживать на одежду, а на общее братское пропитаніе или почти исключительно только тѣ малыя части изъ казеннаго оклада, которыя по закону 1764 г. о содержаніи монастырей были выдѣлены на вино, на пиво, на приемъ монастыр. гостей и на дрова. Монахамъ и монастырскимъ бѣльцамъ въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ приходилось жить въ проголодь^{*)}, утѣшаясь по временамъ вспоможеніями отъ милостыни, которую доставляли въ монастырь нѣкоторые изъ Томскихъ сердобольцевъ во дни поминувеній своихъ усопшихъ сродниковъ. Такую милостыню на 30 руб. роздалъ, наприм., въ монастырѣ въ 1778 г. купецъ Шевыринъ^{**)}. О существовавшемъ обычаѣ томичей приходить въ обитель „съ подачею на братію милостыни“ свидѣтельствовала сама братія въ бумагѣ, поданной преосвященномъ въ заступничество за игум. Даніила противъ извѣта на него со стороны школьника Вѣллева.

Особенно тяжело было братіи въ отношеніи къ содержанію тогда, когда въ нарушеніе исконнаго обычая, въ нашемъ монастырѣ не существовало общей трапезы. Определенный въ Томское монастырское братство игумень Адрианъ пожаловался епархіальной власти, что хотя онъ и несетъ въ монастырѣ послушаніе своимъ священническимъ служеніемъ, но жалованія не получаетъ,—принужденъ жить на своемъ изждивеніи, да и братіи въ Томскомъ монастырѣ трапезы не поставляется, и выдается монахамъ деньгами по 50 коп. въ мѣсяцъ „на провіантъ, харчи и проч.“. Консисторія, распорядившись, чтобы Адриану выдавалось іеромонашеское жалованіе непременно, запросила: почему въ монастырѣ отмѣнена общая трапеза?^{***)} Игум. Нафанаилъ отвѣтилъ, что общей трапезы нѣтъ въ монастырѣ по той причинѣ, что казначей по старости своей закупокъ на рынокъ дѣлать не можетъ, „а случится для монастыря что купить, то по наказу продавцы сами являются въ обитель и приносятъ товаръ. Кроме же престарѣлаго казначея,—другого надежнаго къ веденію общей трапезы человека овъ, игумень, подыскать не могъ“^{†)}. Разумѣется, строжайше было предписано за-

*) Въ іюні 1786 г. издержано было на покупку для братіи муки и прочаго „харчу“ 4 р. 10 к., въ іюлі 4 р. 86 коп., въ августѣ 3 р. 91 к., въ сентябрѣ 6 р. 30 коп., октябрѣ 3 р. 48 к., ноябрѣ 5 р. 63 коп. Неравномѣрность расхода зависѣла отъ покупки въ нѣкоторые мѣсяцы муки гуртомъ. Рыбы покупалось на братію въ день, далеко не каждый, на 5, 7 и 3 коп., горячаго вина въ праздники на 20 коп. „Книга расхода за 1785—1786 г.“; сохранилась не вся. Мош. арх.; св. 12.

**) Милостыня Шевырина упомянута въ донесеніи игумена Виктора о поведеніи монашествующихъ. Мош. арх. св. 12.

***) Указъ Tob. Консист. игум. Нафанаилу отъ 6 сентябля 1770 г. М. арх.; св. 12.

†) Донесеніе игум. Нафанаила отъ 8 окт. 1770 г. М. арх. св. таже.

вести общую трапезу безъ всякаго замедленія, тѣмъ болѣе, что на этотъ счетъ уже сдѣлано было особое распоряженіе св. Синода по всеѣмъ монастырямъ, гдѣ послѣ отнятія монастырскихъ имѣній и ассигнованія монастырямъ жалованья, во многихъ случаяхъ также прекратили было общую трапезу *).

Въ игуменство Палладія общей трапезы въ Алексѣевскомъ монастырѣ снѣтъ не было. Если вспомнимъ при этомъ, что Палладій жалованье братіи не додавалъ или совсѣмъ не выдавалъ, то положеніе ея за это время пужно признать рѣшительно бѣдственнымъ. Это подтверждается какъ общей жалобой монастырскихъ обитателей на того игумена за худое при немъ содержаніе всеѣхъ и всего въ монастырѣ, такъ въ частности и нищетою, какую терпѣлъ взятый Палладіемъ въ монастырь діаконъ Курбаковскій. Чрезвычайно странно, что древне-монастырское установленіе общей трапезы не хотѣлъ въ томской обители поддерживать за 20-е годы нынѣшняго столѣтія даже архим. Іеронимъ. Послѣ его смерти временно управлявшій монастыремъ свящ. Георгій Маминъ писалъ архіепископу Евгенію: „по прибытіи въ монастырь, я усмотрѣлъ, что братія его не имѣетъ общей трапезы, по всякій, получивъ на руки провіантныя деньги, по произволу своему наймывалъ квартиру внѣ монастыря и тамъ имѣлъ столъ. Кухню же, принадлежащую монастырю, заняли ученики томскихъ училищъ“ ***). На рапортѣ Мамина послѣдовала резолюція: „жить братіи внѣ монастыря воспретить, трапезу завести“.

Общая бѣдность обители открывается сама собой въ виду уже переданныхъ огромныхъ затрудненій, съ которыми сооружался обительскій каменный храмъ. На нее же ясно указывалъ и убогій видъ монастырскихъ жилыхъ помѣщеній. Въ тяжелый для Россіи 1812 г. особымъ указомъ Tobольской консисторіи были привлечены къ жертвамъ на нужды отечества и все монастыри Tobольской епархіи, при чемъ Tobольскому Знаменскому монастырю предписано было выдать 500 руб., Абалацкому 600 руб., Енисейскому 450 р., а Томскому 100 р. ***). Въ этомъ случаѣ среди другихъ епархіальныхъ монастырей томская Алексѣевская обитель была поставлена на послѣднемъ мѣстѣ. Мы уже имѣли поводъ привести указаніе архим. Іеронима на то выразительное обстоятельство, что своими средствами монастырь не могъ построить маленькой мельницы на мѣстѣ, отведенномъ Томской Казенной Палатой. На консисторское предложеніе монастырямъ о вспоможеніи бѣднымъ ученикамъ всеѣхъ Tobольскихъ духовныхъ училищъ, тотъ же архимандритъ рапортомъ 1820 года отвѣтилъ, что бѣдный томскій монастырь не въ состояніи покрыть своихъ собственныхъ самыхъ насущныхъ нуждъ, а потому

*) Ув. Св. Синода отъ 8 авг. 1766 г. М. арх.; св. 9.

**) Архивъ Томск. Конс., по описи № 1138.

***) Указъ Tob. конс. архим. Теофилакту отъ 31 авг. 1812 г. Мюн. арх.; св. 17.

никакихъ пожертвованій въ пользу немущихъ воспитанниковъ обшчать не можетъ *).

Архимандритъ Іоанникій сумѣлъ приподнять доходность въ монастырѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства его содержанія. У насъ нѣтъ свѣдѣній о всѣхъ мѣрахъ его хозяйственной распорядительности, но, несомнѣнно, что онъ лучше чѣмъ было прежде поставилъ хозяйство на Киргизкѣ и, между прочимъ открылъ тамъ новую статью для извлеченія монастырской выгоды. Дѣло въ томъ, что устье Б. Киргизки представляло очень удобное мѣсто для стоянки судовъ на зиму и во время бурнаго по р. Томи весенняго ледохода. Іоанникій не позволилъ судохозяевамъ пользоваться монастырскимъ мѣстомъ даромъ и потребовалъ съ судовъ платы. Въ 1835 г. казначей діаконъ Бисеровъ по приказу, данному ему настоятелемъ, взялъ по этой статьѣ дохода съ купца Серебрянкова 75 руб., съ Шумилова 50 руб., Бодаткова 25 р. и Базина 25 руб. **). Въ слѣдующемъ году шедшій въ данномъ случаѣ по стопамъ предшественника архим. Амфилохій собралъ за одинъ разъ съ судовъ 200 руб. ***). Кажется, что тотъ же архимандритъ первый началъ взимать арендную плату съ томскихъ жителей, построивших свои дома въ монастырскомъ мѣстѣ. Иногда онъ и самъ раздавалъ монастырскія мѣста, между прочимъ монастырскимъ служителямъ, чтобы строились здѣсь на извѣстныхъ выходныхъ для обители, условіяхъ †). Значительно увеличились при Іоанникіѣ въ обители и спеціально церковные доходы. Въ приходной вѣдомости за 1835 г. годовою доходъ по всѣмъ монастырскимъ прибыльнымъ статьямъ, исключая казеннаго жалованья, выведенъ въ цифрѣ 2918 р. 91 коп. асс. †*). Это представляло сумму, о какой монастырь въ прежнее время не могъ и мечтать. Впрочемъ, нужно сказать, что погруженный въ строительную дѣятельность Іоанникій старался блюсти самую ценитильную экономію вездѣ и во всемъ. У него не пропадали ни какіе самые мелкіе остатки отъ строительнаго матеріала: все подобное онъ сбывалъ продажою томичамъ. Тугъ онъ былъ и на издержки для монастырской транезы. Намъ встрѣтилась жалоба на него, что кормитъ братію скудно †**). Въ 1830 г. экономный настоятель-хозяинъ рапортомъ писалъ въ Tobольскую канцелярію, что Томск. Дух. Правленіе отапливается монастырскими дровами и дровъ выходитъ на него въ зиму 12 сажень (при одной печи). Каждая сажень стоитъ 1 р. 40 к. ассиг. Такимъ образомъ всего издерживается на Дух. Правленіе монастырскихъ 16 руб. 80 коп. Представивъ вычисленіе, архимандритъ просилъ разрѣшенія на сборъ указанныхъ 16 руб.

*) Черновой рапортъ архим. Геронима за апрѣль 1820 года. М. арх.; св. 13.

***) Приказъ казнач. діакону Бисерову отъ 15 марта 1835 г., Мон. арх.; св. 9.

****) Отрывокъ изъ приход. книгъ за 1836 г. Мон. арх.; св. 12.

†) Договоры съ монастырскими служителями см. Мон. арх.; св. 12.

†*) Приход. вѣд. за 1835 г. Мон. архивъ. Св. 12.

†**) Монаст. арх.; св. 9.

80 коп. съ томскаго духовенства на монастырскую пользу. Преосв. Евгений на рапортѣ написалъ: „не дѣло затѣваетъ старецъ. Когда предшественникъ отащивалъ, то отащивать и ему, ибо онъ же присутствуетъ въ Правленіи. Монастырь отъ 16 руб. не разорится. А если сборъ дозволить, то будетъ ропотъ: вмѣсто 16 руб. соберутъ 160* *)“.

6.

Условія, неблагопріятствовавшія поддержанію нравственной жизни въ монастырѣ. — Неодобрительные отзывы о поведеніи братіи со стороны настоятелей. — Проступки монашествующихъ. Худое поведеніе послушниковъ. — Мѣры взысканій и наказаній. — Заботы о приобщеніи и возстановленіи дисциплины. — Распоряженія на этотъ счетъ мѣстной монастырской власти и епархіальнаго начальства.

Братія состояла изъ вдовыхъ священно-церковно служителей, шедшихъ въ монастырь безъ особой къ нему склонности, по приказаніяхъ начальства и въ силу вынужденныхъ обстоятельствъ, связанныхъ со вдовствомъ. Это были люди сплошь или вовсе неучившіеся или прошедшіе только самые низшіе классы духовной школы. Большинство изъ нихъ до вступленія въ монастырское братство перебивало подъ судомъ и иногда не одинъ разъ. Въ монастырѣ всегда затѣмъ было изобильно подначальнаго, т. е. монастырскими трудами штрафуемаго элемента, среди коего нерѣдко встрѣчались личности, опустившіяся въ поведеніи до несправимости. Все это представляло очень невыгодныя въ бытовомъ смыслѣ условія. Но сюда еще нужно присоединить общій низменный тонъ нравственной жизни, свойственный Сибири въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія, и то матеріальное убожество монастыря, которое не могло не дѣйствовать пригнетающе на его насельниковъ, и мы поймемъ почему уровень нравственнаго состоянія нашей сибирской Алексѣевской обители далеко не могъ отвѣчать высотѣ требованій, какую мы въ правѣ были бы предъявлять къ учрежденію для прохожденія благочестной иноческой жизни.

Съ большимъ прискорбіемъ мы еще разъ должны упомянуть здѣсь слишкомъ соблазнительный для братіи примѣръ, проявленный въ поведеніи одного изъ монастырскихъ настоятелей и съ отрадою отмѣчаемъ, что доносы о неблаговидностяхъ въ жизни двухъ другихъ игуменовъ, послѣ тщательнаго официальнаго о нихъ разслѣдованія, не нашли подтвержденія. Что же касается поведенія рядовой братіи, то нашъ матеріаль, какъ отчасти объ этомъ можно догадываться по нѣкоторымъ даннымъ изъ предшествующаго изложенія, доставляетъ огромное множество отрицательныхъ свидѣтельствъ,

*) Ук. Тоб. Кон. Юаникию отъ 4 декаб. 1830 г. Мон. арх.; св. 17.

въ перѣдкихъ случаяхъ изображая ихъ въ картинахъ самаго обиднаго свойства. Первымъ по времени (въ обозрѣваемой періодѣ) дурнымъ свидѣтельствомъ является тяжелая исторія, при которой самымъ существеннымъ образомъ потерпѣлъ въ ссорѣ заштатный Кузнецкій игум. Адрианъ. Главный виновникъ исторіи іером. Мисаилъ долженъ былъ послѣ того отправиться въ Туруханскій монастырь въ оковахъ, съ запрещеніемъ священнослуженія навсегда и съ приказаніемъ „быть ему въ самыхъ тяжелыхъ черныхъ трудахъ неисходно“ *).

Игум. Филовей писалъ въ Tobольскъ о „крайнемъ непостоянствѣ“ въ жизни подвѣдомой ему монашеской братіи.

Вскорѣ по прибытіи на Томское настоятельство, игум. Викторъ Колиновскій донесъ, что томскіе монахи привыкли жить „распущенно и самовластно, частовременно уходятъ за ограду и волочатся по улицамъ и даже по иштейнымъ домамъ, — его увѣщаній не слушаются, оскорбляютъ ругательствами и за настоятеля его, игумена, не хотятъ признавать“. Въ другихъ донесеніяхъ онъ жаловался на постоянно повторявшіеся случаи „подгулокъ и шумства“ среди братіи, и описавъ ихъ подробно, выражалъ полное отчаяніе въ пригодности всѣхъ мѣръ, практиковавшихся для смиренія непокорныхъ **). Послѣ одной изъ многихъ послѣпраздничныхъ подгулокъ, сопровождавшейся особенно большимъ шумствомъ, игумень допросилъ виновныхъ старцевъ: гдѣ взяли денегъ на не трезвое веселье? Ему отвѣтили, что всѣ вмѣстѣ тайкомъ ходили къ воеводѣ Тимяряеву и выпросили у него денегъ въ счетъ казеннаго жалованія за вторую половину 1778 г. Викторъ послѣ того глубоко сѣтовалъ на воеводу: зачѣмъ оказалъ потачку монахамъ, „которымъ нужно жалованье на одежду, ибо не только дома, но и въ церковь ходятъ они въ изодранномъ и многорунномъ, нечистомъ платьѣ“ ***). До какой степени упала тогда монашеская жизнь и вообще дисциплина среди томской братіи—особенно ярко рисуютъ намъ записки о монашескихъ проступкахъ, веденныя игум. Викторомъ за конецъ 1777 и начало 1778 г. и сгруппированныя имъ въ одну тетрадь †). Этотъ слишкомъ соблазнительный документъ доказываетъ, что монахи пропадали изъ монастыря на нѣсколько дней, а возвращаясь сюда, заводили буйства, для покушки вина закладывали свои вещи и одежду и пр. и проч. Въ августѣ 1778 г. игумень писалъ, что „нынѣшнимъ лѣтомъ“ пономарь Петръ Бѣляевъ взялъ изъ монастырскаго книжнаго шкафа старопечатный требникъ и творенія св. Григорія Низіанзена и передалъ ихъ іером. Варнавѣ и Антонію, которые тѣ украденныя книги неизвѣстно кому продали и вырученной суммѣ дали самое

*) Доношеніе игум. Нафанаила отъ 9 ноября 1871 г. св. Ук. Tob. Конс. отъ 12 мая 1772 г. Мон. арх.; св. 12.

***) См. черновые рапорты игум. Виктора въ М. арх.; св. 12.

***) Донесеніе игум. Виктора отъ 1778 г. Мартъ. М. арх.; св. 9.

†) Мон. арх.; св. 12.

редостойное употребленіе. Кроме того, Варнава потаенно раздалъ мірекимъ людямъ книги четьи-миней, такъ что теперь въ монастырѣ изъ этихъ книгъ не осталось ни одной *). Наконецъ, Викторъ сообщалъ, что многіе изъ братіи очень рѣдко являютъ въ церковь къ богослуженію и чтобы побудить ихъ къ болѣе исправному посѣщенію храма, онъ, игумень, началъ налагать на нихъ штрафъ вычетовъ изъ жалованья за каждую опущенную вечерню 2 коп., утреню 5 коп. и литургію 7 коп. и что всѣ братія рѣдко бываетъ на исповѣди. Такъ, іером. Іезекель ни разу не исповѣдывался съ 1772 г., а всѣ прочіе монастырскіе штатные жильцы не были у исповѣди продолженіи всего великаго поста въ текущемъ 1778 году **).

Дѣло шло не лучше и за время управленія ближайшихъ преемниковъ Виктора Колиновскаго—игуменовъ Иннокентія и Палладія. Очень много при Иннокентіѣ производилъ соблазна въ монастырѣ и за его оградой, въ городѣ, переведенный за дурное поведеніе изъ Енисейска вдовый діаконъ Караульщиковъ. При всей своей малой подвижности въ дѣлѣ письменныхъ доношеній съ тобольскою властію, Иннокентій все таки вынужденъ былъ довести, что худыми поступками Караульщиковъ перевысилъ мѣру его, игуменскаго, долготерпѣнія, что никакія наказанія на діакона не дѣйствуютъ, напротивъ „послѣ каждой приложенной къ нему мѣры смиренія онъ входитъ въ еще большее ожесточеніе и упрямство“. Выразивъ отчаяніе въ возможности тѣмъ или инымъ способомъ унять виновнаго и привести его хоть сколько нибудь къ приличной жизни, игумень убѣдительно просилъ преосвященнаго: „оного діакона изъ здѣшняго монастыря, чтобы отъ него соблазну мірекимъ людямъ и поношенія духовному чину, а намъ монастырекимъ отъ шумства его безпокойства не происходило, перевести въ другой какой монастырь“ ***). Караульщиковъ предупредилъ игуменское доношеніе раньше отправленною въ Tobольскъ просьбою о дозволеніи ему принять монашескій постригъ въ той же Алексѣевской обители, гдѣ и состоялъ на жительствѣ. Разрѣшеніе было дано †), и чрезъ два мѣсяца послѣ своей жалобы игум. Иннокентій постригъ Караульщикова съ нареченіемъ его именемъ Венедикта. Мало того, за недостаткомъ въ монастырѣ священниковъ, годныхъ къ служенію, Венедиктъ былъ произведенъ въ іеромонахи. Но прежняго своего „шумства“ іеромонахъ не оставилъ. Онъ продолжалъ громкіе въ предосудительномъ смыслѣ подвиги, постоянно привлекая въ нихъ и другихъ членовъ братіи и въ особенности тѣсно дружившаго съ нимъ запрещеннаго священника Ивана (въ монашествѣ Іосифа) Хмылева.

*) Рапортъ игум. Виктора 20 авг. 1778 г. Мон. арх.; св. 12.

**) Донесенія игум. Виктора отъ 13 октяб. 1777 г. и отъ 31 іюня 1778 г.; св. 12.

***) Донесеніе игум. Иннокентія за 1782 г. іюль. Мон. арх.; св. 12.

†) Ук. консист. о пострижен. діакона Караульщикова отъ 16 іюля 1782 г. Тамъ-же.

Бѣгства изъ сибирскихъ монастырей лицъ монашествующихъ или отосланныхъ въ тѣ монастыри за вдовствомъ бѣлыхъ священно-церковно-служителей, — бѣгства съ укрывательствомъ въ какихъ нибудь потаенныхъ раскольническихъ уголкахъ, — были въ прошломъ столѣтїи вообще перѣдкою *). Печальные случаи таковыхъ же побѣговъ имѣли мѣсто въ частности и въ монастырѣ Алексѣевскомъ. Въ 1780 г. отсюда бѣжалъ вдовый священникъ Андрей Агѣевъ и остался неразысканнымъ навсегда **). Въ 1800 году скрылся изъ нашей обители только лишь определенный въ ея братство вдовый діаконъ Дуленовъ. Последняго нашли въ глухой Кузнецкой тайгѣ приставшимъ къ одной крестьянской семьѣ и послѣ того приговорили къ лишенію сана ***).

Кромѣ перѣдкимъ, уже приведенныхъ, прискорбныхъ примѣровъ преступнаго отношенія къ монастырской собственности, допущенныхъ монастырскими жильцами, таковой примѣръ встрѣчаемъ еще разъ въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ этомъ случаѣ виновность указывали на сторонѣ выше упомянутаго друга Венедикта іером. Іосифа Хмылева. Въ рапортѣ отъ 1793 г. игум. Палладій писалъ преосвященному, что при монастырѣ изъ церковнаго сундука пачезли старинныя книги, среди нихъ старая библія и нѣсколько свято-отеческихъ твореній печати XVII в., и что, по словамъ казначея іером. Амвросія, книги никто не могъ покрасть, кромѣ Іосифа Хмылева, которому онъ, казначей, когда отлучался изъ монастыря по хозяйственнымъ дѣламъ, не разъ передавалъ ключъ отъ церковнаго ящика. Іосифъ, добавлялъ игумень, самъ изобличилъ себя въ кражбѣ: „въ пасхальный вторникъ будучи въ азартѣ, онъ, проговаривалъ мнѣ: хватисься къ книгѣ“. Надъ Хмылевымъ назначили слѣдствіе. На слѣдствїи обнаружилось, что прѣзжалъ въ Томскъ изъ Колыванской губерніи г. Берска тамошній купецъ Егоръ Юшковъ и „вынытывалъ“ у Іосифа, какъ своего стараго знакомаго: какъ бы добыть изъ монастыря старинныхъ книгъ. Вскорѣ затѣвъ Іосифъ торопливо собралъ и отправилъ въ Берскъ жившаго при немъ своего сына Симеона. Что онъ проводилъ туда сына съ покраденными ящиками, въ этомъ, показывали свидѣтели, Іосифъ проговаривался самъ, когда бывалъ „въ подгулкахъ“. Подгулки онъ допускалъ часто, а своихъ денегъ для нихъ ему взять было не откуда, такъ какъ „доходовъ въ здѣшнемъ монастырѣ, кромѣ положеннаго по штату жалованья, почти никакихъ ни отъ чего не бываетъ“. Вообще, завѣряли монастырскіе свидѣтели, Іосифъ былъ поведенія неодобрительнаго, частовременно шатался изъ монастыря и пропадалъ

*) Въ одномъ 1764 г. изъ Далматова монастыря бѣжали: іером. Пля съ сыномъ Серапомъ, іером. Діонисій и іерод. Трифонъ. Ук. Конс. игум. Адріану отъ 26 марта 1764 г. Мон. арх.; св. 11.

***) О бѣгствѣ Агѣева. Мон. арх.; св. 12.

****) Дѣло о бѣгствѣ Дуленова. Арх. Том. Конс., 1880 г. № 184.

при этомъ надолго, да и прежде былъ не разъ уличаемъ въ томъ, что „воровски уносилъ изъ монастыря въ домъ ясашнаго Дмитрія Иванова разныя монастырскія вещи“. Казначей Амвросій, сверхъ того, припомнилъ, что обвиняемый былъ неоднократно запрещаемъ въ служеніи, когда еще состоялъ на приходѣ въ Берскѣ и, между прочимъ, понесъ наказаніе запрещеніемъ за то, что усильно схватилъ шедшую за водою крестьянскую дѣвку и, въ противность св. правиламъ, повѣнчалъ ее съ малолѣтнимъ сыномъ (чтобы спасти послѣдняго отъ школы). Какъ ни оправдывался Хмылевъ, какъ настойчиво ни указывалъ, что самъ не мало изумлялся постояннымъ пронажамъ изъ монастыря старинныхъ книгъ, которыя ему доводилось встрѣчать у нѣкоторыхъ Томскихъ жителей (у кунца Клемышева и мѣщанина Пущанова), его завили и изъ Tobольска прислали повелѣніе: ѣхать ему въ Туруханскъ. Впрочемъ, путаное, полное неясностей дѣло о покражѣ Хмылева даетъ основаніе сильно заподозривать, что въ данномъ случаѣ игумень постарался нѣчто свалить съ своей больной головы, хотя, конечно, то же не на здоровую *).

Свидѣтельство Палладія о неурядкахъ въ жизни подчиненной ему братіи и о своемъ безсиліи „отвращать“ ихъ мы уже приводили. Если къ его свидѣтельству присоединимъ великіе неурядки, допущенные имъ самимъ, если, кромѣ изложеннаго о Дулеповѣ и Хмылевѣ, вспомнимъ постыдный обыскъ по всемъ кельямъ, произведенный городскими ратманами въ 1792 г. и все это добавимъ сообщеніемъ томскаго соборнаго священника Неводчикова **), что при Палладіѣ не всегда въ монастырѣ отиравлялась и церковная служба,—картина получается по истинѣ удручающая.

Минова многіе очень недобрые отзывы о поведеніи въ монастырѣ, давленные по различнымъ поводамъ игум. Даніиломъ, и его многочисленныя донесенія о проступкахъ отдѣльныхъ лицъ изъ братіи,—ограничиваемся указаніемъ, что въ вѣдомости о монашествующихъ за 1803 г. Даніиль пять человекъ отмѣтилъ поведеніемъ „худымъ, невоздержнымъ“ и только троихъ „добрымъ“. Въ числѣ „добрыхъ“ оказался свиц. Іеремія Майковъ. Вскорѣ Майковъ устроилъ огромное шумство, о которомъ никакъ нельзя было замалчивать и игумень получилъ изъ Tobольска сильный выговоръ „за слабое вадъ поведеніемъ братіи смотрѣніе“ ***).

Что „неурядки“ случались и за настоятельство архим. Теофилакта, это подтверждаетъ жалоба Теофилакта, посланная имъ вскорѣ по прибытіи въ Томскъ, въ свой Алексѣевскій монастырь. Она касалась поведенія діакона Дерябина. Дерябинъ „оказывалъ грубости, безчиніе, неповиновеніе,

*) Дѣло о покражѣ, допущенной Хмылевымъ Іосифомъ, 1793 г. Мов. арх.; св. 12.

***) Донесеніе Неводчикова въ Tobольскъ 1797 г. Арх. Том. Консист., по описи № 131.

***) Ук. Tob. Конс. 1803. М. арх.; св. 9.

чѣмъ не только живучи въ многолюдномъ мѣстѣ, наносилъ стыдъ и нареканіе на чинъ свой, но и для монастыря сдѣлался отвратителемъ и нестерпимъ^{*}. Архимандритъ представилъ о необходимости перевести Дерябина въ Туруханскій монастырь, „гдѣ, конечно, пайдетъ онъ меньше случаевъ къ пьянству и развращенію“^{*)}. И вскорѣ діаконъ дѣйствительно отправился туда—въ мрачную сторону близъ устьевъ Енисея. Вообще Теофилактъ взи-скивалъ за всякій проступокъ въ монастырской жизни съ неуклонною строгостью и таковою же настойчивостью, и въ общемъ въ обители стало значительно приличіе, чѣмъ въ прежнее, даже недавнее время. Въ 1811 г. сильно забушевалъ въ монастырѣ присланный сюда на труды діаконъ Родюковъ, ругавшій архимандрита и грозившій очень злымъ дѣломъ надсмотрщику за работами подначальныхъ. Теофилактъ не только выпроводилъ буйнаго изъ за монастырской ограды, но и настояль, чтобы виновный былъ лишенъ сана и исключенъ изъ духовнаго званія^{**}).

Все таки монастырь не успѣлъ исправить своей репутаціи даже къ началу 30-хъ лѣтъ нынѣшняго столѣтія. Въ 1829 г. Томское Дух. Правленіе рапортовало преосвящ. Евгенію, что дьячекъ церкви с. Красноярчинскаго предается винопитію сильно и постоянно, что въ наказаніе его нужно было бы послать въ Алексѣевскій монастырь на черныя работы „до тѣхъ, пока не исправится и не покажетъ плодовъ достойныхъ покаянія“. Преосвященный въ резолюціи написалъ: „не отъ кого въ монастырѣ получить примѣръ“—и передалъ дѣло на разсмотрѣніе консисторіи. Консисторія рѣшила послать дьячка въ тотъ-же Алексѣевскій монастырь, но „особое смотрѣніе“ за нимъ поручила Томскому соборному протоіерею Евфимію Серебренникову^{***}). Въ 1834 г. весь составъ штатной братіи ограничивался, если не считать настоятеля и молодыхъ послушниковъ, тремя лицами и изъ нихъ двое были отмѣчены: „поведенія слабаго, къ послушаніямъ не способны“[†]).

На общемъ неприглядномъ фонѣ монастырской жизни насъ уже несколько не должно изумлять изъ рукъ вонъ дурное поведеніе, какимъ заявляли себя молодые послушники, опредѣляемые въ монастырь для подготовленія къ причетническому служенію или прямо изъ домовъ родителей, или изъ школъ за неспособностью къ прохожденію школьнаго обученія. Сынъ Іосифа Хмылева, послушникъ Симеонъ Хмылевъ, при Пинокентіѣ или Палладіѣ укралъ изъ монастырскаго храма два серебряныхъ блюда и за то, по повелѣнію отъ главной команды, Томской управою благочинія былъ жестоко наказанъ розгами въ городѣ Томскѣ на публичномъ мѣстѣ при собраніи народномъ, а затѣмъ

^{*}) Рапортъ архим. Теофилакта отъ 25 сентяб. 1807 г. Мон. арх.; св. 8.

^{**}) Столицъ дѣлъ Томскаго дух. правл. за 1811—1815 г.

^{***}) Ук. Конс. Въ тотъ годъ архим. Іеронимъ скончался.

[†]) Вѣдомость о братіи за 1834 г. Мон. арх.; св. 9.

сданы были опять въ монастырь—на поруки отцу*). Въ 1792 г. Палладій заявилъ, что состоявшій въ монастырѣ на пономарской должности послушникъ Николай Караульщикъ похитилъ у него 1785 р. 72 коп., и дѣло по этому заявленію пошло въ гражданскій судъ**). При Давидѣ въ воровствѣ былъ изобличенъ келейникъ изъ школьникова Бѣлевъ, а послушники Поповъ съ товарищами выкрали изъ суммъ, лично принадлежавшихъ архимандриту Іерониму, 5250 р.***). При одномъ изъ своихъ служеній въ монастырскомъ храмѣ архимандритъ Іоанникій послалъ послушника въ свою келью за платкомъ. Платокъ былъ принесенъ, а когда, по окончаніи богослуженія, архимандритъ вернулся въ квартиру, увидѣлъ свой столъ разломаннымъ и изъ него было унесено 560 руб. †). О множествѣ другихъ неблагомысленностей въ поведеніи послушниковъ мы уже не говоримъ.

Понятно, что заботы о приподнятій благочинія въ монастырѣ и водвореніи пристойной въ немъ дисциплины вызывали цѣлый рядъ мѣръ и распоряженій, шедшихъ какъ со стороны мѣстнаго монастырскаго начальства, такъ и изъ Тобольска—отъ епархіальной власти. Сюда прежде всего относятся настоятельскія увѣщанія нарушителямъ обительской тишины и взятіе съ нихъ подписокъ съ обѣщаніемъ объ исправленіи жизни на будущее время.

Въ игуменство Виктора Колиновскаго такія подписки были отобраны у каждаго изъ членовъ братіи и при томъ не одинъ разъ, а въ 1778 г. братія въ цѣломъ составѣ обѣщалась съ подтвержденіемъ обѣщанія подписками, что изъ монастыря попусту не будетъ выходить, будетъ вести себя презво и перестанетъ сбывать одежды для покупокъ горячаго напитка ‡*). Въ послѣдующее время обязательства въ подобномъ же родѣ даютъ Караульщикъ, Хмылевъ, Дерябинъ и особенно въ большомъ количествѣ мы встрѣчаемъ ихъ при игум. Давидѣ, который, очевидно, былъ большимъ любителемъ этихъ почти безцѣльныхъ рукоприкладствъ.

Въ качествѣ болѣе сильной мѣры къ исправленію служили изрѣдка практиковавшіеся вычеты у исправляемыхъ тѣхъ или иныхъ частей изъ получаемого ими казеннаго оклада. Предъ выдачею жалованія за первую половину 1777 г. игумень Филосей объявилъ по монастырю такое распоряженіе: „по непостоянству здѣшнихъ монашествующихъ опредѣляется жалованія выдать имъ по 5 руб. А изъ достальныхъ слѣдующихъ имъ (депегъ), или безъ благословенія настоятельскаго изъ монастыря выходить будутъ,

*) Изъ дѣла о покражѣ, совершенной Іосифомъ Хмылевымъ.

**) Ук. Т. Коис 26 іюля 1792 г. Арх. Тоб. консисторіи.

***) Изъ дѣла 1830 г. М. арх.; св. 9.

†) Равортъ Іоанникія за 1833 г. М. арх.; св. 17.

‡*) Въ подписки обѣщаніе выражено въ болѣе прямыхъ, для настоящаго времени довольно грубыхъ, выраженіяхъ. Моп. арх.; св. 12.

вычеты имѣютъ быть за каждый выходъ по 10 коп^а *). Выше мы уже привели, что такое же штрафованіе денежными вычетами установилъ и игум. Викторъ изъ желанія побудить братію къ исправному посѣщенію церковныхъ служеній въ монастырскомъ храмѣ.

Печальное положеніе монастырскихъ дѣлъ, входящихъ въ область нравственной жизни, часто заставляло настоятелей прибѣгать и къ средствамъ жестокаго, суроваго взысканія. Только лишь упомянутый игум. Викторъ Колинковскій признался преосвященному, что послѣ безуспѣшныхъ кроткихъ увѣщаній онъ бываетъ вынужденъ смирять непослушныхъ не только сажаніемъ въ цѣнь, но и битьемъ шеленами „кедейно, слегка, педушевредно“. А сама братія въ жалобѣ на строгость игумена указывала, что онъ жестоко билъ виновныхъ и не шеленами только, но и плетью и вдобавокъ страшно бранилъ въ церкви при постороннихъ **). Времена уже измѣнились. Примѣненіе шелеповъ и плетей къ дѣлу исправленія монастырской братіи было поставлено Виктору въ число винъ, по которымъ онъ былъ уволенъ изъ Томска. Но сажаніе виновныхъ въ цѣнь съ выдерживаніемъ по нѣскольку дней на хлѣбѣ и водѣ продолжалось въ нашемъ монастырѣ долгое время и послѣ того, какъ изданы были правительственныя распоряженія объ отмѣнѣ грубыхъ наказаній въ приложеніи къ духовнымъ лицамъ, не лишеннымъ сана. Цѣнью смиряли и Иннокентій, и Палладій. Въ монастырскомъ архивѣ сохранился писанный при игум. Даниилѣ „реестръ безпорядочнымъ поступкамъ діаконовъ Бардакова и Курбаковского“. Въ немъ значится: 1801 г. декабря 31 двдвые діаконы Бардаковъ и Курбаковскій за самовольныя отлучки изъ монастыря, пьянство, ругательство и проч. кованы были въ цѣнь и содержаны на хлѣбѣ и водѣ трое сутки“. 1802 г. февраля 5 д. за самовольную отлучку изъ монастыря Бардаковъ кованъ былъ въ цѣнь и выдержанъ на хлѣбѣ и водѣ 2 сутки“. Мая 31 д. 1802 г. въ день пятидесятницы, во время всеобщей штатный діаконовъ Курбаковскій былъ сильно нетрезвъ, самовольно надѣлъ стихарь „съ нуждой сказывалъ ектењи, а когда вышелъ на литію, много вралъ“, такъ что Нифантьевъ отобралъ у него служебникъ, чтобы очередной священникъ докончилъ всеобщую одиць... „и за то кованъ былъ въ цѣнь и посаженъ на хлѣбѣ и воду“ и т. д. то о Бардаковѣ, то о Курбаковскомъ ***), то объ обоихъ вмѣстѣ. Въ 1807 г. временно управлявшій монастыремъ протоіерей Стефановскій приговорилъ одного изъ провинившихся членовъ братіи—служить не въ очередь недѣлю въ храмѣ и двѣ недѣли прислуживать братіи за общей трапезой. Это было началомъ смягченныхъ, болѣе

*) Это распоряженіе прописано въ росписаніи жалованія за 1777 г. Мон. арх.; св. 12.

***) Указъ Тоб. конц. игум. Виктору отъ 15 іюня 1778 г. М. а., св. 9.

***) Мон. арх.; св. 9.

благорожденныхъ изысканій за то, за что въ прежнее время полагались вѣсти, шелены, или цѣпи по меньшей мѣрѣ.

Самой крайней мѣрой наказанія съ исправительными цѣлями признавалась посылка наказуемыхъ въ дальній Туруханскій монастырь (были отправлены туда іеромонахи Мисаилъ, Іосифъ Хмылевъ, діак. Дерябинъ и, вѣроятно, нѣкоторые другіе).

Послушниковъ за провинности сѣкли розгами и иногда, какъ напр. Бѣляева при Даниилѣ, очень больно. Наиболе испорченныхъ или преступныхъ изъ нихъ отсылали, съ выключеніемъ изъ духовнаго званія, въ свѣтскую команду или препровождали къ гражданскому правосудію.

Изъ особыхъ какъ бы экстренныхъ распоряженій, изданныхъ мѣстною монастырскою властію для поддержанія монашеской пристойности и монастырской дисциплины, заслуживаетъ упоминанія наставленіе, данное игум. Викторомъ іером. Варнавѣ, свящ. Герасиму Першукову и діакону Никитѣ Бѣляеву предъ посылкою ихъ въ с. Семилужное для поднятія и препровожденія въ Томскъ ежегодно приносимой сюда иконы свят. Николая Чудотворца. По прибытіи въ Семилужное (въ 30 верстахъ отъ Томска), писалъ игумень, свечера отправить соборнѣ всенощное бдѣніе, а по утру литургію и волебенъ; затѣмъ, благоговѣнно поднявъ св. икону, идти въ городъ такъ, чтобы одинъ изъ священниковъ шелъ за образомъ въ фенели и энтрадели. Во всемъ наблюдать крайнюю благопристойность, не пьянствовать, въ обывательскіе и тѣмъ болѣе въ питейные дома не входить, между собою не ссориться, не смѣхотворить и не кощунствовать^{*)}.

По полученіи синодскаго указа отъ 22 марта 1800 г. о томъ, чтобы духовенство вело себя достойно своего званія и отъ пороковъ удалялось, тобы надъ монастырями имѣли надзоръ монастырскіе благочинные, игумень Даниилъ далъ по своему монастырю слѣдующій приказъ: „Дабы здѣшней обители штатные священно-церковно-служители вели себя честно и благопристойно, отъ пьянства и друг. неприличныхъ поступковъ всемѣрно воздерживались, въ церковь святую къ вечерни, утрени и литургіи всегда непремѣнно приходили, имѣть смотрѣніе, кромѣ казначея свящ. Майкова, еще помощнику его запрещенному діакону Инфантьеву, а запрещеннаго священника Палабанова опредѣлить къ киричнымъ заводамъ къ смотрѣнію. За ограду оныхъ штатныхъ священно-церковно-служителей безвременно не отпускать и только въ случаяхъ необходимой нужды имъ дозволяется выходить съ позволенія моего, казначея или помощника его“. Въ чтеніи приказа велѣно было подписаться каждому изъ старцевъ^{**)}.

*) Наставленіе игум. Виктора братія. 1778 г. Май. М. арх.; св. 12.

**) М. арх.; св. 9.

По назначеніи, вмѣсто Шалабанова, въ казначейскую должность священника Ковригина, тотъ-же настоятель вручилъ новому о. казначею инструкцію, изложенную въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) „черезъ недѣлю пересматривать ризницу, книги, свещ. сосуды и всю церковную утварь; 2) наблюдать братію, чтобы всѣ ходили въ церковь въ пристойномъ платьѣ и приходили къ началу службы, а не во время нея, при богослуженіи между собой не разговаривали-бы, — стояли бы благочинно; 3) за трапезой читали-бы поученія, а праздныхъ словъ не говорили-бы. Оставшееся отъ трапезы ничего, кромѣ кваса, въ кельи не уносили-бы; 4) безъ воли настоятеля за ограду не ходили-бы; 5) отъ пьянства крайне удерживать, а съ непослушными поступать по силѣ д. Регламента; 6) всѣ бываемые доходы принимать въ едино-опредѣленное мѣсто; 7) монахамъ никакихъ по кельямъ писемъ, выписокъ изъ книгъ и никакихъ грамотокъ безъ вѣдѣнія настоятеля никому не писать, чернилъ и бумаги не держать, кромѣ того, что отъ настоятеля для общей духовной пользы позволено; 8) служителей распорядить во великомъ порядкѣ* *).

Чрезвычайно интересно, что по поводу писанія монашескихъ писемъ и 1803 году сообщалъ тотъ-же игумень въ Томскую почтовую контору. Изобразивъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ недостойное поведеніе подчиненнаго ему штатнаго монастырскаго населенія, игумень говорилъ, что виновные въ предосудительныхъ поступкахъ весьма часто имъ штрафуются разнообразными способами. Штрафованія вызываютъ сѣтованія и жалобы, которыя могутъ въ свою очередь повести къ составленію лживыхъ въ Тобольскѣ донесеній. Между тѣмъ въ д. Регламентѣ, въ правилахъ монашескаго чина (пунктъ 36), пропечатано: монахи не должны писать никакихъ писемъ и грамотокъ безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля. „Того ради благоволятъ оная контора, ежели изъ числа монашествующихъ будетъ кто приносить письма на почту, то ихъ (письма) представлять миѣ обратно“ **).

Нѣсколько чаще дисциплинарныя предписанія для всѣхъ монастырей Тобольской епархіи и въ частности для Томской Алексѣевской обители шли отъ епархіальныхъ преосвященныхъ. Мы уже видѣли, что въ бытность въ Томскѣ игум. Нафанаила изъ Тобольска пришло строгое повелѣніе, чтобы въ подвѣдомомъ этому игумену монастырѣ общая трапеза была учреждена безъ всякаго замедленія и тѣмъ было бы пресѣчено очень соблазнительное шатаніе монашествующихъ для пользованія столомъ по мірскимъ домамъ. Не смотря на строгость повелѣнія, Тобольская власть должна была неоднократно повторять его для нашей обители и въ послѣдующее время.

*) Тамъ-же.

***) Черное отношеніе въ томск. почтовую контору отъ 6 іюня 1803 г. Мон. арх.: св. 7.

Въ 1760-хъ годахъ въ Троицкомъ Рафаиловомъ монастырѣ ночью сгорѣла келария. Послѣ изслѣдованія о пожарѣ, преосвященному Варлааму было донесено, что изъ монашествующихъ ночью никто въ келарію съ огнемъ не входилъ, ибо всѣ изъ братіи „за немѣніемъ у себя рукодѣлій“ ложатся спать очень рано. На донесеніи епископъ написалъ такую резолюцію съ приказаніемъ разослать ее по всѣмъ епархіальнымъ монастырямъ: „что сгорѣло, тому такъ и быть, а дабы монашествующіе праздны не были, на каждого изъ нихъ, по его силѣ, налагать трудъ, а по временамъ псалтирь съ молитвами читать искуснѣйшему, а другимъ съ благоговѣніемъ слушать, сна употреблять не черезъ мѣру, табаку отнюдь не имѣть и чесноку по колязипскому (?) не толочь“ *).

Казначей Енисейскаго монастыря іеромон. Іосифъ послалъ тому же преосвященному Варлааму прошеніе, въ которомъ указывалъ, что въ 1760 г. овъ, Іосифъ, былъ посланъ намѣстникомъ въ Кондинскій Троицкій монастырь и состоялъ тамъ въ этомъ званіи по августъ 1764 г., „а жалованья никакого не получалъ, кромѣ что на свитки по 20 аршинъ холста, по двои чарки, да на чулки сукна сермяжнаго по 5 четвертей въ годъ“. Въ 1764 г. изъ Кондинскаго его перевели въ Енисейскій монастырь на казначейскую должность, при чемъ заставляютъ отиравлять еще повседневную церковную службу наравнѣ съ рядовымъ іеромонахомъ, — жалованіе же получаетъ онъ только казначейское, а „за іеромонашеское служеніе вознагражденіе не получаетъ“. Изложивъ это, іеромонахъ просилъ архіерейскаго распоряженія на счетъ выдачи ему, сверхъ казначейскаго, еще іеромонашескаго казеннаго оклада. Проситель получилъ отказъ. На его прошеніи преосвященный написалъ: „въ Енисейскій монастырь посланъ Іосифъ по своему хотѣнію, а что службу церковную исправляетъ, Богъ вѣчными за труды благами наградить непременно, — жалованія казначейскаго получать предовольно“. Сверхъ того, говорится въ консисторскомъ указѣ, „отъ его преосвященства въ томъ же опредѣленіи изображено: — имѣюще нищу и одежду, сими довольни будемъ, а хотиціе богатиться впадаютъ въ напасты и сѣти и въ похоти многи несмыслены и вреждающыя, яже погружаютъ челоуѣки во всегубительство и погубель. Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть, его же нѣціи желающе, заблудшиа отъ вѣры и себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ“ (Тимоѡ. 6, 8). — Страшное сіе увѣщаніе послать для исцѣленія недугующаго просителя и въ прочіе монастыри для избѣжанія отъ лукаваго искушенія“ **).

Безпорядки въ жизни и правахъ Томской Алексѣевской братіи, описанные въ донесеніяхъ Виктора, въ свою очередь вызвали архіерейское пред-

*) Указъ Тоб. Конс. Кузнецк. вгугмену Адріану отъ 31 янв. 1766 г. М арх.; св. 9.

**) Указъ Тоб. Конс. архим. Осодосію отъ 7 февраля 1766 г. Мон. арх.; св. 18.

писаніе съ приказаніемъ:—учредить въ монастырѣ общую трапезу на всякій день, употребляя на этотъ предметъ деньги, отпускаемая изъ казны на вино, пиво и дрова,—читать за трапезой житія святыхъ и поученія, „чтобы братіи были въ наставленіе“. По праздничнымъ днямъ въ трапезной вмѣстѣ съ братіей долженъ обѣдать и самъ настоятель. Жалованіе на руки братіи не давать, а покушать на него монашествующимъ одежду и употреблять на покрытіе другихъ монастырскихъ нуждъ. Изъ монастыря никого изъ братіи не выпускать, а если случится кому выйти по крайней нуждѣ, отпускать такового подъ приемотромъ и при томъ на самое короткое время. „Праздности по кельямъ отнюдь не допускать, а велѣть упражняться, кто не имѣеть рукодѣлья, въ чтеніи свящ. писанія и читать на всякъ день по нѣсколькучасть изъ священнаго евангелія и посланій апостольскихъ, чтобы законъ Божій монашествующіе знали втвердость. Въ кельи настоятельскія и братскія женска полу никому не входить. Тѣлесно никого изъ братіи не наказывать, а за ослушаніе исправлять черной работой,—престарѣлыхъ же, не могущихъ трудиться, смирать цѣлью“ *).

Это архіерейское распоряженіе, по крайней мѣрѣ тою его частію, по которой запрещалось выдавать монашествующимъ жалованіе на руки, породило въ средѣ послѣднихъ большое неудовольствіе. Викторъ вскорѣ отправилъ новое донесеніе, въ которомъ писалъ, что архіерейскій указъ принять въ монастырѣ съ „роптаніемъ“, что іеромонахи Іезекіиль, Варнава, священникъ Андрей Агѣевъ и іеродіаконъ Вассіанъ къ обязательству объ исполненіи даннаго приказанія совѣмъ отказываются подписаться, „объявляя, что сами будемъ писать архіерею о жалованіи“. А іеромонахъ Варнава вдобавокъ „выговорилъ: я-де, когда жалованія мнѣ въ руки давать не будутъ, и въ монастырѣ быть не хочу“ **). Какъ потомъ усмирили непокорныхъ—неизвѣстно.

Много указовъ о водвореніи порядковъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ было получено за настоятельства Палладія и Даніила и за первые годы управленія тѣмъ монастыремъ архимандрита Теофилакта. Но въ содержаніи каждаго изъ нихъ повторялась и варіировалась одна и таже мысль: за братіею нужно имѣть неослабное смотрѣніе, „дабы какъ служеніе церковное, такъ и прочія монастырскія правила исполняла безъ онущенія“. Нѣсколько выдѣляется указъ игумену Теофилакту отъ 1807 г.***) Въ немъ еще разъ прописано наставленіе, какъ нужно было исправлять виновныхъ въ неурезвости и самовольныхъ изъ монастыря отлучкахъ. Ихъ нужно было исправ-

*) Ук. Tob. Конс. игум. Виктору отъ 12 іюня 1777 г. М. д., св. 12.

**) Черновое донесеніе игум. Виктора въ Tob. Консист. отъ 13 іюля 1778 г. Мов. арх.: св. 12.

***) Указъ Tob. Конс. за 1807 г. Содержаніе его прописано въ реестрѣ дѣлъ Том. Дух. Правленія за тотъ же 1807 г. Арх. Том. дух. консисторіи.

дять и наказывать отлученіемъ на время отъ ихъ келій и задержаніемъ въ транезѣ или другомъ общемъ мѣстѣ, гдѣ находятся неотлучно монастырскіе стражи, коимъ должно быть подтверждено, чтобы отнюдь задержанныхъ нигуда не пускали и вина имъ не приносили⁴. Значить, смиреніе цѣлыми отошло уже въ область прошлаго.

Неизвѣстно по своей ли инициативѣ или по указанію отъ св. Синода архіепископъ Евгений разослалъ въ 1830 г. уставъ Новгородскаго Юрьева монастыря для примѣненія его въ обителяхъ Абалакской, Туринской, Тобольской-Знаменской, Тобольской-Іоанно-Межугорской и Томской⁵). Но ни откуда не видно, чтобы въ Томскомъ монастырѣ этотъ уставъ дѣйствительно былъ введенъ и тѣмъ болѣе, чтобы въ его внутренней монастырской жизни произвелъ какое нибудь измѣненіе.

Тому же преосвященному дали знать, что послушники Абалакскаго монастыря, Крыловъ и Анненковъ, взломали монастырскую кружку и вынули изъ нея 3 р. 49 коп. Это подало поводъ архіепископу издать такое замѣчаніе и распоряженіе: „исключенные ученики, посылаемые въ монастырь, какъ видно изъ опытовъ, рѣдко научаются здѣсь грамотѣ, а напротивъ портятся въ нравственности и отъ худого надзора, и отъ худого примѣра. Поэтому не удерживать ихъ долго въ монастыряхъ и предписать всеѣмъ настоятелямъ репортовать мнѣ по полугодно: 1) сколько кто изъ послушниковъ выучился и какъ; 2) подѣ чьимъ руководствомъ находятся, и при семъ подтвердить, чтобы препоручались самымъ благонадежнымъ лицамъ изъ братіи, а безъ порученія не оставлять⁶. Архим. Іоанникій скоро отвѣтилъ, что въ Томскомъ монастырѣ состоятъ два послушника: причетнической сынъ Иванъ Наумовъ и сынъ діакона Вихоревъ. Первый поведенія хорошаго, вѣтвержается въ книгоченіи, но пѣть по нотѣ еще не умѣетъ,—второй поведенія худого, лѣнивъ и нерадивъ къ ученію. „Оба находятся подѣ моимъ, непосредственно—настоятельскимъ надзоромъ, а изъ прочей (зачеркнуто: убогой) братіи повѣрить ихъ некому, не можно и безнадежно“⁷).

Нравственное состояніе въ нашемъ монастырѣ и общее въ немъ благочиніе начинаютъ приподниматься съ тѣхъ поръ, какъ въ Томскѣ была открыта томская архіерейская кафедра. Благотворное вліяніе этого важнаго обстоятельства на внутренніе монастырскіе распорядки должно было сказаться тѣмъ сильнѣе, что долгое время томскіе епископы жили рядомъ съ монашескими помѣщеніями, въ одной монастырской оградѣ и, такимъ образомъ, могли имѣть монастырь, да и желали имѣть его, подѣ своей ближайшей архинастырской опекой.

⁴) Мон. арх.; св. 13.

⁵) Ук. Тоб. Конс. 23 іюня 1831 г. Мон. арх.; св. 9.

⁶*) Ук. Тоб. Конс. отъ 19 декабря 1830 г. и рапортъ архим. Іоанникія 7 іюля 1731 г. Мон. арх.; св. 9.

ТОМСКІЙ ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКІЙ ДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ.

I.

Предварительное замѣчаніе о недостаточности архивныхъ свѣдѣній о старинныхъ монастыряхъ Томскомъ дѣвичьемъ и Кузнецкомъ мужскомъ.—Мѣстоположеніе дѣвичьяго монастыря.—Время его основанія и основатель.—Настоятельницы и монашествующія сестры.—Постепенное уменьшеніе въ количественномъ составѣ послѣднихъ.—Вытѣшій видъ обители, свидѣтельствовавшій о ея бѣдности.—Скудость въ содержаніи и пропитаніи сестеръ.—Бѣдственное положеніе монастырскаго церковнаго причта.—Причисленіе къ монастырской церкви приходскихъ дворовъ.

Свѣдѣній о старинныхъ давно уже закрытыхъ Томскомъ Христорождественскомъ дѣвичьемъ и мужскомъ Христорождественскомъ же Кузнецкомъ монастыряхъ нашлось въ нашемъ архивномъ матеріалѣ очень скудно *). Да и то, что сохранилось о нихъ, носитъ характеръ отрывочныхъ, случайно уцѣлѣвшихъ бумагъ. Впрочемъ, въ отношеніи къ дѣвичьему монастырю недостатки нашего основного источника нѣсколько восполняются небольшимъ количествомъ документовъ, изложенныхъ въ статьяхъ *Русскаго Вѣстника* о заточницахъ того монастыря, каковыя статьи принадлежатъ протоіереемъ А. Сулоцкому и свящ. Вакху Гурьеву**). Намъ приходится пожалѣть, что чрезвычайно любопытныхъ бумагъ, которыми пользовались эти авторы и которыя составляли достояніе архива Томской Алексѣевской обители, въ этомъ послѣднемъ мы уже не могли найти.

Томскій дѣвичій монастырь расположенъ былъ въ Томскѣ при самомъ началѣ той же Юрточной горы (со стороны подъема отъ р. Ушайки), гдѣ высится и монастырь мужскій. Отодвинувшись нѣсколько дальше къ восточному склону этой горы, онъ прилегалъ къ мужской обители съ сѣверной стороны настолько близко, что отдѣлялся отъ послѣдней только малымъ проулкомъ. Въ одномъ изъ краткихъ описаній Алексѣевского монастыря между прочимъ замѣчено, что женскій монастырь находился съ нимъ „почти въ одной оградѣ“. Памятникомъ его мѣстоположенія служить доселѣ томскій Христорождественскій, по наиболѣе распространенному названію, Никольскій храмъ. Въ

*) Нашлось преимущественно въ архивѣ Томскаго Алексѣевского монастыря, куда перешли бумаги упомянутыхъ закрытыхъ монастырей.

***) А. Сулоцкій. „Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая“. Рус. Вѣст. 1880 г., июль.
Вакхъ Гурьевъ. „Растриги дѣвки квакерей“. Рус. Вѣсти. 1881. августъ.

прежнее время оль принадлежалъ женскому монастырю и сталъ исключительно приходскимъ только послѣ упраздненія послѣдняго.

По сообщенію, доставленному томскимъ архимандритомъ Лаврентіемъ академику Миллеру въ 1740 г., дѣвичій монастырь въ Томскѣ былъ основанъ казачьимъ головой Зиновіемъ Литосовымъ въ 1671 г. съ разрѣшенія и благословенія тобольскаго митрополита Корнилія *). Это былъ тотъ самый Литосовъ, который передалъ въ даръ Алексѣевскому монастырю земельный участокъ по рѣкѣ Лебяжьей. Родъ Зиновья Литосова для вѣчной молитвы за него былъ занесенъ не только въ старинные монастырскіе синодики, но и въ синодикъ Томской соборной церкви. Видно, что храбрый, побывавшій во многихъ походахъ, казачій голова не жалѣлъ своихъ средствъ для церковно-благотворительной дѣятельности.

Литосовъ предпринялъ постройку женской обители на концѣ Томскаго посада въ качествѣ благочестиваго подвига во спасеніе своей души. Но несомнѣнно, что такой именно подвигъ его побудила избрать глубоко сознавая потребность въ женскомъ монастырѣ для тогдашняго томскаго населенія съ его общимъ живымъ сочувствіемъ къ благочестной жизни въ иноческомъ образѣ. Вчастности въ Томскѣ того времени должно было быть немало вдовъ послѣ служилыхъ людей, слагавшихъ свои головы на царской службѣ въ земляхъ разныхъ сибирскихъ племенъ, которыхъ служилые приводили подъ высокую руку бѣлаго царя. Провести лѣта вдовства въ сторонѣ отъ мірской суеты въ тихомъ пристанищѣ для инокинь—это было горячимъ желаніемъ многихъ изъ овдовѣвшихъ женщинъ Томскаго города за время его существованія въ XVII вѣкѣ.

Но предварительно остановимся на извѣстіяхъ о монастырскихъ настоятельницахъ, сколько этихъ извѣстій можно собрать на основаніи скудныхъ данныхъ нашего матеріала. Изъ болѣе раннихъ по времени игуменій намъ вѣдомы по именамъ — *Евфросинія* и *Анфиса* Иванова. Въ монастырскомъ синодикѣ „родъ Томскаго города Никольскаго дѣвичья монастыря игуменіи Евфросиніи“ написанъ рукою первоначальнаго писателя этого синодика томскаго монаха Гурія **). Очень возможно, что Евфросинія поселилась въ монастырь при самомъ его возникновеніи и была первой въ немъ настоятельницей. Объ игуменѣ Анфисѣ намъ встрѣтилось упоминаніе, что вмѣ-

*) Матеріалы для исторіи Сибири. Чт. Общ. Ист. и др. Россіи. 1867. Кн. 2, стр. 316.

**) Синодикъ Том. Рождественскаго монастыря, л. 41.

Синодикъ этотъ написанъ разными руками. Самое древнее полууставное письмо заканчивается записью въ число усоншихъ изъ царей—*Θеодора Алексѣевича*, изъ патриарховъ *Питирима*, изъ *Тобольскихъ митрополитовъ—Корнилія*.

На первомъ листѣ синодика помѣчено: „Сей синодикъ церкви Томскаго города *Никола Чудотворца дѣвичья монастыря* приложилъ Томскаго же города *Алексѣевскаго монастыря* чокъ старецъ *Гурей* по своимъ родителей“.

еть съ монашествующими старицами она получила нѣкоторое количество денегъ изъ томской Приказной Палаты въ 1683 году *). Въ синодикѣ затѣмъ не одинъ разъ упоминаются записаныя уже не рукою Гурія, а позднѣйшаго писца имена настоятельница *Tancin* и *Александры* **). Объ Александрѣ кромѣ того говорится въ челобитной монахини Пелагеи, — поданной на имя императора Петра I. Въ челобитной сказано, что она, Пелагея, была пострижена въ Томскѣ при игуменѣ Александрѣ и наѣстницѣ Маріи въ 1723 году. Достоверно извѣстно, что во второй половинѣ 1730-хъ годовъ въ Томскомъ дѣв. монастырѣ предводительствовала игум. Домникія, а въ началѣ 1750-хъ г. игум. Анфиса П. За переводомъ послѣдней въ Енисейскъ для управленія тамошней дѣвичьею обителью, на ея мѣсто въ Томскѣ монашествующія сестры избрали изъ своей среды монахиню *Олимпиаду* Бурмакину ***). При Олимпіадѣ Томскій женскій монастырь и покончилъ почти ровно столѣтній циклъ своего фактическаго существованія.

Подобно мужскому Алексѣевскому и монастырь, о которомъ ведемъ свое изложеніе, самое большое число монашествующихъ заключалъ въ себѣ за десятилѣтія своей жизни въ XVII стол. Въ старинномъ, принадлежащемъ этой обители, синодикѣ записаны для поминновенія рѣды очень многихъ первоначальныхъ гражданъ г. Томска и только въ рѣдкой изъ такихъ записей мы не встрѣчаемъ именъ томскихъ инокинь. Безъ сомнѣнія, въ лицѣ этихъ послѣднихъ томичи, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, поминали своихъ сродницъ. Судя по синодику, монахинь — сродницъ имѣли фамиліи томскихъ жителей изъ служилыхъ и посадскихъ людей: Хромовы, Ненашевы, Переводчиковы, Меркурьевы, Бутаковы, Морозовскіе, Барышниковы, Мошковы, Комаровы, Нехорошевы, Квасниковы, Ромашевы, Соснины и проч., проч. †). Въ 1712 г. монахинь состояло въ монастырѣ до 30 сестеръ въ возрастѣ отъ 49 до 80 слишкомъ лѣтъ †*). Но это уже было время упадка въ численности монастырскаго населенія. Въ послѣдующія, неблагопріятная для постриженій десятилѣтія, количество жилищъ въ обители уменьшается все въ большей и большей мѣрѣ. Въ своемъ отрывочномъ матеріалѣ мы нашли только три случая новыхъ поступленій въ томскій дѣв. монастырь, и всѣ они относятся къ послѣднимъ годамъ царствованія Петра I. Въ 1721 г. сюда ушла для постриженія жена томскаго таможеннаго сборщика дворянина Ив. Старкова. Старкова рѣшилась покинуть мужа по его дурному поведенію, отъ котораго страдали не только она, но и денежные казенные сборы съ

*) Матеріалы для исторіи Том. епархіи. Том. Ев. Вѣд. 1884, № 10.

***) Синодикъ, л. 40 и обор.

***) Ук. Томск. архив. Писанъ отъ 6 марта 1755 г. Арх. Алекс. Мон.; св. 16.

†) Синодикъ, л. 40, 41, 42, 43, 44 и др.

†*) Рус. Вѣст. 1881 г. Авг. стр. 427.

давокъ, рыбныхъ ловель, постоялыхъ дворовъ и проч. Сборщикъ пожаловался на жену, „не похотѣвшую“ съ нимъ жить томскому коменданту Василію Елизаровичу Козлову. Но комендантъ „суда ему не далъ“ и мало того.—когда явился съ челобитьемъ, приказалъ деньщикамъ его бить, а потомъ избитаго засадить „на чень“ въ караульной при комендантской канцеляріи *). У Старкова ушла жена для иноческой жизни вопреки его волѣ, а другой томскій житель ифкто Иванъ Федоровъ самъ сбывъ супругу за монастырскую ограду и тамъ устроилъ ей постриженіе наперекоръ ея желанію. Эта старица, по монашескому имени Пелагея, подала государю Петру Алексѣевичу уже упомянутую жалобу, гдѣ прописала, какъ билъ ее мужъ, какъ отвелъ въ монастырь на невольный постригъ и какъ потомъ обманулъ въ данномъ обѣщаніи построить для нея въ монастырѣ новую келью и снабдить деньгами на обзаведеніе монашескимъ одѣяніемъ**). Въ 1723 г. пожелала примѣться въ монастырѣ вдова томскаго таможеннаго головы Авдотья Федорова Саватѣева. Ее сильно влекло къ принятію иноческой мантіи. Но такъ какъ постриженія въ то время были уже воспрещены, то она просила митроп. Антонія I дать ей дозволеніе на проживаніе въ обители на положеніи бѣлицы до времени, когда постриженія будутъ вновь разрѣшены. Въ дозволеніи не было отказано, и Саватѣева поселилась внутри монастырскаго двора, предварительно построивъ здѣсь на свои средства маленькій домикъ—келью***).

Въ 1740 г. монахинь въ описываемомъ монастырѣ осталось только семь и при томъ всѣ онѣ были стары и дряхлы и одна изъ нихъ вдобавокъ лѣпая. „Для послушанія больнымъ монахинямъ около нихъ проживали четыре вдовы немущія“†). По распоряженію митр. Антонія II Нарожницкаго въ Томскій женскій монастырь велѣно было опредѣлять непристроенныхъ бракомъ дочерей вдовыхъ священно-служителей, которые сами по вдовству должны были жить въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ. Сомнительно, однако, чтобы кто-либо изъ вдовцовъ—священниковъ согласился на исполненіе такого приказанія. Отъ монастыря вдовцы всячески уклонялись и сами для себя. Митрополитъ Павелъ Конюскевичъ въ 1762 г. завпросилъ томскую игуменью Олимпіаду, сколько въ ея обители состоитъ постриженныхъ въ монашество сестеръ? †*) Игуменья отвѣтила, что въ званіи монахини въ монастырѣ находится только она одна, а всѣ прочія насельницы монастырскихъ помѣщеній состоятъ изъ бѣлицъ. Кромѣ добровольныхъ

*) Арх. Т. Алексѣев. монастыря, св. 4.

***) Арх. Т. Алек. мон., связка бумагъ времени Петра I.

****) Ук. архіерейскій митр. Антонія I архим. Порфирію отъ 1723 г. дек. Арх. Ал. мон.; ст. 11.

†) Чт. общ. ист. и др. Р. 1867 кн. 2, стр. 298.

†*) Ук. Тоб. конс. игум. Олимпіадѣ отъ 7 апр. 1762. Арх. Т. Ал. м.; св. 5.

жилицъ, въ монастырѣ не мало перебивало зачатчицъ. Въ виду особаго интереса, возбуждаемаго или личностями заточенныхъ, или обстоятельствами заточенія, усиленное повѣствованіе о нихъ выдѣляемъ особо.

Многія изъ старинныхъ монахинь охотно принимали вышій образъ постриженія—въ схиму. Въ той части синодика, которая была написана старцемъ Гуріємъ, схимницы упоминаются то и дѣло и среди нихъ схимницей записана и сама игум. Евфросинія. Это служитъ выразительнымъ свидѣтельствомъ о достоинствѣ во внутренней жизни нашей обители. Да и впоследствии съ этой стороны едва-ли здѣсь могли быть какія нибудь замѣшательства, которые вызывали бы начальство на необходимость частой регламентаціи поведенія. Изъ общихъ мѣръ, направленныхъ къ поддержанію доброй дисциплины въ Том. дѣвичьемъ монастырѣ мы знаемъ только одну. Разумѣемъ инструкцію, данную въ 1752 году митрополитомъ Сильверстомъ игуменѣ Анфисѣ. По инструкціи игуменья должна была управлять монастыремъ сообразно регламенту и правиламъ, и смотрѣть, чтобы всѣ сестры соблюдали себя во всякомъ благочиніи, цѣломудріи, трезвости, кротости, послушаніи и постоянствѣ, — чтобы ходили къ богослуженію не опустительно и непременно въ свой храмъ; сестеръ, которыя были бы замѣчены въ самовольствѣ, игуменья должна исправлять словесно и смирять трудами, „а весьма непокоряющихся наказывать ченью“ и объ нихъ доносить. Изъ монастыря никого изъ жилицъ въ городъ не выпускать, кромѣ „благословныхъ винъ“ и монастырскіе ворота должны быть всегда на затворѣ, за исключеніемъ того времени, когда приходскіе люди (принесшіе къ монастырскому храму) собираются въ церковь на молитву. Въ другое время мірскихъ людей въ обитель никого не допускать. Монахинь безъ повелительныхъ указовъ вновь не постригать, а постриженнымъ по міру шататься не дозволить, а требовать, чтобы жили отъ трудовъ своихъ^{*)}.

Кресты, земель и угодій Томскій Христо-Рождественскій монастырь не имѣлъ, поэтому не могъ не испытывать стѣсненія въ своихъ средствахъ. На ограниченность средствъ указывалъ черезчуръ уже скромный внѣшній видъ монастыря. Небольшая по протяженію въ длину и ширину деревянная ограда вмѣщала въ себя, кромѣ храма и довольно помѣстительнаго зданія для жительства игуменья и самыхъ старшихъ монахинь, нѣсколько маленькихъ, съ однимъ или двумя по лицу оконцами, отдѣльныхъ келеекъ, которыя въ большинствѣ случаевъ сестры устранивали на свой счетъ, когда приходили на монастырское жительство. Келейки содержались въ надлежащей исправности только за время, когда обительницы имѣли матеріальную поддержку на сторонѣ отъ своихъ городскихъ родственниковъ. Съ упад-

^{*)} Архив. Т. Алекс. монаст.; св. 16. Ук. игум. Анфисѣ отъ 24 сентяб. 1752 г.

комъ въ томскомъ населеніи религіозности, а слѣдовательно и живого сочувствія къ церковнымъ учрежденіямъ, бѣдность женской обители дошла до степени убожества. Въ 1739 г. архим. Лаврентій, описывая монастырь, говорилъ, что „находится при Томскомъ городѣ, надъ Томью рѣкою, при концѣ посада; каменныхъ церквей въ немъ не имѣется, но токмо деревянная. Ограда деревянная—ветхая. Каменныхъ келій неимѣется же, а деревянныхъ шесть,—больница одна длиною на 18 (?) сажень, шириною на 4 сажени—все ветхія и стоятъ порознь“ *). Послѣ того, какъ прибыли въ обитель колодницы—квакерки, изъ которыхъ нѣкоторыя оказались со средствами, количество келій въ ней умножилось. При закрытіи монастыря внутри его ограды стояло 9 отдѣльныхъ домиковъ, но за то большого больничнаго помѣщенія уже не существовало.

И въ своемъ личномъ пропитаніи томскія монахини не терпѣли особенной нужды только развѣ тогда, когда ихъ монастырь былъ только—лишь основанъ и когда необходимое для прожитія онѣ могли доставать изъ родныхъ семей. Впрочемъ, есть извѣстіе, что въ первые десятки лѣтъ XVIII ст. старшимъ манатейнымъ монахинямъ шло отъ казны жалованіе. Каждая изъ нихъ получала по 6 руб. въ годъ деньгами и по 2 четверти хлѣба. Въ 1736 г. это жалованіе выдачею было прекращено и съ тѣхъ поръ не возстановлялось. Послѣ того монастырскія жилицы, въ большинствѣ безродныя, должны были добывать себѣ пропитаніе или отъ своихъ рукодѣлій, или милостиною, за которою, если не были престарѣлы, ходили по городу сами, а престарѣлыя и больныя довольствовались тѣмъ, что приносили городскіе сердобольцы. Предупрежденіе митроп. Сильверста (въ инструкціи игум. Олимпіадѣ), чтобы сестры не шатались за сборами милостины по мірскимъ домамъ, указываетъ, что такія шатанья прежде были обычнымъ дѣломъ. Въ числѣ милостивцевъ былъ, какъ мы видѣли, сосѣдній Алексѣевскій монастырь, приславшій въ то время, когда владѣлъ землями и крестьянами муку пудами то той, то другой старицѣ, или десятками и сотнею пудовъ всемъ имъ вмѣстѣ.

Рѣдкіе случаи жертвъ въ пользу монастыря деньгами и вещами не могли существеннымъ образомъ помочь его общей скудости. Больше всего жертвъ перечислено въ синодикѣ. Но это почти исключительно были приложенія только единицами рублей, или предметами малой стоимости. Въ ихъ ряду особымъ образомъ выдаются приложенія „благороднаго, его милости, господина полковника Бориса Ивановича Серединава“. Въ одномъ случаѣ, именно 12 янв. 1738 г., Борисъ Ив. далъ въ монастырь денегъ 20 р.,

* Чт. общ. ист. и др. Р. 1867 кн. 2, стр. 298. См. планъ женск. монастыря, начертанный совместно съ планомъ Алексѣевской обители.

въ другомъ, 21 февраля 1741 г., три канфы черныхъ, цѣною въ тридцать рублей*). Изъ жертвъ, помѣченныхъ въ разныхъ другихъ документахъ, наиболѣе цѣннымъ является уже извѣстный намъ даръ Станиславьева воеводы въ 163 руб., которые оба Томскіе монастыря должны были выскивать съ Чадцкихъ татаръ.

Монастырскій храмъ, построенный при самомъ возникновеніи обители, въ началѣ XVIII в. былъ или сломанъ за ветхостію, или сгорѣлъ. Его возстановленіе относится къ 1711 году, но чрезъ 55 лѣтъ „отъ давняго застроенія“ онъ уже „весь сгнилъ, зачѣмъ и служба Божія отиравлялась въ немъ съ великою опасностію“ **). По просьбѣ священника Андрея Шихова съ прихожанами тобольскій митрополитъ Павелъ Коноусевичъ 25 февраля 1766 г. выслалъ благословенную грамоту на перестройку храма заново съ предѣломъ во имя свят. Николая Чудотворца. Но прежнему онъ перестраивался изъ дерева и былъ готовъ къ освященію и освященъ въ концѣ 1769 г. игуменомъ Нафаназломъ ***)). Но простоялъ только до 1792 г., когда былъ разобранъ съ тѣмъ, чтобы на его мѣстѣ начать кладку каменной церкви †). Последняя строилась 18 лѣтъ и освящена томскимъ протоіереемъ Евфиміемъ Серебренниковымъ, 5 ноября 1810 года †*). Но это было время, когда монастырь уже давно былъ закрытъ и заботы о его храмѣ перешли всецѣло на прихожанъ. Уцѣлѣлъ обрывекъ монастырской церковной описи за 1763 г. Изъ него видно, что въ церкви иконостасъ былъ гладкій, двухсоставный. Иконы стояли въ немъ безъ окладовъ и только на нѣкоторыхъ имѣлись мѣдные вѣнцы. Изъ всѣхъ храмовыхъ иконъ представляли по убранству наибольшую цѣнность: 1) очень древнее рѣзное во весь ростъ изображеніе свят. Николая Чудотворца (высотой приблизительно въ 2 арш., 2) такое же древнее и рѣзное изображеніе св. вм. Параскевы (высотой въ полтора арш. и 3) гладкій, безъ рельефовъ, образъ св. вм. Екатерины. На изображеніи Николая Чудотв. шанка изъ серебряной парчи была вышита золотомъ и убрана жемчугомъ добрымъ, вѣнецъ къ лику былъ вычеканенъ изъ серебра. Массивный серебряный позолоченный вѣнецъ украшалъ главу и на изображеніи св. вм. Параскевы,—на иконѣ вм. Екатерины вѣнецъ весь

*) Последнюю жертву принесъ въ монастырь по повелѣнію родителя своего сынъ его „за полковника“ Алексѣй Серединъ.—Синодикъ, я. 54 об.

**) См. благословенную грамоту митр. Павла Коноусевича на заложеніе монаст. храма отъ 25 февр., 1766 г. № 435. Прислана была на имя Томскаго заказчика „пречестнаго протопресвитера Прокоція Петрова“.

***) По грамотѣ Том. епископа Варлаама, подписанной 13 ноября 1769 г. и присланной на имя Том. игум. Нафаназла за № 1660.

†) См. грамоту на заложеніе каменнаго храма, прислан. на имя Том. игум. Палладія отъ 28 мая 1792 г. за № 647.

†*) Благослов. грамота на освященіе каменной церкви отъ 3 окт. 1810 г. за № 2225.

состоялъ изъ китайскаго жемчуга *). Въ ризницѣ имѣлись серебряный по-
тарь въ 85 зол., дискось, звѣздица и два блюда серебряныя же. Въ числѣ
воздуховъ одни были шелковые вышитыя золотомъ съ серебряными креста-
ми по срединѣ. Нѣкоторыя изъ ризъ были сшиты изъ шелковой же матеріи
съ серебряными вышивками и опушками. На колокольнѣ висѣло 6 колоко-
ловъ, изъ которыхъ большой вѣсилъ 10 пуд. 4 ф., а во всѣхъ вѣсу было
20 пуд. 15 фунтовъ.

Положеніе монастырскаго церковнаго причта должно отнести къ бѣд-
ственнымъ въ самой крайней мѣрѣ. Священникъ получалъ казеннаго жало-
ванія 6 руб. въ годъ и хлѣба 6 четвертей, причетники казеннаго жало-
ванія не получали, а изъ церковной казны выдавали дьячку 1 р. 80 коп.,
а пономарю 60 коп. въ годъ **). Да и это казенное жалованіе уплачивалось
священнику съ большою неаккуратностію. Наприм. съ 1736 по 1738 г.
священникъ не получалъ отъ казны ни денегъ, ни хлѣба, а содержался,
по словамъ архим. Лаврентія, „отъ работъ своихъ и отъ подалній мірскихъ
людей“ ***). Доходы отъ требоисправленій должны были быть болѣе чѣмъ
скудны, потому что въ монастырской храмъ томскіе жители, по крайней
мѣрѣ въ первой половинѣ XVIII в., почти совсѣмъ не ходили. Послед-
нее заключеніе дѣлаемъ на основаніи вѣдомости о церковныхъ доходахъ
за 1738 г. Въ этомъ году по церкви выручено было отъ продажи свѣчъ
2 руб. и собрано съ мѣстною свѣчею 1 р. 5 1/2 коп. Такой нищенской казны
не хватило бы и на масло для враздничныхъ богослуженій въ годовомъ
кругу, если-бы она не восполнилась приложеніями отъ разныхъ лицъ и въ
разное время года на 20 руб. †). Чтобы помочь бѣдственному состоянію мо-
настырскаго причта, тобольское епархіальное начальство распорядилось при-
писать къ Христо-Рождественской церкви 4 приходскихъ двора. Помощь
въ такомъ видѣ сводилась почти ни къ чему. Въ 1752 г. свящ. Анд.
Шиховъ подалъ митрон. Сильвестру челобитную, въ которой, изобразивъ

*) Эти иконы хранятся въ Томской Христо-Рождественской (бывшей монастырской)
церкви и доселѣ. Но первая двѣ изъ нихъ убраны уже иначе. Въ церковной описи 1830 г.
значится: 1) рѣзной образъ св. муч. Параскевы. На немъ вѣнецъ серебряный подъ золотомъ
червонымъ. Риза серебряная же кованой чеканной работы. Въ вѣницѣ и ризѣ вѣсу три
фунта 25 золоты. Дека 5 четвертей. 2) образъ рѣзной св. Николая Чудотворца. На немъ вѣ-
нецъ серебряный подъ золотомъ червонымъ, чеканной работы. Гривна вышита по холсту
золотомъ и въ срединѣ унизана мелкимъ жемчугомъ и двѣтими простыми камнями. Риза
серебряная чеканной работы. Панагія серебряная на таковой же дѣлочкѣ съ образомъ Зна-
менія Пресв. Богородицы. По сторонамъ рѣзнаго изображенія два образа: а) Христа Спаси-
теля и б) Бож. Матери, на коихъ ризы серебряныя подъ золотомъ червонымъ. Всего сере-
бра на образѣ 12 фунтовъ 30 золот. Дека къ рѣзному образу 2 1/2 аршинъ въ высоту». Жем-
чужнаго убранства въ вѣницѣ на образѣ вм. Екатерины нѣтъ уже и въ.

Изъ книгъ прежняго монастырскаго достоянія хранится въ Христор. храмѣ св. евангеліе
на полудесятой бумагѣ „оболоченное зеленымъ перверетомъ“, московской печати 1677 года.

***) Ук. Тоб. конс. отъ 18 лив. 1752 г. арх. Том. консист.

****) Чт. общ. ист. и др. Р. 1867. кн. 2, стр. 298.

†) Тамъ-же, стр. 299.

воюющую нужду въ своемъ пропитаніи, усерднѣе просилъ отчислить подъ его вѣдѣніе 100 дворовъ изъ большого прихода Благовѣщенской церкви. Просьба была удовлетворена, но съ ограниченіемъ въ причисленіи вмѣсто 100 только 60 дворовъ*).

2.

Монастырскія заточницы: княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая, бывшая невѣста императора Петра II.—Ея насильственное постриженіе и строгость надзора за нею.—Ея освобожденіе.—Заточница, присланная изъ тайной канцеляріи.—„Растрюги дѣвки квакерей“.—„Дѣвка, одержимая бѣсомъ“, на испытаніи въ монастырѣ.—Закрытіе монастыри и запусканіе его помѣщеній.

Переходимъ къ рѣчи о монастырскихъ заточницахъ.—Судьба самой знаменитой изъ нихъ возвращаетъ насъ къ временамъ тѣхъ огромныхъ и страшныхъ переворотовъ въ положеніи лицъ изъ правительственной сферы, которые начались сразу-же по кончинѣ великаго царя-преобразователя. Это была княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая, невѣста отрока—императора Петра II, обручившагося съ нею послѣ другой невѣсты княжны Маріи Александровны Меньшиковой. И то и другое обрученіе было дѣломъ честолюбія и интригъ, за которыя тяжело поплатилась семья свѣтлѣйшаго Александра Даниловича Меньшикова и еще тяжелѣе родъ Долгорукихъ.

Не легко изобразить величіе Александра Даниловича, какого достигъ онъ послѣ того, какъ помогъ Екатеринѣ I занять всероссійскій престолъ. Въ Сенатѣ склонились предъ нимъ всѣ члены изъ представителей самыхъ родовитыхъ семействъ. Въ учрежденномъ Верховномъ Совѣтѣ его первенство не могъ оспорить даже герцогъ Голштинскій, женившійся на цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ. Ему и самому захотѣлось быть герцогомъ (въ Курляндіи), и хотя домогательство на этотъ счетъ не удалось, но неудача несколько не обезкуражила его для другихъ еще болѣе смѣлыхъ замысловъ. Когда обстоятельства выяснили, что знать и народъ тяготеютъ къ великому князю Петру, Меньшиковъ, прежде устранившій Петра отъ трона, теперь перешелъ на его сторону и выростилъ согласіе императрицы на бракъ Петра съ своею старшею дочерью. Императрица, выразившая согласіе и подтвердившая его въ своемъ духовномъ завѣщаніи, вскорѣ скончалась. Она умерла 6 мая 1727 г., а 25 числа того же мѣсяца и года Меньшиковъ праздновалъ обрученіе 11-лѣтняго государя съ княжною Марією, послѣ чего изъ Синода вышелъ указъ съ повелѣніемъ, чтобы Марію во всѣхъ церквахъ поминали на актиціяхъ, титулуя благовѣрною государынею, обрученною невѣстою императора**). Генералиссимусъ, будущій тестъ государя, сталъ всесильнымъ въ Россіи. „Его воля была закономъ“. Герцогъ Голштинскій долженъ былъ безирекословно испол-

*) Ук. Тоб. ковс. отъ 18 янв. 1752 г. Арх. Том. конспет.

**) См. Собраніе актеій и церемоніаловъ въ рукоп. Томск. Универ. по кат. № 47688.

нять его приказанія; герцогиня Курляндская Анна писала къ нему заискивающія письма. Противники, имѣвшие неосторожность выразить недовольство рѣшимостію свѣтлѣйшаго женить Петра на своей дочери, очутились, съ Девьеромъ во главѣ, кто въ Сибири, кто въ Соловкахъ, кто въ дальнихъ деревняхъ *). Но нельзя было отдѣлаться такъ отъ всѣхъ противниковъ. Наиболѣе знатныхъ изъ нихъ нужно было задобривать. Между прочими привелось задобривать Долгорукихъ. Немедленно послѣ царскаго обрученія почти всѣ Долгорукіе получили повышенія и среди нихъ князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій пожалованъ былъ въ гофмейстеры къ сестрѣ императора Натальѣ Алексѣевнѣ.

При посредствѣ вел. княжны Наталіи Алексѣевны, къ которой Петръ питалъ глубокую родственную привязанность, князь Алексѣй съ сыномъ Иваномъ не только сблизился съ императоромъ, но успѣли рѣшительно завладѣть имъ. Остерманъ, назначенный воспитателемъ государя, не мѣшалъ имъ. Въ глазахъ историковъ опека Меншикова надъ царемъ находить свое оправданіе въ томъ, что опекунъ требовалъ, чтобы опекаемый учился, чтобы внимательнѣе выкаль въ дѣла. Остерманъ находилъ, что въ ученіи царственнаго отрока „не нужно налегать“ **). А Долгорукіе Алексѣй съ сыномъ, постоянно намекавшіе Петру на тяжесть опеки, придирчивость опекуна и на то, что онъ, Петръ—самодержавный государь, влекли его къ забавамъ, къ веселому времяпрепровожденію, особенно на цесовой охотѣ, которую Петръ полюбилъ страстно. Царь, наконецъ, отвернулся отъ Меншикова, выѣхалъ изъ его дома, куда было опекунъ перевелъ его и, раздраженный наговорами на тему о чрезмерномъ, небузданномъ властолюбіи опекуна, приказалъ его арестовать. Синодъ получилъ приказаніе, чтобы княжну Марію болѣе не поминали въ церквахъ царской невѣстой. И вскорѣ затѣмъ недавній нарѣченный тесть государя, лишенный чиновъ и орденовъ, долженъ былъ подъ конвоемъ выѣхать изъ Петербурга въ дальнее рязанское имѣніе, а оттуда отправиться еще дальше въ Сибирь, въ Березовъ, гдѣ этотъ колоссъ, вышедшій изъ пигмеевъ ***) , смирившись въ своемъ униженіи, и закончилъ свою жизнь, такъ круто и рѣзко повернувшись отъ вершины великолѣпія и счастья къ положенію ссыльнаго въ одномъ изъ самыхъ мрачныхъ мѣстъ угрюмой Сибирской страны.

Долгорукіе торжествовали, повысившись еще разъ въ чинахъ и должностяхъ. Князь Алексѣй Григорьевичъ, сдѣлавшійся вмѣстѣ съ Остерманомъ воспитателемъ государя, забралъ его въ свои руки всецѣло. Молодой, зесе-

*) Соловьевъ Исторія Россіи. Т. XIX, стр. 94. 1869 г.

**) Тамъ же, стр. 101.

***) Выраженіе архіеписк. Осифа Прокоповича.

лый и бойкій Иванъ Алексѣвичъ Долгорукій сталъ первымъ другомъ императора и неотлучнымъ его спутникомъ во всѣхъ увеселительныхъ поѣздкахъ. Устраиваемыя Долгорукими развлечения и прогулки шли у государя безпрерывнымъ рядомъ, когда онъ переѣхалъ въ Москву для коронаціи. На прогулкахъ нерѣдко сопровождала царя—отрока дочь Алексѣя Григорьевича и сестра Ивана княжна Екатерина Алексѣевна, и вскорѣ послѣдняя была объявлена невѣстой Петра. Фельдмаршалъ кн. Василій Владим. Долгорукій противился задуманному браку, но своимъ протестомъ не могъ преодолѣть честолюбія отца невѣсты. 30 ноября 1729 года состоялось обрученіе и подобно тому, какъ прежде въ отношеніи Маріи Меншиковой, такъ и теперь относительно Екатерины Алексѣевны сдѣлано было распоряженіе, чтобы въ церквахъ при богослуженіи воспоминали ее на ектеніяхъ послѣ государя, съ титуломъ высоконареченной невѣсты его.

Уже не всѣ Долгорукіе восторгались рѣшеннымъ бракомъ. А въ средѣ лицъ, непричастныхъ интересамъ ихъ фамиліи, его совсѣмъ не одобрили. „Ходило много зловѣщихъ слуховъ. Предеказывали, что Долгорукіе, идя по стонамъ Меншикова, будутъ имѣть одинаковую съ нимъ участь:—ихъ всѣ ненавидятъ, они не хотятъ пріобрѣсти ничего расположенія, жепять императора силою, употребляя во зло его малолѣтство. Но когда онъ достигнетъ 15 или 16 лѣтъ, то вѣрные министры разъянятъ ему сущность дѣла, тогда онъ раскается въ своей женитьбѣ, и Долгорукіе погибли, а царица, навѣрное, кончитъ монастыремъ. Толковали, что Долгорукіе уже дѣлятъ между собою самыя высшія должности. Алексѣй хочетъ быть генералиссимусомъ или первымъ министромъ, Иванъ—великимъ адмираломъ, Василій Лукичъ—великимъ канцлеромъ и т. д. Иностранные министры зорко подсматривали, какъ обходится императоръ съ своею невѣстою и поражались холодностію ихъ отношеній: точь въ точь, какъ Петръ обходился съ прежнею невѣстою, княжной Меншиковой, но при этомъ шли слухи, что невѣста (которая была значительно старше жениха), неохотно бы и принимала пѣжности жениха, потому что сердце ея отдано другому, графу Миллезимо, родственнику цезарскаго посла, графа Вратислава**).

Долгорукіе достигли вершины власти и блеска. Иванъ поговаривалъ възвѣ о своемъ намѣреніи жениться на принцессѣ Елизаветѣ Петровнѣ*). Но съ кульминаціонной точки положенія судьба дала въ своемъ движеніи обратный ходъ, приведшій къ ужасному концу. На Богоявленскомъ парадѣ царь простудился и жестоко заболѣлъ осной. Надежды на выздоровленіе не предвидѣлось, и вся знать заволновалась по вопросу: кто будетъ преемни-

*) Соловьевъ. Исторія Россіи; т. XIX, стр. 236.

**) Тамъ-же, стр. 237.

комъ? Большинство Долгорукихъ и среди нихъ въ особенности кн. Алексѣй вставали, чтобы престоль переданъ былъ княжѣ — невѣстѣ. Иванъ Алексѣевичъ даже заготовилъ духовную императора въ пользу сестры и на свою бѣду имѣлъ смѣлость подписать ее именемъ умирающаго государя, подѣлавшись подъ его руку. — „Неслыханное дѣло вы затѣваете, чтобы обрученной невѣстѣ быть російскаго престола наследницей, — предупреждалъ благоразумный фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ, — княжна Екатерина съ государемъ не вѣчалась“. — „Хоть не вѣчалась, но обручалась“ сказалъ князь Алексѣй *).

Въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г. государь скончался (14 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ). На другой день собрались верховники и избрали императрицею Курляндскую герцогиню Анну Ивановну, предложивъ ей извѣстныя ограничительныя кондиціи. Она приняла и подписала кондиціи, но на дорогѣ въ Москву узнала, что на кондиціи не было воли народа, что народъ не желаетъ ограниченій въ самодержавіи. „И такъ ты, князь, обманулъ меня?“ — сказала Анна Ив., обратившись къ Василю Лук. Долгорукову, который привезъ ей кондиціи въ Митаву и затѣмъ сопровождалъ парницу въ Россію, завѣряя, что ограниченія самодержавія хотятъ все словія. Кондиціи были разорваны. Анна стала самодержцей. Тогдашнее свѣтило краснорѣчія и образованности Теофанъ Прокоповичъ предсказывалъ, что новое царствованіе будетъ яснымъ и свѣтлымъ для Россіи днемъ **). Извѣстно, до какой степени архіепископъ ошибся въ своемъ предреченіи. Начались преслѣдованія. Они начались съ отдѣльныхъ архіереевъ, перешли затѣмъ на свѣтскихъ вельможъ и, наконецъ, стало тяжко всему русскому народу. Наступило мрачное время чужеземнаго влательства — извѣстное подъ именемъ Бироновицны. Долгорукихъ, по выраженію нашего историка, принялись „жечь медленнымъ огнемъ“ ***).

Сначала государыня и нѣмцы указали Долгорукимъ должностныя назначенія вдали: кому въ Сибири, кому въ Астрахани, кому въ Вологдѣ. А относительно Алексѣя Григорьевича съ его братомъ Сергѣемъ состоялось повелѣніе, чтобы жили въ своихъ дальнихъ деревняхъ. Скоро въ дальнія деревни препроводили и Василя Лукяча. Въ указѣ о Долгорукихъ отъ 14 апрѣля 1731 г. сказано было, что они заслужили наказаніе тѣмъ, что, „будучи при племянникѣ нашемъ, блаженной памяти Петрѣ II, императорѣ и самодержцѣ всероссійскомъ, не хранили Его Величества дражайшаго здравія... и всачески приводили яко сущаго младого монарха подъ образомъ

*) Тамъ-же стр. 239.

***) См. его привѣтственное царствованію стихотвореніе. Солов. Ист. Р. т. XIX, стр. 314.

****) Соловьевъ. Тамъ-же, стр. 325.

забавъ и увеселенія отъѣзжать отъ Москвы въ дальнія разныя мѣста, отлучая Его отъ добраго и честнаго обхожденія... И какъ прежде Меншиковъ, еще будучи въ своей великой силѣ, ненасытнымъ своимъ властолюбіемъ Его Величество взявъ въ свои собственныя руки, на дочери своей въ супружество сговорилъ, такъ и князь Алексѣй съ своимъ сыномъ и съ братьями родными Его Величество въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, которые еще къ супручеству не приспѣли, привели на сговоръ супружествомъ съ дочерью его князь Алексѣевой княжною Екатериною... Не храниа Его Импер. Величества дражайшаго здравія и не имѣя о томъ понеченія, непрестанными и дальними отъ Москвы не только въ лѣтніе дни, но и въ самыя осенія и студеныя времена и зимою поѣздками Его Величества здравію вредъ учинили^а, и когда заболѣлъ... „его тяжкую болѣзнь даже до дня кончины министрамъ подлинно не объявили, но все тайно содержали^а. А князь Василій Лукичъ, кромѣ того, „дерзнулъ насъ весьма вымышленными и отъ себя самаго составными дѣлами безбожно оболгать (обмануть) и многихъ нашихъ подданныхъ въ невѣрство и подозрѣніе привести“...^а).

Наказаніе посылкою на должностныя мѣста въ отдаленныхъ городахъ или на безвыѣздное пребываніе въ дальнихъ деревняхъ служило только прологомъ для послѣдующихъ преслѣдованій. Не замедлило изданіемъ новое распоряженіе, по которому Алексѣй Долгорукій съ дѣтьми долженъ былъ отправиться туда же, куда за нѣсколько лѣтъ раньше поѣхалъ Меншиковъ, теперь уже умершій, т. е. въ Березовъ,—кн. Василій Лукичъ въ Соловки, другіе изъ Долгорукихъ кто въ Пустозерскъ, кто въ Ораніенбургъ. Изъ всѣхъ преслѣдуемыхъ доселѣ не былъ затронуть фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ. Но въ концѣ 1731 г. нашли, что и „онъ, презря многую къ нему милость императрицы, собственную императрицы персону оскорбилъ поносительными словами“. За это онъ былъ приговоренъ къ смерти. Къ той же казни былъ присужденъ еще Юрій Долгорукій. Но государыня приговоръ смягчила повелѣніемъ: по отобраніи у виновныхъ чиновъ и имѣній, послать Василія Владиміровича въ Шлиссенбургъ, а Юрія Долгорукова въ (Сибирскій) Кузнецкъ на вѣчную работу^а).

Кн. Алексѣй Григорьевичъ и его супруга не выдержали пережитыхъ потрясеній и лишеній, сопряженныхъ со ссылкой въ холодной странѣ и мрачномъ городѣ и къ своему счастью (въ виду послѣдующихъ событій) одинъ за другимъ сошли въ могилу. Въ Березовѣ остались дѣти ихъ: князь Иванъ съ своею молодою супругою—знаменитою Натальею Борисовной (урожд. Шереметьевой), Николай, Александръ и Алексѣй и ихъ сестры—

^а) Пол. Соб. Закон. т. 8., № 5532.

^аа) И. С. Зак. т. 8., № 5916.

княжны: Екатерина, Елена и Анна. Они жили въ томъ же острогѣ, въ которомъ не задолго предъ тѣмъ помѣщалась семья Меньшикова и посѣщали тотъ-же храмъ (во имя Рождества Богородицы), въ строеніи котораго Меньшиковъ участвовалъ личнымъ трудомъ. Для караульнаго надзора за ссыльными ежегодно присылали изъ Tobольска одного офицера и 15 солдатъ. Но для разныхъ дознаній о ссыльныхъ то и дѣло являлись въ Березовъ посланные изъ Петербурга. Послѣ посѣщенія изъ Петербурга майора Семена Петрова были биты батогами и сосланы на службу въ Оренбургъ сынъ-болярскій Камперовъ и атаманъ Лихачевъ за то, что бывали у Долгорукихъ, обѣдывали у нихъ и къ себѣ принимали. Сосланныхъ старались зацѣпить для новыхъ болѣе жесткихъ наказаній и, разумѣется, зацѣпили. Нашелся въ Сибири доносчикъ Березовскій подъячій Ос. Тишинъ. Онъ объявилъ, что слышалъ, какъ Ив. Долгорукій говорилъ неприличные и дерзкія слова объ Императрицѣ и Биронѣ. Подъячій получилъ за доносъ 600 руб. и секретарское мѣсто. А о Долгорукихъ начался страшный розыскъ. Для слѣдствія были присланы изъ столицы гвардіи—капитанъ Ѳедоръ Ушаковъ и поручикъ Суворовъ. Ивана отлучили отъ семьи и заперли въ тѣсную камору, гдѣ держали подъ самымъ крѣпкимъ карауломъ и выдавали грубой пищи столько, сколько нужно было, чтобы не умереть съ голода. По Березовскому преданію, тяжесть одиночнаго заключенія князя-Ивана смягчилась немного тѣмъ, что Наталья Борисовна выплакала у караульнаго офицера дозволеніе тайно видѣться съ мужемъ ночью чрезъ тюрежное оконцо и приносить ему пищу изъ дому *).

Чрезъ три мѣсяца послѣ заключенія „въ одну темную, осеннюю дождливую ночь подплыло къ Березову небольшое судно, на которое секретнымъ образомъ были вызваны и посажены Ив. Долгорукій, караульный майоръ Петровъ, Березовскіе священники: Илья Прохоровъ, Ѳедоръ Кузнецовъ (духовникъ Ивана), Андрей, Тимофей и Артемій Васильевы, діаконъ Ѳедоръ Кокоулинъ и нѣсколько Березовскихъ жителей. На-завтра не оказалось въ Березовѣ 31 человекъ“. Еще разъ произошелъ со всеми ужасами тогдашнихъ пытокъ допросъ въ Tobольскѣ и послѣ того священники Прохоровъ и Васильевы, діаконъ Кокоулинъ были биты плетью и затѣмъ ихъ вѣрно было, безъ лишенія сана, отправить въ Охотскъ. Еще тяжелѣе наказали священника Кузнецова. Его били кнутомъ, вырвали ноздри и отравили туда же въ Охотскъ на вѣчную работу. Что случилось съ прочими березовцами, не сохранилось извѣстій. „Извѣстно

*) Абрамовъ. Описаніе Березовскаго края. Записка Импер. русскаго географ. общества. Кн. XII, 1857 г. стр. 374.

только, говорить Абрамовъ, что ни одинъ изъ нихъ не вернулся на родину: вѣроятно, они умерли отъ наказаній и работъ на заводахъ^{*)}.

Иванъ Долгорукій, измученный пытками, не выдержалъ и рассказалъ все объ известномъ заѣздѣ въ пользу сестры и о подложной къ нему поднеси. Опальныхъ Долгорукихъ, старшихъ по возрасту и младшихъ, всѣхъ почти свезли въ Новгородъ и здѣсь, припомнивъ имъ всякаго рода вины, Ивана колесовали, Василю Лукичу, Сергѣю и Ивану Григорьевичамъ отсѣкли головы. Бывшаго фельдмарш. Василя Владиміровича и его родного брата Михаила послали изъ Новгорода въ вепеходную ссылку, „чтобы въ разныхъ мѣстахъ ссылки, находясь подъ надлежащимъ карауломъ, никуда кромѣ церкви, ихъ не пускать“^{**}). Братьевъ колесованнаго Ивана, Алексѣя и Александра, велѣно было отправить въ Камчатку,—Николая въ Охотскъ, Николая и Александра предварительно били кнутомъ. О княжнахъ состоялось распоряженіе: заточить и постричь Екатерину въ Томскомъ женскомъ монастырѣ, а ея сестеръ—Елену въ Тюменскомъ Успенскомъ и Аину въ Верхотурскомъ дѣвичьихъ монастыряхъ.

„Каковы бы ни были прежнія заблужденія и даже преступленія Долгорукихъ, девятилѣтнее постоянное ихъ преслѣдованіе и страданія, которыя они въ это время перенесли, невольно примиряютъ съ ними. Смерть столь неожиданная, суровая и мучительная цекунила всѣ грѣхонаденія юности его (ки. Ивана) и кровь, обогрившая новгородскую землю, должна примирить прахъ его со всѣми врагами племени нашего“—писалъ полковникъ снуста одинъ изъ членовъ Долгоруковской фамиліи^{***}).

Возвратимся къ княжѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой.

Въ январѣ 1730 г. въ Томскѣ архим. Порфирій получилъ изъ канцеляріи Его Преосвященства указъ съ извѣщеніемъ, что импер. Петръ II избралъ себѣ невесту въ лицѣ дочери дѣйствит. тайнаго совѣтника и ордена ап. Андрея Первозваннаго кавалера ки. Алексѣя Григорьевича Долгорукова высокосвѣтлѣйшей княжны Екатерины Алексѣевны и съ приказаніемъ на эктеніяхъ „вспоминать“ такъ: „О благочестивѣйшемъ самодержавнѣйшемъ вел. государѣ нашемъ императорѣ Петрѣ Алексѣевичѣ всея Россіи и обрученной невестѣ Его благовѣрной государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“[†]). А чрезъ 10 лѣтъ въ тотъ же Алексѣевскій томскій монастырь поступилъ на имя архим. Лаврентія о Долгорукой другой указъ, гласившій:

„По именному Ея Импер. Величества, за подписаніемъ Ея Императ. Величества руки, указу повелѣно князи Алексѣя Григорьева сына Долго-

*) Абрамовъ. Тамъ-же.

***) П. С. Зак. т. 10, № 7942.

***) Щербальскій. Чтенія изъ Русской Исторіи. Вып. 4, стр. 135—136.

†) Ук. Томск. архим. Порфирію отъ 20 янв. 1730 г. за № 51. Арх. Том. Алек. мов.: св. 15.

рукаго имѣющихся въ ссылкѣ въ г. Березовѣ дочерей: Катерину, Елену и Анну разослать въ сибирскія дальнія мѣста, въ разныя дѣвичьи монастыри и въ тѣхъ монастыряхъ, по обыкновенію, постричь ихъ въ монахини, и настоятельницамъ тѣхъ монастырей имѣть и содержать ихъ подъ накрѣпчайшимъ присмотромъ. И по силѣ вышеобъявленнаго Ея Импер. Величества указа и по опредѣленію Тобольской архіерейской канцеляріи по сношенію съ сибирской губернской канцелярією, велѣно вышепомянутую *дѣвку Катерину*, когда она привезена будетъ въ Томскъ подъ карауломъ, въ томскомъ Рождественскомъ монастырѣ постричь тебѣ, архимандриту, въ монахини, по обыкновенію, при посланномъ за нею изъ сибирской губернской канцеляріи карауломъ оберъ-офицерѣ и, по постриженіи, содержать ее въ ономъ дѣвичьемъ монастырѣ подъ крѣпчайшимъ карауломъ и нигде ея изъ того монастыря ни для чего не выпускать и писемъ писать не давать, и постороннихъ никого ни для какого сообщенія не допускать, и чтобы никакихъ шалостей и неупотребства отъ нея не происходило, — пицею и одеждою содержать ее по обыкновенію того монастыря равномерно противъ прочихъ монахинь безо всякой отмѣны. И чтобы она Долгорукова дочь дѣвка Катерина въ помянутомъ монастырѣ содержана была по силѣ объявленнаго высочайшаго именнаго Ея Импер. величества указа непременно, велѣно по опредѣленію сей губернской канцеляріи объявленному оберъ-офицеру въ помянутомъ монастырѣ оставить при оной Долгорукова дочери двухъ чело-вѣкъ до указа. И архимандриту Лаврентію о вышеписанномъ объявленной Долгорукова дочери постриженіи и о содержаніи ея подъ крѣпкимъ надзоромъ по силѣ Ея Император. величества именнаго указа непременно чинить по сему и о томъ архіерейскую канцелярію репортовать секретно“.

Указъ въ тобольской архіерейской канцеляріи былъ написанъ 1740 г. ноября 9 дня*). Это былъ какъ разъ тотъ день, когда Биронъ, главный виновникъ мученій и казней Долгорукихъ, былъ арестованъ и когда готовили его къ отсылкѣ въ Пелымъ.—Замѣчательное совпаденіе!

По описанію Бавтышъ-Каменскаго, „княжна Екатерина Алексѣевна имѣла красивое лицо, много блеска и пріятностей въ чертахъ лица; нѣчто обворожительное въ томныхъ большихъ глазахъ небснаго цвѣта. Она была высокаго роста, стройна собою и съ прелестями красоты соединяла образованный умъ, кротость и ласковое обращеніе“ (**). Насколько это описаніе отвѣчало дѣйствительности—судить не можемъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя допустить, чтобы пережитыя ужасныя событія въ ея семьѣ не отразились

*) А. Сулоцкий.—„Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая“. Рус. Вѣст. 1880 г. июль, стр. 9—10.

**) Абрамовъ. Описаніе Берез. края З. И. Г. Общ. XII, стр. 373.

выраженіемъ грусти на ея лицѣ.—Въ то время, какъ она привезена была въ Томскъ, ей было 28 лѣтъ.

Вышеприведенный о княжѣ указъ принялъ въ Томскѣ не архимандритъ Лаврентій, въ то время отсутствовавшій изъ города, а старшій іеромонахъ Алексѣевской обители Моисей Булатовъ. Онъ же и совершилъ чинъ постриженія. Въ статьѣ Сулоцкаго о княжѣ приведена выдержка изъ Иркутскихъ Епар. Вѣдомостей о томъ, какъ почти одновременно съ Долгорукой (25 ноября 1740 г.) въ Иркутскѣ постригали въ невольное монашество другую жертву Бирона, дочь казненнаго Артемія Волинскаго—Анну. „Явился въ церкви Знаменскаго дѣвичьяго монастыря архим. Корнилій. За нимъ въ ту же церковь ввели съ конвоемъ юную отроковицу въ сопровожденіи фургера и неизвѣстной пожилой вдовы, которые сопровождали Волинскую изъ столицы. Архимандритъ приступилъ къ обряду постриженія. На обычные вопросы объ отреченіи отъ міра постригаемая оставалась безмолвною. Но вопросы слѣдовали, по чиноволоженію, одинъ за другимъ. Безмолвную одѣли въ иноческую мантию, покрыли куколемъ, переименовали изъ Анна въ Анисію, дали въ руки четки, и обрядъ постриженія былъ конченъ“. Нельзя не согласиться съ Сулоцкимъ*), что церемонія постриженія не могла быть иною и въ Томскѣ.

Совершившій постриженіе іером. Моисей немедленно донесъ Tobольскому митрополиту, что „по силѣ Ея императ. Величества указу дѣвка Катерина въ томскомъ Рождественскомъ монастырѣ, въ небытность архимандрита Лаврентія, мною, нижайшимъ богомольцемъ Вашимъ, іером. Моисеемъ пострижена въ монахини декабря 22 числа 1740 г. при посланномъ за вѣдъ карауломъ оберъ-офицерѣ Петрѣ Егоровѣ. Того ради сямъ доношеніемъ секретно рапортую. 1740 г., декабря 24 дня“ **). Приводится пожалѣть о томъ опущеніи въ донесеніи о. Моисей, по которому онъ забылъ упомянуть: какое монашеское имя нарекъ онъ невольной постриженицѣ?

Княжну-постриженицу поселили въ одной изъ убогихъ кельекъ-азбушекъ, гдѣ она пропитывалась на скудные монастырскія средства, приобретаемая главнымъ образомъ отъ милостынь со стороны сердобольцевъ. По преданіямъ, собраннымъ въ Томскѣ, караулъ за княжной-монахиней былъ крѣпкій и строгій. Только иногда, какъ бы для развлеченія и въ видѣ прогулки, дозволялось ей взойти на монастырскую колокольню, отстоявшую отъ ея кельи въ 20 сажняхъ, посмотреть, полюбоваться съ нею на Томскъ. Ни днемъ, ни ночью не оставляли ее одну. Безъ посторонняго лица ей не дозволялось даже переѣхать бѣлье. Жители Томска слышали, какъ посту-

*) Сулоцкій. Рус. Вѣст. 1880 июль, стр. 12—13.

***) Тамъ-же, стр. 11.

идутъ въ монастырь съ княжной Долгорукой, ронтали на приставниковъ ея, жалѣли о несчастной страдалицѣ. Сохранился рассказъ, какъ однажды будто-бы явился къ ней какой-то военный чиновникъ съ требованіемъ обручальнаго кольца и какъ она героически отказала ему въ этомъ требованіи. „Нѣтъ, говорила она ему, ни за что я не отдамъ ни вамъ, ни кому другому этой моей святыни. Только тогда вы можете воспользоваться ею, когда согласитесь отрѣзать мой палецъ или отрубить мою руку, иначе все ваши попытки останутся напрасными. Кольцо мое, оно дано мнѣ высокими женихомъ, и не вамъ владѣть имъ“ *).

Безъ сомнѣнія и въ Томской неволѣ княжна не оставляла тѣхъ же благодѣтельныхъ занятій, за которыми вмѣстѣ съ сестрами коротала время, проживая въ Березовѣ. Разумѣемъ, руководѣла шитьемъ для церкви. Въ руководѣльяхъ этого рода княжны были большія искусницы. Въ Березовѣ осталось много ихъ фамиллярныхъ иконъ, украшенныхъ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ ихъ собственной работы **). Въ Томскѣ у Екатерины Алексѣевны не могло быть своего матеріала, но она могла шить изъ матерій, какія въ состояніи были доставить ей игуменья и др. монахини.

25 ноября 1741 г. вступила на престолъ Елизавета Петровна, и, облитая кровію, намученная преслѣдованіями, семья Долгорукихъ ожила снова. Милостивымъ распоряженіемъ новой императрицы все Долгорукіе, томившіеся въ ссылкахъ, были вызваны изъ ссылочныхъ мѣстъ съ возвращеніемъ прежнихъ званій и имѣній. Радостное повелѣніе о заточницахъ-княжнахъ въ Тобольскѣ было объявлено указомъ митроп. Арсенія Маціевича, — посланнымъ 29 декабря въ Тюмень, Верхотурье и Томскъ. Въ Томскѣ указъ былъ написанъ на имя все того-же архим. Лаврентія. Въ немъ архимандритъ прочиталъ: „По силѣ именнаго ея импер. величества всемилостивѣйшаго, за подписаніемъ собственнаго ея император. величества высочайшей руки, указа, обрѣтающихся въ Сибири въ дѣвичьихъ монастыряхъ князя Алексѣя Григорьевича сына Долгорукова дочерей постриженныхъ, а именно: изъ Томскаго Рождественскаго Екатеринину, изъ Тюменскаго Успенскаго — Елену, изъ Верхотурскаго — Анну освободить, и о томъ вышеозначенныхъ монастырей настоятелямъ послать въ самой крайней скорости указы... И какъ оная Долгорукова дочь Екатерина изъ Томскаго Рождественскаго дѣвича монастыря освобождена будетъ, о томъ преосвященному Арсенію, митрополиту тобольскому и сибирскому рапортовать въ какой возможно скорости, немедленно“.

Въ Томскѣ указъ былъ полученъ 10 января 1742 г. и въ тотъ же день Лаврентій отвѣтилъ: „по указу ея имп. велич. изъ канцеляріи Его

*) Тамъ-же, стр. 14.

***) Абрамовъ. Ол. Берез. края. стр. 376.

Преосвященства, писанному 29 декабря прошлаго 1741 г., князя Алексея Григорьева сына Долгорукова дочь Екатерина из томскаго Рождественскаго монастыря освобождена.—Вашего преосвященства низжайшій рабъ и богомолецъ архим. Лаврентій* *).

Освобожденныя изъ подъ стражи и выпущенныя изъ монастырей княжны радостно сняли съ себя невольное монашеское платье и вмѣстѣ съ своею невѣсткою Натальею Борисовной явились ко двору въ томъ-же 1742 г., и были обласканы здѣсь всею полнотою монаршаго благоволенія. Въ 1745 г. Екатерина Алексѣевна, будучи уже 33 лѣтъ отъ роду, вышла замужъ за генераль-лейтенанта графа Александра Борисовича Брюса**). Но въ замужествѣ жила недолго. Послѣ поѣздки въ Новгородъ на поклоненіе могиламъ казненныхъ брата и родственниковъ графиня простудилась, сильно занемогла и скончалась, почему-то распорядившись предъ смертію ежечъ всея свои богатая и роскошныя платья.

Во дни вернушагося счастья Долгорукіе не забывали своими благодѣіями Березова, гдѣ покоились драгоценныя для нихъ останки ихъ родителей***). Вчастности Екатериною Алексѣевною, вѣроятно, не былъ забытъ и томскій дѣвичій монастырь, гдѣ въ суровый годъ своего заточенія и содержанія подъ безотлучнымъ карауломъ среди монашествующихъ сожительницъ она, несомнѣнно, встрѣчала сочувствующіе взоры и какъ-нибудь украдкой одобряющей и утѣшающей шепотъ. Не ею ли былъ присланъ жемчугъ для украшенія монастырской иконы св. вм. Екатерины? Послѣ смерти Екатерины Алексѣевны въ монастырскій синодикъ былъ занесенъ записью для вѣчнаго поминовенія родъ ея, гдѣ на первомъ мѣстѣ означено имя ея самой съ титуломъ графини. Нельзя сомнѣваться, что поминовеніе совершалось въ благодарность за какой-нибудь цѣнный прикладъ †).

По преданію, сохранившемуся среди томскихъ старожиловъ, въ старинной томской дѣвичьей обители, вскорѣ послѣ княжны Долгорукой, временно содержалась еще именитая больная колодница съ урѣзаннымъ языкомъ. Не

*) Сулоцкий. Рус. Вѣст. 1880, іюль, стр. 15—16.—Нельзя не упомянуть здѣсь и о донощикѣ на Долгорукихъ, секретарѣ Осипѣ Тишинѣ, который послѣ вступленія на престолъ Елизаветы Петровны за непорядочные и противные указамъ поступки, за неспособность и пьянство отставленъ былъ отъ должности съ тѣмъ, чтобы никуда неопредѣлать.—Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XXI, гл. 2.

***) Ея младшая сестра Елена Алексѣевна вышла замужъ за освобожденнаго изъ ссылки же однофамильца Юрія Юрьевича Долгорукова. Известно, что знаменитая Наталья Борисовна Долгорукая, отказавшись быть фрейлиною при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, постриглась въ Кіевскомъ Флоровскомъ жен. монастырѣ.

****) См. у Абрамова. Опис. Березов. края, стр. 379.

†) Въ синодикѣ бывшаго женскаго монастыря (л. 24 пабор.) значится: „Родъ князя Долгорукова Алексея.—Помяни Господи графиню Екатерину, ки. Георгія, ки. Алексея, ки. Георгія убиеннаго, княгиню Христину, ки. Сергія, ки. Сергія, ки. Іоанна, кп. Василія, ки. Александра, монахиню Маргариту, ки. Марфу, ки. Домнику, княжну Агришину, ки. Іоанна,—далѣе перечислены младенцы.“

была-ли это Бестужева?—предполагаетъ сообщившій это преданіе Вакхъ Гурьевъ*). Извѣство, что графиня Анна Бестужева имѣла съ Донукинскими обвинена была въ тайныхъ сношеніяхъ и переговорахъ съ венгерскимъ маркизомъ Боттою, направленныхъ, какъ объявлено было въ манифестѣ съ приговоромъ о наказаніи виновныхъ, къ тому, чтобы лишить престола императрицу Елизавету Петровну въ пользу младенца Іоанна Антоновича и его матери. За это Анна Бестужева, послѣ битія кнутомъ и урѣзанія языка (вмѣсто смертной казни), была послана въ ссылку*).—Но куда?—въ томскій монастырь или какое-либо другое отдаленное мѣсто,—мы указаній не нашли.

За именитыми колодницами идетъ рядъ невольныхъ монастырскихъ обитательницъ по происхожденію изъ простаго званія.

Въ одно изъ 30-хъ годовъ прошлаго XVIII стол. въ Томскѣ былъ полученъ указъ съ извѣщеніемъ, что въ женскій монастырь препровождается подъ карауломъ изъ Московской тайной канцеляріи, для вѣчной работы, падчерица Нарвскаго драгунскаго полка драгуна Стародубцева—дѣвка Ѳедосья Иванова. Предварительно въ Москвѣ Ѳедосья учинено было наказаніе: была бита, по малолѣтству, плетью. Но за что ее били и сослали, въ указѣ сказано очень глухо:—„за нѣкоторую вину, которая явна тайной канцеляріи“ ***).

Въ началѣ 1733 г. по доносу разбойника Семена Круглова въ Москвѣ возникло огромное дѣло о „виновьявившихся“ (въ сущности давно существовавшихъ) раскольникахъ-хлыстахъ, секту которыхъ по нѣкоторымъ чертамъ вѣшняго сходства съ иноземнымъ Квакерствомъ приравнили къ этому послѣднему, почему и сторонниковъ ея наименовали *квакерами*. Началось слѣдствіе, производившееся особо-назначенной слѣдственной комиссіею. Комиссія прежде всего раскрыла, что послѣдователи хлыстовства имѣлись въ Москвѣ, въ Углическомъ, Ярославскомъ уѣздахъ и по разнымъ другимъ мѣстамъ Россіи, но и главные притоны они свили для себя въ Московскихъ Петровскомъ и въ особенности въ дѣвичьемъ Ивановскомъ монастыряхъ. Въ Ивановскомъ монастырѣ старица Настасья играла роль самой старшей хлыстовской пророчицы, прельщавшей своими „ложными пророчествами“ приходящихъ къ ней многихъ людей“ и въ оградѣ того-же монастыря имѣлись и чествовались могилы хлыстовскихъ ересеначальниковъ Ивана Сулова, называвшаго себя Богомъ, и Лункина, котораго хлысты чтили при жизни какъ Христа, а его ближайшихъ учениковъ, какъ апостоловъ †).

*) В. Гурьевъ. Растрига дѣвки—квакерен. Рус. Вѣст. 1881. авг., стр. 429.

***) П. С. Зак. т. 11, № 8775.

****) Матеріалы для истор. Сибири. Чт. Общ. ист. и древ. 1867. Кн. 2, стр. 286.

†) Собраніе постановленій по части раскола. Кн. I., стр. 312—316. 1860.

Слѣдствіе установило затѣмъ и главныя особенности въ обрядахъ и ученіи этой „богомерской противности“. Оказалось, что 1) противники, собравшись „съ прилежнымъ укрывательствомъ“ въ одно, избранное для молитвы, мѣсто, разсаживались здѣсь по лавкамъ такъ, что на одной сторонѣ былъ мужской полъ, на другой женскій, а на переднемъ мѣстѣ засѣдалъ наставникъ или наставница, „якобы по чину настирскому“. 2) Потомъ, взявъ благословеніе „у предводительной особы“ съ низкимъ поклоненіемъ и цѣлованіемъ ея руки, начинали плясать въ избѣ кругомъ, подскакивая при этомъ настолько высоко, насколько кто могъ. 3) Нѣкоторые, скача, били себя палками, а иные—цѣпами. 4) Думали, что скаканіемъ они исполняются Духа св., почему „нѣкіи изъ нихъ иногда мужска, иногда женска пола persons нѣчто прорицали, или, паче, бусловныя и смѣха достойныя враки и рассказы произносили“. 5) Въ собраніяхъ принимали изъ рукъ наставника или наставницы хлѣбъ, ѣли его и пили квасъ или воду, „вмѣняя то, окаянныя, за св. Причастіе“. 6) Свои собранія съ плясками и сказаніями называли крещеніемъ *оухомъ* и утверждали что церковное крещеніе водою во имя св. Троицы ко спасенію недостаточно и что древніе св. отцы спаслись изъ хлыстовскимъ крещеніемъ и ученіемъ. 7) Бракъ отвергали и требовали отъ приходящихъ къ нимъ, чтобы женатые съ законными женами не имѣли сношеній, холостые не женились, дѣвицы замужъ не выходили. 8) „А когда въ свои собранія сходились, мало когда въ тотъ же день съ мѣста того расходъ ихъ бывалъ, но всегда почитай всѣ тамъ же и ночевали въ одной избѣ—мужской полъ и женскій, только, сказывали, по одну сторону мужчины, по другую женщины, что не малое подозрѣніе надало блуднаго ихъ смѣшенія, инаиначе, когда и одну ихъ старицу обличили и сама въ комиссіи виновилась, что съ мужчиною той-же ереси отъ незаконнаго совокупленія и младенца прижила и у старицы Настасьи, которая мерзкіе оныя соборы созывала, многія кровати, во время слѣдованія, надъ кельею ея подъ кровлею найдены; и тако они, окаянныя, весьма дивнымъ развратомъ въ неискусный умъ пришли, законный бракъ отвергая, а отъ незаконнаго смѣшенія не отставая“. 9) Молились двуперстнымъ сложеніемъ, отвергая троеперстіе, какъ печать антихристову. 10) Утверждали, что антихристъ уже родился и скоро послѣдуетъ кончина вѣка. 11) Вновь приходившихъ къ нимъ согласниковъ обязывали „вымышленною“ присягою, чтобы былъ въ той „богомерской ереси не превратнымъ“ и не сказывалъ о ней ни отцу родному, ни отцу духовному, также и предъ судомъ вѣковому. А кто ереси измѣнилъ-бы или о ней кому открылъ, о томъ учили, что вверженъ будетъ въ тартаръ. 12) Для лучшаго сокрытія ереси ея послѣдователи перемѣняли имена и, двоедушничая, не отказывались принимать обряды и таинства отъ православной церкви, не исключая словѣди и св. Причастія*).

*) Собраніе пост. по части раскола Ч. 1. стр. 246—256.

Послѣ тщательнаго разслѣдованія дѣла нѣкоторые изъ „плевосѣятелей и развратителей христіанскаго благочестія, перевозаводчики и наставники, весьма за важныя и противныя ихъ вины“ были казнены смертію, а нѣкоторые изъ сторонниковъ секты, по учиненіи имъ наказанія, отправлены въ ссылку. Сверхъ того, въ цѣляхъ болѣе надежнаго искорененія ереси, было опубликовано указомъ по всеѣмъ мѣстамъ для всенароднаго извѣстія, чтобы всѣ соприкосновенные къ „прелести“ являлись и выпились въ своемъ преступленіи, не опасаясь за него никакого истязанія. Терминомъ времени для добровольной явки назначено было начало „предбудущаго 1735 года“. А „если на опредѣленной терминъ объявленные люди сами собою не явятся и вины своей не объявятъ, а послѣ будутъ сысканы,—съ таковыми поступено будетъ такъ, какъ о волшебникахъ въ состоявшемся въ прошломъ 1731 г. 20 мая указѣ объявлено безо всякой отмены *). Захотѣли объявиться 112 чел., которые были отпущены безъ наказанія съ однимъ обязательствомъ, „чтобы впредь той ереси вчинять не дерзали“ **).

Послѣ казней, ссылокъ и добровольныхъ объявленій о принадлежности къ сектѣ, послѣдняя затихла, но только затѣмъ, чтобы втихомолку набрать себѣ еще больше поборниковъ. Въ 1744 г. она обнаружилась снова во многихъ московскихъ монастыряхъ, въ Петербургѣ и въ разныхъ другихъ городахъ и уѣздахъ, иногда очень отдаленныхъ отъ столицъ. На этотъ разъ зачинены были въ распространеніи ереси и въ послѣдованіи ей 416 челов. ***).

Опять потянулось большое слѣдственное дѣло сначала въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, а потомъ по-прежнему въ особо учрежденной въ Москвѣ комиссіи. Снова пошли наказанія и ссылки.

Послѣ того и другого изъ этихъ судебныхъ сектанскихъ процессовъ развязка для нѣкоторыхъ изъ согласницъ хлыстовщины завершилась въ отдаленномъ, нашемъ Томскомъ женскомъ монастырѣ. Въ 1735 г. сюда прибыло шесть женщинъ-квакерокъ, которыя предварительно побывали въ Кузнецкѣ, а затѣмъ были препровождены въ Томскъ по распоряженію изъ Тобольска, данному указомъ на имя намѣстника Алексѣевского монастыря іеромон. Рафаила. Но гораздо въ большемъ количествѣ въ то же время очутилось квакерокъ и квакерницъ въ Енисейской ссылкѣ. По милостивому манифесту, изданному по вошествіи на престолъ Елизаветы Петровны †), всѣ еретики и еретички, сосланные въ Сибирь, могли вернуться въ свои родныя мѣста. Но когда они были уже на пути, начальство вспомнило, что одна изъ нихъ старица Акулина Иванова, родственница умершаго лжехриста Лункина, слишкомъ опасна для

*) Собр. постановл. по части раск., ч. 1, стр. 253—256.

***) Тамъ-же, стр. 545.

†) Тамъ-же, стр. 556.

†) И. Собр. Зак. т. XI, № 8481.

того, чтобы ей быть из Россіи, почему и послѣдовалъ приказъ задержать ее въ Тобольскѣ. Не долго побыли квакерки на родинѣ. При вторичномъ слѣдствіи о хлыстахъ въ 1744 г., ихъ послали обратно въ Сибирь. На этотъ разъ въ Томскій дѣвичій монастырь опредѣлено было выслать 22 женщины и въ томъ числѣ Акулину Иванову, высланную изъ Тобольска назадъ въ глубь Сибири*).

Съ тѣхъ поръ всѣ эти женщины проживали въ монастырѣ въ качествѣ колодницъ, числясь по вѣдомостямъ „дѣвками—растригами квакерками“. То обстоятельство, что онѣ именвались дѣвками и притомъ еще растригами, ясно указываетъ, что бывшія еретички прежде были монахинями и, несомнѣнно, изъ московскихъ монастырей, гдѣ, какъ мы видѣли, былъ главный притонъ хлыстовства и куда растриги направлены было по милостивому манифесту 1741 г. „Квакеры“ присланы были въ Томскъ на неисходное въ монастырѣ пребываніе и съ тѣмъ, чтобы и сами не дерзали держаться прежнихъ своихъ „мерзкихъ дѣйствъ и ложнаго противу церкви святой ученія“, и тѣмъ болѣе, „плевосѣять“ заблужденія между другими. Причтъ монастырскаго храма обязанъ былъ ежегодно доносить чрезъ Духовное Правленіе въ Тобольскъ о поведеніи колодницъ и объ образѣ ихъ мыслей. Сохранился съ такимъ доношеніемъ рапортъ свящ. Андрея Шихова отъ 1 декабря 1760 г. „По полученнымъ изъ Тобольской дух. консисторіи указомъ повелѣно намъ, писаль священникъ, надъ содержащимися въ дѣвичьемъ монастырѣ *квакерской ереси растригами-дѣвками* въ содержаніи ими христіанской вѣры и о состояніи житія ихъ въ декабрѣ мѣсяцѣ въ духовное правленіе репортовать. Того ради томекому дух. правленію симъ покорно доношу: упоминаемая квакерской ереси присылныя растриги-дѣвки житіемъ пребываютъ исправно и вѣру христіанскую содержать во всемъ, какъ христіанская должность повелѣваетъ; до церкви святой для слушанія словословія Божія всегда ходятъ илѣбно; во исповѣди у меня, Шихова, и у св. причастія бывають иныя по дважды, а другія поединожды въ годъ неотмѣнно и прежняго за ними злодѣяства нынѣ не оказывается“ **)

Прочитывались колодницы отъ добродателей, въ дома которыхъ ходили изъ монастыря свободно. Нѣкоторыя изъ нихъ кое-какія средства принесли

*) Количество 22 присылныхъ женщинъ обозначено у В. Гурьева въ его статьѣ „О квакерахъ“. По духовнымъ росписямъ Томскаго дѣвичьяго монастыря за 1745 г. мы насчитали квакерокъ только 20. Вотъ онѣ по именамъ: Акулина Иванова 65 лѣтъ, Васса Кузьмина 64 л., Дарья Дмитріева 54 л., Агрипина Карлова 80 л., Марія Дмитріева 52 л., Домника Иванова 50 л., Ирина Иванова 52 л., Анна Васильева 50 л., Татьяна Иванова 43 л., Казимірина Петрова 55 л., Гликерія Семенова 50 л., Домника Иванова (вторая) 50 л., Марія Мартинова 55 л., Матра Григорьева 78 л., Пелагея Матвѣева 55 л., Матрена Севастьянова 52 л., Авдотья Авдѣева 50 л., Меланья Антипина 53 л., Дарья Иванова 50 л. и Евонія Антипова 50 л. — Духов. росписи за 1745 л. въ арх. Том. консисторіи. — Покойный Лѣсковъ, писавшій „о квакерахъ“, сосланный въ Томскъ, упоминаетъ еще Надежду Григорьеву и Марію Матасову. Но въ свискалѣ Д. Росписей мы ихъ не нашли.

**) В. Гурьевъ Растриги дѣвки-квакеры. Рус. Вѣстн. 1881 г. авг., стр. 434—435. Въ свою очередь мы видѣли такое же доношеніе отъ 1765 г. Арх. Том. Конс.

съ собою изъ Москвы, такъ что въ состояніи были поставить для себя кельи въ монастырѣ на свой счетъ. Въ кельяхъ жили по двѣ по три вмѣстѣ. Собиравшій въ Томскѣ преданія объ образѣ жизни „квакерей“ свящ. В. Гурьевъ пришелъ къ заключенію, что извѣстія на этотъ счетъ разнообразятся, смотря потому, изъ какой партіи томскихъ жителей они исходятъ: отъ православной-ли, или тайно яридерживающейся раскола. По разсказамъ православныхъ, „квакеры“ были хитрыя, пронырливыя старушенки—святоши, подъ видомъ смиренія и благочестія тайнымъ образомъ распроотранявшія разныя раскольническія заблужденія по всеѣмъ тѣмъ домамъ, гдѣ ихъ принимали и чествовали. Главнѣйшимъ и самымъ удобнымъ способомъ распроотраненія всяческихъ заблужденій служила для нихъ грамотность. Зная славянскую церковную грамоту, они ходили по городу читать псалтирь по усоншимъ, а въ ночное время служили даже панихиды и молебны, отиравали вечераи и полунощницы и даже исповѣдывали и причащали больныхъ и здоровыхъ какими-то благословенными сухариками или краснымъ виномъ, смѣшаннымъ съ Богоявленской водой. Дѣйствуя такимъ образомъ, хитрыя квакеры внушали своимъ почитателямъ строго соблюдать все вѣншіе обряды православія, казаться наружно православными и какъ можно задабривать своихъ приходскихъ священниковъ, чтобы они не имѣли на нихъ никакихъ подозрѣній“.—Жители, тайно приверженные къ расколу передавали иное. По ихъ словамъ, квакеры были несчастныя страдалицы, которыя, въ своемъ несчастномъ положеніи въ ссылкѣ, сдѣлались еще болѣе смиренными, чуть не заживо святыми. Онѣ служили для всеѣхъ жителей города нагляднымъ примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей. Случалось-ли въ домѣ какое-нибудь несчастіе, старушки являлись истинными утѣшительницами. При постели больныхъ онѣ были постоянными сидѣлками, а въ случаяхъ смерти читали псалтирь и научали всеѣхъ погребальнымъ обрядамъ*).

Такимъ образомъ, по сообщеніямъ отъ православныхъ старожиловъ г. Томска, „квакеры“ лицемерили въ своемъ „содержаніи“ должностей православно-христіанскихъ“. Но съ своей стороны, мы не можемъ произнести надъ ними такого приговора въ виду двухъ официальныхъ завѣреній, что отъ нихъ церкви святой никогда противности не оказывалось и того выразительнаго въ данномъ случаѣ факта, что одна старица, продавъ свою келью, вырученныя деньги передала въ монастырскую церковь прикладомъ для вѣчнаго поминовенія одной изъ своихъ подругъ по ссылкѣ**).

*) Тамъ-же, стр. 429—431.

***) Лѣсковъ, писавшій о квакерахъ на основаніи нѣсколькихъ бумагъ, переданныхъ ему ген.-м. Асташевымъ (сибирякомъ), передаетъ, что квакеры занимались въ Томскѣ свисываніемъ книгъ по заказу отъ томичей, а вмѣстѣ на досугъ разливали скорбь своего ссыльнаго положенія въ стихотвореніяхъ, гдѣ жаловались, что—„пришли въ дебри страшныя,—нездѣнія дикаго“. Пол. Собр. соч. Лѣскова. Т. XI. 1897 г.

По духовнымъ росписямъ прошлаго столѣтія, хранящимся въ архивѣ Томской консисторіи, можно съ точностію прослѣдить, какъ постепенно исчезаютъ „дѣвки-растриги“ за ихъ естественнымъ вымираніемъ въ промежутокъ отъ 1745 по 1784 г. Всѣмъ имъ довелось похорониться въ Томскѣ за исключеніемъ одной. Въ 1768 г. подалъ въ Тобольскую консисторію заявленіе Енисейскій кунецъ Кирианъ Валуевъ, въ которомъ писалъ, что „присланная изъ Москвы по раскольнымъ дѣламъ въ Томскій дѣвичій монастырь племянница его дѣвка Матрена Севастьянова, по престарѣлымъ своимъ лѣтамъ, частовременно болѣзнуеть, едва движеніе имѣеть и за тѣмъ въ пропитаніи несетъ крайнюю нужду“. Валуевъ просилъ отпустить Севастьянову къ нему въ его енисейскій домъ. Консисторія рѣшила отпустить, но съ тѣмъ, чтобы Матрена проживала не у Валуева, а въ Енисейскомъ женскомъ монастырѣ для наблюденія за нею въ содержаніи православной вѣры со стороны игуменьи Анфисы и Енисейскаго архим. Александра *). По содержанію милостиваго манифеста Екатерины II отъ 7 авг. 1782 г. всѣ колодники, состоявшіе въ сибирскихъ монастыряхъ, могли быть изъ подневели освобождены и отпущены. Но Тобольская консисторія нашла, что томскія оставшіяся въ живыхъ квакерки, Марія Дмитріева 88 лѣтъ и Анна Васильева 86 л., хотя и заслуживаютъ освобожденія, такъ какъ въ продолженіе 39 лѣтъ заключенія отъ нихъ противности въ вѣрѣ никто не замѣчалъ, но онѣ слишкомъ стары для какого-либо передвиженія, и потому опредѣлила оставить ихъ здѣсь же въ Томскѣ при церкви тогда уже закрытаго монастыря на подааніи мірекомъ и подѣ смотрѣніемъ духовнаго правленія, приходскаго священника и томскаго городничаго, „а впродолженіе ихъ въ числѣ колодниковъ уже не показывать“ **).

Среди не малочисленныхъ женщинъ мѣстнаго сибирскаго происхожденія, побывавшихъ въ нашей обители подѣ временнымъ смотрѣніемъ игуменьи, заслуживаетъ вниманія дѣвица изъ калмыцкой породы Ирина Иванова. Она была дворовой дѣвкой томскаго неверстаннаго сына—боярскаго Алексѣя Иванова Мещерина. 26 августа 1737 г. Мещеринъ пришелъ въ воеводскую канцелярію и объявилъ объ Иринѣ: „Четвертый уже годъ она, Ирина, испорчена: есть у ней въ утробѣ діавольское навожденіе, по которому діаволь говоритъ въ Иринѣ человѣческимъ языкомъ велухъ,—показываетъ о себѣ, что зовутъ его, лукаваго, Иваномъ Григорьевымъ Мещеринымъ и посаженъ въ утробу Ирину во шахъ дѣвкой Василисою Ломаковою, жившею въ домѣ Мещеринныхъ-же. Освидѣтельствовали Ирину въ воеводской канцелярїи въ присутствіи управляющаго за воеводу секундъ-маіора сибирскаго гарнизона

*) Ук. Тоб. конс. архим. Θεодосію отъ 4 нояб. 1768 г. Мов. арх.; св. 12.

***) Ук. Тоб. конс. въ Том. д. Правл. отъ 22 марта 1784 г.—Гурьевъ. Растриги-дѣвки квакерев, стр. 435—436

Степана Угрюмова, соборнаго священника Проконія Дмитріева, бывшаго поручика Ивана Аршеневскаго, подъячихъ Квасникова, Комарова, Молокова и многихъ посадскихъ людей и, по освидѣтельствуваніи, удостовѣрились, что Ирина подлинно явилась испорчена, и діаволь говоритъ въ ней человѣческимъ языкомъ въ слухъ и „на всѣ рѣчи по вопросамъ христіанскимъ отвѣчаетъ явственно,—посаженъ онъ въ испорченную вышеназванною Василисою Ломоковой по щтяхъ и взятъ изъ воды.

Угрюмовъ донесъ объ Иринѣ въ сибирскую губернскую канцелярію, а саму Ирину заключилъ въ женскій монастырь, гдѣ она должна была содержаться подъ карауломъ. Вскорѣ караульный, ирѣшій казакъ Переводчиковъ, разсказалъ управляющему за воеводу: 31 августа въ вечернее время, діаволь, угнѣздившійся въ Иринѣ, началъ бравить его, Переводчикова, всякою неподобною, скверною бранью и затѣмъ сталъ просить: „возьми фузею, а въ келью никого не пускай“. „Въ келью никого нѣтъ“ — отвѣтилъ караульный. А діаволь сказалъ: — „я вижу, что подъ окномъ стоятъ люди“, между тѣмъ подъ окномъ никого не было. После того, въ отдачу дневныхъ часовъ, по приходѣ въ келью игуменья Домника съ келейницею Оедосьею, помянутая Ирина легла на лавку и „въ тоскахъ своихъ говорила, что приходитъ ей лихо, а оный діаволь стоналъ человѣческимъ голосомъ съ полчаса, а потомъ кричалъ игуменья: „матушка прости“, такожь съ дѣвкой Оедосьей и съ матерью ея Мариной, которая въ то время лежала на печи, прощался. Игуменья спросила: куда идешь?— Въ воду, отвѣтилъ діаволь и просилъ отворить двери. И какъ келейныя двери отворили, у той дѣвкѣ Иринѣ уста широко раскрылись и шла мокрота, а вскорѣ изъ рта появился подобно, какъ дымъ, и вышелъ изъ кельи вонь“... И діавольскаго навожденія въ Иринѣ не стало. „Рождественскаго дѣвичьяго монастыря игуменья Домника и келейницы ея сказали такожь“. Снова больную Ирину повели въ воеводскую канцелярію для свидѣтельствуванія и тамъ нашли, что „по вопросамъ христіанскимъ діаволь ни въ чемъ уже не отвѣчаетъ“.

Сибирская губернская канцелярія дала знать о происшествіи въ Сибирскій приказъ, а этотъ послѣдній донесъ къ выснимъ инстанціямъ. Указомъ изъ Петербурга сибирскому губернатору было предписано разузнать: „разговоры діавольскіе происходили-ли дѣвки Ирины языкомъ и устами, или устами ея и языку бывшимъ тогда неподвижнымъ... и вообще какимъ то все образомъ и подобіемъ было именно? *).

Послѣ церковно-монастырскаго реформы 1764 г. Томскій женскій монастырь былъ оставленъ за штатомъ, т. е. онъ не былъ закрытъ, но долженъ

*) Изъ дѣла сенатскаго архива. Сообщилъ Безродный въ статьѣ: „Прѣшлый вѣкъ въ его правахъ, обмѣлахъ и вѣрованіяхъ“. Рус. Старица. 1897. Май.

былъ существовать безъ всякой помощи со стороны Коллегіи экономіи. Но такъ какъ собственныхъ средствъ у монастыря не было, а томское населеніе, вообще говоря, относилось къ нему равнодушно, то роковой конецъ сталъ для него неизбеженъ. Онъ былъ закрытъ за бѣдностію въ 1777 году, послѣ чего принадлежавшій ему храмъ сдѣлался исключительно приходскою собственностію. Уцѣлѣло сообщеніе о монастырскихъ помѣщеніяхъ, написанное игум. Викторомъ Калиновскимъ въ 1778 г. Келій внутри монастырской ограды стояло 9, и всѣ онѣ въ послѣдніе годы жизни обители были заняты колодницами—квакерками. Къ упомянутому 1778 г. колодницъ осталось въ живыхъ только три, и потому не мало келій должно было бы пустовать, но ихъ заняли посторонніе. Въ одну изъ нихъ вошелъ „для жительства“ съ разрѣшенія игум. Нафанаила заштатный соборный протоиерей Проконій Петровъ, въ другой поселилась какая-то посельщикова жена Авдотья Григорьева, купившая келью у колодницы Ануфріи за 5 руб. съ тѣмъ, чтобы деньги были переданы въ церковь для поминовенія колодницы Дорофеи *). Въ прочихъ свободныхъ кельяхъ водворились нѣкто Родионъ Карнышевъ съ семействомъ и томскія вдовы Ирина Лапина, Маремьяна Кулаковская и Ирина Ѳедорова, пущенная сюда для леченія просфоръ. Что касается Карнышева, то онъ показывалъ игумену Виктору, что вошелъ въ монастырскую келью по праву купилъ ея за 18 руб. у бывшаго монастырскаго священника Дуленова. Но Викторъ утверждалъ, что Карнышевъ завладѣлъ кельею самовольно, пользуясь покровительствомъ родственника своего томскаго священника Ив. Меркурьева, бывшаго членомъ Том. дух. Правленія.

Всѣ исчисленные, чуждые монастырю, жильцы содержались отъ подалній милостыни. Подалнія принимала и семья Карнышева, хотя престарѣлыхъ въ ней никого не было. Игумень называлъ ее тунеядной и вообще сильно возставалъ противъ этой семьи, находя не только то, что самовольно вторглась въ монастырскую ограду, но и то, что въ ней имѣются молодыя женщины, присутствіе которыхъ вблизи мужскаго монастыря неудобно и неприлично, и что всѣ Карнышевы не бываютъ у исповѣди, почему наводятъ сильное подозрѣніе въ принадлежности къ расколу. Онъ рѣшилъ выселить Карнышева, но встрѣтилъ неожиданное препятствіе со стороны томскаго воеводы Тимирязева, къ заступничеству котораго прибѣгли вытѣсняемые. Долго игумень препирался съ воеводою, но все-таки поставилъ на своемъ. Семья Карнышевыхъ была выдворена **).

*) Ануфрія и Дорофея—очевидно, прежнія монашескія имена квакерей.

***) Черновое доношеніе игум. Виктора преосвящ. Варлааму отъ 9 марта 1778 г. Арх. Том. мон.; св. 12.

Мы видимъ такимъ образомъ грустную картину запустѣнія обители, чуждое распоряженіе ея помѣщеніями и даже самовольное въ нихъ водвореніе стороннихъ людей еще ранѣе, чѣмъ обитель закрыта была официально.

Слѣдующій документъ дорисовываетъ печальный финалъ Томскаго Христорождественскаго дѣвичьяго монастыря, заглохшаго на неблагопріятной почвѣ. Староста Христорождественской церкви Матвѣй Некраевъ жаловался преосвящ. Варлааму: „Сначала показанная церковь стояла въ дѣвичьемъ монастырѣ, а потомъ, какъ монастырь упраздненъ, она обращена въ приходскую, а оставшіяся монастырскія кельи причислены къ ней и отдавались разнымъ лицамъ для жительства въ нихъ изъ приклада. Въ прошломъ 1778 г. игум. Викторъ продалъ одну келью за 5 руб., тогда какъ стоила она втрое больше и деньги употребилъ на строеніе своего монастырскаго храма, а въ прочія кельи онъ же, игуменъ, пустилъ монастырскихъ служителей безъ платы“ (для Христорождественской церкви). Служители развели въ оградѣ огороды и садятъ здѣсь разныя овощи, при чемъ нерѣдко раскапываютъ и могилы,—самую ограду развалили и растаскали на дрова. Староста просилъ, чтобы игуменъ возвратилъ упомянутые пять рублей и, кромѣ того, не вмѣшивался въ распоряженіе бывшимъ монастырскимъ имуществомъ, ставшимъ теперь достояніемъ приходской церкви *).

*) Ув. Тоб. конс. въ Том. дух. прав. отъ 31 мая 1779 г. Арх. Том. д. консисторіи.

КУЗНЕЦКІЙ ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКІЙ МУЖСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

1.

Время основанія Кузнецкаго монастыря.—Его огромный земельный надѣлъ и крестьяне.—Хозяйственная монастырская дѣятельность и ея полный упадокъ.—Возстановленіе хозяйства трудами іером. Иринарха.

Мужскій Кузнецкій Христорождественскій монастырь былъ расположенъ въ трехъ верстахъ отъ города Кузнецка, судя по атласу Ремезова, къ сѣверу отъ него, на лѣвомъ берегу р. Томи. Его основаніе, относятъ, опираясь на сообщеніе Миллера, къ 1648 г., когда сибирской частью управлялъ архіепископъ Герасимъ. Мѣстонахожденіе монастыря за городомъ, въ Кузнецкой крѣпости, было для него очень невыгодно въ тревожное время XVII и началъ XVIII в., когда около Кузнецка очень часто сновали враждебные русскимъ киргизы и калмыки. При осадѣ Кузнецка осенью 1700 г. кочевники монастырь разорили и „пожгли“*). Но очень возможно, что такому несчастію обитель подвергалась и прежде и при томъ не одинъ разъ. Кузнецкъ въ то время стоялъ на самой южной окраинѣ занятой русскими сибирской страны и, естественно, что киргизы и калмыки тревожили его гораздо чаще, чѣмъ даже Томскъ или Красноярскъ **).

Вскорѣ же послѣ построенія монастыря его монашествующіе насельники приложили стараніе о пріобрѣтеніи для своего обезпеченія угодій и земель. И своими стараніями набрали пашенныхъ земель, сѣнныхъ покосовъ и скотскихъ выпусковъ всего 69297 десят. 66 сажень***). Успѣли пріобрѣсти монастырскіе для себя и рыбную ловлю около самаго Кузнецка по теченію Томи на двѣ версты. На всѣ эти пріобрѣтенія, писалъ іеромонахъ Иринархъ Томскому архим.

*) Памятники Сибир. исторіи ч. 1 стр. 92.

***) „Кузнецкое мѣсто украинное, говорили о Кузнецкѣ служилые люди въ 1681 году,—стоитъ межъ многихъ немирныхъ иноземцевъ. Измѣнники киргизы и калмыки къ намъ полъ Кузнецкой войною приходятъ и людей побиваютъ, лошадей и рогатый скотъ отгоняютъ и на поляхъ хлѣбъ толочатъ безъ остатку..., а Кузнецкой—мѣсто украинное, отъ русскихъ и отъ сибирскихъ городовъ удалять“. Актн Истор. V, № 67.

Бѣлые калмыки, жившіе за Обью на р. Алѣй, пришедши подъ Кузнецкъ войною въ 1675 г. между прочимъ отогнали у монастыря его рабочей скотъ. Док. къ акт. пет. VII, № 72.

***) Вѣдомость о Кузнецкомъ монастырѣ за 1764 г. Арх. Т. Алек. мон.; св. 11.

Исайю въ 1750 г., монастырь имѣлъ крѣпости „старыя многими лѣтами и тѣ крѣпости, по прошенію строителя съ братією, были утверждены великими государями въ 7204 (1696) году *). Съ давнихъ же поръ у монастыря завелись мельницы, хотя небольшія—однопоставныя, мутовчатыя. Ихъ было четыре: 1-я находилась въ пяти верстахъ отъ монастыря на рѣчкѣ Обѣ, 2 и 3-я на рѣчкѣ Чесновкѣ и 4-тая при монастырской деревнѣ **).

Понятно, что при указанной въ земельномъ надѣлѣ массѣ десятинъ Кузнецкому монастырю требовалось множество крестьянъ, чтобы поля не оставались вниустѣ, чтобы ими можно было пользоваться. Но ему удалось созвать къ себѣ работниковъ изъ гулящихъ людей только въ очень ограниченномъ количествѣ. При второй ревизіи, въ 1744 г., крестьянъ, числившихся за Кузнецкимъ монастыремъ, было перенесено 75 ревизскихъ душъ, а въ 1763 году за тѣмъ же монастыремъ состояло мужскихъ 106 и женскихъ 105 душъ. Всѣ они проживали въ 33 верстахъ отъ г. Кузнецка въ одной деревнѣ, извѣстной подъ именемъ Монастырской, которая состояла въ приходѣ с. Проконіевскаго ***).

Подобно крестьянамъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря, съ половины XVIII в. начали тяготиться зависимостію отъ обители и монастырскіе кузнецкіе крестьяне. Въ 1761 г. по указу изъ Сибирской канцеларіи, поступившему въ Кузнецкую воеводскую канцелярію, велѣно было публиковать для общаго извѣстія, что „ежели кто пожелаетъ селиться по рѣкамъ новозаложенныхъ близъ Селенгинска и Нерчинска линій, то, чтобы брали паспорта и шли на выселеніе свободно“. Публикація точно обрадовала крестьянъ Кузнецкаго монастыря. Изъ нихъ изъявили готовность на переселеніе 37 семей. Кузнецкій игум. Адрианъ встревожился и поснѣшилъ донести о предстоящей большой убыли въ населеніи монастырской деревни митроп. Павлу. Митрополитъ потребовалъ у свѣтской власти, чтобы сдѣлала распоряженіе о задержаніи Кузн. монастырскихъ крестьянъ, какъ таковыхъ, которые права на переселеніе не имѣли. Требованіе митрополита было исполнено †). Но никакое начальство не могло пріостановить бѣгства изъ среды обительскихъ хлѣбопашцевъ къ Усть-Каменогорску и на рѣку Убу, когда въ этотъ хлѣбородный край Алтая начали стекаться русскіе пришельцы †*).

Какъ шло хозяйство въ монастырѣ въ первый и вообще болѣе ранній періодъ его существованія, мы не имѣемъ данныхъ для сужденія. Но нельзя сомнѣваться, чтобы тѣ, которые радѣли о собираніи земель, о созываніи крестьянъ, забо-

*) Донесеніе іером. Приарха въ Том. дух. правл. отъ 19 авг. 1750 г. Сп. опись Кузн. монаст. за 1763 г. Арх. Т. Ал. мон.; св. 11 и 6.

**) Опись монастыря за 1763 г.

***) Тамъ-же. Сп. вѣдом. о Кузн. мон. за 1764 г. Арх. Том. Ал. монаст.

†) Ук. Гоб. конс. игум. Адриану отъ 28 авг. 1761. Арх. Т. Алекс. мон.; св. 2.

†*) Ук. Гоб. конс. тому же игумену отъ 31 окт. 1761. Арх. Т. Алекс. мон.; св. 2.

тились о постройкѣ мельницъ, — чтобы эти люди не прилагали къ хозяйственной дѣятельности во всѣхъ ея подробностяхъ всю силу своихъ попечительныхъ заботъ. Къ 30-тымъ годамъ прошл. столѣтія монастырская братія въ своей численности оскудѣла, жизнь въ обители призамолкла, и, естественно, должно было пасть и хозяйство. Конечно, монастырю, при ограниченномъ количествѣ его брестьянъ, никогда нельзя было справиться со всею массою своихъ земель и угодій, но, по крайней мѣрѣ, можно было, при извѣстномъ раченіи, удерживать ихъ въ своемъ владѣніи. Между тѣмъ изъ указаннаго монастырскаго надѣла въ 66297 дес. и 66 сажень 63297 дес. захватили вновь поселившіеся въ Кузнецкомъ уѣздѣ государственные крестьяне разныхъ деревень, въ особенности селеній Усятскаго и Арскова, и владѣли ими для монастыря безданно и безпощинно. Много лѣтъ спустя послѣ захвата (въ 1763 г.) монастырь, „писаль въ Кузнецкую воеводскую канцелярію промеморію и требоваль (отвѣта): показанныя деревни по какимъ указамъ или отводамъ обселились на отводныхъ монастырскихъ земляхъ“?). Но изъ воеводской канцеляріи „никакой резолюціи не воспослѣдовало“ *). Въ монастырскомъ владѣніи уцѣлѣло такимъ образомъ только 3000 десятинъ. Изъ нихъ одна половина была совершенно годна для пашни и сѣнныхъ покосовъ, а другая составляла „дикое поле съ лѣсами, болотами и каменными горами“. Годною землею пользовались монастырскіе крѣпостные, обрабатывая изъ нея на обитель самую ничтожную долю десятинъ **).

Къ 1743 г. братія въ Кузнецкомъ монастырѣ совсѣмъ не стало и въ матеріальномъ положеніи его произошло полное заустѣніе. Монастырь все-таки не былъ закрытъ, а приписанъ былъ къ Томскому Алексѣевскому монастырю подъ наблюденіе арх. Лаврентія. Въ томъ же году Лаврентій послалъ для осмотра обители своего намѣстника Авксентія. Послѣдній извѣстилъ архимандрита, что монастырь осмотрѣлъ, имущество въ немъ провѣрилъ, а такъ какъ священнослужителей въ немъ нѣтъ, то церковныя вещи сложилъ все въ кладовую, и вручилъ монастырь ближайшему вѣдѣнію «вѣрнаго человѣка» Конытова съ тѣмъ, чтобы Конытовъ все ветхости въ немъ исправилъ, развалившіяся мельницы починилъ, за пашенными и сѣнокосными землями „назиралъ“, и все доходы и расходы записывалъ въ книги, которыя долженъ былъ писать съ его словъ дьячекъ Петръ Веригинъ ***). Вскорѣ съ Кузнецкаго монастыря потребовалось взискать презентова, по раскладкѣ съ другими монастырями, деньги, выданныя въ архіерейскомъ домѣ камергеру Жеребцову. Взискивалось 7 р. 50 коп. Авксентій от-

*) Видомость о Кузн. монастырѣ за 1764 г. Арх. Т. Алексѣев. мон.; св. 11.

***) Тамъ-же.

***) Довсесеніе Авксентія. Арх. Т. Ал. мон.; св. 16.

писалъ въ Tobольскѣ, что въ казнь Кузнецкой обители денегъ нѣтъ ни одной копѣйки, а куда онѣ дѣлись, — просилъ допросить бывшего настоятеля іеромонаха Адріана *).

Плачевное состояніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ „вѣрный человекъ“ Копытовъ не улучшилъ, мельницъ не исправилъ и даже допустилъ въ монастырскомъ достояніи растраты. Были расхищены даже церковныя книги, которыя оказались затѣмъ въ Томскѣ у разночинца Ивана Слесаря **).

Измѣненіе къ лучшему началось со времени, когда на жалкое состояніе Кузнецкой обители обратилъ вниманіе митроп. Сильвестръ. „Извѣстно намъ учинилось, писалъ онъ Томскому архим. Исаіи, что приписной къ вашему Томскому монастырю Кузнецкій монастырь оставленъ туне, такъ что не токмо смотрѣнія надъ нимъ и попеченія о немъ никакого, но и изъ начальниковъ и монашествующихъ лицъ тамо никого нѣтъ. А монастырь порученъ въ управленіе тамошнему мужику крестьянину Якову Бѣлокопытову (такъ былъ названъ Копытовъ), отчего тотъ Кузнецкій монастырь въ великое пришелъ несостояніе. Того ради повелѣваемъ вамъ, архимандриту, тотъ монастырь, яко приписной къ вашему томскому, смотрѣніемъ и исправленіемъ вѣдать и ради способности опредѣлить туда строителемъ отъ васъ кого изъ іеромонаховъ достойнаго человека, а буде оного способнѣйшаго не обратится — обрѣтающагося при васъ іеромон. Иринарха“, которому дать отъ себя пристойную инструкцію въ такомъ смыслѣ, „чтобы переписалъ все, что найдетъ въ монастырѣ движимаго и недвижимаго имущества, провѣрилъ крестьянъ, занялся починкою церкви, ограды и келій, размножилъ-бы хлѣбныя запашки и прочее, что можетъ происходить къ пользѣ монастыря“ ***).

Исаія отправилъ въ Кузнецкъ іером. Иринарха и, перечисливъ ему все, о чемъ требовалъ позаботиться митрополитъ, добавилъ данную ему инструкцію еще приказаніемъ, чтобы заставлялъ крестьянъ ставить на монастырь сѣна по 20 копенъ съ души „безъ всякаго денежнаго платежа и по 1 сажени полѣвныхъ дровъ, — чтобы обветшалыя мельницы, отъ которыхъ тому монастырю всегда лучшая можетъ быть польза, постарался строеніемъ возобновить и утвердить благонадежно, чтобы изъ крестьянъ бралъ къ монастырю служителей, а въ монастырскомъ храмѣ исправлялъ богослуженіе неотмѣнно“ †).

Вскорѣ Иринархъ донесъ, что изъ бывшихъ четырехъ мельницъ онъ успѣлъ поправить двѣ — одну на рѣчкѣ Обѣ, другую на Чесновкѣ, что крестьяне обрабатывали землю для монастыря и при Копытовѣ, но только въ маломъ количествѣ шести десятинъ, что вообще монастырскія земли и уго-

*) Довесеніе Авксентія 1745 г. Арх. Т. Ал. мон.; св. 16.

***) Довесеніе іером. Иринарха отъ 1750 г. М. а. св. 11.

****) Ук. архіерейскій, собственноручно подписанный митроп. Сильвестромъ. Май, 1750 г. Арх. Т. Ал. мон.; св. 11.

†) Инструкція, данная архим. Исаіею іером. Иринарху. 1750. Арх. Т. Ал. м.; св. 11.

дья нашель въ крайне — неустроенномъ состояніи. „Многіе, говорилъ Иринархъ, посторонніе крестьяне и разночинцы пашутъ монастырскія поля, на которыя объявляютъ выданныя имъ выписи, въ коихъ тѣ поля названы порожними, а иные пашутъ безо всякаго резону. Около самаго монастыря жителство имѣють богомерзскіе татары и пашутъ по близу обители на ся землѣ и сѣно ставятъ, о чемъ неоднократно въ Кузнецкую воеводскую канцелярію предъявляемо было, но отъ оной канцеляріи резолюцій не получалось“ *).

Со времени командировки Иринарха и съ той поры, какъ монастырь снова обзавелся своею, хотя и скудною, братією, хозяйственный порядокъ въ немъ началъ возстановляться. Запаски на обительскую пользу были увеличены до 17^{1/2} десятинъ, на рыбной ловлѣ явился неводъ. Крестьяне были привлечены не только къ работамъ на монастырскихъ поляхъ и сѣнокосахъ, но и къ труду поправокъ обительскихъ построекъ и исправленія всѣхъ четырехъ мельницъ съ ихъ плотинами **).

За время отъ 1754 по 1757 г. включительно на приходъ поступило въ монастырскую казну денежной суммы 454 р. 61^{3/4} коп., изъ нихъ вышло въ расходъ 334 р. 31^{1/2} коп. Болѣе всего выручекъ доставляли мельницы, устроенный монастыремъ перевозъ чрезъ р. Томь и сѣнные покосы, за излишкомъ отдаваемые въ кортомъ. Но бывали и приложенія. Одинъ изъ заѣзжихъ торговцевъ не поскупился приложить 6 коп., двое изъ сыновей — боярскихъ и одна кузнецкая вдова дали монастырю въ разныхъ случаяхъ полтора рубля. Предъ праздникомъ Рождества Христова, престольнымъ въ монастырѣ, насбировали по городу съ мѣстною свѣчею до 1 рубля, въ самый день праздника приобрѣтали отъ „боголюбцевъ“ въ церкви отъ 80 до 90 в. Больше приложеній получалось изъ Бійска, куда монастырскіе посылали для сборовъ солдата Якова Батенева. Въ одномъ случаѣ Батеневъ принесъ 7 р. 25 к., въ другомъ 7 р. 50 коп. Изъ Бійска же доставляли въ обитель рыбу, которую монастырскіе продавали для выручекъ въ монастырскую денежную казну ***).

2.

Настоятели. — Братія. — Монастырскій храмъ. — Упраздненіе Кузнецкаго монастыря и ничтожество оставшагося отъ него имущества.

Изъ монастырскихъ настоятелей мы знаемъ по именамъ игуменовъ *Іосію Хмылева* (около 1720 г.) †), *Трофима*, *Панкратія* (въ 30-тыхъ годахъ XVIII в.) и *Адріана*, который предстоятельстввалъ въ обители въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ 1743 г. на Адріана подали доносъ

*) Донес. іером. Иринарха.

***) Опись монастыря за 1763 г.

***) Арх. Т. Ал. мон., св. 16.

†) Имя этого игумена упомянуто въ „книгѣ росписной всякимъ архіерейскимъ указомъ, — кому какіе указы и формы даны съ росписками“. 1722 г. М. арх. св. 6.

Кузнецкій діаконъ Петръ Егоровъ и крестьянинъ Михаилъ Петровъ, обвинявшіе игумена во многихъ не порядкахъ и между прочимъ въ томъ, что не служилъ ни молебновъ, ни панихидъ по табельнымъ днямъ. Изъ Тобольска предписали томскому архим. Лаврентію произвести по содержанию доноса слѣдствіе *). Послѣ того Адріана уволили изъ Кузнецка,—по куда?—мы не нашли указаній. Въ то время, когда монастырь былъ приписанъ къ Томскому, мы видѣли, что въ немъ распоряжался крестьянинъ Як. Копытовъ, а за нимъ обителью управляли строители—сначала іером. *Иринархъ*, а потомъ іером. *Феофилактъ*. Съ половины 1750-хъ годовъ Адріанъ снова является въ достоинствѣ кузнецкаго игумена и состоялъ въ немъ вплоть до закрытія монастыря, въ 1769 г.

Вскорѣ послѣ постройки обители братія ея, несомнѣнно, состояла изъ людей казачьяго и вообще служилого сословія, такъ какъ иного населенія въ Кузнецкѣ того отдаленнаго времени было весьма мало. Сколько ея тогда было численностію, мы, къ сожалѣнію, лишены всякаго намека. Но въ началѣ XVIII в. иноковъ къ Кузи. монастырѣ находилось уже не много. По крайней мѣрѣ, когда состоялось правительственное распоряженіе, чтобы „малобратственные монастыри и пустыньки сводить съ прочими въ совокупленіе и оныя пустыньки весьма упразднить“ **), братію изъ Кузнецкой обители велѣно было перевести въ Томскій Алексѣевскій монастырь. Кузнецкій монастырь предвазначался тогда къ закрытію, но все-таки не былъ закрытъ за силою новаго указа отъ 6 февраля 1727 г. Этотъ указъ повелѣвалъ, чтобы монашествующіе, выведенные изъ малобратственныхъ монастырей, снова были возвращены къ нимъ и самые монастыри были оставлены на прежнемъ основаніи ***). Въ 1740 хъ годахъ м. братіи въ Кузнецкѣ совсѣмъ не было. Снова она появляется только тогда, когда въ 1750 г. прибылъ въ Кузнецкъ изъ Томска для устройства монастырскихъ дѣлъ Иринархъ. По инструкціи, данной послѣднему, ему, между другими дѣлами, вмѣнено было въ обязанность, чтобы служилъ въ монастырскомъ храмѣ неотмѣнно. Но скорѣ онъ извѣстилъ архим. Исаяю, что ему „одному отиравлять службу Божию не по силамъ“ и просилъ выслать, по крайней мѣрѣ на временную помощь, томскаго іеромонаха Боголѣна съ сыномъ Борисомъ †). Въ 1751 г., въ бытность строителя Феофилакта, монастырь имѣлъ своего іеродіакона Платона, постриженнаго изъ людей „калмацкой породы“ самимъ Феофилактомъ. Вскорѣ сюда же самовольно перебѣжалъ изъ Томска іером. Протасій. Его велѣно было вернуть обратно въ Томскъ, тѣмъ не менѣе онъ снова явился въ

*) Ук. Тобольскому архим. Лаврентію отъ 16 сент. 1743 г. Мон. арх.; св. 17.

***) Пол. соб. зак. т. 7, № 4456.

***) П. с. зак. т. 7, № 5005.

†) Донес. Иринарха отъ 2 декаб. 1750 г.

Кузнецкѣ и нѣсколько лѣтъ проходилъ здѣсь должность монастырскаго казначея. Слѣдующія извѣстія о братіи мы имѣемъ за 1763 г., когда она состояла изъ игум. Адріана, казначея Протасіи, присланнаго изъ Тобольскаго „митрополитанскаго“ дома за дурное поведеніе съ запрещеніемъ священнослуженія іером. Евагрія и іеродіакона Платова *). По документамъ, имѣющимся у насъ подъ руками, жизнь братіи рисуется въ неприглядныхъ чертахъ.

Протасій за самовольный побѣгъ изъ Томска и обиду, причиненную архим. Исаіи, содержался въ Кузнецкой обители нѣкоторое время въ желѣзахъ и былъ лишенъ клобука и права на священнослуженіе. Объ Евагріѣ игум. Адріанъ доносилъ, что пьянствовалъ безмѣрно, шумствовалъ, пропадалъ изъ монастыря на 3 и 4 дня и за это время его нѣрѣдко находили на улицахъ въ постыдномъ положеніи валяющагося. Донесеніе вызвало распоряженіе—послать виновнаго въ черную работу и смирять плетью **). Іеродіаконъ иногда пропадалъ изъ монастыря на цѣлые мѣсяцы, шатаясь по разнымъ селамъ и деревнямъ Кузнецкаго уѣзда ***).

Къ 1766 г. іеромонахъ Протасій и іерод. Платонъ умерли, Евагріѣ былъ сосланъ въ Туруханскъ. Адріанъ остался въ монастырѣ только съ однимъ свящ. Евгеніемъ Синькинымъ, опредѣленнымъ въ монастырь за вдовствомъ, вмѣсто сосланнаго Евагрія, изъ Красноярскаго прихода Кузнецкаго заказа †).

Храмъ въ монастырѣ былъ деревянный, на его колокольнѣ висѣло только 3 небольшихъ колокола;—сосуды: дискось, потиръ и звѣздца были оловянные †*).

По законодательному акту о монастыряхъ отъ 26 февраля 1764 г., Кузнецкій монастырь былъ оставленъ за штатомъ на своемъ содержаніи. Но въ октябрѣ 1769 г. изъ Тобольска, послѣ сношенія съ св. Синодомъ, послѣдовало о той обители новое распоряженіе. „Его преосвященство опредѣлилъ: оный Кузнецкій монастырь за неимѣніемъ въ немъ монашествующихъ и потому, что монаховъ опредѣлить туда некого—*упразднить*, и Барнаульскому д. правленію велѣтъ: какое въ семъ Кузнецкомъ монастырѣ церковное и всякое строеніе имѣется,—какая церковная утварь и ризница—описать и оное съ описью, оставя при церкви къ отправленію священнослуженія нужное, безъ чего обойтись не можно, отдать на вѣрныя руки, кому надлежитъ, а другое все церковное и монастырское имущество взять въ Томскій монастырь и тое Кузнецкаго монастыря церковь сдѣлать приходскою“, причисля къ ней указ-

*) Списки куз. монастыр. братіи за 1763—4 г. Мош. арх.; св. 17.

***) Ук. игум. Адріану отъ 6 апр. 1764. Арх. Т. Ал. мон.; св. 2.

***) Объ этомъ упоминается въ описи монастыря за 1763 г.

†) Ук. конс. игум. Адріану отъ 28 окт. 1765 г.

†*) Опись монастыря за 1763 г. Мош. арх., св. 6.

ное число дворовъ безъ обиды для другихъ приходовъ и „опредѣлить ко оной церкви священника и двухъ причетниковъ отъ другихъ какихъ церквей по разсмотрѣнію духовнаго правленія... Чтоже касается до земли монастырской, изъ оной, по межной инструкціи, оставить къ содержанію священно-церковно-служителей 30 десятинъ, а прочую, оставшуюся за тѣмъ, по силѣ указовъ изъ коллегіи экономіи отдать въ вѣдомство кузнецкой канцеляріи“ *).

Не многимъ, однако, довелось попользоваться Алексѣевскому монастырю изъ убогаго имущества упраздненнаго монастыря Кузнецкаго. Первый унаслѣдовалъ отъ послѣдняго четыре ветхія оловяныя тарелки, „два мѣденика подержанныхъ и мѣдный котелъ, да еще кунганъ мѣдный—ветхій“, всомъ въ 3¹/₂ фунта и деньгами пять рублей **).

*) Ук. Тоб. конс. въ Барнаульс. д. правленіе отъ 7 октября 1769 г. за № 1441. Мон. арх.; св. 6.

***) Промеморія изъ Барнаула д. правл. въ Том. монастырь отъ 23 декабря 1769 г. № 429. Мон. арх. св. 6.

Заключеніе.

Все изложенное о Томскихъ старинныхъ монастыряхъ приводитъ къ ясному выводу, что монастыри жили и дѣйствовали въ болѣе или менѣе благоприятныхъ для своего назначенія условіяхъ только въ начальныхъ стадіяхъ своей исторіи, т. е. тогда, когда служили выраженіемъ живой потребности томскаго русскаго населенія, особенно изъ служилого сословія. Монастыри стали замирать съ тѣхъ поръ, какъ сибирское или, по крайней мѣрѣ, томское населеніе начало понижаться въ своемъ религіозномъ настроеніи, а слѣдовательно и въ своемъ усердіи къ церковнымъ учрежденіямъ. Притокъ приложений и приношеній въ наши обители съ того времени прекращается, лицъ, которыя бы изъявляли свое желаніе и согласіе на поступленіе въ монастырскія братства не оказывалось даже въ тѣ годы, когда постриженія ни для кого изъ свободныхъ людей запрещаемы не были. Скудость матеріальныхъ средствъ повела къ закрытію Томскаго дѣвичьяго монастыря. Отсутствие братіи послужило основною причиною, почему окончилъ свое существованіе Христорождственскій монастырь въ Кузнецкѣ. Томскій Алексеѣвскій монастырь не подвергся печальной участи закрытія только потому, что послѣ монастырской реформы 1764 г. онъ, взявъ отобранныхъ у него имѣній, получилъ штатный казенный окладъ для своего содержанія. Опираясь на ограниченныя средства, выдаваемые изъ государств. казначейства, Алексеѣвская обитель продолжала жить, но уже жизнью въ захудаломъ видѣ. Окружающее христіанское общество хранило по отношенію къ ней положеніе самаго глубокаго равнодушія. Повидимому, равнодушіе это можно было поколебать, какъ поколебать его архимандритъ Іоанникій. Но, къ сожалѣнію, кромѣ высокопочтеннаго Іоанникія, монастырь дѣятельныхъ и энергичныхъ настоятелей, за вторую половину своей исторіи, не имѣлъ. Недостаточность въ средствахъ матеріальнаго обезпеченія монастыря, покинутость его чьимъ-бы то ни было вниманіемъ, отсутствие движенія къ нему людей, которые искали бы въ его стѣнахъ пристанища для иноческаго подвига изъ побужденій внутренняго, сердечнаго къ тому влеченія, обусловило то, что и само епархіальное начальство начало смотрѣть на упомянутую обитель, какъ на какое-то ссыльное мѣсто. Оно

стало сбывать и удалять сюда священно-церковно-служителей, по тѣмъ или инымъ причинамъ неудобныхъ для приходской дѣятельности, или отсылать сюда-же подсудимое духовенство для штрафованія временнымъ монастырскимъ заточеніемъ.

Не были наши монастыри ни славны, ни знатны, — „убоги“ они были, по выраженію одного оффиціального документа *). Тѣмъ не менѣе они оправдали свое существованіе уже тѣмъ, что въ свое время удовлетворяли общество и посильно послужили его духовно-нравственнымъ запросамъ.

Нельзя опустить безъ вниманія и другой гражданской заслуги монастырей, оказанной Томскому краю въ то время, когда послѣдній только-лишь началъ заселяться русскими пришельцами. Мужскіе монастыри — Томскій и Кузнецкій, и первый въ особенности, собирая пришельцевъ — пахарей на свои земли, завели въ дикихъ и пустыхъ мѣстахъ деревни, обратившіяся въ настоящую пору уже въ многолюдныя селенія. Колонизаціонная услуга краю со стороны Томской Алексѣевской обители была тѣмъ выше, что по условіямъ расположенія своихъ земельныхъ угодій, она заводила деревни не въ дальномъ разстояніи отъ дорогъ, по которымъ двигались къ Томску Киргизы и Калмыки. Такимъ образомъ монастырскія деревни являлись въ значеніи какъ бы аванпостовъ для другихъ русскихъ селеній Томской страны, находившихся отъ нихъ къ западу и сѣверу. Вотъ почему подъ монастырской вотчиной деревней Пачинской проходили частыя столкновенія русскихъ служилыхъ людей съ враждебными кочевниками, столкновенія, въ которыхъ принимали участіе и сами пачинскіе крестьяне **). Патріотическое дѣло активной защиты отъ враговъ вели и сами монастыри. То, что нами передано на этотъ счетъ на 9 страницѣ настоящаго труда, дополняемъ опущеннымъ извѣстіемъ, что при калмыцкихъ вторженіяхъ къ Томску въ XVII в. Алексѣевскій монастырь разъ пострадалъ, онъ былъ разоренъ ***).

При томъ же Алексѣевскомъ монастырѣ за время управленія имъ архимандрита Лаврентія и его намѣстника іеромон. Авксентія возникла (въ 1745 г.) первая въ Томскомъ краѣ духовная школа, бывшая вообще первымъ учебнымъ заведеніемъ среди подобныхъ учрежденій, которыя стали появляться въ Томскѣ спустя много лѣтъ послѣ. Монастырь имѣлъ около себя эту школу, существовавшую подъ разными наименованіями (русской школы, школы латинской, духовной гимназій, духовнаго училища), болѣе 80 лѣтъ,

*) Пол. Соб. Зак. Т. 10, № 7172.

***) Дон. къ Акт. истор. V, № 92. 8, № 15.

***) Дон. къ Акт. ист. V, № 92. Вообще сибирскимъ монастырямъ нерѣдко доводилось вступать въ борьбу со врагами. — Въ западныхъ частяхъ Сибири должны были отвоевывать себя отъ башкирцевъ монастыри: Спасскій на р. Сылѣ, Невьянскій и Далматовъ. „Невьянскаго монастыря-строитель старецъ Давыдъ побилъ въ походѣ воровскихъ татаръ челоуѣкъ съ двѣсти“ — Дон. къ Акт. Ист. IV, № 124.

— устраивалъ для нея помѣщеніе, снабжалъ отопленіемъ, помогалъ отъ своихъ средствъ въ содержаніи учителей, иногда пропитывалъ бѣднѣйшихъ учениковъ, и всеѣмъ этимъ сослужилъ дѣлу просвѣщенія въ Сибири важную, большую службу.

Монастыря, наконецъ, заявили себя и въ духовно-просвѣтительной дѣятельности по отношенію къ Томско-Кузнецкимъ инородцамъ. Разные документы XVII в., напечатанные въ Актахъ историческихъ и Дополненіяхъ къ нимъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею, доставляютъ намъ не мало указаній, что въ то раннее время сибирской исторіи новокрещенные среди Кузнецкихъ инородцевъ были уже далеко не рѣдкостію. Тѣмъ болѣе рѣдкостію они были въ началѣ XVIII в. Въ царскихъ наказахъ для Кузнецкихъ воеводъ между прочимъ прописывалось, чтобы воеводы заботились о привлеченіи иноземцевъ къ христіанству „ласкою и привѣтомъ“. Но кто въ данномъ случаѣ, по указаніямъ воеводъ, долженъ былъ явиться ближайшимъ исполнителемъ царскихъ велѣній? Приходскаго духовенства въ Кузнецкѣ за XVII и начало XVIII в. было мало и оно всецѣло было занято исполненіемъ требъ для насомыхъ изъ русскаго населенія. Думаемъ поэтому, что миссіонерское служеніе для обращенія Кузнецкихъ инородцевъ первоначально вели старцы Кузнецкаго монастыря. Въ качествѣ довода для этого предположенія можемъ указать, что вначалѣ XVIII ст. Кузнецкій монастырь имѣлъ вкладчика Ив. Семенова „изъ новокрещенныхъ калмыцкой породы“ *), а въ 1750 годахъ въ составѣ малочисленной Кузнецкой монастырской братіи находился іеродіаконъ Платонъ также изъ калмыцкой породы.

Что касается мужского монастыря въ Томскѣ, его несомнѣнная миссіонерская дѣятельность сначала имѣла приложеніе къ тѣмъ иноземцамъ, съ которыми обитель сосѣдила своими земельными надѣлами и угодьями по р.р. Томи и Оби. Кто изъ монастырскихъ въ особенности трудился въ семъ дѣлѣ, мы лишены свѣдѣній. Несомнѣнно одно, въ данномъ случаѣ имѣли большое значеніе уже одни обыденныя сношенія монастырскихъ съ ясашными по разнымъ хозяйственнымъ потребностямъ, при чемъ монахи всегда имѣли поводы заводить съ инородцами бесѣды въ религіозномъ направленіи. Очень знаменательно, что въ монастырскихъ владѣніяхъ по р. Оби имѣлся островъ съ наименованіемъ „Новокрещеннова“ **). Въ самыхъ первыхъ годахъ XVIII в. на монастырскомъ Пачинскомъ дворцѣ проживалъ новообращенный „шаманъ“, котораго монастырскіе пропитывали, одѣвали и обу-

*) См. копію съ переписныхъ книгъ крестьянъ Кузнец. монастыря. Даты въ копіи вѣтъ, но она написана очень старымъ письмомъ. Въ Томск. монастыр. архивѣ мы нашли ее среди бумагъ времени Петра I.

**) См. стр. 15.

вали изъ своей казны*). Въ свою очередь шаманъ представляетъ въ своемъ лицѣ сильное доказательство въ пользу той монастырской миссиі, о которой говоримъ. Въ продолженіе XVIII стол. веденію миссіонерскаго служенія среди вообще всѣхъ томскихъ инородцевъ было обязанностию томскихъ монастырскихъ настоятелей, возлагаемой на нихъ тобольскими архиепископами и въ особенности митрополитами Филоосемъ Лещинскимъ, Антоніемъ Стаховскимъ и Сильвестромъ Гловацкимъ, тѣмъ болѣе, что тѣ же настоятели въ большинствѣ случаевъ были и заказчиками духовныхъ дѣлъ въ Томскомъ краѣ. Изъ многихъ миссіонерскихъ указовъ, данныхъ изъ Тобольска архим. Порфирію, упомянемъ здѣсь одинъ, присланный въ 1725 г. Въ немъ митр. Антоній Стаховскій предписывалъ архимандриту, чтобъ усердиѣмъ вникалъ въ духовныя нужды новокрещенныхъ, жившихъ по р. Чулыму, и чтобы для тѣхъ изъ нихъ, которые перешли въ киргизскую землю, постарался бы, при содѣйствіи воеводы, построить острожекъ, „а въ острожку церковь* **). Въ инструкціи, написанной для архимандрита Исаи, при назначеніи его въ Томскъ (въ 1750 г.), также было упомянуто, чтобъ всеусильно радѣлъ о приумноженіи вѣры среди инородцевъ Томскаго уѣзда. Изъ сохранившагося въ монаст. архивѣ реестра дѣлъ, поступившихъ къ томскому монастырскому настоятелю въ 1752 г., видно, что за то время въ Алексѣевскую обитель доносили о новыхъ случаяхъ обращенія инородцевъ изъ разныхъ приходоу Томскаго вѣдомства и особенно часто изъ прихода Умревинскаго, что монастырскій настоятель ходатайствовалъ о награжденіи новообращенныхъ узаконенными подарками, разбиралъ нѣкоторыя тяжбы, возникавшія у повокрещенныхъ по семейнымъ дѣламъ, устранялъ неудобства, происекавшія отъ сожительства крещеныхъ татаръ съ некрещеными и т. п.***).

Въ 1781 г. игуменъ Иннокентій былъ назначенъ въ Томскъ на монастырское настоятельство главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы занимался христіанскимъ наученіемъ инородцевъ въ районѣ около Томска и Кузнецка.

Въ декабрѣ 1698 г. Кузнецкій воевода Левъ Доментьевичъ Нарыковъ получилъ отъ царя Петра Алексѣевича грамоту съ такимъ содержаніемъ: „въ нынѣшнемъ въ 206 году апрѣля въ 18 день указали мы, великій государь, въ Кузнецку и въ Кузнецкомъ уѣздѣ ссыльнымъ и прихожимъ

*) Въ отрывкѣ Томской монастырской расходной книги за 1713 г. записанъ расходъ на одежду „шаману“. Здѣсь же нужно упомянуть, что въ 1711 г. Рагозничъ—казмакъ приложилъ въ монастырь 4 р. кобылицу и жеребца, что въ то же время жилъ на Шегаркѣ новоподрядный крестьянинъ Матвій *новокрещенный*. Книга приходная 1709—1711 г.

**) Архiep. указъ архим. Порфирію отъ 22 янв. 1725 г. Къ сожалѣнію, нижняя часть у этого указа оторвана.

***) Архивъ Том. Ал. монастыря.

старцамъ вновь монастырей строить и леачныхъ и никакихъ земель (монастырямъ) безъ нашего, великаго государя, указу и безъ грамотъ изъ Сибирскаго приказу давать не велѣли для того, что въ Сибири мужскихъ и женскихъ монастырей, гдѣ всякаго чина православнымъ христіанамъ постригаться и спасаться, довольное число есть“ *).

Ясно, что въ концѣ XVII в. кто-то хотѣлъ основать въ Кузнецкомъ уѣздѣ еще новую обитель. Царь нашелъ ее излишней. Но въ то время, когда Христорождественскіе монастыри—мужескій въ Кузнецкѣ, а женскій въ Томскѣ были уже давно упразднены, нѣкоторые изъ русскихъ пришельцевъ въ Томскій край, чувствуя здѣсь недостаточность въ пристанищахъ для иноческой жизни, выразили попытки, взаимно закрытыхъ, учредить новыя монастыри. Въ церковной лѣтописи Кузнецкаго соборнаго храма намъ удалось найти слѣдующее любопытное сообщеніе. Въ промежутокъ отъ 1797 по 1800 г.г. пришли въ Кузнецкій уѣздъ изъ Московскаго Симонова монастыря два монаха *Василискъ и Зосима* и, съ разрѣшенія Тобольскаго епископа Варлаама, поселились въ 50 верстахъ отъ Кузнецка внизъ по Томи на мѣстѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Три-Курьи“. Василискъ—въ мѣрѣ Василій Гавриловъ—происходилъ изъ экономическихъ крестьянъ Тверской губ., а Зосима—въ мѣрѣ Захарій Верховскій—былъ изъ дворянъ, служилъ въ военной службѣ и вышелъ въ отставку съ чиномъ гвардіи поручика. Пришельцы—монахи остановились въ Трехъ-Курьяхъ съ намѣреніемъ собрать здѣсь монастырское братство, почему среди окрестныхъ обывателей начали искать лицъ, сочувствующихъ иночеству и желающихъ иноческаго жительства. Со времени своего прихода въ отдаленную сторону до 1818 они собрали къ себѣ 5 человекъ, изъ которыхъ одинъ умеръ въ 1819 г. Зосима рѣшилъ, кромѣ того, устроить въ томъ же Кузнецкомъ уѣздѣ еще женскую обитель. Онъ избралъ для нея мѣсто въ дер. Сидоровой и уговорилъ переселиться сюда изъ Кузнецка вдову надворнаго совѣтника Васильеву съ дочерью—дѣвицей, къ которымъ присоединилось затѣмъ еще 6 женщинъ.

Несомнѣнно, недовольные малочисленностію въ количествѣ собранныхъ братій и сестеръ для задуманныхъ обителей, Василискъ и Зосима въ 1821 г. перенесли свою дѣятельность въ Туринскъ, гдѣ имъ было дозволено воспользоваться зданіями запустѣвшаго мужскаго Никольскаго монастыря для того, чтобы открыть здѣсь монастырь женскій. За ними перешли въ Туринскъ и тѣ шесть женщинъ, которыя собрались для иночества въ Кузнецкой деревнѣ Сидоровой, между тѣмъ мужчины, оставленные монахами въ мѣстечкѣ Три-Курьи, разошлись по своимъ прежнимъ роднымъ дворамъ. Василискъ умеръ въ Туринскѣ въ 1823 г. и, вскорѣ послѣ его смерти, Зосима долженъ былъ вер-

*) Акты истор. т. V, № 275.

нуться въ Россію, гдѣ основалъ большой общежительный женскій монастырь въ Московской губ. за Сергіевской Лаврой въ имени г. Бахметевой *).

Потребности въ монастыряхъ среди православнаго населенія Томской губерніи, — населенія, умножившагося многотысячными переселенцами изъ Европейской Россіи, начинаютъ возрождаться только въ новѣйшее время. Въ 1864 г. была учреждена женская монашеская община въ г. Томскѣ, съ 1876 г. переименованная въ общежительный Іоанно-Предтеченскій монастырь, а въ 1890-хъ годахъ завелись женскія общины Казанская въ г. Барнауль и Тихвинская около г. Бійска.

Сюда же нужно причислить два монастыря, основанные по ходатайству Барнаульскаго купца Аѳанасія Малькова „на благотворительныя средства“ въ Алтайскихъ горахъ съ специально-миссіонерскими цѣлями. Изъ нихъ мужской Благовѣщенскій Чолышманскій монастырь (близъ китайской границы) былъ построенъ въ 1864 г., а женскій Николаевскій Улалинскій началъ свое существованіе съ мая 1863 года.

*) Церковная летопись Кузнецкаго Спасо-Преображенскаго собора, состав. въ 1867 года л. 23—24. Рукон.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. *Извѣстіе о Томскомъ Богородице-Алексѣевскомъ монастырѣ, доставленное игуменомъ Иннокентіемъ въ Тобольскую Консисторію. въ 1781 г.*

Оный Богородице-Алексѣевскій монастырь прежде состоялъ при р. Томи на правой, по теченію оной, сторонѣ,—на горѣ, подлѣ которой съ полуденной отъ монастыря стороны впала устьемъ въ Томъ рѣку рѣчка, называемая Киргизка,—гдѣ нынѣ имѣется монастырскій загородный дворъ, отстоящій отъ города Томска внизъ по р. Томи въ 7 верстахъ. И назывался оный монастырь Усть-Киргизскимъ. Въ немъ церковь была Богородская, о чемъ явствуетъ въ имѣющейся нынѣ въ монастырѣ черновой челобитной къ царю, государю и вел. князю Алексію Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу онаго монастыря отъ строителя старца Ефрема и казначея старца Ильи и келаря старца Іоны съ братією и значущихъ въ той челобитной Томскаго города дѣтей-боярскихъ и съѣзжей избы подъячихъ, и конныхъ и пѣшихъ, казаковъ, и посадскихъ и всякихъ чиновъ людей—оного монастыря Богородскую церковь вкладчиковъ,—которую челобитною въ 7165 году прошено о дачѣ на купленную оными монахами въ 7161 г. на церковныя 30 рублей деньги на Иштанской протокѣ пашню и сѣнные покосы и рыбныя ловли за сгорѣніемъ въ 7164 г. въ монастырѣ церкви и въ ней монастырскихъ крѣпостей.

И оный монастырь нынѣ на концѣ посада города Томска съ полуденной стороны при рѣчкѣ Ушайкѣ на пригористомъ мѣстѣ, къ которому прилегли съ восточной стороны отъ оной рѣчки Ушайки и съ запада отъ Томи рѣки болота, а съ полуденной роца березовая, съ сѣверной городъ Томскъ.—Построенъ здѣсь строителемъ старцемъ Исаією съ братією, о чемъ явствуетъ въ имѣющемся въ ономъ монастырѣ спискѣ съ грамоты, писанной въ 7170 году Янв. 24 дня отъ царя и вел. кн. Алексія Михайловича... въ Сибирь, въ Томскъ, къ воеводамъ Ивану Васильевичу Бутурлину да Прокопію Прокопіевичу Поводову.

Въ ономъ монастырѣ, по записямъ, даннымъ отъ гулящихъ въ Сибиріи людей о бытіи имъ въ монастырскихъ крестьянѣхъ, въ 7175 г. былъ архи-

мандрить Варлаамъ. А съ коего прежде того года, времени и почему въ ономъ монастырѣ начальство архимандритское быть учреждено, о томъ знанія въ ономъ монастырѣ никакого не имѣется. Нынѣ же съ состоянія въ 1764 г. штатовъ учреждено быть начальство игуменское.

О достопамятныхъ въ ономъ монастырѣ происшествiяхъ—были-ль какія, также и о другихъ къ знанію объ ономъ монастырѣ потребныхъ обстоятельствахъ—свѣденія никакого не имѣется.

Подписалъ томскій игуменъ Иннокентій.

№ II. *Списокъ съ Государевой грамоты, представленный игум. Иннокентіемъ въ Tobольскую Д. Консисторію въ 1781 году.*

Отъ царя и вел. князя Алексія Михайловича всея вел. и мал. и бѣ-
 лья Россіи самодержца въ Сибири, въ Томску воеводамъ нашимъ Ивану
 Васильевичу Бутурлину да Прокопію Прокопѣвичу Поводову. Билъ челомъ
 намъ, великому государю, изъ Сибири Томскаго Алексѣевского монастыря
 строитель старецъ Исаія съ братією, а сказали въ прошлыхъ де годѣхъ
 поставленъ былъ тотъ Алексѣевскій монастырь близко Томи рѣки, и бе-
 регъ де обмыло водою и церковь снесло все безъ остатку, и они де сби-
 рали въ мірѣ Христовымъ именемъ (и) построили новую церковь во имя
 Пресв. Богородицы явленія иконы Казанскія да Алексія чловѣка Божія
 и св. мучениковъ Флора и Лавра, и та де новая церковь сгорѣла со
 всѣмъ церковнымъ строеніемъ, и они де, зацѣвъ въ мірѣ съ великими росты,
 начали вновь церковь строить и монастырь заложили за Ушайкою рѣкою.
 И за скудостію де имъ тое церковь состроить нечимъ, что имъ нашего,
 великаго государя, жалованья и руги и свѣчь и ладону и вина церковнаго
 ничего не указано и земель подъ пашни и рыбныхъ ловель не дано. А
 которые де томскіе служилые люди, пристаряся, желаютъ ангельскаго чину,
 и ихъ постригать некому, потому что въ томъ Алексѣевскомъ монастырѣ
 черные поны отъ скудости бредуть врознь. И намъ бы, великому Государю,
 пожаловать, велѣти имъ нашего, великаго Государя, жалованья годовую
 ругу учинить противъ Tobольскаго Знаменскаго монастыря и чѣмъ имъ
 новую церковь состроить и монастырь завести, чтобы церковь безъ иѣнія
 не стояла, а ихъ бы врознь не разбрестись. И по нашему Великаго госу-
 даря указу томскому Алексѣевскому монастырю учинено наше Великаго
 Государя жалованія годового, руга: денегъ иону 8 рублевъ, діакону
 5 рублевъ, дьячку 4 руб., понамарю да просфирницѣ по 3 рубли, да стро-
 ителю съ братією и съ церковными людьми хлѣба 20 четвертей ржи, 20
 четвертей овса, 10 пудъ соли, и на виѣшній на расходъ наше великаго

Государя денежное жалованье....*) дано на Москвѣ челобитчику того Алексѣевского монастыря старцу Ефрему на церковное строеніе изъ нашей Великаго Государя казны мѣдныхъ денегъ 50 рублей. И какъ къ вамъ сія нашего Великаго Государя грамота придетъ, и вы впрядь Томскаго Алексѣевского монастыря строителю съ братією и церковнымъ причетникомъ нашего Великаго Государя денежное, хлѣбное и соляное жалованье велѣли бѣ давать по вся годы съ томскими ружники и оброчники вмѣстѣ, и то наше Великаго Государя денежное, хлѣбное и соляное жалованье въ Томску въ окладныхъ именныхъ книгахъ справить.—Писана на Москвѣ лѣта 7170 г. Генв. въ 24 день. У подлинныя Государевы грамоты приписъ діяка Григорія Протопопова. А списокъ писалъ Ивашко Борисовъ сынъ Пулинь.

№ III. Челобитная Томскаго казачьяго головы Зиновія Литосова.

Лѣта 7169 Юля въ 22 день Великому государю и вел. князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и государю благовѣрному царевичу и вел. кн. Алексѣю Алексѣевичу всея вел. и мал. и бѣлыя Россіи. Бьетъ челомъ, а въ Томску, въ сѣзжей избѣ воеводамъ Ив. Васильев. Бутурлину да Прок. Прокопѣвичу Поводову подалъ челобитную казачій голова Зиновій Литосовъ. А въ челобитѣ его написано: чтобъ великіе государи пожаловали его, Зиновія,—велѣли ему дати дикія порозжія земли подъ дворовую селитьбу и подъ пашню и подъ скотинный выпускъ и подъ сѣнные покосы вверхъ по Томи рѣкѣ на зарѣчной сторонѣ противъ новаго острогу **). И по его челобитью посланъ сыскивать томской сынъ—боярской Прокопій Позняковъ. И Прокопій подалъ сыскную память. А въ памяти его пишеть: по смѣтѣ тое дикія и порозжія земли десятинь будетъ сто, а въ дву по тому жъ, въ межахъ съ нижнюю сторону отъ заимки сына боярскаго Юрія Явловскаго вверхъ по Лебежьей рѣчкѣ и по Чубуру рѣчкѣ вверхъ-же, а съ верхнюю же сторону межа—Киндиребъ рѣчка. А подъ дворовую селитьбу и подъ скотинный выпускъ и подъ сѣнные покосы возлѣ Томь рѣку, смѣжно съ коннымъ козакомъ съ Томилкомъ Максимовымъ съ товарищи. И чтобъ великіе государи пожаловали его, Зиновія, — велѣли ему на ту пашенную заимку дати данную, почему ему, Зиновію, тою пашенною заимкою впрядь владѣти. И по указу Вел. Государя Царя и вел. князя Алексѣя Михайловича всея вел. и мал. и бѣл. Россіи, сомодержца и государя благовѣрнаго

*) Здѣсь опускаемъ нѣсколько словъ, въ которыхъ, по вѣнѣ списателя грамоты, трудно добратъся смысла.

***) Несомнѣнно разумѣется Сосновскій острогъ.

царевича и вел. кн. Алексѣя Алексѣевича всея вел. и мал. и бѣл. Россіи воеводы Ив. Вас. Бутурлинъ да Прок. Прокоп. Поводовъ велѣли ему, Зиновію, тою пашенною заимкою впрעדъ владѣть. А та ему пашенная заимка на сторону не продавать, не закладывать. Къ сей данной вел. Государя царя и вел. князя Алексѣя Михайловича в. в. и м. и б. Р. сомодержца и государя благовѣрнаго царевича и в. кн. Алексѣя Алексѣевича в. в. и м. и б. Р. печать царства Сибирскаго Томскаго города воевода Ив. Вас. Бутурлинъ приложилъ.

№ IV. *Закладныя Томскихъ подгородныхъ татаръ.*

Се Урузакъ, Кошкинъ сынъ, Томскаго города подгородный подводный татаринъ Евагина городка. Занялъ есми въ Томскомъ городѣ у монастырскаго закладчика у Ѳедота Елферьева сына рубль денегъ, московскихъ ходячихъ, прямыхъ безъ приписи до строку (sic), до Семенова дни Лѣтопроводца въ началѣ 167 году. А въ тѣхъ деньгахъ, въ рублѣ, заложилъ язь Урузакъ рыбныя свои ловли, что сидимъ на Чардакахъ весной противъ Евагина городка, вмѣстѣ Евагиныхъ юртъ съ татарами. И язь Урузакъ заложилъ свою долю и свой най въ рыбной ловлѣ. А та моя доля рыбныя ловли, что въ сей закладной писана, иному никому ни продана, ни заложена, ни въ какихъ письменныхъ крѣпостяхъ не подписана, оиричъ сей закладной. И буде кто въ ту мою рыбную ловлю, гдѣ сидимъ на Чердакахъ, учнетъ вступаться и выложить какую письменную крѣпость или закладную, и мнѣ Урузаку ото всякія крѣпости очищать и окупать своими деньгами, а ему, Ѳедоту убытка не учинять. И буде язь Урузакъ на срокъ, кой въ сей закладной писанъ, ему, Ѳедоту, рубли денегъ не заплачу, и ему, Ѳедоту, на то мое урочище рыбныя ловли ся кабала—купча крѣпъ. Вольно ему послѣ строку тою моею рыбною ловлею самому владѣть и на сторону продать и заложить, и кто съ сею закладною въ судѣ станетъ, и тотъ по ней истецъ. А на то послухъ площадной подъячій Иванъ Семеновъ, а закладную писалъ площадной Тишка Мещеринъ. Лѣта 167 маія въ 1 день.

На оборотѣ Урузакъ знамя свое приложилъ.

Се Каразак(и?)... въ Томскомъ Евагиныхъ юртъ служилой татаринъ, поступилъ есми вѣчно за свой долгъ за пять рублей безвыкупно сѣннымъ своимъ покосомъ въ Томскомъ пушкарскому сыну Борису Лаврентьеву сыну Кузнецову. А тотъ мой Каразаковъ сѣнной покосъ внизу на Томи рѣкѣ на зарѣчной сторонѣ въ межахъ—Алексѣевского монастыря городьба съ нижнюю сторону, а въ верхнюю сторону межа—покосъ служилого татарина Магадая Кутцанова, а съ третью сторону отъ Томи рѣки проѣзжая дорога, а съ чет-

вертую сторону того покоса тальникъ. А ставится на томъ моемъ покосѣ сѣна по 230 копенъ. А тотъ мой сѣнной покосъ, опричь его Бориса, никому не проданъ и не заложенъ и ни въ какихъ письменныхъ крѣпостяхъ не писанъ. А буде кто учнетъ у него, Бориса, въ тотъ сѣнной покосъ вступаться и выложить какія письменныя крѣпости и миѣ, Каразаку, его, Бориса, ото всякихъ письменныхъ крѣпостей въ томъ сѣнномъ покосѣ очищать и убытка никакого ему не учинить. А буде моимъ Каразаковымъ неочищеніемъ въ томъ сѣнномъ покосѣ учинятся какіе убытки и протори и тѣ убытки и протори окупать миѣ, Каразаку, своими деньгами. А толмачили у сей поступной городовые толмачи Василій Шумиловъ да Алексѣй Носовъ. А на то послухъ Иванъ Семеновъ. А поступную писалъ площадной Иванъ Конищевъ. 185 г. мая 30 дня.

Къ сей поступной по своей вѣрѣ Каразакъ знамя свое приложилъ.

№ V. Челобитная келаря Мартиніана съ братією.

Великому Государю Царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу. Вьютъ челомъ богомольцы твои Томскаго Алексѣевского монастыря келарь іеромонахъ Мартиніанъ съ братією. Въ прошломъ, Государь, 175 году Горбуновыхъ юртъ подводные татары Кечуръ съ товарищи со всею волостію заложили въ Алексѣевскій монастырь въ своемъ урочищѣ на Обь рѣкѣ по выше Чадцкой протоки неводную тоню, и въ прошломъ, Государь, въ 203 году давали мы тое тоню для монастырской скудости изъ кортому стоять неводомъ Томскому конному казаку Еремею Степнову. А въ нынѣшнемъ, Государь, 204 году тѣхъ Горбуновыхъ юртъ подводные татары насъ, богомольцевъ твоихъ, на ту тоню съ неводомъ стоять не пускають.

Государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея вел., мал. и бѣлыя Россіи Самодержецъ. Пожалуй насъ богомольцевъ своихъ, — вели, Государь, о той тонѣ Томскаго города жителями, русскими людьми — старожилы, и ясашиными Базанакowychъ юртъ татарами, окольными сосѣдями, розыскать и послать розыскащика. Какъ Великій Государь изволишь? Великій Государь, Царь, смилуйся, пожалуй. 204 году.

№ VI. Благословенная грамота митрополита Іоанна Максимовича на освященіе храма въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырь 1711 г.

Божією милостію великій господинъ преосвященный Іоаннъ, митрополитъ Тобольскій и всея Сибири. По благодати дару всесвятаго и животворящаго Духа, даннѣй намъ власти отъ самаго Великаго Архіерея Господа

нашего Иисуса Христа. Въ нынѣшнемъ 1711 году августа въ 30 день были челомъ намъ, великому господину, города Томска Алексѣевского монастыря іеромонахъ Іосифъ съ братією. Въ прошлыхъ де годѣхъ за благословеніемъ бывшаго преосвященнаго Филовея, митрополита сибирскаго, построена у нихъ въ монастырѣ ихъ (иѣкихъ?) боголюбцевъ тщаніемъ и благими труды вновь церковь во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія, и при той церкви два предѣлы—единъ св. праведнаго Алексія чловѣка Божія, другій св. мученикъ Флора и Лавра. А о освященіи той церкви и предѣловъ указовъ не прислано. И въ прошлыхъ де годѣхъ, за его же архіерейскимъ повелѣніемъ, присланы къ нимъ въ монастырь два антимины и положены въ старой церкви на престолъ св. Алексія чловѣка Божія и св. мученикъ Флора и Лавра, а прежніе антимины посланы въ Тобольскъ. И чтобъ намъ, великому господину, пожаловати ихъ, іеромонаха Іосифа съ братією, благословить и велѣть у нихъ въ монастырѣ вышепомянутыми прежде присланными антимины два предѣлы посвятить, а на освященіе настоящія церкви Пресвятыя Богородицы прислать антимины и муро и благословенную грамоту изъ Тобольска. И мы, великій господинъ, слушавъ челобитье, пожаловали ихъ, іеромонаха Іосифа съ братією, благословили и велѣли новостроенную настоящую церковь Пресв. Богородицы Казанскія посвятить посланнымъ отъ насъ освященнымъ антиминомъ и муромъ святымъ города Томска Алексѣевского монастыря архимандриту Василиду со священники и діакономъ по уставу и по преданію св. Апостольскія Восточныя церкви. А къ тому освященію антимины и муро святое послано изъ Тобольска съ нимъ, архимандритомъ Василидомъ. А два предѣлы... посвятить ему же архимандриту прежними вышеписанными антимины—каждый въ свое время. Къ сей благословенной грамотѣ великій господинъ преосвященный Іоанвъ, митрополитъ Тобольскій и всея Сибири велѣлъ печать свою приложить.

БОЛѢ КРУПНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Нужно читать.
16	5 снизу	прохожнимъ	прохожимъ
37	5 "	забывать	забываться
50	2 сверху	Антонію II	Антонію I
65	12 сверху	приходскихъ	приходныхъ
66	1 " въ прим.	руб.	копѣекъ
112	5 и 4 снизу	въ іеромонашескомъ санѣ онъ проходилъ домѣ должность эконома при томъ же архі- ерейскомъ домѣ.	въ іеромонашескомъ санѣ онъ проходилъ должность эконома при томъ же архі- ерейскомъ домѣ.
144	13 сверху	показываетъ вѣдомость	показываютъ вѣдомости

Примѣчаніе. Въ то время, какъ печатался этотъ трудъ, мы узнали, что первый въ г. Томскѣ мужскій Успенскій монастырь находился въ Томской крѣпости на Воскресенской горѣ,—тамъ, гдѣ нынѣ Воскресенская церковь (См. Матеріалы для исторіи Томской епархін. Том. Еп. Вѣд. 1884 г., № 10).